

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

Июль — Август

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев, С. А. Арutyонов,**
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков, Л. Ф. Моногарова,
А. П. Окладников, Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Н. С. Полищук
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,**
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции **Н. С. Соболь**

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

В. П. Алексеев

АНТРОПОЛОГИЯ В АКАДЕМИИ НАУК ЗА 250 ЛЕТ

Впервые мысль о создании в России Академии наук была высказана Петром I после возвращения из-за границы, где он провел 1697—1698 гг.¹. Однако реализована она была, как известно, лишь много позднее: указом от 28 января (по старому стилю) 1724 г. Интерес к минеральным богатствам России и разработке недр, первоочередные задачи нарождавшейся промышленности и военного дела не заслонили от Петра других важных проблем — изучения России в естественноисторическом отношении, развития ботаники, зоологии, физики, химии и других, как принято говорить сейчас, фундаментальных наук². Среди них нашла свое место антропология, задачей которой в то время был сбор сведений о физическом типе народов России и их первоначальная систематизация, а также изучение различных уродств и отклонений от нормального развития. К исследованию уродств Петр всегда проявлял большой интерес. Известная коллекция человеческих уродов, собранная Ф. Рюйшем в Голландии, была куплена по его личной инициативе, и, пожалуй, с нее нужно начать историю того отдела сначала в Кунсткамере, а затем в Музее антропологии и этнографии, который посвящен биологии человека³.

В 1737 г. В. Н. Татищев составил вопросник⁴, посвященный истории и географии России, который включал, однако, не только географические и исторические вопросы, но и вопросы, касающиеся коренного населения, местных обычаяев и обрядов, а также физических особенностей «инородцев». Разосланный Академией наук как административным лицам, так и многочисленным любителям естествознания в разных уголках нашей страны вопросник, несомненно, стимулировал научную работу, заставляя обращать внимание на такие явления, которые прежде оставались за пределами интересов местных исследователей. К сожалению, ответы на вопросы не были опубликованы и сохранились лишь частично в архивах, но и в первоначальном виде они служили ориентиром в этническом и расовом разнообразии населения Российского государства.

С самого начала организации Академии наук материалы такого рода стали собирать и все академические экспедиции в разных районах страны. Особенно велик вклад участников Первой и Второй академических экспедиций, охвативших своими исследованиями огромную область, практически территорию всей Северной Азии. Участники этих экспедиций — выдающиеся натуралисты и историки — работали в исключительно трудных условиях с замечательным энтузиазмом и полной отдачей сил и оставили большой след в истории русской науки на этот раз уже не только в виде огромных материалов, сохранившихся в архивах, но и в многотомных опубликованных описаниях путешествий и региональных

¹ Б. В. Левшин, Создание Академии наук в России, «Природа», 1974, № 1.

² Об этом см. В. И. Вернадский, Первые годы Академии наук, «Природа», 1973, № 9.

³ Историю и описание коллекций см.: В. В. Гинзбург, Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры, «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР» (далее — «Сб. МАЭ»), т. XIV, М.—Л., 1953.

⁴ О разносторонней деятельности В. Н. Татищева и его вопроснике см. Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861.

монографиях. Для антропологического изучения народов нашей страны особенно важны наблюдения И. Гмелина в Южной и Восточной Сибири, С. П. Крашенинникова на Камчатке и участников экспедиции В. Беринга на Камчатке и на Командорских островах⁵.

Однако эта большая и важная работа, по существу составлявшая необходимый этап в истории науки, не была оформлена организационно. Антропология еще не осознавалась как самостоятельная наука, антропологические сведения собирались наряду с этнографическими и историческими. Это был период предыстории антропологии в Академии наук, период накопления первых эмпирических, еще разрозненных наблюдений, начавшийся анкетой В. Н. Татищева и академическими экспедициями и продолжавшийся приблизительно до середины прошлого столетия.

У начала второго периода истории антропологии в Академии наук стоит громадная фигура К. М. Бэра — необычайно разностороннего ученого, сравнительного анатома, палеонтолога, эмбриолога, ихтиолога, географа, археолога, историка, внесшего существенный вклад и в антропологическую науку. Многочисленные самостоятельные исследования К. М. Бэра посвящены разным вопросам антропологии⁶, но еще большее значение имела его организационная деятельность, в результате которой антропология впервые оформилась в России как особая наука со своими методами и определенным предметом исследования, получила официальное признание в Академии наук. Таким официальным признанием было переименование Анатомического кабинета Академии в Антропологический кабинет после того, как К. М. Бэр, став академиком, начал заведовать этим кабинетом.

Но дело было не только в номинальном появлении антропологии в списке академических дисциплин, а в активизации антропологической работы, выразившейся в исследованиях самого К. М. Бэра и непрерывном пополнении антропологических, прежде всего краниологических коллекций. Мало интересуясь изучением современных ему народов России, К. М. Бэр тем не менее заботился о сборе черепов представителей населявших ее народов, направлял деятельность местных энтузиастов, поощрял раскопки, проводившиеся работниками немногочисленных тогда краеведческих музеев, закупал краниологические коллекции за границей. Замкнутый человек, К. М. Бэр был полностью занят своими обширнейшими исследованиями в разных областях науки; он писал преимущественно по-немецки и до конца своих дней не овладел вполне русским языком. У него не осталось учеников, и антропологические исследования в Академии после его смерти прервались на два десятилетия. Однако краниологические коллекции продолжали расти. В 1850 г. в Антропологическом отделе было, например, немногим более 200 черепов представителей народов России и других стран⁷, на рубеже XIX—XX вв.— больше тысячи⁸. Следует отметить и роль К. М. Бэра в организации экспедиций Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и по Юго-Восточной Азии.

Дальнейшее организационное укрепление антропологии было также связано не с исследовательской, а с музейной деятельностью. В 1878 г. Антропологический кабинет было решено слить с Этнографическим и на этой базе создать Музей антропологии и этнографии. Принятое решение было проведено в жизнь более чем через 10 лет, и первая экспозиция

⁵ О наблюдениях последней экспедиции см.: Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, М.—Л., 1946.

⁶ Наиболее полную характеристику творчества и биографию К. М. Бэра см.: Б. Е. Райков, Карл Бэр, его жизнь и труды, М.—Л., 1961; П. Г. Светлов, Т. А. Лукина, Академик Карл Бэр, «Природа», 1974, № 1.

⁷ К. Ваег, Über den Zustand und die Geschichte des Anatomischen Kabinets der Akademie, «Сб. МАЭ», т. I, вып. VII, СПб., 1904 (посмертная публикация).

⁸ Ю. В. Людевик, Список черепам краниологической коллекции Музея антропологии и этнографии, «Сб. МАЭ», т. I, вып. VII, СПб., 1904.

нового музея открылась лишь в 1891 г. В ней среди археологических и этнографических коллекций большое место занимали и антропологические экспонаты.

Итак, во второй период своего развития в Академии, который можно назвать организационным, антропология оформилась как самостоятельная наука, стали ясны ее основные задачи, обозначился круг проблем, были опубликованы первые оригинальные антропологические исследования. Этот период, начавшись деятельностью К. М. Бэра, закончился примерно в конце прошлого века открытием академического Музея антропологии и этнографии.

Третий и последний дореволюционный период в истории развития антропологии в системе Академии наук не выдвинул таких ярких фигур, как К. М. Бэр, но ознаменовался расширением круга специалистов, а главное — расширением границ исследовательских работ. Проводилось исследование современного населения, возник интерес к использованию антропологических данных в исторических целях (такие возможности осознавал еще К. М. Бэр), изучались морфологические вариации и т. д. В этот период в Петербурге выдвинулся ряд специалистов, которые начали самостоятельные исследования в области антропогенеза, расоведения и морфологии человека: Ф. К. Волков, С. И. Руденко, Д. А. Золотарев, К. З. Яцута, Г. А. Бонч-Осмоловский. Эти ученые продолжали свою исследовательскую деятельность и после Великой Октябрьской социалистической революции. Диапазон их работ, к сожалению, не был полностью отражен в единственном печатном органе Академии наук, помещавшем антропологические статьи, — «Сборнике Музея антропологии и этнографии». В нем были опубликованы лишь сравнительно-анатомические исследования К. З. Яцуты. Подавляющее же большинство законченных исследований напечатано в виде кратких рефератов в трудах, издававшихся Русским антропологическим обществом при Петербургском университете⁹, а также на страницах издававшегося с 1900 г. Московским университетом «Русского антропологического журнала».

Важность третьего периода истории антропологии в системе Академии наук состоит в том, что только на протяжении этого периода во всей широте выявились исследовательская антропологическая тематика, а также связи антропологии со смежными науками — этнографией, историей и археологией, медициной, сравнительной анатомией; приобрели определенные контуры методологические и методические установки антропологической науки. Если первый период, как уже говорилось, был периодом накопления материалов и самой первой их систематизации, а второй период — периодом организации, оформления антропологической науки как самостоятельной дисциплины, то третий период, начавшийся в конце прошлого века и продолжавшийся до Великой Октябрьской социалистической революции, мы вправе обозначить как период развития антропологии и шире, и глубже.

После Великой Октябрьской социалистической революции антропология в системе Академии наук развивалась в тесной связи с аналогичными исследованиями в других научных учреждениях. Основные этапы развития советской антропологии в целом неоднократно освещались в различных статьях¹⁰. В этих статьях, а также в общих работах по истории советской антропологии была сделана попытка наметить периоди-

⁹ О нем см.: Г. Ф. Дебец, Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (Петербургская и Московская школы), «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. 85, М., 1963.

¹⁰ Наиболее полный исторический обзор см.: В. В. Гинзбург, Антропология в Академии наук, ТИЭ, вып. IV, т. 94, М., 1968; см. также В. П. Якимов, Антропологический отдел Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, «Архив антропологии, гистологии и эмбриологии», 1964, № 3.

зацию этой отрасли знания в нашей стране. Г. Ф. Дебец в статье, написанной к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, выделил три этапа в развитии антропологии в нашей стране в советское время ¹¹. Через 10 лет, приняв эти три этапа, я пытался наметить контуры четвертого ¹². Сейчас об этом четвертом этапе можно говорить с гораздо большей определенностью. В соответствии с выделенными четырьмя этапами мы и рассмотрим вкратце историю советской антропологии в рамках Академии наук СССР.

Первый этап продолжался до 1930 г. Переломным моментом, переходом ко второму этапу послужил IV Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов, проведенный в 1930 г. в Киеве. До этого съезда антропологические исследования, как и в дореволюционный период, носили чаще всего академический характер. Д. А. Золотарев обследовал финноязычные народы Кольского полуострова и издал две монографии о саамах и карелах, С. И. Руденко опубликовал результаты обследования обских угров и проведенного под его руководством изучения антропологического состава казахов ¹³. Параллельно исследовалось население Поволжья и Якутии. Б. Н. Вишневский организовал центр по изучению групповых факторов крови и конституционального габитуса в Антропологическом отделе Музея антропологии и этнографии АН СССР. Ему принадлежит книга о происхождении человека, построенная на новейших литературных данных. Она написана в доступной неспециалистам форме и знакомит читателей с наиболее яркими палеоантропологическими открытиями тех лет и выдержала несколько изданий.

Самостоятельную палеоантропологическую работу вел Г. А. Бонч-Осмоловский. Начав специализироваться по этнографии народов Центрального Кавказа, в частности хевсур, он занялся затем археологией Крыма, которая и стала основной областью его научных интересов. В результате длительных и планомерных разведок Г. А. Бонч-Осмоловский открыл много палеолитических памятников и начал их интенсивные раскопки. В 1924 г. его работа увенчалась блестящим успехом — открытием костных остатков неандертальского человека в гроте Кийик-Коба. Были найдены кости стопы и кисти, подробно изученные Бонч-Осмоловским.

Если добавить к этому перечню работ антропологов Академии наук сравнительно-анатомические исследования К. З. Яцты, периодически печатавшиеся в разных изданиях, а также упомянуть о непрерывном росте краиологических и других антропологических коллекций в антропологическом отделе Музея антропологии и этнографии АН СССР, то обзор первого периода в истории антропологии в Академии наук можно считать достаточно полным.

На IV Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве в 1930 г. работала специальная антропологическая секция ¹⁴, где были заслушаны доклады о теоретических основах антропологических исследований в нашей стране, подвергнуты критике идеалистические и рабистские концепции антропогенеза и расоведения. В этих докладах разрабатывались основные вопросы антропологической науки под углом зрения философии диалектического материализма. Сам съезд показал стремление советских морфологов и среди них советских антропологов

¹¹ Г. Ф. Дебец, Сорок лет советской антропологии, «Сов. антропология», 1957, № 1.

¹² В. П. Алексеев, Изучение антропологического состава населения за 50 лет, «Сов. этнография», 1967, № 5.

¹³ Нет возможности в этой статье привести сколько-нибудь полную библиографию. Об основных антропологических работах этого периода см. статьи, указанные в сн. 10—12. Кроме того, см. В. П. Алексеев, Антропологические исследования в СССР, «Сов. этнография», 1964, № 4.

¹⁴ «Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов», Киев — Харьков, 1931.

революционизировать свою науку и найти новые, созвучные духу времени формы научной работы.

Съезд сыграл большую роль в организации антропологических исследований в стране в целом. В преобразованном и обновленном виде с 1932 г. стал выходить «Антропологический журнал», много внимания уделявший теории антропологии. Большое место в нем заняли систематизация высказываний классиков марксизма об эволюции органического мира, происхождении человека и человеческих расах, а также специальное изучение той части «Диалектики природы» Энгельса, которая посвящена человеку, и развитие содержавшихся там теоретических положений на основе новых конкретных материалов. В этот период в Академии наук был организован на базе Музея антропологии и этнографии АН СССР Институт антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Музей вошел в него в качестве самостоятельной организационной единицы с гораздо большим штатом сотрудников и расширенным научным планом. Антропологический отдел этого вновь организованного института провел до Великой Отечественной войны ряд комплексных экспедиций в разные районы страны — Бурят-Монголию, Полесье, Таджикистан, Туркмению. В них участвовали как старые сотрудники отдела, работавшие на протяжении первого периода, так и группа молодых специалистов, начавших в те годы свою научную деятельность — В. В. Гинзбург, Е. В. Жиров, Е. Г. Либман, Г. И. Петров, А. Н. Юзефович. Эти экспедиции изучали население по широкой морфологической программе с включением серологических тестов, что нашло отражение в монографических изданиях, посвященных метисному населению Забайкалья (коллектив авторов под руководством Г. И. Петрова), таджикам Карагеяна и Дарваза (В. В. Гинзбург), а также в серии статей, опубликованных на страницах «Антропологического журнала» в Москве.

Заметно интенсифицировалась в это время палеоантропологическая работа. Костные остатки неандертальца из Кийк-Кобы, уже упомянутые выше, были описаны в двух капитальных монографиях Г. А. Бонч-Осмоловского¹⁵. Активные и плодотворные ежегодные раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского и его учеников в Крыму привели к открытию скелетов мезолитического времени; они описаны Г. Ф. Дебецом и Е. В. Жировым. Постоянно росла и краинологическая коллекция за счет огромных материалов, поступавших из археологических раскопок в разных частях нашей страны. Именно в процессе этих планомерных и тщательных раскопок практически впервые были получены достаточно обширные серии скелетов людей разных эпох, также поступившие в Музей антропологии и этнографии и составившие начальную основу ныне огромного остеологического собрания. Их сразу же начали изучать не только в антропологическом, но и в палеопатологическом отношении, что послужило созданию временной ретроспективы для понимания хронологии возникновения многих заболеваний на территории СССР. Особо нужно сказать о работе Е. В. Жирова, в эти годы тщательнейшим образом подобравшего документацию ко всем краинологическим и остеологическим коллекциям музея и каталогизировавшего их. Это привело к интенсификации научных исследований и отразилось на качестве музейной антропологической экспозиции, в которую были включены новые оригинальные данные. Усилилась популяризаторская деятельность сотрудников Антропологического отдела, постоянно выступавших с лекциями и опубликовавших несколько популярных книг и брошюр, не говоря уже о большом числе статей в научно-популярных и общественно-политических журналах.

¹⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский, Кисть ископаемого человека из грота Кийк-Коба, М.—Л., 1941; его ж.е. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Кийк-Коба, М.—Л., 1954.

Всю эту плодотворную и разностороннюю работу прервала Великая Отечественная война. В ополчении, а также в осажденном Ленинграде погибли сотрудники Антропологического отдела Г. А. Бонч-Осмоловский, Е. В. Жиров, Г. И. Петров, А. Н. Юзефович. Антропологический отдел Института антропологии и этнографии АН СССР сразу же потерял несколько своих ведущих работников и вынужден был в послевоенные годы во многом заново налаживать исследовательскую и популяризаторскую работу.

После окончания войны начался третий период в развитии антропологии в системе Академии наук, продолжавшийся до начала 60-х годов. В 1943 г. в Москве был организован Институт этнографии АН СССР. В его состав вошел и Ленинградский институт антропологии и этнографии АН СССР вместе с музеем (как Ленинградское отделение). В рамках института был создан Отдел антропологии, к работе которого были привлечены московские антропологи, ранее сотрудничавшие в Московском государственном университете,— В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Деятельность нового отдела сосредоточилась вокруг проблем антропогенеза и расоведения, но основное внимание уделялось теоретическим вопросам этнической антропологии, т. е. изучению расогенеза в связи с этногенезом и разработке соответствующих методологических подходов к этой проблеме, а также исследованию расового состава народов СССР.

В этой статье нет необходимости перечислять все крупные мероприятия сотрудников Отдела антропологии на протяжении третьего периода, упомяну лишь о самых выдающихся. Многие из них связаны с деятельностью Г. Ф. Дебеца. В довоенные годы Г. Ф. Дебец широко обрабатывал палеоантропологические коллекции музеев СССР и составил обширную сводку данных по палеоантропологии СССР, которая была защищена им как докторская диссертация в 1941 г., но опубликована позже¹⁶. Эта капитальная работа сыграла большую роль в развертывании палеоантропологических исследований в нашей стране. В 1945—1947 гг. Г. Ф. Дебец работал на Чукотке и Камчатке, исключительно полно охватив антропологическим обследованием этнические группы коренного населения и собрав во многом уникальный соматологический и краниологический материал¹⁷.

М. Г. Левин обследовал народы Амура, а также Южной Сибири. Антропологические материалы по народам Амура, собранные в этот период, вместе с данными, полученными М. Г. Левиным в конце 20-х годов, и этнографическими и археологическими материалами этногенетического характера легли в основу его монографии, посвященной антропологии и этногенезу народов Дальнего Востока¹⁸. В ней, как и в книге Г. Ф. Дебеца 1951 г., обстоятельно разрабатываются вопросы расового анализа и использования антропологических материалов в качестве этногенетического и в более широком смысле — исторического источника. В. В. Бунак занимался в эти годы проблемами антропогенеза и сравнительной морфологии, что нашло отражение в книге о развитии черепа в процессе антропогенеза¹⁹, а также в подготовке к печати рукописи Г. А. Бонч-Осмоловского о стопе Кийик-Кобинского неандертальца. В середине 50-х годов В. В. Бунак организовал многолетнее соматологическое изучение русского населения разных районов Европейской части

¹⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, ТИЭ, т. IV, М.—Л., 1948.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, ТИЭ, т. XVII, М., 1951.

¹⁸ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, ТИЭ, т. XXXVI, М., 1958.

¹⁹ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, ТИЭ, т. XLIX, М., 1959.

СССР²⁰. Т. А. Трофимова опубликовала монографию о результатах соматологических исследований в Поволжье²¹. На протяжении 50-х годов она постепенно обрабатывала палеоантропологические материалы, доставлявшиеся Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Итоги этой работы были подведены в монографии по палеоантропологии Хорезма²².

Проводились также тщательные соматологические исследования населения зарубежных стран. Вышла в свет фундаментальная работа Н. Н. Чебоксарова по антропологии Восточной и Юго-Восточной Азии, основанная как на оригинальных соматологических и краниологических материалах, так и на обобщении литературных данных²³. В этом исследовании была предложена аргументированная схема генеалогической классификации азиатских монголоидов, сохранившая свое значение до настоящего времени. Данные по населению всех префектур Японии были обработаны и подготовлены к печати М. Г. Левиным, к сожалению, не успевшим опубликовать их при жизни; его книга по антропологии Японии вышла посмертно почти через 20 лет после того как материал был собран²⁴.

Здесь же уместно упомянуть, что на основе оригинальных региональных работ, а также большого числа трудов антропологов многих стран мира была создана капитальная коллективная монография, давшая целостную картину расовой дифференциации на разных материалах и впервые в русской литературе суммировавшая в таком объеме информацию о расовом составе народов земного шара²⁵.

В 1950 г. в Институте этнографии АН СССР в Москве была создана лаборатория пластической реконструкции во главе с М. М. Герасимовым, разрабатывавшая методику восстановления вариаций мягких тканей лица, опираясь на морфологию черепа и проводившая конкретные реконструкции исторических лиц и палеоантропологических объектов. На протяжении третьего периода М. М. Герасимов разработал методику графической реконструкции, что позволило применить его метод к масовому палеоантропологическому материалу. Результаты большой работы самого М. М. Герасимова и его сотрудников были подробно описаны в двух его книгах, а также в альбоме реконструкций²⁶.

В Антропологическом отделе Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР на протяжении третьего периода велись палеоантропологические исследования В. В. Гинзбургом, И. И. Гохманом и Б. В. Фирштейн. В. В. Гинзбург на палеоантропологическом материале разрабатывал отдельные вопросы истории расовых типов и этногенеза народов Средней Азии, готовил сводку по палеоантропологии Средней Азии. И. И. Гохман исследовал отдельные коллекции по палеоантропологии Южной Сибири и начал изучение уникальных палеоантропологических материалов из мезолитических и неолитических могильников Украины. Б. В. Фирштейн работала над проблемами палеоантропологии эпохи бронзы и раннего железа южных районов Европейской части СССР.

²⁰ «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», ТИЭ, т. 88, М., 1965.

²¹ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, ТИЭ, т. VII, М., 1949.

²² Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, М., 1959.

²³ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, ТИЭ, т. II, М.—Л., 1947.

²⁴ М. Г. Левин, Этническая антропология Японии, М., 1971.

²⁵ «Происхождение человека и древнее расселение человечества», ТИЭ, т. XVI, М., 1951.

²⁶ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949; еже, Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек), ТИЭ, т. XXVIII, М., 1955; еже, Люди каменного века, М., 1964.

Обзор этого периода в истории антропологии в Академии наук будет неполным, если не сказать о возникновении новых антропологических центров за пределами Москвы и Ленинграда. Организация новых антропологических центров в системе академий наук союзных республик дала возможность провести к концу третьего периода достаточно полную соматологическую съемку народов Советского Союза, содержащую лишь незначительные пробелы. Такие новые антропологические центры были созданы в Тбилиси (сначала в Институте экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР, затем антропологические исследования сосредоточились в Институте истории АН Грузинской ССР), в Таллине — в Институте истории АН Эстонской ССР, в Риге — в Институте истории АН Латвийской ССР, в Баку — в Институте истории, археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР, в Душанбе — в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, в Киеве — в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР. Позже, уже на протяжении четвертого послевоенного периода развития антропологии, в системе Академии наук появились группы антропологии в Нукусе — в Институте истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, в Минске — в Институте истории АН Белорусской ССР, в Алма-Ате — в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Создается сектор антропологии в Ереване — в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР. Повсеместному распространению антропологических центров мы обязаны палеоантропологическими и антропологическими исследованиями современного населения ряда областей нашей страны. Вся собранная информация была отражена в монографических публикациях и статьях, из которых особого внимания заслуживают две книги М. Г. Абдушишвили по палеоантропологии и соматологии Грузии²⁷ и исследование К. Ю. Марк по палеоантропологии Эстонии²⁸.

Переход от третьего периода к четвертому, современному, происходил незаметно, но, пожалуй, переломным можно считать период 1961—1964 гг., когда осуществлялась подготовка к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, состоявшемуся в августе 1964 г. в Москве. В процессе этой подготовки, совпавшей по времени с возрождением генетических исследований в нашей стране, наметилась основная тенденция, характерная для четвертого периода в развитии антропологии: сближение антропологических исследований с популяционно-генетическими и расширение антропологической тематики за счет изучения генетических маркеров. Это потребовало организационной перестройки экспедиций, изменения методики исследований, в какой-то мере затронуло и методологическую базу антропологической науки. Все эти новые задачи еще далеко не решены, но собранный за прошедшие 10 лет большой материал уже показывает конкретные пути достижения единства антропологических и популяционно-генетических исследований.

Первыми включили в программу обследования современного населения генетические маркеры (пока только в виде определения генов системы АВО и MN) М. Г. Левин, работавший на Чукотке, и Г. Л. Хить — на Западном Памире. И. М. Золотарева собрала обширные данные по тем же системам, включая еще степень распространения отрицательного резуса среди жителей коренных народов северных районов Сибири. Под руководством В. В. Бунака было осуществлено изучение старожильческого населения Сибири по морфологической и генетической программам с учетом популяционного фактора. Этому фактору В. В. Бунак уделял

²⁷ М. Г. Абдушишвили, К палеоантропологии Самтаврского могильника, Тбилиси, 1954; его же, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964.

²⁸ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР, ТИЭ, т. XXXII, М., 1956.

большое внимание, он наметил конкретные пути определения многих демографических характеристик на популяционном уровне, в том числе и родственной структуры популяции, и развел в нескольких работах учение о деме. Им опубликованы также подробные карты распространения генов групп крови АВО в Восточной Европе²⁹. А. А. Воронов впервые в Советском Союзе изучил распространение талассемии в Закавказье также на популяционном уровне³⁰. Это исследование потребовало освоения новых методик и разработки оригинального подхода к анализу географии генетических маркеров, так как наличие талассемии представляет собою селективную особенность популяций.

Параллельно с антропологической съемкой больших областей Советского Союза по генетически строго детерминированным признакам с простой наследственностью шло расширение морфологических программ, частично наметившееся в предшествующий период, а частично включившее принципиально новые системы. Огромную работу по изучению географии ладонного и пальцевого рельефа у народов СССР провела Г. Л. Хить, исследовавшая почти все основные этнические группы Советского Союза³¹. Дополнением к работе Г. Л. Хить является исследование Н. А. Никольской по распространению дерматоглифического узора у русских³². Широкого размаха достигло изучение одонтологических особенностей народов СССР, обязанное своим развитием А. А. Зубову. Обобщение мирового опыта по изучению этих признаков и результаты собственных исследований легли в основу двух его книг, из которых одна посвящена методическим вопросам, а вторая дает характеристику проблем этнической одонтологии в целом³³. Динамике одонтологических признаков во времени посвящена работа Н. М. Халдеевой³⁴. При всей подробности соматологической съемки народов Советского Союза на протяжении предшествующего третьего периода оставались народы и отдельные этнические группы, не изученные антропологами. Эти пробелы были заполнены в середине 60-х годов: И. И. Гохман провел антропологическое обследование кетов (собранные материалы пока не опубликованы), И. М. Золотарева — долган, нганасан, юкагиров³⁵, коллектив антропологов под руководством В. В. Бунака — русского населения Сибири³⁶. В эти же годы советские антропологи проводили работу на зарубежных территориях: Г. Ф. Дебец исключительно полно обследовал по соматологической программе народы Афганистана³⁷, И. М. Золотарева провела четыре экспедиции в Монголию и собрала данные о сома-

²⁹ В. В. Бунак, Геногеографические зоны Восточной Европы, выделяемые по факторам крови АВО, «Вопросы антропологии», вып. 32, 1969.

³⁰ А. А. Воронов, Сравнительно-гематологические исследования у некоторых народов Закавказья, Автореф. канд. дис., М., 1970.

³¹ Полученные ею материалы лишь частично отражены в нескольких статьях. См. краткую итоговую публикацию Г. Л. Хить, Дерматоглифическая дифференциация населения СССР, «Доклады советской делегации на IX МКАЭН», М., 1973.

³² Н. А. Никольская, Дерматоглифика некоторых народов Восточной Европы в связи с проблемами их происхождения, Автореф. канд. дис., М., 1974.

³³ А. А. Зубов, Основы одонтологии. Методика антропологических исследований, М., 1968; его же. Этническая одонтология, М., 1973.

³⁴ Н. М. Халдеева, Эпохальная динамика одонтологических признаков в некоторых древних и современных популяциях на территории СССР, Автореф. канд. дис., М., 1969.

³⁵ И. М. Золотарева, Юкагиры (антропологический очерк), «Этнография и историческая антропология Азии», М., 1968.

³⁶ «Русские старожилы Сибири», М., 1973.

³⁷ Материалы изданы в шести ротапринтных выпусках. См. краткие сводные публикации: Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Афганистане, «Сов. этнография», 1967, № 4; G. Debez, Recherches anthropologiques en Afghanistan, «Proceedings of the VIII International Congress of anthropological and ethnological sciences», vol. I, Tokyo — Kyoto, 1968. Все ротапринтные выпуски переведены и изданы в США: G. Debez, Physical anthropology of Afghanistan, «Russian translation series of the Peabody Museum of archaeology and ethnology, Harvard University», vol. V, № 1, Cambridge, Mass., 1970.

тологических особенностях и группах крови основных территориальных подразделений монголов³⁸. М. Г. Абдушлишили, А. А. Зубов, Н. Н. Чебоксаров работали в Индии³⁹, на территории Китая — Н. Н. Чебоксаров⁴⁰.

Не менее разнообразными на протяжении последнего периода по характеру использованных материалов и проблематике были исследования в области антропогенеза и палеоантропологии, а также примыкающие к ним немногочисленные работы по расовой морфологии. Первое место среди них, бесспорно, занимает монументальный труд о происхождении человека, подготовленный коллективом специалистов под руководством В. В. Бунака⁴¹. Морфологические аспекты проблемы антропогенеза рассмотрены в нем с почти исчерпывающей полнотой. Отдельные аспекты сложного вопроса о происхождении человека и формировании человека современного вида в связи с расообразованием освещаются в двух сборниках, авторы которых широко использовали палеоантропологические и археологические материалы, сравнительно-морфологические данные о возрастной изменчивости и рентгеноанатомические наблюдения⁴². К этим работам по характеру использованных данных и подходу к проблеме примыкает исследование Ю. Д. Беневоленской о вариациях затылочной кости у представителей разных расовых типов и частично в филогенетической динамике⁴³. В ряде больших работ дается конкретная палеоантропологическая характеристика населения отдельных областей и эпох на территории Советского Союза. Отмечу монографию И. И. Гохмана о мезолитическом и неолитическом населении Украины⁴⁴, книгу В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой, содержащую полную сводку уже опубликованных и оригинальных материалов по палеоантропологии Средней Азии⁴⁵ и содержательное исследование М. С. Великановой по палеоантропологии Молдавии, пока полностью, к сожалению, не опубликованное⁴⁶.

Активно работали на протяжении последнего десятилетия антропологи периферийных антропологических центров. Они также включили в программу своих исследований ряд генетических маркеров и расширили морфологическую часть программы за счет одонтологических признаков и вариаций кожного рельефа. Постоянно обрабатывается палеоантропологический материал, и таким образом восстанавливается картина динамики антропологических комплексов во времени. Разрабатываемые проблемы находят отражение и в печати, хотя большая часть собранных данных пока еще не опубликована. Нужно назвать книгу М. Г. Абдушлишили по палеоантропологии Грузии⁴⁷, книгу О. Исмагулова по

³⁸ И. М. Золотарева, О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебеца), «Сов. этнография», 1971, № 1; ее же, Генеографическая характеристика Монголии по системе крови АВО, «Сов. этнография»; 1972, № 6.

³⁹ Н. Н. Чебоксаров, А. А. Зубов, *The main problems of the ethnic anthropology in India*, Moscow, 1967, М. Г. Абдушишили, Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индо-средиземноморской расы, «Сов. этнография», 1972, № 6.

⁴⁰ Н. Н. Чебоксаров, К этнической антропологии Южного Китая, «Сов. этнография», 1973, № 5.

⁴¹ «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», ТИЭ, т. 92, М., 1966.

⁴² «Проблемы эволюции человека и его рас», М., 1968; «Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии», М., 1973.

⁴³ Ю. Д. Беневоленская, Морфология затылочной области черепа, Автореф. канд. дис., М., 1972.

⁴⁴ И. И. Гохман, Население Украины в эпоху мезолита и неолита, М., 1966.

⁴⁵ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972.

⁴⁶ М. С. Великанова, Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья, Автореф. канд. дис., М., 1970.

⁴⁷ М. Г. Абдушишили, К краниологии древнего и современного населения Кавказа, Тбилиси, 1966.

палеоантропологии Казахстана⁴⁸, монографии Г. П. Зиневич и С. И. Круц об антропологических особенностях населения Украины в эпоху бронзы⁴⁹, книгу А. Г. Гаджиева, на популяционном уровне исследовавшего основные этнические группы Дагестана⁵⁰, книгу К. Ю. Марк по соматологии финно-угорских народов⁵¹ и большое комплексное исследование Р. Я. Денисовой, посвященное как древнему, так и современному населению Латвии и опубликованное пока в виде краткого реферата⁵².

Сотрудники антропологических учреждений Академии наук СССР принимали участие во многих международных мероприятиях — симпозиумах, совещаниях, конгрессах. Не имея возможности все их перечислить, остановлюсь лишь на Международных конгрессах антропологических и этнографических наук. На V конгрессе в Филадельфии в 1956 г. советскую антропологию представлял Г. Ф. Дебец; на VI конгрессе в Париже в 1960 г.— М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. VII конгресс состоялся, как уже упоминалось, в 1964 г. в Москве, и в нем принимали участие практически почти все советские антропологи. На VIII конгрессе в Токио в 1968 г. от Академии наук СССР выступали с докладами М. Г. Абдушелишвили, Г. Ф. Дебец, И. М. Золотарева и О. Имагулов, на IX конгрессе в Чикаго в 1973 г.— М. Г. Абдушелишвили, В. П. Алексеев, Р. Я. Денисова и О. Имагулов.

Наш по необходимости краткий обзор разрабатываемой антропологическими центрами тематики показывает ее широту, большой объем накопленной информации. Антропологический материал рассматривался в связи с этногенетическими проблемами, а также с целью выявления микрэволюционных закономерностей динамики человека современного вида. Небесполезно поэтому перечислить ключевые для дальнейших исследований проблемы, контуры которых вырисовываются уже сейчас. В литературе предшествующих лет большое внимание уделялось выявлению специфики человека как существа социального, но конкретно-социальные факторы антропогенеза и особенно расоведения, мало изучены; между тем без такого исследования наше понимание динамики физического типа человека и расогенетических процессов, конечно, нельзя считать полным. При той огромной роли, которую играют морфологические признаки в установлении генетической преемственности и расовой дифференциации, характер их генетической детерминации приобретает первостепенное значение; однако до сих пор в этом вопросе нет ясности, и поэтому изучение морфогенетических аспектов изменчивости человека представляет собой проблему огромной важности. С этой задачей связывается задача получить полную картину изменчивости расовых признаков в эмбриогенезе и в процессе возрастной динамики. Расширение репертуара признаков за счет новых исследуемых морфологических систем и генетических маркеров изменило характер подхода к установлению генеалогических взаимоотношений групп, базировавшемуся раньше только на морфологии, и поэтому на очереди стоит создание новой таксономии; под этим подразумевается как разработка процедуры таксономического анализа, так и создание соответствующей теории. Только после этого можно будет извлекать из изучения генетических маркеров всю

⁴⁸ О. Имагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970.

⁴⁹ Г. П. Зиневич, Очерки палеоантропологии Украины, Киев, 1967; С. И. Круц, Население территории Украины эпохи меди — бронзы (По антропологическим данным), Киев, 1972.

⁵⁰ А. Г. Гаджиев, Антропология и генетика популяций Дагестана, Махачкала, 1971.

⁵¹ К. Марк, Zur Herkunft der Finnisch-Ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie, Tallinn, 1970.

⁵² Р. Я. Денисова, Антропология древних и современных балтов, Автореф. докт. дис., М., 1973.

полноту исторической информации. Популяционная структура в СССР, как и в других странах, разрушается на наших глазах — это закономерный демографический процесс; следовательно, совершенно необходим полный охват исследованием еще сохранившихся популяций. Наконец, есть большая потребность в инвентаризации и систематизации всех накопленных по антропологическому составу населения мира данных, потому что без такой систематизации ориентироваться в них становится все труднее.

Таковы основные вехи истории антропологии в Российской Академии наук и Академии наук СССР за 250 лет, таковы главные итоги деятельности русских и советских антропологов, работавших в академических учреждениях за это время, таковы, наконец, ближайшие перспективы исследований академических антропологических центров.

250 YEARS OF PHYSICAL ANTHROPOLOGY IN THE ACADEMY OF SCIENCES

Two major stages may be distinguished in the history of anthropology in the Academy of Sciences, the boundary between them being the Great October Socialist Revolution. The pre-Revolution stage comprises three periods: during the first (from the second quarter of the XVIIIth century to the middle of the XIXth century) primary data on the physical types of Russia's peoples were amassed; in the second (from the middle to the end of the XIXth century) anthropology as a science received a definite status within the Academy's organization; the third (from the close of the XIXth century up to the 1917 October Revolution) was a period of full-scale anthropological research. The second stage, i. e. that of Soviet anthropology, comprises four periods: the first, ending in 1930, is a period of research carrying on (both as to form and as to content) the tradition of the final pre-revolutionary period; during the second (1930 to 1941) — the theoretical foundations of Soviet anthropology were being intensively worked out; the third (from 1943 up to the sixties) is a period of active development of anthropological research in conformity with the principles elaborated in the second period and a wide-scope study of the anthropological composition of the Soviet population; the fourth (from the early sixties and up to the present) is a period of interpenetration and amalgamation of anthropological and population-genetic research.

Л. М. Дробижева

ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ)

Методологические основы познания природы национальных отношений были заложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. В произведениях В. И. Ленина и его соратников, партийных документах и выступлениях деятелей партии и правительства мы находим принципиальные положения теории и анализ практики национальных отношений. Что же касается нашей обществоведческой литературы, то до конца 50-х годов эта проблема ставилась преимущественно в общих работах, посвященных теории наций, и лишь с 60-х годов стали появляться специальные монографии, посвященные национальным отношениям¹. Однако ощущался известный разрыв между теоретической разработкой национальных проблем и конкретным освещением их отдельных аспектов.

Изучались главным образом межреспубликанские отношения в сфере политики, экономики и культурные связи. Такой подход практически исключал анализ национальных отношений как отношений межличностных, и в литературе обычно выпадал из рассмотрения их социально-психологический аспект. Между тем, обдумывая решение национальных проблем в России, В. И. Ленин подчеркивал необходимость учета той психологии, «которая особенно важна в национальном вопросе»², и обращал внимание на роль такого социально-психологического явления, как взаимодоверие между народами³.

Социально-психологические аспекты межнациональных отношений стали предметом самостоятельного рассмотрения только в самое последнее время. При этом наиболее интересные наблюдения были сделаны не в работах, специально посвященных национальной психологии⁴, а в работах социологического характера. И прежде всего здесь надо отметить монографию Э. А. Ваграмова⁵ и яркие научно-публицистические статьи И. С. Кона⁶.

Возможности анализа межличностных национальных отношений значительно расширились в последнее время благодаря активизации пси-

¹ См., например: И. Е. Кравцов, Развитие национальных отношений в СССР, Киев, 1962; М. С. Джунусов, О диалектике развития национальных отношений в период строительства социализма и коммунизма, М., 1963; Н. А. Джандильдин, Коммунизм и развитие национальных отношений, М., 1964; Л. И. Куличенко, Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, М., 1972, и др.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 234.

³ Там же, т. 45, стр. 240.

⁴ См.: С. М. Арутюнян, Нация и ее психический склад, Краснодар, 1969; Н. Джандильдин, Природа национальной психологии, Алма-Ата, 1971, стр. 146, 152.

⁵ Э. А. Баграмов, Национальный вопрос и буржуазная идеология, М., 1966.

⁶ См.: И. С. Кон, Национальный характер — миф или реальность, «Иностранная литература», 1968, № 9; его же, Психология предрассудков, «Новый мир», 1966, № 9; его же, Диалектика развития наций, «Новый мир», 1970, № 4; его же, К проблеме национального характера, в кн.: «История и психология», М., 1971.

хологической науки и усилию внимания к проблеме личности в социологической литературе?

Социально-психологические аспекты национальных отношений представляют непосредственный интерес для этнографов. Включение этого научного направления в поле зрения этнографов обосновано самим ходом развития этнографической науки.

Межэтнические отношения в широком понимании как культурные взаимодействия всегда привлекали внимание этнографов⁸. Что же касается психологических моментов в этнических контактах, то этнографы, изучая народы, находящиеся на ранних стадиях социально-экономического развития, отмечали, что дружественный или враждебный характер отношений с соседями оказывал влияние на внутреннюю жизнь народов.

В современном мире культурные контакты становятся еще более интенсивными, и характер взаимоотношений народов по сей день способен стимулировать или в известной мере затормозить этот процесс. Вспомним в связи с этим замечание В. И. Ленина: «Без взаимодоверия ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»⁹. Интерес к этнопсихологическим проблемам повысился также в связи с тем, что этническая специфика все чаще сохраняется преимущественно в этническом самосознании, национальных ориентациях, в «манере понимать вещи». К числу важных задач этнопсихологии, как справедливо отметили В. И. Козлов и Г. В. Шелепов, можно отнести и изучение установок людей на межэтническое общение¹⁰.

В изучении психологических аспектов национальных отношений в отечественной науке наметилось следующее разделение: теория национальных отношений, выступающая методологической основой конкретного изучения психологии общения этнических групп, разрабатывается философской наукой. Сами же национальные отношения на личностном уровне — это пограничная или даже общая исследовательская зона двух научных направлений — этносоциологии¹¹ и этнопсихологии.

Особенность социально-психологических аспектов межэтнических отношений состоит в том, что конкретное их исследование возможно только через личность (через анализ межличностного общения), и в этом их отличие от исследования межэтнических отношений в широком понимании.

Социологическое изучение межличностных национальных отношений на материалах народов СССР началось в нашей стране сравнительно недавно. Прежде всего оно стало одним из направлений развернувшихся этносоциологических исследований в Институте этнографии АН

⁷ См.: А. Г. Ковалев, Психология личности, М., 1970; А. А. Бодалев, Восприятие человека человеком, Л., 1965; В. А. Ядов, Некоторые методологические предпосылки эмпирического исследования социальной обусловленности общественного сознания, в кн.: «Человек и общество», Л., 1966; И. С. Кон, Социология личности, М., 1967; Б. А. Грушин, Мнение о мире и мир мнений, М., 1967; «Проблема человека в современной философии», М., 1969; «Личность и ее ценностные ориентации», «Информационный бюллетень» (Научный совет АН СССР по проблемам конкретно-социальных исследований), М., 1969, № 39.

⁸ См., например: И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, М., 1966; его же, Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера, «Сов. этнография», 1970, № 1; Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964; ее же, Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии, «Сов. этнография», 1972, № 5.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

¹⁰ В. И. Козлов, Г. В. Шелепов, Национальный характер и проблемы его исследования, «Сов. этнография», 1973, № 2, стр. 82.

¹¹ В отечественной социологии это направление нередко называют социологией национальных отношений, а в зарубежной — социологией этнических отношений.

СССР¹². Межличностным отношениям уделяется внимание при исследовании интернационализации различных областей жизни народов¹³. Очень родственные этносоциологии исследования проведены Институтом истории АН Эстонской ССР под руководством Ю. Ю. Кахка¹⁴. Специально посвященные межличностным национальным отношениям работы насчитываются единицами¹⁵. Между тем этой проблемой интересуются во многих районах нашей страны, поэтому представляется целесообразным остановиться на методологии исследования социально-психологических аспектов национальных отношений.

* * *

Людям не часто приходится вступать в контакты только как представителям этнических групп, только в связи с национальными интересами. Но при общении по различным поводам могут затрагиваться и национальные интересы, национальные чувства, которые способны привносить определенные мотивы в деятельность людей. Контакт между людьми разных национальностей происходит на основе сформировавшейся установки принятия или непринятия, нейтралитета и т. д. Сложившиеся отношения или события, затрагивающие интересы этнических групп, возбуждают определенные настроения, в той или иной мере присущие в данный момент народу.

Механизм духовной деятельности, связанный с взаимоотношениями этнических общностей, и привлекает наше внимание. Эта духовная деятельность находит проявление в представлениях, мотивах, установках, настроениях и поступках людей. Стимулируют их те потребности и интересы, которые появляются при межэтническом общении.

Известно, что психические свойства, процессы и состояния могут быть охарактеризованы как деятельность мозга, или как отражение внешнего мира, или с точки зрения их социальной обусловленности¹⁶. В объективной реальности все эти стороны неразделимы, но изучаться они могут самостоятельно. И если психофизиологов привлекают прежде всего сами процессы, происходящие в мозгу (различение, выбор, отношение), или состояния (внимание, настроение и т. д.), то социальных психологов интересуют эти процессы и состояния в системе социальных связей. Поэтому и объектом исследования становится не индивид, а личность. Заметим, социолога, в том числе этносоциолога, интересуют именно психические процессы и состояния, их социальная обусловленность, в то время как этнопсихолога и часто этнографа — психические свойства, «национальная окраска» в общении, распространенная у данного народа. Мы

¹² Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования, «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования), «Сов. этнография», 1972, № 3; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР», М., 1973, и др.

¹³ См., например: А. И. Холмогоров, Интернациональные черты советских наций, М., 1970; Л. Ленсман, Конкретно-социологические исследования партийной идеологической работы в Эстонской ССР, «Проблемы научного коммунизма», вып. II, М., 1969; Э. С. Менабашвили, И. А. Ломатадзе, А. Ш. Вачейшвили, Национальные отношения в социальной структуре коллектива промышленного предприятия, в кн.: «Теоретические вопросы социалистического интернационализма», вып. I, М., 1968; В. Говорущенко, Л. Выханду, Ю. Кахк, А. Кэлам, Опыт применения корреляционного и факторного анализа в социологическом исследовании межнациональных отношений, «Информационный бюллетень» (Научный совет АН СССР по проблемам конкретно-социальных исследований), М., 1968, № 9.

¹⁴ Ю. Кахк, Черты сходства, Таллин, 1973.

¹⁵ См.: Ю. В. Арутюнян, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, «Вопросы философии», 1969, № 12; Л. М. Дробижева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки, «Сов. этнография», 1971, № 3; А. А. Сусоколов, Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты, «Сов. этнография», 1973, № 5.

¹⁶ См. С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957.

согласны с теми, кто считает, что вряд ли есть качества или свойства, присущие только одному народу. Но своеобразие сочетания их и степень выраженности составляют особенности психики этнических общностей.¹⁷

В поле нашего зрения прежде всего та область психики, для которой характерна деятельность, проходящая через разум. Для иллюстрации приведем слова из выступления Нильса Бора на конференции, посвященной мирному применению ядерной физики. Обращаясь к ученым мира, знаменитый физик говорил: «Свободное признание различий и замена враждебности между народами чувством, позволяющим осознать, что они дополняют друг друга,— вот путь примирения между странами»¹⁸. Даже если такого открытого осознания не происходит, то разум, «взвешивая» предшествующий опыт, направляет отношения между людьми, формируя их установки и мотивы поступков.

Но, как известно, не вся психическая деятельность человека «контролируется» разумом, например реактивные, адаптивные способности, эмоциональный настрой личности — это уже элементы биopsихики. В процессах различения, выбора, готовности действовать в ходе национальных контактов они играют некоторую, отнюдь не первостепенную, роль. Хотя мы нередко говорим об иррациональности национальных чувств и применяем термин «национальные предубеждения», все же дальнейший анализ покажет нам, что национальные взаимоотношения людей решающим образом определяются разумным подходом, зависящим от объективных обстоятельств.

Обращая внимание на психические явления, мы не упускаем из поля зрения того, что межэтнические отношения проявляются в поступках. Это достаточно очевидно. Но довольно часто даже среди ученых приходится встречаться с сомнениями относительно необходимости изучать то, что «человек думает», как внутренне «реагирует» на окружающее. «Кто вам о себе расскажет? Человек думает одно, а поступает по-другому», — не раз говорили во время дискуссий. Такая точка зрения немало мешала развитию социально-психологических исследований, хотя теоретически все были знакомы с ленинской теорией отражения и могли понять, что судить о национальных отношениях (как и о всех других видах психосоциальных отношений) только по поступкам людей означает ограничить роль сознания в человеческой деятельности и повторить ошибки, свойственные бихевиоризму.

Советский психолог А. Г. Коломенский очень образно сравнил мир человека с айсбергом, в котором внешние проявления, его поступки — лишь верхняя, надводная часть¹⁹. Психическая деятельность людей не всегда реализуется в визуально наблюдаемых действиях. У человека вообще может не возникнуть потребности проявлять те или иные убеждения, мнения, установки, но тем не менее они существуют. При одинаковых поступках люди порою испытывают разные чувства, преследуют разные цели и задачи. Безразлична ли нам скрытая психическая деятельность? Безусловно, нет. В конечном итоге психические процессы и состояния находят свое выражение, причем даже в таких явлениях, которые, казалось бы, наиболее удалены от психики. Ф. Энгельс, например, обращал внимание на значение духовного состояния немецкого народа, его умонастроений с середины XVII до середины XIX в. для развития экономики Германии. В письме В. Боргиусу он писал: «...Смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина, обусловленные жалким экономическим положением Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в пietизме, затем в сентиментальности и в рабском пре-

¹⁷ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 85.

¹⁸ Макс Борн, Моя жизнь и взгляды, М., 1973, стр. 81.

¹⁹ А. Г. Коломенский, Человек среди людей, М., 1973.

смыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику»²⁰.

Мощными стимуляторами выступают национальные чувства, мнения и настроения в социально-политических отношениях, в национально-освободительном движении, в деятельности, направленной на развитие молодых государств. История знает примеры, когда национальные отношения на межличностном уровне шли вразрез с открытыми проявлениями национальных отношений на межгосударственном уровне, симпатии между народами сохранялись и в условиях «дипломатических» войн.

Нет оснований пренебрегать изучением мнений, высказанных «вербально» (на словах). Неважно, что они затем не приведут к каким-то поступкам. Сами высказанные мнения находят затем распространение. Требует внимания изучение не только мнений, но и настроений — они тоже не проходят незамеченными. Если даже между двумя людьми разной национальности в коллективе складываются напряженные отношения, которые связываются с национальной принадлежностью, то это может распространиться и на других. Человек не предубежденный, попадая в группу, где есть настроения национальной ограниченности, не всегда сможет сохранить свои представления²¹. Даже самые точные описания дел и поступков не все дают для понимания национальных отношений. Все сказанное отнюдь не означает попытки психологизации в одиозном значении этого термина национальных отношений. В основе национальных отношений лежат отношения социальные, но одного заявления на этот счет еще недостаточно. Остановимся далее на принципах изучения межличностных национальных отношений.

* * *

В мировой науке существует ряд принципиальных подходов к пониманию и изучению этнических взаимоотношений. Так, среди зарубежных психологов довольно широко распространен личностный подход. Сторонники такого подхода рассматривают личность как более или менее самостоятельную систему, лишь относительно зависимую от культуры (в широком понимании) и различного рода взаимодействий. Они считают, что предубеждение есть проявление чувства опасности у индивида. Однако эта концепция была подвергнута критике самими западными социологами. В частности, Дж. Симпсон и Дж. Милтон Ингер вслед за У. Маккином и Р. Сентерсом отмечали, что личность действует в той или иной ситуации, на людей оказывает влияние различие в жизненном опыте, групповая принадлежность²². Несостоятельность сторонников «психологизации» межэтнических отношений достаточно подробно раскрыта с марксистских позиций Э. А. Баграмовым²³.

Сравнительно недавно, с 40—50-х годов, в зарубежной социологии стала распространяться структурно-функциональная теория. Основные представления ее были перенесены и в область изучения межгрупповых, в том числе межэтнических, отношений. Ряд американских исследователей, в частности Г. Льюис, А. Дэвис, С. Андерсон и М. Баумэн, использовали элементы этого подхода для анализа негритянской проблемы.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175.

²¹ О влиянии коллектива на психический мир личности в последнее время написан ряд исследований. См., например: Ф. Д. Горбов, Индивидуум и группа в экспериментальной групповой психологии, «Проблемы инженерной психологии», Л., 1964; А. П. Сопиков, Влияние групп на поведение члена этой группы, «XVIII Международный психологический конгресс. Проблемы психического развития и социальная психология», т. III, М., 1967, и др. .

²² Дж. Симпсон, Дж. Милтон Ингер, Социология расовых и этнических отношений, в кн.: «Социология сегодня. Проблемы и перспективы», М., 1965, стр. 418, 420.

²³ Э. А. Баграмов, Указ. раб., стр. 106—130.

Поэтому иногда структурно-функциональную теорию называют теорией десегрегации.

Более углубленно пытаются подойти к изучению межэтнических отношений те зарубежные социологи, которые принимают во внимание влияние социально-этнической структуры контактирующих этносов. Однако они не всегда в достаточной мере последовательны. В частности, Дж. Симпсон и Дж. Милтон Ингер, отметив «значительное влияние» социально-классового положения на личность, одновременно соглашаются с В. Барбером в том, что «другие роли, по-видимому, имеют более важное значение для формирования личности»²⁴.

Немало исследователей вообще отказались от поисков какого-либо концептуального подхода к изучению межличностных отношений и ставят целью выработать определенные рекомендации для политики регулирования конфликтов в конкретных ситуациях.

Однако само накопление эмпирического материала в той или иной области научных исследований диктует необходимость обобщений. Понять многообразный исторический опыт взаимоотношений между народами, осмыслить его возможно, лишь выделив решающие звенья в цепи взаимодействующих явлений, рассматривая их в диалектической взаимосвязи.

Национальные отношения, складывающиеся между народами, являются результатом общественных условий. Так, общими для всех советских народов выступают главные характеристики социально-политической системы: социалистическая собственность на средства производства, политическое устройство общества, система морально-политических ценностей советского народа. Это факторы макросреды. Общими для всех народов в СССР выступают такие обстоятельства, как политика государства, направленная на осуществление фактического экономического и культурного равенства, политico-просветительская деятельность партий и государства, пропаганда дружбы народов, уважения ко всем нациям, к их прогрессивному прошлому и настоящему. Важное значение имеет воспитание классового, строго научного подхода к оценке истории народов.

Перечисленные общие явления и процессы в конечном итоге определяют конкретные обстоятельства и ситуацию. Они обнаруживают себя в совокупности условий, в которых живут люди всех национальностей в СССР. Действия этих обстоятельств можно было бы проследить в более или менее чистом виде при сравнительных международных исследованиях в государствах с различными общественно-политическими системами. Но таких исследований не проводилось. Однако это не значит, что мы вообще не имеем возможности оценить их значение на основе анализа исторических фактов.

Очевидно, мы обнаруживаем действие факторов макросреды в каких-то особых, может быть критических, общественных ситуациях. Так было, например, в годы Великой Отечественной войны или, например, в моменты борьбы со стихийными бедствиями.

В повседневной же жизни все общие факторы опосредуются микросредой (условия города или условия села, степень урбанизации данного района, обстановка производственного коллектива или неформального общения и т. п.). К факторам микросреды мы относим и этническую среду²⁵. Через этническую среду вступают в действие не только демографические (доля той или иной этнической группы в составе населения конкретной местности), но и ряд социально-культурных переменных, важных для межэтнических отношений. Так, например, по-разному могут складываться отношения в случаях, если контактирующие этничес-

²⁴ Дж. Симпсон, Дж. Милтон Ингер, Указ. раб., стр. 439.

²⁵ См. об этом в кн.: «Социальное и национальное», стр. 228, 283; А. Л. Суслов, Указ. раб., стр. 73, 77.

ские общности обладают заметно различающейся или, наоборот, сходной социальной структурой. Надо ли напоминать, что цветное население в США не воспринимается как равный партнер прежде всего потому, что обладает в целом «низким социальным статусом».

Что касается советских народов, то изменения в их социальной структуре, отражавшие рост экономики и культуры, несомненно, воздействовали на характер межнациональных контактов. Достаточно упомянуть, например, что отношения помохи, которую более развитые нации оказывали в прошлом отсталым народам, превратились в отношения взаимопомощи. Социальный рост народов, в еще хорошо памятные времена находившихся на низких ступенях развития, менял представления о них даже в обыденном сознании масс.

Сравнительное изучение социальной структуры контактирующих этнических групп в различных регионах страны поможет, как мы надеемся, более конкретно показать отношения в условиях общения этнических групп со сходной социальной структурой и групп с изменяющейся структурой.

От этнической среды зависит и действие культурных факторов. Даже обычные визуальные наблюдения показывают, что при прочих равных условиях контакты народов с генетически более отличающейся культурой складываются сложнее, чем у народов с близкой, родственной культурой. Имеет значение схожесть норм, обычаяев, ценностных ориентаций не только современных, но и сложившихся в прошлом под влиянием религии, а также возможность языкового общения. Однако все культурные особенности народов могут тормозить или облегчать контакты, но сами по себе не создают напряженности в отношениях.

Другое дело, когда культурным различиям придается социальное значение. Известно, например, что в Канаде за языковым конфликтом стоит социально-культурное отставание франко-канадцев. В Северной Ирландии идеологический символ — религия — всегда прикрывала экономическое и социальное неравенство ирландцев-католиков.

При этом отметим, что экономическое и социально-культурное равенство воспринимается прежде всего через конкретную среду. Для национального самочувствия казаха в Узбекистане важнее, как живут узбеки и русские, с которыми он себя непосредственно сравнивает, чем эстонцы или башкиры.

Учитывая значение микросреды, во всякое исследование так или иначе включаются отражающие ее переменные. В каждой работе набор их оказывается различным в зависимости от задач исследования.

Останавливаясь на факторах микросреды, мы не можем не упомянуть и исторический фактор. Конечно, он может быть рассмотрен и как изменяющаяся общая социально-политическая обстановка (т. е. элемент макросреды), определяющая национальные взаимоотношения. Однако, когда ведется сравнительное изучение взаимодействия разных наций в пределах одной страны в современный период, исторический фактор «схватывается» нами прежде всего через специфику культурного прошлого и предшествующий опыт контактов конкретных народов в конкретной обстановке.

Изучая, например, взаимодействие татар и русских в пределах Татарской АССР, мы учитывали тот факт, что имеем дело с генетически заметно различающимися культурами, сложившимися в прошлом в частности под влиянием разных религий. Вместе с тем татары и русские имели традиции совместного труда еще в дореволюционное время. В советских условиях эти традиции закреплялись и расширялись на благоприятной для широких кругов населения почве. При этом, расселяясь компактно, татары сохраняли прочные семейно-родственные связи.

Известно, что исторические события, даже ушедшие в далекое прошлое, нередко актуализируются позднее в сознании людей. Они способ-

ны играть роль во внутринациональной солидарности (например, геноцид для армянского народа), а также могут влиять на межнациональные отношения.

Исторический принцип в методологии исследований выступает и как генетический подход к рассмотрению национальных взаимоотношений, и как ориентир в оценке «исторических символов», с которыми мы можем встретиться в конкретных случаях национальных взаимоотношений.

Анализ конкретной обстановки не исчерпывается характеристикой микросреды. Обстоятельства микросреды, являющиеся относительно стабильными, при своем изменении в какой-то отрезок времени или по отношению к отдельным группам создают определенную ситуацию, которая обычно выступает как самостоятельный фактор, влияющий на межэтнические отношения. Память усердно предоставит каждому примеры, когда в одной стране, в условиях тёх же городов, в неизменившейся этнической среде отношения одних и тех же людей становились более напряженными, даже конфликтными, или, наоборот, заметно улучшились. Возьмите Бельгию. Еще в первое десятилетие 20-го столетия отношения валлонов и фламандцев складывались вполне миролюбиво. Затем началось значительное перераспределение сил. Ряд конъюнктурных обстоятельств привел к тому, что Валлония, которая раньше была одним из самых богатых районов, стала развиваться медленнее в промышленном отношении, а Фландрис, наоборот, наращивала экономический потенциал и в 60-х годах по доходам на душу населения даже стала обгонять Валлонию. Это обострило ситуацию, усилив конкуренцию между валлонами и фламандцами. Взаимные жалобы и споры очень скоро переросли в конфликты.

Когда люди в многонациональной среде ощущают неудачи, связанные с неблагоприятными для них жизненными обстоятельствами, они склонны переносить недовольство на национальную почву. Этот механизм перенесения, так называемая ситуация «козла отпущения», описан в литературе²⁶.

Националистические настроения могут распространяться в различных социальных слоях. В странах, где сохраняется национальное неравенство, господствующие круги общества направляют эти настроения, чтобы, как говорил В. И. Ленин, «засорить глаза» трудящихся, отвлечь их «от настоящего врага... — от капитала»²⁷.

В советском обществе нет общественных групп, заинтересованных в распространении национализма. Но в обыденном сознании у некоторых людей психологическое перенесение причин собственных неудач на других иногда встречается.

Националистические предрассудки — «явление чрезвычайно живущее», как говорил Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик». «Они, эти предрассудки, продолжают сохраняться даже в условиях, когда объективные предпосылки для каких-либо антагонизмов в отношениях между нациями давно уже перестали существовать»²⁸.

Исследователи предпринимали попытки выделить те ситуации общества, которые способствуют благоприятным межэтническим отношениям. Так, социальный психолог Г. Оллпорт пришел к выводу, что важнейшее значение для ослабления предубеждений имеют такие ситуации общества, когда: «1) Две группы обладают в ситуации одинаковым статусом, 2) преследуют общие цели, 3) зависят от сотрудничества друг с другом, а не соперничают между собой и 4) взаимодействуют при позитивной

²⁶ J. Katz, Conflict and harmony in an adolescent interracial crowd, N. Y., 1955.

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 242.

²⁸ «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева». «Коммунист», 1972, № 18, стр. 17.

поддержке властей, закона или обычая»²⁹. Видимо, целесообразно подчеркнуть, что контактирование групп со сходной социальной структурой создает основу для отношений взаимного уважения и дружелюбия. Известно немало примеров, когда равностатусный контакт или даже движение к нему вызывали взаимные опасения у представителей этнических групп (вспомним валлонов и фламандцев Бельгии). Характер отношений как раз и будет зависеть от ситуации общения, к примеру, от общих целей заинтересованности в контакте. Выделение же других ситуаций нам представляется реальным. Отметим при этом, что Советское государство на протяжении всей истории не просто поддерживало позитивные взаимодействия народов, но осуществляло как генеральную линию политику равноправия, достижения фактического экономического и культурного равенства наций, укрепления дружбы между народами. Для наших условий это скорее один из важных факторов макросреды. К ситуационным обстоятельствам надо отнести и длительность общения контактирующих групп.

В целом же мы склонны придавать довольно большое значение ситуационному фактору. Оценка ситуации общения между конкретными народами в отдельные исторические периоды позволяет дать характеристику определяющих черт в их взаимоотношениях.

Все факторы макро- и макросреды, так же как специфические ситуации, по-разному отражаются в сознании людей. Поэтому следующий важный методологический принцип изучения межэтнических отношений касается взаимодействия личности с обществом. Социологи имеют свой аспект в изучении личности³⁰, для них более характерен межличностный подход. С точки зрения изучения национальных отношений важна не способность отдельного человека к дружбе с лицом другой национальности, его раздражительность, терпимость или какие-либо другие личностные свойства, а важно установить, как те или другие типологические особенности личности влияют на взаимоотношения людей различных национальностей. Выделяются такие типологические характеристики, которые связаны с выполнением людьми тех или иных социальных ролей, а также полом, возрастом, образованием. При этом пол и возраст интересуют нас в первую очередь с точки зрения различий в жизненном опыте, наличия свободного времени, необходимого для культурного развития и т. п., и только во вторую очередь с точки зрения психофизиологических характеристик (например, особенности темперамента, выносливость и т. д.). Основное же наше внимание приковывают, естественно, социальные роли. Наиболее важной, как отмечал В. А. Ядов, «переходной» категорией, позволяющей понять ролевое поведение людей при взаимодействии с социальной системой, является интерес. В национальных взаимоотношениях люди прежде всего руководствуются социальными интересами. И национальные интересы имеют свой социальный эпицентр, служат по существу оболочкой социальных интересов. В поддержании национальных контактов, так же как и в сохранении культуры, государственности и т. д., разные социальные группы заинтересованы в разной степени³¹.

В связи с тем, что мы затрагиваем вопрос о социальном поведении личности в сфере межнациональных контактов, нам бы хотелось заметить, что попытка определить этническое поведение как «совокупность сфер общения, в которых индивид реально сталкивается с лицами или элементами культуры другого этноса»³² не совсем удачна. «Столкнове-

²⁹ См. Т. Ф. Петтигрю, «Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки, в кн.: «Американская социология», М., 1972, стр. 325.

³⁰ См. Л. П. Буева, «Социализм и формирование личности», «Философские науки», 1967, № 6, стр. 11—12.

³¹ См.: «Социальное и национальное», стр. 6.

³² А. А. Сусоколов, Указ. раб., стр. 73.

ние» еще не обязательно побуждает к действию. Добавление, что под этническим поведением следует понимать «наиболее устойчивые моменты поведения индивида, как представителя этнической группы» не вносит ясности, ибо не рассматривается сам термин «поведение». На наш взгляд, понимание поведения личности в сфере межнациональных контактов должно включать не только наблюдаемые (что, видимо, имелось в виду под словом «реальное») поступки, но и национальные установки и ориентации.

Этническое поведение в социально-психологическом плане более емкое, оно включает не только поступки, совершаемые человеком при межэтнических контактах, и отношение к элементам культуры других народов, но и поступки и ориентации в отношении собственного этноса.

Вместе с тем не следует забывать, что любой поступок лица одной национальности по отношению к представителям иной этнической группы, может считаться фактом этнического поведения довольно условно. Русский начинает дружить с грузином не потому, что осознает себя интернационалистом, а потому, что симпатизирует реальному Меликишвили, Хурцилава и т. д. Человек может устраиваться на работу в тот или иной многонациональный коллектив не потому, что он лишен национальных предубеждений, а потому, что работа в конкретном учреждении устраивает по его профессиональному интересу, зарплате и т. д.

Реально в нашей стране задача осознать себя представителем нации, осознать свое отношение к другим людям как членам иной этнической общности (мы — они) не так уж часто встает, и чем реже такая задача встает перед нами, тем лучше (сердце впервые мы ощущаем тогда, когда оно болит). Таким образом, к этническому поведению в условном значении следует отнести не только поступки и отношения людей, при которых они сами осознают себя представителями той или иной нации.

Акцентируя внимание на социальной обусловленности поведения личности в национальных отношениях, мы отнюдь не склонны преуменьшать значение индивидуального опыта и индивидуально-психических особенностей. Люди, принадлежащие к одной социальной группе, в условиях одной ситуации придерживаются иногда различных мнений; взгляды и установки у одних оказывается легче изменить, чем у других. К примеру, люди одной национальности и социальной принадлежности, отличающиеся только тем, что имеют родственников среди людей других национальностей, чаще оказываются непредубежденными в отношении к национально-смешанным бракам³³. С нарастанием степени интимности общения может увеличиваться значение индивидуально-психологических характеристик, таких, например, как темперамент, сходство реакций в ситуациях напряжения и отдыха, быстрота различительных способностей и т. п. Однако такие различия существенно никогда не определяют отношений. Вряд ли можно согласиться, например, с тем, что эмоции, как пишет А. И. Холмогоров, «являются основой для утверждения в сознании индивида положительного или отрицательного стереотипа нации, народности»³⁴. Сами же материалы, приведенные автором, дают основание связывать национальные установки с социально-культурными факторами.

Характеризуя межличностные национальные отношения, исследователи обращаются к изучению социально-психологических установок. Еще 5—6 лет тому назад термин «установка», ныне столь широко используемый в социологии и этнографии, воспринимался как директива вышестоящих учреждений. Впоследствии нередко под национальными установками понималось только отношение к межнациональному общению. И лишь в последнее время «национальные установки» стали пониматься научной общественностью более адекватно. Но все же считаем

³³ См.: «Социальное и национальное», стр. 296; Ю. Кахк, Указ. раб., стр. 96.

³⁴ А. И. Холмогоров, Указ. раб., стр. 201.

необходимым уточнить и собственную точку зрения. В книге «Социальное и национальное» и в ряде статей установки на межнациональное общение мы называли национальными установками. Это не было ошибкой. Действительно, отношение к межнациональным контактам в сфере труда, неформального общения и т. д. является одним из видов национальных установок. Однако к национальным установкам можно причислить и отношение к различным национальным ценностям, в том числе элементам собственной и иной культуры. Одной из разновидностей национальных установок является национальное или этническое самоопределение лица.

Однако не надо забывать, что отдельные национальные установки (например, отношения к национальным культурным ценностям, установки идентификации, установки на межнациональные личностные контакты) хотя и могут быть связаны между собой, но являются в то же время характеристиками различных явлений. Так, установки на межличностные национальные контакты информируют о национальных взаимоотношениях, которые влияют на этнические процессы, но не являются их элементами, их составной частью, между тем как установки этнического самоопределения характеризуют сами этнические процессы.

Именно потому, что и национальные установки, и ориентации в конкретных сферах — культуры, межнационального общения и т. д.— отражают различные явления, становятся относительно независимыми, изменение их оказывается под воздействием различных факторов, что следует учитывать при изучении межнациональных отношений.

В заключение есть основание утверждать, что в области методологии изучения национальных взаимоотношений мы продвинулись значительно заметнее, чем в методике и технике. Остается надеяться, что само осознание этого факта будет содействовать привлечению внимания к ликвидации подобного отставания.

ON THE STUDY OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERETHNIC RELATIONS (SOME PROBLEMS IN METHODOLOGY)

The article deals with methodological problems in the study of interpersonal ethnic relations. The author considers that their study demands concrete expression for the general Marxist conception of interethnic relations.

The article particularizes those factors of the macro-environment which decisively determine relations between persons of different nationalities: the ownership of the means of production, the political structure of society, the people's system of moral-cum-political values, etc.

In a concrete study the factors of the micro-environment should also be taken into account: urbanization, geographical distribution, ethnic environment, the social structure and cultural characteristics of the peoples in contact, etc.

The author examines more closely the role of the intercourse situation, notes its particular features in the USSR. The principles of interaction between the personality and society in examining interethnic intercourse are characterized.

Е. И. К л е м е н т ь е в

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В КАРЕЛИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ
КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
КАРЕЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

Для понимания закономерностей развития этнолингвистических процессов важное значение имеет изучение взаимодействия между социально-экономическими, культурно-историческими, биопсихологическими и собственно-языковыми процессами¹. Выделение внелингвистического аспекта в этнолингвистических процессах позволяет не только проанализировать влияние целого комплекса социальных факторов на языковую деятельность, которая протекает в различных речевых ситуациях, но и определить основные направления функционального развития языков и, наконец, понять результаты языковых взаимодействий.

В настоящей статье ставится задача показать распределение общественных функций карельского и русского языков у различных групп карельского городского населения, охарактеризовать масштабы распространения двуязычия.

Для решения поставленных задач привлекаются главным образом материалы конкретно-социологического обследования карел (1972 г.) и данные переписей населения 1926, 1959, 1970 гг. Количественно-качественные параметры выборочной совокупности в упомянутом обследовании были отобраны таким образом, чтобы полученные результаты можно было распространить на весь объект (все карельское городское население от 16 лет и старше).

При организации выборки применялся многоступенчатый отбор: выбор экономических районов, затем городских поселений в них, выборка по половозрастным группам и, наконец, определение лиц, подлежащих опросу. Автор использовал опыт сектора конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР² и опирался также на опыт обследования карельского сельского населения³.

При выборе районов и городских поселений учитывались особенности их социально-экономического развития, географическая рассредоточенность, расселение основных этнографических групп карел (ливвики, людики, собственно карелы), этнический состав городов и поселков го-

¹ М. Н. Губогло, Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (о социолого-лингвистических исследованиях в Сибири), «Сов. этнография», 1973, № 2, стр. 115.

² См.: Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Социальная структура сельского населения СССР, М., 1971, стр. 340—368; его же, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования), «Сов. этнография», 1972, № 3.

³ См. Е. И. Клементьев, Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на материалах сельского населения Карелии), «Вопросы методики в этнографических и этносоциологических исследованиях», М., 1970. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Ю. В. Арутюняну, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, В. С. Кондратьеву за помощь в организации исследований.

родского типа. Городские поселения выделены согласно классификации населенных мест ЦСУ СССР. Обследованы карелы, живущие в городах Петрозаводске, Кондопоге, Беломорске, Олонце и поселках городского типа (Ильинское, Гирвас, Суккозеро и Калевала), пропорционально численности проживающего в них населения.

Общий объем выборки (1150 чел.) определен расчетным путем⁴ при допустимой ошибке выборки, равной 0,05. Фактически опрошено свыше 1170 чел. В обобщенных результатах, полученных по выборочному массиву, воспроизводится внутреннее единство всего объекта как массового явления, обладающего вариацией признаков и различий. Общий объем выборки по районам и типам городских поселений распределялся пропорционально численности всего проживающего в них населения по признаку национальной принадлежности.

Отбор лиц, подлежащих опросу, в городах обычно производится по спискам избирателей, картотекам адресных столов и т. д., однако в условиях Карелии такой способ отбора не может быть признан эффективным, так как доля карел в городском населении невелика (7,7%)⁵. Для отбора опрашиваемых были использованы переписные листы Всесоюзной переписи населения 1970 г., содержащие все необходимые данные для организации выборки (пол, возраст, национальность, образование и т. д.). С учетом объема выборки по каждому поселению и численности в них взрослого населения определялся шаг отбора и составлялись так называемые основные списки опрашиваемых. Кроме того, создавалась запасная выборочная совокупность на случай, если нельзя будет получить ожидаемые сведения (отсутствие по служебным делам, переезд адресата, болезнь и т. п.). Дополнительный список составлялся по переписным листам с шагом отбора вдвое меньшим, чем при формировании основного списка. Для замены отсутствующих подбирались лица со схожими демографическими характеристиками. Как показывают произведенные расчеты, ошибка выборки находится в пределах допустимой. По переписи 1970 г. 57,5% карельского населения признали родным карельский язык⁶, а по данным исследования национальность и родной язык совпадают у 60,5% опрошенных.

Основной инструментарий исследования — специально разработанный вопросник — содержит 95 вопросов, сгруппированных в несколько блоков.

Все языковые вопросы (их 19) могут быть сведены в две группы: 1) вопросы, отражающие использование языка в семье, на производстве и в сфере духовной жизни; 2) вопросы, отражающие владение языками: фактический уровень владения карельским языком по континуму от свободного владения до полного незнания, язык раннего детства, каким языком опрашиваемый владеет свободно, какой язык он считает родным и почему, где он овладел русским языком, знание какого языка (карельского, русского, иностранного) он предпочитает совершенствовать и т. д.

Фиксация демографических, социальных и экономических характеристик населения (численность, этнический состав, динамика населения, пол, возраст, образование и социальный статус в начале трудовой деятельности и в момент опроса и т. д.), подробных сведений по структуре, численности, национальному составу семей, производственных коллективов, данных по миграции позволяет начать исследование причинно-следственных связей и зависимостей социально-культурных и этнолингвистических процессов.

⁴ Ф. Г. Долгушевский, В. С. Козлов, П. И. Полушкин, Я. М. Эрлих, Общая теория статистики, М., 1967, стр. 216, 217.

⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР», т. IV, М., 1973, стр. 17, 138.

⁶ См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 138; «Ленинская правда», 10 июня 1971 г.

Историческое развитие любого народа представляет собой сложный процесс изменения целого комплекса социально-этнических характеристик, поэтому и современные этнокультурные (в том числе и языковые) особенности несут в себе следы прошлых экономических, политических, культурных взаимодействий народов в самых разнообразных сферах национальной жизни.

Длительное и мощное влияние русского языка и русской культуры на карельскую культуру не ограничивалось структурными изменениями в карельском языке. Культурные достижения других народов становились достоянием карел именно благодаря широкому распространению русского языка. Весьма показательно, что в результате интенсивных культурных связей в настоящее время полный или частичный переход с карельского на русский язык в процессе речевой коммуникации (мена языка) стал характерной чертой речевого поведения карел-людиков⁷.

Наблюдения показывают, что у ливвиков и собственно карел случаи перехода на русский язык встречаются реже, чем у людиков.

Конкретно-социологическое исследование языковых процессов в селах Карелии показало, что одновременно с распространением двуязычия вширь происходит распространение двуязычия вглубь; русский язык постепенно становится языком внутринационального общения⁸. По материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г., свыше 95% карел в СССР свободно владеют русским языком или признают его родным⁹.

По данным переписи 1926 г., почти 76,5% городских карел назвали в качестве родного язык своей национальности¹⁰. К 1959 г. доля карел с родным русским языком возросла с 20,9 до 38,0%¹¹, а к 1970 г.— до 42,2%¹².

Одним из возможных, но не всегда обязательных итогов двуязычия является переход на другой язык. Если считать за основу языковой ассилиации этот критерий, то в результате анализа табл. I можно сделать вывод, что интенсивность языковой ассилиации в городах и сельской местности различна. Можно предположить (судя по числу лиц с родным русским языком), что в условиях города распространение двуязычия вглубь стало ведущей тенденцией уже в 50-е годы. Сближение доли лиц с родным карельским (42,2%) и русским (57,6%) языками показывает, что в настоящее время языковая ассилияция быстро распространяется вглубь¹³.

Материалы официальной статистики, как справедливо отмечают исследователи, свидетельствуют о развитии языковых процессов, но не раскрывают полностью реальную картину распределения общественных функций между контактирующими языками в разных сферах общения. Поэтому факторы, способствующие, скажем, формированию и функционированию двуязычия и языковой ассилияции, могут быть определены лишь в самом общем виде, а панорама многообразия языковой жизни и речевой деятельности остается скрытой¹⁴.

⁷ А. П. Баренцев, Случаи мены языка в речи карел-людиков, Сб. «Прибалтийско-финское языкоизнание». Л., 1971.

⁸ Е. И. Клементьев, Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения), «Сов. этнография», 1971, № 6.

⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 17, 21, 24, 26 и др.

¹⁰ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», М., 1928, т. I, стр. 115.

¹¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР», М., 1963, стр. 340.

¹² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 138.

¹³ О двух тенденциях в развитии языковых процессов см. подробнее М. Н. Губогло, Этносоциальные аспекты языковых процессов (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР), «Материалы Международного социологического конгресса, Варна», М., 1970.

¹⁴ М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы, «Сов. этнография», 1969, № 6; его же, Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе, «История СССР», 1970, № 6; В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 299—305 и др.

В приобщении карел к русскому языку решающее значение имели многовековые связи двух народов, отсутствие письменности у карел, широкое распространение национально-смешанных браков, мозаичность этнической структуры населения республики. Русский язык — это не только язык общения карел с представителями других национальностей, но и средство социально-культурного развития самого карельского народа: в настоящее время преподавание в школах, техникумах, профессионально-технических училищах, вузах ведется на русском языке. В приобщении карел к культурным ценностям и достижениям других народов ведущая роль принадлежит русскому языку.

Таблица 1

Показатели интенсивности языковой ассимиляции
(по данным переписей населения 1926, 1959, 1970 гг. *)

Родной язык	1926 г.		1959 г.		1970 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего в республике карел	100 781	100	85 473	100	84 180	100
в том числе с родным русским языком	1947	1,9	16 202	19,0	23 731	28,2
с родным карельским языком	96 625	95,9	69 129	80,9	60 361	71,7
в городах	4 753	100	26 508	100	37 596	100
в том числе с родным русским языком	995	20,9	10 066	38,0	15 882	42,2
с родным карельским языком	3634	76,5	16 366	61,7	21 652	57,6
в сельской местности	96 028	100	58 965	100	46 584	100
в том числе с родным русским языком	952	1,0	6 136	10,4	7 849	16,8
с родным карельским языком	94 991	98,9	52 763	89,5	38 709	83,1

* Источник: «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. I, М., 1928, стр. 114—116; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР», М., 1963, стр. 314, 340, 366; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, М., 1973, стр. 138.

Карелия — многонациональная республика, в ней проживают представители более 40 национальностей нашей страны. Карелы составляют всего 11,8%¹⁵. Удельный вес карел в городском населении остается достаточно стабильным (в 1897 г. доля карел в городском населении составляла 6,6%, в 1926 г.—8,0%, в 1970 г.—7,7%)¹⁶, что объясняется интенсивными миграционными процессами. Если в 1897 г. в городах проживало 1,5% всех карел, то к 1970 г. уже почти половина карельского населения сосредоточилась в городах¹⁷. Урбанизация карел привела к резкому увеличению межнациональных брачных связей. В настоящее время в браках с русскими состоит 47,4% карел, в то время как процент однонациональных браков, согласно материалам нашего исследования, равен приблизительно 38,8%.

На современном этапе карельский язык наряду с русским остается важнейшим средством внутринационального общения в городах: 38,4% карел говорят с родителями преимущественно на языке своей национальности, не менее 33% в равной мере пользуется двумя языками; с родственниками, приезжающими из села, говорят на карельском 29,9% и на двух языках—40,8%. Потенциальные возможности общения на языке своей национальности остаются достаточно высокими: практически 70% карел, живущих в городе, свободно говорит на карельском языке.

15 «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 17.

16 «Первая Всеобщая перепись населения 1897 г.», «Олонецкая губерния», тетр. 1, СПб., 1899, тетр. 3, СПб., 1904; «Архангельская губерния», тетр. 3, СПб., 1904; «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. I, стр. 115; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР», стр. 314, 340; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 138.

17 «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 17, 138.

Демосоциальные факторы и языковые характеристики
(в коэффициентах А. А. Чупрова)*

Степень знания и использование языков	Возраст	Образование	Социальное положение
Язык раннего детства	0,215	0,140	0,110
Свободно владеют языком	0,173	0,175	0,145
Степень знания карельского языка	0,152	0,096	0,102
Родной язык	0,132	0,123	0,091
Говорят с родителями	0,164	0,143	0,087
Говорят с приезжими из села	0,125	0,096	0,097
Говорят с женой (мужем)	0,109	0,132	0,110
Говорят с детьми	0,106	0,145	0,102
Говорят на работе	0,06	0,146	0,92

* О расчете коэффициента А. А. Чупрова см. В. Ю. Урбах, Биометрические методы, М., 1964, стр. 357.

В настоящей статье мы рассмотрим воздействие на языковые процессы трех важнейших социально-культурных факторов — возраста, образования и социального положения.

Изменение возрастной структуры сильнее всего сказывается на распространении двуязычия и языковой ассимиляции: коэффициент взаимной сопряженности (коэффициент А. А. Чупрова) оказался наиболее значимым для языка раннего детства, при оценке свободного владения, степени знания и выборе родного языка (табл. 2). Образование, как и социальное положение, также находится в числе факторов, способствующих росту двуязычия карел (коэффициенты А. А. Чупрова соответственно равны 0,175 и 0,145). Функции распределяются главным образом в соответствии с образованием, испытывая более слабое воздействие возраста и социального статуса. Возраст, образование и социальное положение обладают различной силой и направленностью влияния на языковые процессы.

Однако по данным табл. 2 невозможно судить о глубине двуязычия или языковой ассимиляции, о реальном распределении общественных функций между взаимодействующими языками. Восполнить этот пробел могут, очевидно, материалы конкретно-социологических обследований. Анализ данных нашего обследования позволяет выделить три возрастные группы карел, отличающиеся особенностями речевого поведения. Это в свою очередь дает возможность в какой-то мере проследить развитие карело-русского двуязычия (см. табл. 3).

1. Большинство карел старше 50 лет хорошо знает язык своей национальности. В раннем детстве все говорили на карельском языке, который они, как правило, признают родным. Хорошо владея обоими языками, многие карелы этой возрастной группы считают, что карельский язык они знают лучше. Общественные функции русского языка полнее всего реализуются в производственных контактах, карельского — в общении с сельскими жителями и родителями.

2. Карелы в возрасте 30—49 лет сравнительно хорошо владеют карельским языком. Для лиц этой группы он был основным средством общения в раннем детстве. Однако уже почти треть опрошенных из этой группы в качестве родного языка назвала русский. Примерно половина считают, что свободнее владеют языком межнационального общения или в равной мере обоими языками.

На карельском языке люди этого возраста чаще всего говорят с родителями. Функциональная «нагрузка» в общении с родственниками, приезжающими из села, распределяется между двумя языками пример-

Языковые характеристики возрастных групп (в % к каждой возрастной группе)

Знание языков	Возраст (лет)							
	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—49	50—59	60 и более
Абсолютное число опрошенных	99	137	102	164	182	317	142	28
Язык раннего детства:								
карельский	46,9	56,2	67,6	80,7	81,2	91,2	97,9	92,6
русский	49,0	38,7	26,5	16,1	14,4	6,3	2,1	7,4
оба языка	4,1	5,1	5,9	3,1	4,4	2,5	0,0	0,0
Степень знания карельского языка:								
свободно говорят	45,5	59,1	64,7	71,2	65,4	76,6	88,2	82,1
понимают, объясняются	24,2	15,3	13,7	14,7	17,0	13,5	7,6	10,7
понимают, но не говорят	15,2	12,4	10,8	10,4	11,5	7,9	3,5	3,6
не владеют	15,1	13,2	10,8	3,7	6,0	1,9	0,7	3,6
Признают родным:								
карельский	39,4	48,9	50,0	57,3	63,2	69,4	72,5	71,4
русский	55,6	48,2	47,1	32,9	30,2	22,1	16,9	25,0
оба языка	4,0	1,5	2,0	6,7	6,0	7,6	9,2	3,6
затрудняются ответить	1,0	1,5	1,0	3,0	0,5	0,9	1,4	0,0
Лучше владеют:								
карельским	7,0	5,1	5,9	11,6	7,1	15,1	22,5	32,1
русским	68,7	57,7	52,0	41,5	42,9	33,4	15,5	28,6
в равной мере обоими	24,2	37,2	42,2	47,0	50,0	51,4	62,0	39,3
Говорят с детьми:								
только на карельском	—	0,0	0,0	2,1	1,2	3,1	3,9	12,5
только на русском	—	80,0	94,4	93,1	89,8	80,5	82,0	62,5
на обоих языках	—	20,0	5,6	4,9	9,0	16,4	14,1	25,0
С мужем (женой):								
только на карельском	—	3,8	0,0	4,1	5,6	12,0	13,6	10,5
только на русском	—	82,7	83,5	78,6	77,2	64,8	61,2	68,4
на обоих языках	—	13,5	16,5	17,2	17,3	23,2	25,2	21,1
С родителями:								
только на карельском	13,1	22,0	33,3	39,5	41,0	47,7	64,6	64,3
только на русском	51,5	37,9	33,3	25,7	25,0	22,1	15,2	21,4
на обоих языках	35,4	40,2	33,3	34,9	34,0	30,2	20,3	14,3
На работе:								
только на карельском	0,0	0,7	0,0	1,8	1,1	1,9	1,4	3,6
только на русском	81,8	83,9	87,3	81,6	87,4	79,5	81,7	67,9
на обоих языках	18,2	15,3	12,7	16,6	11,5	18,6	16,9	28,5
С родственниками, приезжающими из села:								
только на карельском	11,3	20,3	20,8	29,3	25,3	35,9	41,2	50,0
только на русском	51,5	35,3	33,7	26,1	28,7	26,2	22,8	30,8
на обоих языках	37,1	44,4	45,5	44,6	46,0	37,9	36,0	19,2

но одинаково. В этой возрастной группе русский язык — важнейшее средство внутрисемейной речевой деятельности.

3. Около половины горожан в возрасте 16—29 лет слабо знают язык своей национальности. Уже в раннем детстве они постепенно переходят на язык межнационального общения. Сравнительные оценки степени владения языками, выбор родного языка также показывают, что в этой группе языковая ассимиляция распространяется главным образом вглубь. Сохраняется бытовой билингвизм, но основным средством общения во всех сферах языковых контактов становится русский язык.

В первой группе двуязычие распространяется вширь — высокая степень знания карельского языка обеспечивает устойчивость национального самосознания, что выражается в признании родным языка своей национальности. Употребление контактирующих языков в сферах общения достаточно отчетливо разграничено. Ведущей тенденцией языкового

Таблица 4

Уровень образования и языковые характеристики (в % к каждой группе)

Знание языков и их использование	Образование					
	до 4	4—6	7—9	среднее	техникум	неполное высшее и высшее
	классов					
Абсолютное число опрошенных (чел.)	67	242	351	224	150	115
Язык раннего детства:						
карельский	95,5	88,7	78,3	61,9	75,2	86,6
русский	4,5	9,2	19,4	31,4	19,5	11,6
оба языка	0,0	2,1	2,3	6,7	5,4	1,8
Степень знания карельского языка:						
свободно говорят	83,3	76,8	69,2	58,9	68,0	70,1
понимают, объясняются	9,1	10,8	15,4	17,9	14,0	18,8
понимают, но не говорят	3,0	10,4	8,5	12,9	9,3	10,3
не владеют	4,5	2,0	6,8	10,3	8,7	0,9
Признают родным:						
карельский	83,6	67,4	61,5	46,9	56,0	57,4
русский	13,4	21,5	31,1	48,2	38,7	35,7
оба языка	3,0	10,7	5,7	3,1	4,0	5,2
затрудняются ответить	0,0	0,4	1,7	1,8	1,3	1,7
Лучше владеют:						
карельским	25,4	19,8	12,0	8,5	4,0	2,8
русским	19,4	30,8	39,0	58,5	45,6	48,3
в равной мере обоими	55,2	49,6	49,0	36,2	50,3	48,3
Говорят с детьми:						
на карельском	7,0	2,2	1,2	1,0	0,8	3,0
на русском	78,9	79,9	88,4	90,7	90,1	87,9
на обоих языках	14,0	17,9	10,5	8,2	9,1	9,1
С мужем (женой):						
на карельском	16,0	15,2	6,0	3,8	3,2	2,2
на русском	64,0	58,3	75,0	83,0	80,8	79,3
на обоих языках	20,0	26,5	19,0	13,2	16,0	18,5
С родителями:						
на карельском	52,5	56,0	39,8	20,5	33,3	37,5
на русском	20,0	17,7	30,4	38,1	31,7	27,1
на обоих языках	27,5	26,3	29,8	41,4	34,9	35,4
На работе:						
на карельском	3,0	0,4	1,7	0,0	0,0	1,7
на русском	73,1	73,9	84,6	83,9	90,0	88,7
на обоих языках	23,9	25,7	13,7	16,1	10,0	9,6
С родственниками, приезжающими из села:						
на карельском	37,3	39,1	30,2	17,6	22,2	29,1
на русском	23,7	23,9	30,8	39,4	30,6	27,4
на обоих языках	39,0	37,0	39,0	43,0	47,2	43,6

развития во второй группе является проникновение двуязычия вглубь и языковой ассимиляции вширь: вместе с ростом числа карел с родным русским языком язык межнационального общения утверждается в качестве активного средства внутринациональных связей.

В третьей группе происходит постепенное выделение русского языка в качестве родного. Жизненные потребности социально-культурного развития удовлетворяются на основе языка межнационального общения.

В числе факторов, существенно влияющих на языковые процессы, оказывается образовательный уровень (см. табл. 4). В зависимости от уровня образования и языковых характеристик могут быть выделены три группы городского населения.

Таблица 5

Средний уровень образования различных половозрастных групп
(число лет школьного обучения, классов)

Пол	Возраст, лет							
	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—49	50—59	60 лет и более
Оба пола	9,4	9,6	10,2	9,7	8,6	7,2	6,9	3,7
мужской	9,1	9,4	10,0	9,4	8,5	7,1	7,7	5,0
женский	9,6	9,7	10,6	9,8	8,7	7,2	6,3	2,0

1. Карелы с образованием до 4 классов, хорошо знающие язык своей национальности и называющие его родным. При этом они свободно владеют русским языком. Эта группа горожан наиболее полно реализует в речевой практике знание языка своей национальности, не менее широко употребляя во внутронациональном и межнациональном общении русский язык.

2. При образовании 4—9 классов уже примерно каждый четвертый житель города считает родным язык межнационального общения и каждый третий свободно владеет им.

3. В группе карел, имеющих образование выше среднего, заметно сокращается доля лиц с родным карельским языком, увеличивается число лиц, свободно владеющих русским и двумя языками. Рост образования, следовательно, способствует в целом распространению двуязычия в ширь, что приводит к значительному изменению в перераспределении функциональных нагрузок контактирующих языков. Русский язык играет основную роль в общении в семье, на производстве, хотя в ряде сфер употребляются два языка (в общении с родителями, родственниками, приезжающими из сельской местности).

Важно подчеркнуть, что развитие языковых процессов тесно коррелируется с этапами общего подъема культурного уровня городского населения (табл. 5).

Социально-профессиональные группы с точки зрения их этнолингвистической характеристики отличаются друг от друга прежде всего по степени свободного владения языками: в более квалифицированных группах русский язык знают лучше и чаще пользуются обоими языками (табл. 6). Работники неквалифицированного и малоквалифицированного труда (Γ_2) имеют более устойчивые установки на национальный язык: чаще остальных групп называют родным карельский, свободнее владеют им. Языковая ассимиляция среди квалифицированных работников физического труда (Γ_1 и В) распространена столь же широко, как и среди интеллигенции. Языковые характеристики профессиональных групп находятся в прямой зависимости от возрастной структуры этих групп.

Таким образом, развитие и преобладание той или иной тенденции в языковых процессах (двуязычия или языковой ассимиляции) в известной степени определяется изменениями в социальной структуре горожан и возрастанием доли работников умственного труда. Так как производство постоянно увеличивает спрос на квалифицированных рабочих и расширяет круг работников умственного труда, языковая ассимиляция, очевидно, будет расширяться.

Специального внимания требует изучение связей и зависимостей между языком раннего детства и интенсивностью национального самосознания, оценкой свободного владения тем или иным языком и выбором родного языка, употреблением языков и психологической оценкой результатов языковых контактов.

Материалы конкретно-социологического исследования показывают, что наибольшую внутриэтническую сопряженность, выраженную в родном языке, сохраняют те, кто знание национального языка, приобретен-

Таблица 6

Социально-профессиональные группы и языковые характеристики (в % к каждой группе)*

Знание языков	Социально-профессиональные группы							
	Г ₂	Г ₁	В	Б	А ₁	А ₂	А ₃	А ₄
Абсолютное число опрошенных	246	213	178	139	144	52	83	67
Язык раннего детства:								
карельский	87,0	77,5	77,0	78,8	78,5	78,0	84,0	89,9
русский	11,4	19,7	18,5	18,2	19,4	14,0	12,3	6,1
оба языка	1,6	2,8	4,5	2,9	2,1	8,0	3,7	4,1
Степень знания карельского языка:								
свободно говорят	80,4	63,4	66,3	61,2	70,1	80,8	71,1	86,0
понимают, объясняются	9,4	18,3	14,0	18,7	14,6	3,8	15,7	8,0
понимают, но не говорят	5,3	10,8	13,5	16,5	6,3	9,6	9,6	6,0
не владеют	4,9	7,5	6,2	3,6	9,0	5,8	3,6	0,0
Признали родным:								
карельский	71,3	59,2	56,7	57,6	61,8	57,7	58,0	66,0
русский	19,4	34,3	36,0	36,0	32,6	30,8	34,6	30,0
оба языка	8,5	5,2	6,2	5,0	3,5	9,6	6,2	4,0
затрудняются ответить	0,8	1,4	1,1	1,4	2,1	1,9	1,2	0,0
Лучше владеют:								
карельским	25,5	13,6	9,6	8,6	6,3	7,7	2,4	2,0
русским	26,3	43,2	42,7	46,8	46,5	28,8	46,3	38,8
в равной степени обоими	48,2	43,2	47,8	44,6	47,2	63,5	51,2	59,2

* Условные обозначения: Г₂ — неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда; Г₁ — работники физического труда средней квалификации; В — работники физического труда высшей квалификации; Б — служащие; А₁ — специалисты среднего звена; А₂ — руководители среднего звена; А₃ — специалисты высшего звена; А₄ — руководители высшего звена.

ное в раннем детстве, реализует в самых разнообразных сферах семейного общения (табл. 7). Приобщение к русскому языку в школе, в повседневной языковой практике, в армии у них обычно не приводит к расхождению между национальностью и родным языком.

Не касаясь специального перспектив языкового развития, мы попытались с помощью создания метода проективных ситуаций выяснить языковые предпочтения. Этой цели служили следующие вопросы: «Если бы Вам представлялась возможность заняться языками, то что бы Вы предпочли?», «На каком языке Вы предпочли бы слушать радио и телепередачи?». Так как важнейшим средством внутринациональных и межнациональных (в том числе и языковых) этнокультурных связей становится русский язык, ему должно быть отдано предпочтение. Данные исследования подтвердили нашу гипотезу (табл. 8). Однако городское население, свободно владеющее русским языком, отдает предпочтение карельскому языку так же часто, как и те, кто свободно владеет карельским языком. Распространение двуязычия и языковая ассимиляция в ряде случаев как бы стимулируют, повышают интерес к знанию национального языка. Другое дело, реализуется ли эта психологическая установка.

Небезынтересно отметить, что передачи на карельском языке ориентируются на освещение событий, связанных с Карелией, ее историей, поскольку интерес проявляется прежде всего к жизни, деятельности, развитию своей этнической общности. При этом ассимилированное в языковом отношении население (с родным русским языком) свое предпочтение карельского языка часто мотивирует так: «Мне самой не надо, но пожилым слушать передачи на своем языке интересно», «Приятно слышать язык родителей, хотя я сам и не понимаю» и т. д. Мы сталкиваемся, вероятно, с нежеланием резко противопоставлять себя представителям своей национальности, с тем чувством близости, которое иногда называют «неуловимым». И чем однонациональнее среда, тем чаще предпочтение отдается «своему» языку.

Таблица 7

Взаимосвязь родного языка и характера использования языков

Знание языков и их использование	Считают родным			
	карельский	русский	оба языка	затруднялись ответить
Язык раннего детства:				
карельский	72,3	20,4	6,0	1,3
русский	14,1	80,6	3,9	1,5
оба языка	38,5	48,7	12,8	0,0
Степень знания карельского языка:				
свободно говорят	77,7	14,8	6,3	1,2
понимают, объясняются	33,7	58,1	5,8	2,3
понимают, но не говорят	14,3	79,5	5,4	0,9
не владеют	0,0	100,0	0,0	0,0
Лучше владеют:				
карельским	92,9	6,0	2,1	0,0
русским	31,8	61,2	5,4	1,7
в равной мере обоими	77,6	14,0	7,1	1,3
Говорят с детьми:				
только на карельском	95,5	0,0	4,5	0,0
только на русском	59,0	32,1	7,5	1,3
на обоих языках	90,7	6,5	1,9	0,9
С мужем (женой)				
только на карельском	95,5	1,5	3,0	0,0
только на русском	55,5	36,8	6,4	1,3
на обоих языках	83,6	9,4	6,4	0,6
С родителями:				
только на карельском	83,3	9,0	6,8	0,8
только на русском	18,1	78,3	2,5	1,1
на обоих языках	62,4	27,1	8,6	1,9
Где овладел русским языком:				
в семье	32,2	61,9	4,8	1,1
в школе	70,3	23,1	5,4	1,2
в армии	86,7	6,7	6,7	0,0
в повседневном общении	76,7	14,2	7,5	1,

Таблица 8

Родной язык и языковые предпочтения *

Знание языков	Предпочли бы совершенствовать знание языка			Предпочли бы слушать радио- и телепередачи	
	карельского	русского	иностранных	на русском	на карельском
Родной язык:					
карельский	13,7	61,1	25,2	71,3	11,5
русский	13,2	51,9	34,9	91,9	4,6
оба языка	8,3	68,3	23,3	71,4	7,1
Язык раннего детства:					
карельский	12,9	61,3	25,8	75,1	9,5
русский	15,3	48,3	36,5	91,5	6,1
оба языка	7,9	55,3	36,8	73,9	13,0
Свободнее владеют:					
карельским	13,5	75,4	11,1	63,1	17,2
русским	14,5	52,0	33,5	89,4	6,0
в равной мере обоими языками	11,7	60,6	27,7	71,8	9,5

* В таблице не отражены данные о степени владения финским языком.

В заключение считаем целесообразным еще раз подчеркнуть, что распространение двуязычия, языковая ассимиляция части карельского населения — это естественный и закономерный процесс. Поскольку потребность в русском языке возрастает, язык межнационального общения становится главным фактором культурной интеграции карельского народа, обеспечивая тем самым межпоколенную культурную преемственность.

THE EVOLUTION OF LINGUISTIC PROCESSES IN KARELIA

(A CONCRETE SOCIOLOGICAL STUDY

OF KARELIAN URBAN POPULATION)

Certain tendencies in the evolution of linguistic processes in urban localities of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic are examined in the article; the main stages and results in the development of Karelian-Russian bilingualism are ascertained. Active linguistic processes are linked with a series of various factors including the evolution of social structure in modern urban communities, changes in personality characteristics of members of the individual social and demographic groups.

Н. А. Миненко

**БРАК У РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
И СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В дореволюционной историографии существовала концепция, согласно которой до второй половины XIX в. в русском крестьянстве был распространен взгляд на брак как на дело «простого хозяйственного расчета»¹. Между тем утилитаризм в качестве ведущего принципа выбора супруга, безусловный приоритет экономических мотивов брака следует считать явлениями, свойственными социальной практике капиталистического общества. В эпоху феодализма, когда общественные отношения людей лишь частично опосредовались отношениями вещей-товаров, в структуре мотивов брака часто на первый план выдвигались моменты социально-этического порядка. Всестороннее исследование брака в интересующий нас период подтверждает этот вывод.

Обратимся, в частности, к материалам, характеризующим брак у русских крестьян и служилых людей южных районов Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Подобные локальные исследования — неизбежный этап в решении ставшей в последнее время весьма актуальной задачи — создания монографического труда по истории брака и семьи в дореволюционной России.

Без обращения к проблемам брака — одного из важнейших социальных институтов всякого общества — невозможно вести речь о воссоздании социально-психического климата феодального общества, об изучении процесса воспроизводства населения. Между тем советские специалисты, проявляя все увеличивающийся интерес к формам семьи в названную эпоху², как правило, рассматривают их вне связи с существовавшими формами брака³.

Говоря конкретно о формах брака у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в., приходится отметить почти полное отсутствие внимания к ним в работах наших сибиреведов, в том числе и в интереснейшей статье

¹ С. С. Шашков, Исторические судьбы женщины, Собр. соч., т. 2, СПб., 1898, стб. 40.

² В. А. Александров, Черты семейного строя у русского населения Енисейского края, «Сибирский этнографический сборник», т. III, М.—Л., 1961; его же, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; З. Я. Бояршикова, Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода, «Вопросы истории Сибири», вып. 3, Томск, 1967; Н. А. Миненко, Русская семья на Обском севере в XVIII — первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1971, № 6; ее же, Численность и структура русской крестьянской семьи Юго-Западной Сибири в XVIII в., «Бахрушинские чтения 1973 г.», вып. II, Новосибирск, 1973; Е. Н. Бакланова, Хозяйство крестьян Вологодского уезда в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в., Автореф. канд. дис., М., 1972; В. Д. Назаров, Ю. А. Тихонов, Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях первой половины XVII в. «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. 1, М., 1972.

³ В некоторых работах (В. А. Александров, Н. А. Миненко) затрагиваются отдельные вопросы, касающиеся форм брака.

З. Я. Бояршиновой «Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода». Дореволюционные исследователи, в частности Д. Н. Беликов, Н. А. Костров, С. И. Гуляев, Г. Н. Потанин, сумели собрать значительный материал, характеризующий брак у русских в Верхнем и Среднем Приобье в XVIII — первой половине XIX в.⁴ Особенno ценны наблюдения С. И. Гуляева над свадебными обрядами у русских, населявших в первой половине XIX в. территорию Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, и этнографические заметки Г. Н. Потанина по поводу «беглых свадеб» у поселенцев долины Чарыша. Попытки Д. Н. Беликова и Н. А. Кострова дать обобщенную характеристику «семейственного права» (в том числе форм брака) у южносибирских крестьян оказались неудачными вследствие одностороннего подбора фактов и тенденциозного их истолкования: авторы абсолютизировали отдельные уродливые явления в «домашнем быту» сибиряков, создав несправедливое, на наш взгляд, мнение, что «брачный вопрос был чуть ли не самым жгучим делом» в крае в эпоху феодализма⁵. Вместе с тем названные исследования представляют для современного специалиста источниковедческую ценность. Д. Н. Беликов и Н. А. Костров изучали местные архивы и извлекли из них целый ряд интересных документов, носивших, правда (в особенности для XVIII в.), преимущественно случайный характер.

В силу вышеизложенного исследование истории брака у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в., хотя и предполагает привлечение опубликованных дореволюционными авторами данных, но в основном может строиться лишь на архивных материалах. Главным источником при этом являются метрические книги.

Использованные нами метрические книги из коллекции Государственного архива Новосибирской области (далее — ГАНО, фонды 92, 117, 172) относятся к разным церковным приходам и к разным годам XVIII — первой половины XIX в. и имеют достаточно стабильную форму; они состоят из трех разделов (отсюда название — «метрики троекратные»), в которые соответственно занесены сведения о родившихся, сочетавшихся браком и умерших. Во второй части документа содержатся данные о месте и времени венчания; месте жительства, сословной принадлежности венчавшихся. Сообщаются имена, отчества и фамилии (иногда и возраст) жениха и невесты; сведения о том, в какой по счету брак вступал каждый из них. Указываются имена поручителей.

Необходимые данные для нашего исследования (время вступления в брак, возрастные различия у супругов, прочность браков) можно почерпнуть также из переписных и дозорных книг и исповедных росписей. Переписные и дозорные книги, хранящиеся в фонде Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов (далее — ЦГАДА), относятся к начальным годам XVIII в. Сопоставление их с данными исповедных росписей (ГАНО, ф. 92) позволяет представить явление в динамике, так как привлекались росписи за 70-е годы XVIII столетия. При всех недостатках церковной и гражданской статистики XVIII — первой половины XIX в. (постоянный недоучет жителей, искажение имен и фамилий регистрируемых, названий деревень и т. д.⁶) результаты ее обработки будут довольно близки к действительности преж-

⁴ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия), Томск, 1898; Н. А. Костров, Юридические обычай крестьян-старожилов Томской губернии, Томск, 1876; С. Гуляев, Этнографические очерки Южной Сибири, «Библиотека для чтения», т. 90, отд. III, СПб., 1848; Г. Потанин, Полгода в Алтае, «Русское слово», 1859, №№ 9, 12.

⁵ Д. Н. Беликов, Указ. раб., стр. 92.

⁶ Недостатки этого учета отмечались уже современниками: «А как... деревня Верхиленска по духовным росписям показана Чупиной да и самая женка Архипова написана Ириной, а не Федорой Семеновой, для того подтвердить, чтобы впредь описи о

де всего потому, что не существовало причин, которые могли бы побудить священников, сельских старост, местных дворян и детей боярских, ведущих учет населения, к сознательному и систематическому искажению интересующих нас данных.

Менее объективны источники судебно-следственного порядка (известы, прошения, «доношения» различных лиц, протоколы допросов и пр.). Однако в большинстве случаев нами использовались косвенные сведения из этих документов, не относящиеся непосредственно к пунктам обвинения, сведения, аутентичность которых с бесспорностью вытекает из самого их содержания.

В сибиреведческой литературе стало обыкновением ограничиваться при изучении демографических процессов данными о мужском населении⁷. Имели, видимо, значение не только ведущая роль мужчин в колонизации и хозяйственном освоении края, но и более точный учет мужского населения в дореволюционный период. Лица женского пола не облагались подушной податью, а потому власти менее интересовались результатами их переписи. Не удивительно, что утверждения авторов XVIII—XIX вв.⁸ о существовании в прошлом на территории Юго-Западной Сибири значительных диспропорций бракоспособного контингента (вследствие недостатка женщин) пока в полной мере не опровергнуты. «В Томском уезде лежащия селения... самая беднейшая и населены неспособнейшими людьми. Во всех сих селениях имеют также недостаток в женщинах, почему большая часть молодых людей, будучи без жен, во многие пороки вдаются...», — пишет П. С. Паллас, посетивший Томск в 70-х годах XVIII в.⁹ Между тем анализ переписных и дозорных книг показывает, что уже в первые годы XVIII в. основная масса русского населения Томского уезда жила семьями¹⁰. Для более позднего времени имеются прямые данные о соотношении мужского и женского населения в уезде. В 1773 г., например, в приходе Чаусской Богоявленской церкви состояло 1868 душ мужского и 1901 — женского пола¹¹, Кривошековской Николаевской — 588 душ мужского и 551 — женского пола¹². В 1777 г. в приходах той же самой Чаусской Богоявленской церкви состояло соответственно 1881 и 1890 душ, Крохалевской Введенской — 1090 и 909, Умревинской — 552 и 515 душ¹³. В других приходах уезда диспропорция в числе мужчин и женщин также, судя по данным Д. Н. Беликова и И. П. Фалька¹⁴, не была значительной. Последний, в частности, сообщает, что в 1771 г. в Томском и Кузнецком духовных заказах состояло 30 825 жителей мужского и 30 620 — женского пола; в Тарском и Омском соответственно — 18 229 и 17 896 душ; в Барнаульском — 20 393 и 17 043;

прихожанах сочинямы были верно и справедливо», — писал, например, в 1796 г. барнаульский протоиерей Иоанн Пеунов (ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 88, лл. 27—27об.). Исповедные росписи составлялись ежегодно и также по определенной форме: в них поименно и по домам (иногда и по селениям) перечислялись прихожане обоего пола с указанием их сословной принадлежности, возраста, отношения к главе дома, посещения исповеди и причастия.

⁷ См., например: В. М. Кабузан, С. М. Троицкий, Движение населения Сибири в XVIII в., в сб. «Сибирь XVII—XVIII вв.», Новосибирск, 1962; и х же, Численность и состав городского населения Сибири в 40—80-х годах XVIII в., в сб. «Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.)», Новосибирск, 1968; А. Д. Колесников, Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII—XIX вв., Там же; М. М. Громыко, Западная Сибирь в XVIII в., Новосибирск, 1965, и др.

⁸ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина 2-я, СПб., 1788; Д. Н. Беликов, Указ. раб.; С. С. Шашков, Очерки русских нравов в старинной Сибири, «Отечественные записки», 1867, т. 174, кн. 10.

⁹ П. С. Паллас, Указ. раб., стр. 5.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1279·(по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 3—64 об.; кн. 1371 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 2—590.

¹¹ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, л. 36.

¹² Там же, л. 72.

¹³ Там же, лл. 400 об., 475, 506, 545.

¹⁴ Д. Н. Беликов, Указ. раб., стр. 91—92; «Записки путешествия академика Фалька», «Полное собрание ученых путешествий по России», т. 6, СПб., 1824, стр. 409—412.

в Краснослободском, Ялуторовском, Ишимском и Демьянском — 60 274 и 62 770. В последующие годы ситуация, видимо, изменилась мало. По официальным (заниженным — в особенности для женского населения) данным, в 1837 г., например, в Томской губернии числилось 29 409 душ мужского и 26 180 — женского пола¹⁵. В Ялуторовском округе Тобольской губернии к середине XIX в. женское население (крестьяне и мещане) преобладало над мужским: 55 210 душ против 49 988¹⁶.

Таким образом, если в отдельных приходах Юго-Западной Сибири и могли возникать временные диспропорции числа мужчин и женщин, то в целом по региону демографическая ситуация (в смысле возможностей вступления в брак) была достаточно благоприятной.

Анализируя «семейственное право» томских крестьян-старожилов, Н. А. Костров, в частности, пишет: «...родители, надеясь всегда иметь женихов для своих дочерей (ввиду недостатка женщин.— Н. М.), на беспорядочную жизнь своих детей смотрят весьма снисходительно, о чести женщины здесь нет возвышенных понятий...»¹⁷. С. С. Шашков высказывает еще более определенно: «Малочисленность женщин в Сибири... вела к страшному развитию разврата»¹⁸.

Источники XVIII — первой половины XIX в., относящиеся к Юго-Западной Сибири, позволяют говорить о несостоительности не только первой, но и второй части рассуждений Н. А. Кострова и С. С. Шашкова. Народная этика интересующей нас эпохи суроно осуждала «незаконное» (с точки зрения крестьянского и служилого общества) сожительство. Случай его, разумеется, были, но виновные старались встречаться «погаенно... и в скрытых местах»¹⁹. «Разоблачение» этих лиц грозило величайшим бесчестием не только им самим, но и их родителям и родственникам²⁰.

Ошибка дореволюционных исследователей, писавших о преступной «свободе нравов» в феодальной Сибири, заключалась как в абсолютизировании отдельных фактов (взятых из судебных дел и подтверждающих их концепцию), так и в непонимании нравственных и моральных норм, существовавших в сибирской крестьянской и служилой среде и регулировавших брак. Нормы эти, как будет показано ниже, не вполне соглашались с церковным правом.

«Супружество,— учила христианская церковь,— или законный брак есть вещь святая...»²¹. Сочетание браком производил приходской священник, «...венчание же и брачное благословение ни от кого прияти им (жениху и невесте — Н. М.) достоит, точно от самого своего приходского священника или от иного священника, повеление от него имущаго...»²². При этом в брак разрешалось вступать: жениху по достижении 15 лет, невесте — 13 лет²³. Позднее, в 1830 г., вышел закон, устанавливавший для жениха минимальный возраст — 18 лет, для невесты — 16 лет²⁴. Согласно Кормчей книге, основному источнику русского брачного права,

¹⁵ П. И. Небольсин, Заметки на пути из Петербурга в Барнаул, «Отечественные записки», 1849, т. 65, № 8, стр. 183.

¹⁶ «Ялуторовский округ губернии Тобольской», «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 15, СПб., 1846, стр. 246.

¹⁷ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 12.

¹⁸ С. С. Шашков, Сибирское общество накануне своего юбилея, «Дело», 1879, № 3, стр. 298—299.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 50, л. 2.

²⁰ Там же, ф. 833, оп. 2, д. 27, лл. 2—2 об.; ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 14, лл. 163—164 об.; ф. 109, оп. 1, д. 7, л. 432

²¹ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 796, оп. 4, д. 645, л. 43 об.

²² Там же, л. 42 об.

²³ В. И. Семевский, Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века, «Устон», СПб., 1882, № 2, стр. 75.

²⁴ А. Смирнов, Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, М., 1877, стр. 119.

исключались браки между родственниками не только по прямой, но и по боковой линиям (по последней — до 7-й степени включительно). Запрещались браки и между свойственниками — до 6-й степени включительно. Правда, указами 1787 и 1810 гг. браки в 5—7-й степенях родства и в 5—6-й степенях «двуходного» свойства допускались, но всякий раз не иначе как с разрешения епархиального начальства.

Препятствием к вступлению в брак служило также родство «духовное» (или кумовство), основанное на «восприятии» от купели при крещении — «восприемники» не могли вступать в брак с «воспринятыми» и их родителями. Только в 1837 г. появился указ, позволявший (тоже с разрешения епархиального начальства) брак между «восприемником» и «восприемницей»²⁵.

Вступающие в брак обязаны были знать молитвы: «верую во единаго бога», «отче наш», «богородице действие» и «десятословие» — «еже есть десять божних заповедей»²⁶.

Указ от 3 апреля 1702 г. повелевал за шесть недель до венчания совершать обряд обручения. В эти шесть недель священник выяснял, нет ли между женихом и невестой каких-либо «препятствий» и «подозрительств»: близкого родства, свойства и т. д. Бракосочетание можно было совершать лишь при согласии на него самих брачящихся и их родителей. Требовалось также, «дабы венчание всех браков было в святых церквях от священников вкупе с их церковными причетниками...»²⁷. Запрещалось венчать кого-либо в «неуказное» время — утром до литургии, а также поздно вечером и ночью. Кормчая книга устанавливала и «заповедные» календарные сроки «...от дня 14 ноемврия месяца, сиесть от дня святаго апостола Филиппа, даже до 6 дня иануария месяца, сиесть до праздника богоявления, и от мясопустные недели великаго поста даже до Фомины недели, и от недели всех святых даже до дня 29 месяца июня, сиесть до праздника святых Петра и Павла, и от первого дня августа до 15 дня того же месяца, сиесть до успения пресвятые богородицы венчания... запрещена...»²⁸.

Вступавшие в брак должны были предъявить священнику разрешение — венечную память — от «духовного заказчика» — начальника по духовному ведомству в пределах уезда²⁹.

В брак можно было вступать не более трех раз. Причем третий брак вдовцу или вдове дозволялся только в том случае, если ни от первого, ни от второго не было детей. Третий брак в отличие от первых двух не считался «тайством», и вступившие в него на пять лет отлучались от церкви³⁰.

«Хотя по понятиям церковным,— пишет И. Тютрюмов,— брак считается союзом постоянным, продолжающимся даже за пределами жизни, однако в гражданской жизни допускаются известные способы прекращения брачного союза...»³¹. Основанием к разводу могли служить: неспособность одного из супругов «к брачному сожительству», «прелюбодеяние» мужа или жены, пострижение их в монашество или «безвестное» долговременное отсутствие.

Нормы церковного брачного права действовали на всей территории страны, в том числе и в Сибири. Однако роль их в быту сибиряков не была особенно велика прежде всего в связи с неудовлетворительным состоянием местного церковного аппарата. «Белым духовенством,—

²⁵ С. В. Пахман, *Обычное гражданское право в России*, т. 2, СПб., 1877, стр. 40—42.

²⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, д. 645, лл. 41—41 об.

²⁷ Там же, л. 46.

²⁸ Там же, л. 43.

²⁹ Там же, л. 46.

³⁰ С. С. Шашков, *История русской женщины*, СПб., 1879, стр. 120.

³¹ И. Тютрюмов, *Крестьянская семья. Очерк обычного права, «Русская речь»*, 1879, кн. 7, стр. 155.

сообщает Н. А. Костров, — старинная Сибирь (имеется в виду XVIII в. — Н. М.) была... бедна, и оно не удовлетворяло самым снисходительным нравственным требованиям»³². Д. Н. Беликов также подтверждает это обстоятельство: «В 1750-х годах на всем Томском пространстве сельских церквей насчитывалось до 40... Поэтому приходы по расстоянию были огромны, и жители множества деревень, отстоящих от церквей на 60, 80, 100 и более верст, у богослужения не бывали, священника видели раз или два в год...»³³. С малочисленностью духовенства связано довольно слабое влияние церкви и ее институтов на крестьянское и служилое население Сибири. Последнему способствовали также отмеченные Н. А. Костровым низкий моральный уровень сибирских священников, небрежное отношение их к своим «пастырским» обязанностям, готовность ради собственной выгоды пойти на любое нарушение канонических норм и правил³⁴.

Данные метрических книг и других источников свидетельствуют о том, что и у крестьян, и у служилых людей Юго-Западной Сибири рассматриваемого времени преобладали поздние браки. В конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. в ведомстве Кривошековской Николаевской церкви (с. Кривошековское Томского уезда и приписанные к нему деревни) сыновья крестьян женились, например, в среднем в 27 лет. Дочерей выдавали замуж в основном в 20 лет³⁵. У крестьян, поселенцев и служилых людей, числившихся в приходе Уткиковской Троицкой церкви (Каинский уезд), по данным 1827 г., средний брачный возраст лиц мужского пола составлял 22 года, женского — 20 лет³⁶. Крестьяне-прихожане Крохалевской Введенской церкви (Томский уезд) вступали в брак в среднем в возрасте 21—22 лет (1839—1840 гг.), Бачатской Николаевской (Кузнецкий уезд, 1842 г.) — 22 лет, Борисовской Николаевской (Кузнецкий уезд, 1846 г.) — 21 года³⁷. Для более раннего периода наши источники содержат лишь единичные примеры. В 1716 г. кузнецкий «пашенный крестьянин» Иван Климов «высватал за сына своего Прокофья» крестьянскую «девку» Софью Беляеву³⁸. Переписная книга по Кузнецкому уезду за 1719 г. дает возможность установить, что в 1716 г. Прокофью Климову было 37 лет³⁹. В 21 год женится кузнецкий казак Иван Бессонов, в 27 лет — его земляк крестьянин Иван Емельянов (1716 г.) и в 22 года — сын казака Нефеда Носкова — Иван (Томский уезд, дер. Анбинская, 1759 г.)⁴⁰. Наблюдения о позднем вступлении в брак подтверждаются и косвенными данными: в XVIII — первой половине XIX в. в семьях крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири обоим супругам почти всегда было более чем по 20 лет, к тому же зафиксировано немало неженатых и незамужних детей в возрасте 16—20 лет и несколькими годами старше⁴¹. Когда в 1773 г. Колывано-Воскресенское горное начальство затребовало от земских изб списки «девиц... с объяснением» против каждой, почему не выдана замуж», оно не случайно разъяснило,

³² Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 7.

³³ Д. Н. Беликов, Старинный раскол в пределах Томского края, Томск, 1905, стр. 19.

³⁴ См., например, Тобольский филиал Гос. архива Тюменской области (далее — ТФ ГАТО), ф. 156, 1760 г., д. 75; 1765 г., д. 97; 1770 г., д. 62; 1798 г., д. 42; 1797 г., д. 272.

³⁵ Речь идет о времени венчания. Подсчитано по данным: ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 508 об.—520 об., ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 2—131.

³⁶ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 7, лл. 220—226 об.

³⁷ То же, ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.—81 об.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124.

³⁹ Там же, ф. 214 (по описи Н. Н. Оглоблина), кн. 1611, л. 62 об.

⁴⁰ Там же, лл. 59 об., 76 об.; ф. 1134, оп. 1, д. 4, лл. 5—7 об., 127 об.; ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 84; ф. 109 оп. 1, д. 1, л. 275.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1182, лл. 7 об.—400; кн. 1279 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 3—64 об.; кн. 1371 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 2—590; кн. 1611 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 1—293 об.; ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 1—545.

что имеются в виду крестьянки «от 20-летнего возраста»⁴² (курсив мой.—Н. М.). Следовательно, обычай крестьян выдавать дочерей замуж предпочтительно в возрасте 20 лет и старше был известен местным властям.

Разумеется, встречались отступления от обычая. Случалось, сыновей женили в 14 и даже в 9 лет⁴³—ранее, чем это позволялось законом. В сентябре 1782 г. отставной драгун Елисей Бабушкин жаловался в Бийскую земскую избу на крестьянина Ивана Сергушина, который «воровски по подговору» увел четырнадцатилетнюю дочь Бабушкина—Мавру и обвенчался с ней⁴⁴. Таким образом, в брак вступали иногда в раннем возрасте и девушки. Но эти отдельные факты не меняют общей картины.

«Сибирская девка,— пишет Ив. Мевес, путешествовавший по Сибири в 1858—1861 гг.—не скоро выходит замуж, желая наперед отпраздновать вволю свое девичество»⁴⁵. Это высказывание Ив. Мевеса повторяет и Н. А. Костров⁴⁶. Однако поздние браки объяснялись прежде всего экономическими факторами. Это, кстати, признает тот же Н. А. Костров: «Причины, побуждающие иногда родителей дольше не выдавать девушек замуж, заключаются большею частию в желании дольше иметь в семействе даровых работниц или в недостатках на свадебные издержки»⁴⁷. Особенно неохотно расставались с дочерьми приписные крестьяне и служилые люди, в хозяйстве которых—в силу частых отлучек мужчин на заводские отработки и по делам службы—женский труд имел исключительное значение. При заключении браков учитывалась (как будет показано ниже) взаимная склонность молодых людей, что мешало распространению неравных в возрастном отношении браков. В результате сыновья крестьян и служилых людей также вступали в брак сравнительно поздно. Сами родители предпочитали не отдавать дочерей за «малолетних» женихов, так как это приводило либо к «снохачеству», либо к бегству молодой жены от супруга, либо к другим нежелательным последствиям⁴⁸.

Хотя в отдельных случаях разница в возрасте жениха и невесты была довольно значительной, преобладали браки ровесников и лиц с разницей в возрасте от 1 до 4 лет. Приведем статистические данные: в приходе Крохалевской Введенской церкви (за период 1839—1840 г.) 79% составили браки, в которых возрастная разница между супругами составляла 0—4 года (57 браков из 72). Близкая ситуация наблюдается и в приходах других церквей⁴⁹. Продолжая анализ характера и состава брачного круга жителей, приходится отметить, что у крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. преимущественное распространение имели внутрисословные браки—явление, вообще свойственное феодальной России. Этот вывод сохраняет свое значение и для территорий со смешанным в сословном отношении населением, хотя здесь сословные ограничения при заключении браков соблюдаются менее строго (см. табл. 1—2).

В районе Кольвано-Воскресенских заводов встречались браки крестьян и служилых с мастеровыми. Например, в 1762 г. в приходе Захарьевской церкви Барнаульского завода зафиксировано 14 таких бра-

⁴² Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 92.

⁴³ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 88, л. 196; ТФ ГАТО, ф. 156, 1753 г., д. 194, л. 10.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 34, лл. 616—620.

⁴⁵ Ив. Мевес, Три года в Сибири и Амурской стране, «Отечественные записки», т. 148, кн. 5, стр. 258.

⁴⁶ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 14.

⁴⁷ Там же, стр. 21.

⁴⁸ ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 249.

⁴⁹ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 7, лл. 220 об.—226 об., 327 об.—333 об. 78 об.—85 об.; ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.—162 об. Браки почти исключительно между крестьянами.

Таблица 1

Сословный состав браков в приходе Кривошековской Николаевской церкви (Барнаульский духовный заказ) *

Браки	Годы			
	1789—1791	1794—1799	1801—1810	1811—1820
Всего заключено браков	17	89	180	251
в том числе внутрисословных	15	81	174	222
% внутрисословных браков	88	91	97	88,5

* Таблица составлена по данным: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об. 248; ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 16—17 об., 107—108 об., 115 об. — 116. Имеются в виду браки, где минимум один супруг принадлежал к сословию крестьян.

Таблица 2

Сословный состав браков в трех церковных приходах Бийского уезда (1786 г.) *

Типы браков	Число	% ко всем бракам
Внутрисословные	83	75
в том числе оба супруга — крестьяне	37	33
» — из служилых	46	42
Межсословные	27	25
в том числе один супруг из служилых, второй — из крестьян	16	15
один супруг из мещан, второй — из крестьян	1	1
один супруг из служилых, второй — из мастеровых	1	1
один супруг из крестьян или служилых, второй — из аборигенов (алтайцев)	9	8

* Составлена по данным: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об. — 248; ф. 92, оп. 1 д. 172, лл. 16—17 об., 107—108 об., 115 об. — 116. Жители приходов преимущественно крестьяне и служилые. К служилым в данном случае отнесены служащие казаки, солдаты, «отставные», казачьи и солдатские дети, «малолетки».

ков, в том числе 6 межсословных: в четырех из них один из супругов принадлежал к крестьянскому сословию, второй — к мастеровым ⁵⁰.

Метрические книги Введенской церкви Новопавловского завода за 1786 г. показывают, что в 10 случаях (из 31) венчались люди, принадлежавшие к разным сословиям, причем в девяти из них один из супругов был крестьянином, второй — мастеровым ⁵¹.

Браки с коренными жителями следует считать исключением. Встречались они довольно редко и при этом главным образом в районе расселения алтайских и шорских «племен» ⁵². В 1786 г. в 14 приходах Барнаульского духовного заказа было заключено 406 браков ⁵³ и только в 10 случаях (приводим дословную их запись) один из супругов принадлежал к «ясашному» сословию ⁵⁴.

муж

жена

Дер. Усяцкой «ясашный»
(алтайец) Василий Соколов

Новиковского маяка солдатская дочь

Дер. Ереминской «ясашный»
Максим Салксибаев

Той же деревни отставного драгуна дочь

⁵⁰ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 12 об.—13 об.

⁵¹ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 60 об.—62 об.

⁵² ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 2—52; д. 172, лл. 2—148 об.; д. 7, лл. 30 об.—58 об.; д. 6, лл. 78 об.—85 об., 327 об.—333 об.; ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.—81 об., 148 об.—162 об.

⁵³ Имеются в виду браки, где один или оба супруга русские.

⁵⁴ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 2—148 об.

Дер. Усяцкой «ясашный»
Петр Зяблоцков
Села Ново-Енисейского
«ясашный» Иван Голых
Дер. Ажинской «ясашный»
Иван Кузовников
Дер. Евдокимовой «ясашный»
Иван Суртаев
Бийский солдат Егор Яринцов

Дер. Чемровки «ясашный»
Федор Табакаев
Бийский батальонный цирюльник
Василий Манойлов (2-м браком)
Бийский солдат Степан Казанцов

Новиковского маяка отставного драгуна
дочь

г. Бийска солдатская дочь

Той же деревни «малолетка» дочь

Той же деревни крестьянская дочь
Новокрещеной вдовы Настасьи Лашутиных
(алтайки) дочь

Дер. Угреневой крестьянская дочь

Вдова «ясашного»
г. Бийска новокрещеного алтайца дочь

Из 10 браков 7—браки аборигенов-алтайцев с русскими девушками. Это свидетельствует о том, что смешанные в национальном отношении браки заключались не из-за малочисленности русских женщин в Юго-Западной Сибири, а вследствие сближения народов. Алтайцы, перенявшие русскую земледельческую культуру и русскую веру (браки с «иноверцами» православная церковь исключала), иногда стремились выходить замуж и жениться на русских⁵⁵. Процесс этот отмечался наблюдателями и в других районах Сибири⁵⁶.

Существенное значение при заключении браков крестьян и служилых людей интересующей нас территории имела «имущественная» гомогамия. В 1716 г. состоятельный крестьянин Леонтий Холдин объяснил сыну боярскому Алексею Бычкову, что желает выдать свою doch замуж «за пожиточнова пашенного крестьянина, а не за убогова Андрея Опивохина»⁵⁷. И когда «девку» Холдину по распоряжению властей все же обвенчали с «убогим» Опивохином, в Кузнецке считали, что выдали ее «в замужество» «не к mestu»⁵⁸. С. Гуляев свидетельствует, что в 40-х годах XIX в. родители невесты, прежде чем дать ответ сватам, «разведывали» «о качествах жениха, *его состоянии* (курсив мой.—Н. М.) и прочаго»⁵⁹. Впрочем, в этом отношении местный брак «сходствовал» с общероссийским. «Отдавая девушку замуж,— пишет по поводу браков в губерниях Европейской России А. Смирнов,—ея родители или родственники, также сама невеста, обращают внимание на состоятельность родителей жениха...»⁶⁰.

Однако в Юго-Западной Сибири отмеченная закономерность наблюдалась далеко не всегда. Иногда родители девушки предпочитали выдать ее за неимущего парня, с тем чтобы последний пошел к ним в «приимаки». Исповедные росписи за 1773—1777 гг. Кривошековской, Крохалевской, Чаусской, Умревинской церквей свидетельствуют, что семьи, в состав которых входили зятья—«приимаки», были здесь не столь уж редким исключением⁶¹. Наконец, сама молодежь, выбирая жениха или невесту, иногда переступала социальные границы. С этим, в частности, была в известной степени связана распространенность в Сибири браков «убегом»: (о них смотри ниже).

Характерным явлением для сельской местности рассматриваемого региона следует считать деревенскую экзогамию. Д. Н. Беликов по это-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33; л. 485.

⁵⁶ П. С. Паллас, Указ. раб., ч. 2, кн. 1, стр. 336.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 2 об.

⁵⁸ Там же, лл. 20—23.

⁵⁹ С. Гуляев, Указ. раб., стр. 3.

⁶⁰ А. Смирнов, Указ. раб., стр. 129.

⁶¹ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 1—545.

му поводу пишет: «Приспевало в крестьянской семье время женить сына. Где взять невесту? В своей деревне. Но здесь или уже все давно перероднились, или невесты были разобраны. Нужно ехать в какое-нибудь отдаленное селение...»⁶². Объяснить институт деревенской экзогамии в Юго-Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. можно, пользуясь, к примеру, наблюдениями неизвестного автора, побывавшего в 50-х годах XIX столетия в округе г. Каинска⁶³. Оказавшись в деревне Петровой⁶⁴ (она же Нерпина), принадлежавшей до 1851 г. графу Ивеличу, а затем проданной И. Д. Асташеву, этот автор посетил дом крестьянского старосты. Он воспроизводит следующий диалог:

— Большая у вас семья, тетка? — спросил я у хозяйки.
— Да таки дивно: батюшка с матушкой да две снохи, да два деверя, да три золовки.

— Отчего же золовок-то замуж не отдает?
— Да две-то еще махонькия. Третья-то уж большая, да здешние женихи не сватаются, а на сторону отдавать нельзя...

— Отчего это у вас не отдают девок замуж за посторонних? — спросил я у хозяина, который... в это время... вошел в избу. — Разве барин запрещает?

— Нет, запрещать-то не запрещает, а... мы спрашиваться-то не осмеливаемся...

— Так ведь у вас, я думаю, девки-то засиживаются?
— Да как не засиживаться. Сами-то вольных берем, а оне и сидят, *за своих-то и выходить некуда: кругом родня. Все уж давно перероднились...*⁶⁵ (курсив мой. — Н. М.).

Таким образом, родственные связи, объединяющие жителей деревни, вызывали территориальную экзогамию. Однако строгое соблюдение обычая брать невест из других, соседних селений нарушалось в связи с непрекращавшимися на протяжении XVIII — первой половины XIX в. внутрисибирскими перемещениями населения.

Данные метрических книг также подтверждают существование в деревнях Юго-Западной Сибири экзогамии. Из 215 браков, зарегистрированных в 12 приходах Барнаульского духовного заката в 1762 г., лишь в 43 случаях (20%) жених и невеста были из одного селения⁶⁶. В 1786 г., браки между односельчанами составили здесь только 21,3% от общего числа браков⁶⁷. С 1789 по 1820 г. в Кривошековской Николаевской церкви венчалось более 560 пар, причем 83% браков оказались «междеревенскими»⁶⁸. В приходе Крохалевской Введенской церкви за период с 1839 по 1842 г. в 110 случаях из 145 венчались согласно обычая деревенской экзогамии⁶⁹. Процент эндогамных (внутри одного селения) браков оставался на протяжении всего периода достаточно стабильным. Немалая доля подобных браков приходилась на союзы жителей крупных сел, где родственные связи не имели всеобъемлющего характера, или на браки лиц мужского пола со вдовами и дочерьми недавних переселенцев⁷⁰. В отдельных случаях нарушение деревенской экзогамии было связано с заключением брака между родственниками. В 1739 г. томский священник Степан Копылов доносил митрополиту Антонию, что «... как в Томску, так и в уездах... многие... сродственников своих берут за се-

⁶² Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-насельники..., стр. 92.

⁶³ «Из путевых заметок», «Амур», 1860, № 22, стр. 287—289.

⁶⁴ Деревня Петрова до образования Каинского округа входила в Тарский уезд.

⁶⁵ «Из путевых заметок», стр. 288—289.

⁶⁶ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 2 об.—55 об.

⁶⁷ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 2—148 об.

⁶⁸ То же, ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об.—248.

⁶⁹ То же, ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.—322 об.

⁷⁰ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 2 об.—55 об.; д. 172, лл. 2—148 об.; ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об.—248; ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.—322 об.

бя»⁷¹. О существовании подобных браков говорят и постоянные напоминания церковных властей сельским священникам «о невенчании в возбраненных родства или свойства степенях браков»⁷². В некоторых документах XVIII—первой половины XIX в. приводятся конкретные факты нарушения священниками церковных постановлений о браке. В промемории из Томского духовного правления в Томскую воеводскую канцелярию от 19 августа 1756 г., в частности, сообщается, что «приходу... Уртамского крестьянин Иван Петров сын Киселев у разночинца Афанасия Сизикова без позволения ево увел дочь девку Агрипину, с кото-рою де в городе Томску незнамо кем и обвенчан, а оныя де Иван Киселев с помянутою Сизиковой дочерью, что ныне жена, имеет плотское родство такое, что он, Киселев, от сестры, а она, Сизикова Агрипина, от брата... двоюродных, и потому он, Киселев, означенную жену свою по-нял в шестой степени, а в силу кормчей книги о браках повелено от плотского родства тоб понималась седмая со осмою степенью, а не пята с шестою, как они учинили меж собою...»⁷³. В 1797 г. подобный брак допустил священник Успенской церкви (крепость Становая Ишимской ок-руги) Яков Куртуков⁷⁴. Случалось, крестьяне обходились в таких слу-чаях и без обряда венчания. Так, крестьянин того же Уртамского остро-га Дмитрий Сороков вступил в невенчанный брак со «своячиной» Евдо-кией Енюковой⁷⁵. Вместе с тем браки между близкими родственниками в документах не зафиксированы. Н. Костров пишет, что по данным на 70-е годы XIX в. «ближайшая степень родства, при которых (томские крестьяне.—Н. М.) вступают в брак, суть 6-я и 5-я степени... было не-сколько ходатайств о разрешении браков в 4-й степени родства...»⁷⁶. По-видимому, и в XVIII—первой половине XIX в. крестьяне и служилые не считали родство в 4-й (и далее) степени препятствием к вступлению в брак. Ближайшее же родство дозволено было преступать, судя по со-общению А. Принтца, побывавшего в 1863 г. в Бухтарминской волости Томской губернии, лишь у «каменщиков» — своеобразной в этнографи-ческом отношении группы русских поселенцев в долине Бухтармы: «Не-смотря на ближайшее кровное родство, любовные связи брата с сест-рой, отца с дочерью и т. п. считаются дозволительными и называются „птичьим грехом“ по уподоблению птицам, вышедшим из одного гнез-да»⁷⁷. Впрочем, сообщение Принтца можно принять лишь в качестве гипотезы, поскольку другие источники его не подтверждают.

Деревенская экзогамия и запрет браков между близкими родствен-никами были свойственны и крестьянам Европейской России. А. Смир-нов констатирует, в частности: «... в народе вообще стараются, чтобы между вступающими в брак не было никакого родства...»; «.. до сих пор местами есть обычай брать невест из чужого селения, а не из сво-его». В качестве примера он приводит Олонецкую и Симбирскую губер-нию, земли Войска Донского⁷⁸. Можно выявить, однако, в этом отноше-нии некоторые особенности, присущие Юго-Западной Сибири. Брачный круг здесь был шире (в смысле запретов, связанных с родством). И. Тю-тюров сообщает, что в Европейской России запретными считались у крестьян браки в 7-й и даже в 8-й степени родства⁷⁹; зато в Юго-Запад-ной Сибири более строго соблюдали деревенскую экзогамию. Последнее

⁷¹ Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири, М., 1867, стр. 312.

⁷² ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 88, л. 10 об.

⁷³ ЦГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 47, лл. 2—2 об.

⁷⁴ ТГАТО, ф. 156, 1797 г., д. 172, лл. 1—7.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 47, л. 1.

⁷⁶ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 13.

⁷⁷ А. Принтц, Каменщики ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г., «Записки ИРГО по общей этнографии», т. 1, СПб., 1867, стр. 581.

⁷⁸ А. Смирнов, Указ. раб., стр. 112, 116.

⁷⁹ И. Тютюров, Указ. раб., стр. 139.

объяснялось отчасти тем, что селения Юго-Западной Сибири — района, продолжавшего колонизоваться — были небольшими по численности населения и числу дворов⁸⁰. А в таких селениях соседские связи обычно совпадали с родственными.

«Одним из важнейших условий для вступления в брак считается согласие родителей», — пишет Н. Костров⁸¹. Действительно, родители (или заменяющие их лица) играли важную роль при заключении браков у крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Родительского благословения на брак, как отмечалось, требовала и церковь. Выйти замуж или жениться с согласия родителей, по мнению самих сибиряков, значило вступить в брак «добропорядочно»⁸². Но вместе с тем сплошь и рядом браки заключались и без родительского благословения. Иногда это происходило из-за вмешательства властей. Уже говорилось, что по их распоряжению, вопреки желанию отца, была выдана замуж за Андрея Опивохина кузнецкая крестьянка Холдина. Крестьянским приказчикам давались наказы «смотреть, чтобы... пашенные крестьяне (имеются в виду крестьяне, обязанные обрабатывать десятинную пашню. — Н. М.)... меж собою женились и в замужество дочерей своих давали опричь иных чинов...»⁸³. Подобная политика способствовала консервации сословных ограничений брачного круга пашенных крестьян. Впрочем, в аналогичном положении оказывались и некоторые другие категории жителей: приписные крестьяне, «поселенные» крестьяне. Священник Бийской Успенской церкви Иоанн Соколов посыпает в 1777 г. в Бийскую земскую избу «известие»: «...известно мне, в приходе моем заводского ведомства деревень Шубинской да Фоминской в замужество дочерей своих отдают за военные чины из отставных ... а как небезызвестно... Колывановоскресенского горного начальства указами подтверждено, ведения заводского за отсутственные команды детей своих не отдавать...»⁸⁴. Нарушались на местах указы подобного рода и в отношении поселенцев. Подтверждая свое требование «посельничих жен и девок за разных чинов (кроме за таковых же заселенных там поселенников) не венчать», сибирский губернатор Д. Чичерин в послании к епископу Варлааму (1773 г.) вместе с тем констатировал, что в Томском уезде «из таковых... женок и девок некоторые вышли в замужество за посацких и завоцких крестьян и разночинцов»⁸⁵. Но все отмеченные нарушения не исключали произвола властей при заключении браков у крестьян. Впрочем, и «воинские чины» обязаны были иметь письменное разрешение от «начальства» при вступлении в брак⁸⁶.

Браки крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири в большинстве случаев заключались по любви (именно так объясняли мотивы своего поведения сами брачующиеся)⁸⁷. Поэтому при заключении браков неизбежными становились конфликты между родителями и детьми, нарушающими их волю, и получали распространение браки «убегом» («беглые свадьбы»). Впрочем, последние совершались и по другим причинам. В частности, Н. О. Осипов сообщает: «... крестьяне — особенно небогатые — женятся „убегом“, т. е. тайно от родителей; тайна эта, однако, не составляет для последних секрета... такая свадьба «убегом» избавляет

⁸⁰ М. М. Громыко, Указ. раб., стр. 91.

⁸¹ Н. А. Костров, Указ раб., стр. 15.

⁸² ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 84.

⁸³ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 106.

⁸⁴ Там же, ф. 1402, оп. 1, д. 29, лл. 516—516 об.

⁸⁵ «Сибирский губернатор Д. И. Чичерин в переписке с духовенством», Тобольск, 1896, стр. 2—3.

⁸⁶ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 88, лл. 99—99 об.

⁸⁷ Вот как, например, крестьянин Лобанов (1743 г.) рассказывал о своем чувстве к «избранице»: «...стал об той девке тосковать и, как ее не увидит, то жить не может, и давило завсегда у него сердце, и находило на ум...» (ТГ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4434, л. 15).

женихах... от большей части расходов по угощению родственников и знакомых...»⁸⁸. Его наблюдение отчасти подтверждает и Г. Потанин⁸⁹. У раскольников подобные браки объяснялись их отношением к «супружеству» (на разных этапах истории раскола): одно время побег дочери с женихом из дома родителей считался обязательным элементом свадьбы⁹⁰. Потом, правда, положение меняется, но по традиции брачивающиеся старообрядцы устраивали «беглые свадьбы». В первой половине XIX в. в ряде мест Сибири стало распространяться мнение, что единственно приличный способ жениться — это «скрасть девку». Так, одна из тобольских крестьянок объясняла М. Ф. Кривошапкину: «Да как это можно... выдавать девку, лишь бы сваты или сват пришел? Да ведь девка-то наша родимая; что же мы себя срамить станем, али девку срамить? Что мы голодом что ли уж сидим, когда девку добром, своими руками в чужие люди отдадим...». И с облегчением добавляла, что «теперь, слав-те Господи, принес отец небесный... с линии (укрепленная линия на юге Сибири.—Н. М.) молодца», он и «скрал девку»⁹¹.

Однако основную роль в данном случае играло «самовольство» детей, предпочитавших нередко брак с любимым человеком экономической выгоде. В 1773 г., например, «девица» из дер. Кротовой (Томский уезд) уговорилась «повенчаться уходом» с крестьянином Чановым и «пред браком заявила в духовном правлении, что она совершеннолетняя и желает повенчаться без дозволения родителей, потому что за своими домашними работами родители не позволяют ей выходить в замужество»⁹².

На помощь родителям приходили в ряде случаев власти. Колывано-Воскресенское горное начальство неоднократно рассыпало указы «во все заводского ведомства» остроги, слободы и деревни, требуя, чтобы крестьяне «к бракосочетанию усилено девок отнюдь не уводили», но «по поряту, как по закону подлежит, сватались у родителей тех девок»⁹³. Однако эффект оказывался незначительным: документы пестрят сообщениями о нарушении указов и церковных правил. В 1716 г. кузнецкий крестьянин Иван Емельянов «подговорил» дочь земляка Семена Беляева и «подговоря, бежал в Ильинское село», где их и обвенчал священник Федор Андреев⁹⁴. В 1732 г. бердский крестьянин (Кузнецкий уезд) Козьма Рагозин «зговорил... за себя в замужество по любви» крестьянскую «девку» Оксинью Жичкину и увез ее из родительского дома, но в пути был пойман. Невесту вернули отцу. Последний жестоко отомстил Рагозину. «...ночью,— жаловался неудачливый жених,— нашли на дом ево разбоем означенной девки дядя Яков Жичкин, братья Гаврило да Еким Плотниковы да сторонния Иван Калачев з братом Козмою, с сыном Иваном, Михайло Восенин и приступали ко двору ево всю ночь и раскладывали перед окнами огонь, и окна из избы выбили, и у сеней двери выломили, и... мать ево (Рагозина.—Н. М.) брали всякою не-подобною... брацию, и завезали назат руки, и всю ночь водили по улицам, и мучили всячески, и выломали у ней руки, и сажали к себе под караул без ведома судеискаго, и взяли у него ж лошадь гнедую»⁹⁵. Иногда родственники невесты настигали беглянку-дочь с женихом уже в цер-

⁸⁸ Н. О. Осипов, Ритуал сибирской свадьбы, «Живая старина», вып. 6, СПб., 1893, стр. 97.

⁸⁹ Г. Потанин, Полгода в Алтае, «Русское слово», 1859, № 12, стр. 292.

⁹⁰ В. Фукс, О сводных браках в историческом отношении, «Этнографический сборник, издаваемый ИРГО», СПб., 1862, № 5, стр. 6.

⁹¹ А. Смирнов, Указ. раб., стр. 210—211.

⁹² Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-насельники..., стр. 95.

⁹³ ГАНО, ф. 104, оп. 1, д. 4, лл. 90—90 об.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 127 об.

⁹⁵ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 4, лл. 330—330 об.

кви, и тогда происходили «в храмах» «свалки, драки... и огромная кощунства» ⁹⁶.

Страх перед расправой не останавливал молодых. «Подговаривает» и уводит тайно из дома родителей «девку» Анисью Мамаеву белоярский крестьянин Иван Полковников (1758 г., Кузнецкий уезд) ⁹⁷. Крестьянин Спиридон Аекишин с помощью своего брата похищает у жителя дер. Орской (Бийское ведомство) Дмитрия Казанцова дочь Агафью (по «согласию» с нею). Обвенчаться им не позволило вмешательство матери невесты, которая «оную дочь свою... отбила и в дом свой привела» ⁹⁸. Браки «убегом» наблюдались и в служилой среде, но реже. Так, в 1782 г. убегает с женихом Иваном Сергушиным из родительского дома дочь отставного драгуна Мавра Бабушкина (Бийское ведомство) ⁹⁹. Есть прямые указания на то, что «убегом» венчались иногда люди, занимавшие далеко не равное социальное положение. В 1759 г., например, дочь за житочного разночина Ивана Редрова (дер. Большая Ояшская Томского уезда) Анисья «уговорилась» выйти замуж без родительского согласия за Алексея Асанова, который «кормился» тем, что «жил в работе у разных чеуских обывателей из найму» ¹⁰⁰.

Д. Н. Беликов сообщает, что не всегда похищение девушки происходило с ее согласия, и в подтверждение приводит примеры насильтственного «повенчания» крестьянок ¹⁰¹.

Брак «убегом» — не чисто сибирское явление: он был характерен и для Европейской России ¹⁰², но не получил там столь широкого распространения. «Случай же, когда уход совершается действительно без предварительного согласия родителей... в крестьянском быту весьма редки...», — пишет С. В. Пахман ¹⁰³. За исполнением родительской воли при заключении браков в Европейской России строго следила церковь. В Сибири же священники первыми нарушали брачно-правовые нормы. При их прямом содействии брак «убегом» — без родительского благословения — был распространен здесь особенно широко. В 1760 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства жаловалась сибирскому митрополиту Павлу, что священники Бердского острога «из немалой платы» венчают крестьян на «уводных» от родителей «девках» ¹⁰⁴.

Охотно благословляли «беглые свадьбы» священники Николаевской Покровской церкви (Ялуторовский уезд) Лаврентьев и Серебряников; Усть-Тарской церкви (Тарский уезд) — Матфей Кокоуллин; Становой Успенской (Ишимская округа) — Яков Куртуков и мн. др. ¹⁰⁵ При этом нарушались правила о месте и времени венчания (производилось оно иногда не в церкви, а в частных домах и, как правило, ночью); об обязательном присутствии при обряде других церковнослужителей и свидетелей (священник мог «свенчать» беглецов и один).

Не соблюдали священники и других норм, установленных Кормчей книгой и законодательством. Почти всегда священник, венчавший брак «убегом», пребывал «в пьяном образе». К чему сводился подчас обряд венчания в Сибири, говорит, например, дело о браке ялуторовского крестьянина Григория Микрюковского (1806 г.). Он дал священнику Зудилову 3 рубля 25 копеек и попросил «свенчать» его в церкви с «девкой»

⁹⁶ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-насельники..., стр. 94.

⁹⁷ ГАНО, ф. 104, оп. 1, д. 4, л. 90.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33, лл. 639—639 об.

⁹⁹ Там же, д. 34, лл. 616—620.

¹⁰⁰ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 46.

¹⁰¹ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-насельники..., стр. 93.

¹⁰² С. В. Пахман, Указ. раб., стр. 56.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ТГГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 57, лл. 1—2.

¹⁰⁵ Там же, 1770 г., д. 62, лл. 1—11; д. 1765 г., д. 97, лл. 1—2; 1797 г., д. 272, лл. 1—4; 1810 г., д. 45, лл. 1—17 и др.

Дрягиной. На это «священник и дьякон Игнатьев сказали, что для чего в церкви венчать, можно-де законным браком свенчать и в доме ево, Зудилова, но незнавши он, Микрюковский, законного положения, думал, что таковое свенчание и справедливо... священник же Зудилов надел на себя ризу, читал молитву, и вместо венцов приказал как ему, Григорью, так и Катерине (невесте.— Н. М.) держать на головах по образу, а напоследок, обводя окруж стола раза с три, и сказали им, Микрюковскому и той Катерине, что оные законно свенчаны и жить можно...»¹⁰⁶.

Следует отметить, что «убегом» в Юго-Западной Сибири выходили «в замужество» и женщины. Но воровать их женихам приходилось уже не у родителей, а у мужа. В 1750 г. крестьянин Ефим Кондаков (Кузнецкий уезд) «подговорил» жену белоярского жителя Василья Шурыгина и бежал с нею из Белоярской слободы¹⁰⁷. В 1777 г. бежали «неведомо куда» крестьянин деревни Чащинской (Томский уезд) Никифор Нарымской и его «избранница» — жена живущего в той же деревне мещанина Ивана Тулумова¹⁰⁸. Бросив первую жену, житель деревни Ордынской Алексей Соловьев (Томский уезд, 1738 г.) «бежал из оной деревни, а с собою воровски увел» жену земляка Андрея Пастухова¹⁰⁹. В 1771 г. бежали от своих супругов крестьянки дер. Секисовки (Змеиногорское ведомство) Варвара Онуфриева и Авдотья Андреева. Первая вышла в «новое замужество» за мастерового Степана Пестрякова, вторая — за крестьянина Ивана Зажигалова¹¹⁰. В 1750 г. вышла «убегом» замуж за солдата Петра Вторушкина томская крестьянка Мария Никифорова. Брак был оформлен в церкви Чаусского острога. Перед венчанием «замужняя невеста» «для отвода глаз у причта» заплела себе косу по-девичьи¹¹¹.

Вообще ни крестьяне, ни служилые Юго-Западной Сибири не считали брак «союзом навеки», поэтому уход от мужа или жены, фактические разводы, сопровождавшиеся вступлением в новый брак, были заурядным явлением в XVIII — первой половине XIX в.¹¹² Такие разводы наблюдались и в Европейской России, но опять-таки не так часто¹¹³. Барнаульский протоиерей Симеон Мефодиев писал митрополиту в Тобольск в 1750 г.: «... здесь такое место, якобы и греха в том не имеют, что от живыя своея жены понять другую венчанием же, тем похвалу себе имеют...»¹¹⁴. Иногда прежний муж или жена получали выкуп от «молодоженов», давая им в свою очередь «отступное письмо»: «1744 году февраля 28 дня Ишимского дистрикту... крестьянин Сидор Иванов сын Чюркин... дал жене моей... которая ныне имеетца в замужестве ж... за казаком Иваном Васильевым сыном Баженовым в том, что мне впредь на нея не просить и от него, Баженова, не возвращать, ещели будет какой от духовенства об оном развод, то повинны мы все собою очищать...»¹¹⁵.

Мы не можем, однако, согласиться с Н. М. Ядринцевым, который считает «непрочность семейных уз» характерной чертой быта сибиряков в XVII—XVIII вв. Народная этика разрешала разводы и вторые браки только в том случае, если к этому был основательный повод. Сопоставление данных дозорных и переписных книг начала XVIII в. с мате-

¹⁰⁶ ТФ ГАТО, ф. 156, 1806 г., д. 4, лл. 5—7.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 14, л. 13.

¹⁰⁸ Там же, ф. 1402, оп. I, д. 29, л. 146.

¹⁰⁹ ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 49.

¹¹⁰ Д. Н. Б е л и к о в, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 96.

¹¹¹ Там же, стр. 95.

¹¹² Там же, стр. 95—99; ГАНО, ф. 109, оп. 1, д. 6, лл. 167—187. Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири..., стр. 311—312.

¹¹³ И. Тюрюмов, Указ. раб., стр. 155—156; А. Смирнов, Указ. раб., стр. 97—98.

¹¹⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1750 г., д. 106, лл. 13—17.

¹¹⁵ Там же, д. 122, л. 8.

риалами исповедных росписей и метрических книг¹¹⁶ показывает, что, как правило, первый брак у крестьян и служилых людей оставался единственным.

«По народному представлению загробная жизнь имеет во многом сходство с земной. После страшного суда в селении праведников муж будет жить вместе с своей первой женой... Вследствие такого представления о загробной жизни, девушки неохотно выходят замуж за вдовцов», — пишет Е. И. Якушкин¹¹⁷. Вряд ли это наблюдение применимо к рассматриваемой нами территории и эпохе. Ведь, как было сказано выше, брак здесь не считался «союзом навеки». Хотя, разумеется, выход замуж за человека, еще не состоявшего в браке, предпочитался браку со вдовцом — и в силу разницы в возрасте, и из-за нежелания женщины иметь дело с чужими детьми. В то же время на вдовах (если они не были в престарелом возрасте, имели достаточное «домообзаводство» и малолетних детей) охотно женились и «первоначальные» молодые люди¹¹⁸. Крестьяне и служилые-земледельцы вообще стремились к возможному расширению своих семей, в том числе и за счет приемных детей. Поэтому считалось выгодным жениться на вдове с детьми. К тому же дети были залогом того, что новый брак не окажется бесплодным.

Боязнь бесплодного брака заставляла иногда будущих супругов вступать в «сожительство» до формального заключения брака: венчания и свадьбы¹¹⁹.

Следует оговориться, что церковное благословение (как и родительское) не считалось обязательным: «невенчанные» браки были достаточно распространенным явлением¹²⁰, особенно у старообрядцев. «Не признавая православного священства», — пишет Н. М. Ядринцев, — они «часто не венчаются и живут сводными и гражданскими браками», благословляемыми «стариками или раскольническими священниками»¹²¹. Не стоит, впрочем, думать, что все раскольники обходились без венчания в церкви. «За браковенчанием раскольники нашего края, — сообщает Д. Н. Беликов о Томском уезде, — должны были поневоле относиться к православной церкви, так как браки, заключенные в самом расколе, в горном ведомстве не признавались или признавались только у записных раскольников и то с величайшим трудом»¹²².

Крестьяне и служилые, считавшиеся православными, обходились без венчания по разным причинам: из-за непомерных взяток, взимаемых священнослужителями, и отдаленности церквей от мест жительства крестьян; при выходе замуж за беглых и пр. Чаусские крестьяне, казаки и разночинцы в 1756 г. жаловались на священников Йльинской церкви: «... попы ваши и дьякон с причетники им великие обиды и разорении чинят и обирают имение... за венчанные памяти всегда не менее с нас берут... рублей от 6 до 10 за первой брак и скотом и хлебом обирают и без того не венчают, и более недели живем в Чеуском и без венчания уезжаем в дом свой...»¹²³. Священники, как отмечалось, довольно легко на-

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1279 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 3—64 об.; кн. 1371, лл. 2—590; кн. 1182, лл. 7—400; кн. 1611, лл. 1—293 об.; ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 1—545; ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 2—131 и др.

¹¹⁷ Е. И. Якушкин, Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия, «Этнографическое обозрение», 1891, № 2, стр. 5.

¹¹⁸ ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 139; ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 23, лл. 342—345; ф. 1134, оп. 1, д. 5, лл. 76—81 об.

¹¹⁹ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 12, лл. 318—319; ТФ ГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 93, лл. 1—3; 1770 г., д. 62, лл. 1—3; Н. Костров, Указ. раб., стр. 103.

¹²⁰ Д. Н. Беликов, Старинный раскол в пределах Томского края..., стр. 63; Н. Костров, Указ. раб., стр. 75; ТФ ГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 93, лл. 1—3.

¹²¹ Н. М. Ядринцев, Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ, «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 2, Омск, 1880, стр. 99—100.

¹²² Д. Н. Беликов, Указ. раб., стр. 55.

¹²³ ГАНО, ф. 109, оп. 1, д. 1, л. 238.

рушали правила, но за это брали дополнительную плату. Неудивительно, что некоторые крестьяне и служилые в подобных случаях предпочитали обходиться без посредничества церкви.

Разлучить «невенчанных» супругов было не так-то просто: на их стороне стояла местная община. В 1760 г., например, крестьянин Филипп Янышев (Барнаульское ведомство) жаловался тобольскому митрополиту, что жена его «зжилась блудно» с крестьянином Ильей Колпаковым и «живет с ним как муж с женой неразлучно» более 10 лет, от «которого их беззакония были и дети рождаются». «И хотя,— продолжал Янышев,— о них и объявлено было бывшим старостам Никифору Полковникову и Андрею Кормину, которые их и наказывали, токмо разлучить никак не могли, и десятникам той деревни по приказу их было подтверждено, чтоб ево жену в той деревне не держать, но выслать к нему, токмо неведомо для чего ими и поныне высыпано к нему не было...»¹²⁴.

Заметим, что «невенчанные» браки случались и в Европейской России, но строгие меры со стороны церковных властей не давали им здесь особенно распространиться¹²⁵.

Народное сознание допускало и брак без свадьбы. В частности, не всегда сопровождались свадебными обрядами браки «убегом». В подобных случаях эти обряды если и совершались, то в значительно измененном и сокращенном виде¹²⁶. Но все же, как правило, и в XVIII и в первой половине XIX в. у крестьян и служилых людей создание новой семьи начиналось со свадьбы¹²⁷.

Основываясь на работах С. И. Гуляева, Н. М. Ядринцева, Н. А. Кострова, Н. О. Осипова, Д. Языкова, С. В. Пахмана, В. И. Семевского, А. Смирнова¹²⁸, можно сделать вывод, что в Сибири не сложилось особого типа свадьбы, существенно отличающегося от свадьбы крестьян центра страны, хотя определенная специфика (сохранение в большем числе «древнейших» элементов и пр.) у нее была.

В целом рассмотренный материал позволяет выделить некоторые характерные черты брака крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.: относительно высокий брачный возраст; отсутствие существенной возрастной разницы между супругами; наличие деревенской экзогамии; нередкие нарушения социальных ограничений брачного круга; сосуществование имущественных и личностных мотивов брака; необязательный характер родительского и церковного благословения при вступлении в брак и допущение фактических разводов; слабая (в сравнении с другими районами Сибири) распространенность браков с аборигенным населением. Многие из отмеченных черт сближают местный брак с крестьянским браком Европейской России. Однако в Сибири они выражены гораздо ярче. Объясняется это спецификой социально-экономических условий, демографической ситуации в крае, политики властей, состояния церковного аппарата. Слабость последнего приводила к тому, что при сохранении за официальным брачным правом ведущей роли обычай позволял сибирякам существенно отступать от него.

¹²⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 93, лл. 1 об.—2.

¹²⁵ А. Смирнов, Народные способы заключения брака, М., 1878, стр. 22—23.

¹²⁶ Г. Потанин, Полгода в Алтае, «Русское слово», 1859, № 12, стр. 292; Н. М. Ядринцев, Указ. раб., стр. 26.

¹²⁷ С. Гуляев, Указ. раб., стр. 1—2; ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 45; ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124; д. 1402, оп. 1, д. 20, л. 5.

¹²⁸ С. Гуляев, Указ. раб.; Н. М. Ядринцев, Указ. раб.; Н. А. Костров, Указ. раб.; Н. О. Осипов, Указ. раб.; Д. Языков, Изыскание о старинных свадебных обрядах у русских, «Библиотека для чтения», т. 6, 1834, стр. 1—36; А. Смирнов, Указ. раб.; С. В. Пахман, Указ. раб.; В. И. Семевский, Указ. раб.

MARRIAGE AMONG RUSSIAN PEASANT AND MILITARY POPULATION OF SOUTH-WEST SIBERIA IN THE XVIIIth AND THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

Living conditions of the peasantry and of the military class (serving and retired cossacks, soldiers, dragoons and their descendants) in South-Western Siberia in the XVIIIth and in the first half of the XIXth century were conducive to the rise of specific forms of marriage. This specificity was not, however, manifested in so-called sexual freedom as has been affirmed by pre-revolutionary researchers (P. S. Pallas, N. A. Kostrov, S. S. Shashkov and others). Marriage among the peasantry and the military class in the region adhered to the main forms characteristic of marital relations in feudal times, but had acquired a certain local tint. The occurrence of socially recognized free alliances (marriages without a church wedding) side by side with «legitimate» marriages was more frequent than in European Russia; marriages usually took place at a comparatively late age (approximately equal for men and women) — over 20; quite often there was no blessing by parents and relatives; village exogamy, aimed at preventing marriages between blood relations and affinity relations, appears to have been more widespread than in European Russia. Since marriages with the indigenous population were rare, their marriage customs exerted little influence over the family life of Russians. Common law and church laws were combined in Russian marriage customs both in the country as a whole and locally; but in Siberia the former played a more important role owing to the weakness of the church organization there.

Э. В. Померанцева

**ИЗУЧЕНИЕ УСТНОЙ ПРОЗЫ
В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(1955—1970)**

В марте 1955 г. известный фольклорист и лингвист Вольфганг Штейниц, сыгравший огромную роль в становлении новой послевоенной этнографии и фольклористики в ГДР, прочитал в Германской Академии наук в Берлине доклад «Песня и сказка как голос народа»¹, в котором указал, что народная поэзия — исторически обусловленное явление, органически связанное с общественной жизнью, и призвал изучать это, как он подчеркнул, «явно демократическое» культурное наследие.

Доклад В. Штейница может служить ключом к раскрытию основных тенденций развития фольклористики в ГДР за последние десятилетия. Как в собирательской, так и в исследовательской работе на первый план было выдвинуто изучение демократической сущности фольклора, в частности исследование в нем мотивов социального протesta. Этим определялся интерес фольклористов ГДР прежде всего к таким жанрам и видам фольклора, как рабочая песня, историческое предание и шванк.

Преимущественно в этом направлении и велась в последние годы фольклористическая работа в бывшем Институте этнографии Академии наук ГДР, в его филиале в Ростоке, в берлинском университете им. Гумбольдта, в Институте сорбской этнографии в Бауцене и в других научных центрах ГДР.

Деятельность эта наиболее ярко отразилась в научных журналах «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde» (Берлин) и «Letopis» (Бауцен), а также в информационном журнале «Demos» (Берлин).

Собирательская работа особенно энергично проводилась в Мекленбурге, где она опиралась на демократические традиции, восходящие к деятельности знаменитого немецкого собирателя Рихарда Воссидло (1859—1939). Не случайно именно в Ростоке фольклористы обратились к собиранию и изучению помимо классических жанров фольклора анекдотов, рассказов, щуток.

Под непосредственным руководством В. Штейница в Берлине началось изучение рабочего фольклора² и социальных тенденций в традиционном крестьянском устном творчестве³. Подобная направленность фольклористики ГДР сказалась не только в изучении песен, достигнув своей вершины в известных трудах В. Штейница⁴, но и в изучении устной

¹ W. Steinitz, *Lied und Märchen als Stimme des Volkes*, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», Berlin (далее — DJfV), Bd II, 1956, S. 11—32.

² W. Steinitz, *Das Leunaled*, DJfV, Bd IV, 1958; его же, *Arbeiterlied*, Там же.

³ H. Stobach, *Deutsche Bauernklagen. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied*, Berlin, 1964.

⁴ W. Steinitz, *Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten*, Bd I, Berlin, 1954; Bd II, Berlin, 1962. Сокращенное издание в одном томе — Berlin, 1972 (*Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Gekürzte Ausgabe in einem Band*, herausgegeben von H. Stobach).

прозы: сказок, преданий и рассказов. Данная статья посвящена рассмотрению именно этой области деятельности фольклористов ГДР.

За последние десятилетия фольклористы ГДР собрали огромное количество устных прозаических текстов, издали ряд обширных сборников преданий и сказок, опубликовали многочисленные исследования, выступили с интересными сообщениями об устной прозе на международных конгрессах, приняли активное участие в создании международных и региональных указателей преданий.

Народная сказка, причем не только немецкая, но и народов мира, издавна, особенно начиная с издания всемирно известных сказок братьев Гrimm, была одним из главных объектов внимания немецкой филологии. Широкий размах сказковедческой работы в ГДР, таким образом, опирается на давнюю научную традицию.

В 1955 г. в первом же томе журнала «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde» начинают печататься обзоры, посвященные изучению сказки в разных странах мира⁵. В одной из этих статей, написанной известным западногерманским сказковедом Л. Рёрихом, подводятся итоги сделанному в послевоенные годы (с 1945 по 1954 г.) в ГДР и ФРГ⁶. Ученый пишет не только о пройденном немецким сказковедением пути и о достижениях в этой области науки, в частности в изучении творчества рассказчика, его взаимоотношения с аудиторией и т. д., но и указывает на значение сказки как материала для целого ряда гуманитарных дисциплин. Л. Рёрих пишет о наиболее насущных задачах в изучении сказки, о необходимости выработки единой терминологии, переиздания источников, применения в изучении сказок новых методов исследования, в частности, изучения психологической обусловленности сказки и т. д.

Со времени опубликования этой статьи и библиографии Ильзы Корн, включившей сказки, вышедшие в ГДР до 1951 г.⁷, фольклористами ГДР сделано очень много в области изучения сказки. Об этом дают представление библиографические обзоры Херты Ульрих и Ингеборг Вебер-Келлерман, охватывающие издания устной прозы по 1968 г. включительно⁸.

О широком размахе сказковедческой работы в ГДР свидетельствует издание международной серии «Народная сказка», объединившей сказковедов многих стран. Первоначально эта серия издавалась под руководством В. Штейница (ГДР), Ю. Кржижановского (Польша) и Д. Ортутай (Венгрия). После смерти В. Штейница в редколлегию были введены Г. Бурде-Шнейдевинд (ГДР), а затем Э. Померанцева (СССР).

К настоящему времени в серии вышли сборники немецких сказок (сост. В. Вёллер), венгерских (сост. Д. Ортутай), чешских (сост. Я. Иех), русских (сост. Э. Померанцева), белорусских (сост. Л. Бараг), турецких (сост. П. Боратов), арабских (сост. Замия ал-Азхария Ян), украинских (сост. П. Линтур). Готовятся к изданию эстонские, латышские и литовские сказки.

Серия заслужила широкое признание в международной фольклористике. Многие ее сборники неоднократно переиздавались. Выходит она объемистыми томами в удачно решенном оформлении, тексты даны в хорошем, близком к подлиннику переводе, сопровождаются комментариями и послесловием составителей, как правило известных специалистов.

⁵ L. Roehrich, Die Märchenforschung, DJfV, Bd I, 1955, S. 279—296; Bd. II, 1956, S. 274—319; Bd III, 1957, S. 213—226 и 494—514, E. Pomeranceva, Die Erforschung des russischen Märchens in der UdSSR in den Jahren 1945—1956, Там же, Bd VI, 1960, S. 444—451.

⁶ L. Roehrich, Указ. раб., стр. 279—296.

⁷ I. Korn, Zum deutschen Volksmärchen, «Der Bibliotekar», № 7/8, Berlin, 1952, S. 437—452; см. также Fr. Rosenfeld, Über die Erforschung niederdeutscher Märchen in der DDR, DJfV, Bd. I, 1955.

⁸ H. Ulrich, I. Weber-Kellermann. Übersicht der gesamtdeutschen volkskundlichen Literatur, DJfV, Bd I, 1955, S. 414—443; Bd V, 1959, S. 180—205; Bd IX, 1963, S. 355—388; Bd XV, 1969, S. 159—198.

Остановлюсь на сборнике немецких сказок. Составительница его Вальтрауд Веллер — одна из ведущих сказковедов ГДР — систематически выступает со статьями, посвященными отдельным сказочным сюжетам, характерным особенностям содержания и формы немецких сказок и преданий⁹.

В отличие от остальных сборников серии, охватывающих все сказочные жанры того или другого народа и тематически не детерминированных, сборник немецких сказок носит название «Сказки о бедных и богатых», что в значительной степени определяет его содержание¹⁰.

Составительница отобрала из богатого немецкого сказочного репертуара сказки, насыщенные социальными мотивами. Немецкие сказки подобной направленности до сих пор были мало известны широким кругам читателей, которые, как правило, судят о сюжетах немецких сказок по сборнику братьев Гримм.

Выяснению мотивов социального протesta в сказках, их социально-сатирических тенденций посвящено и послесловие составительницы.

Помимо этой серии, являющейся несомненным вкладом в международную фольклористику, среди сказочных сборников, вышедших в последние десятилетия в ГДР, привлекают внимание публикации, опирающиеся на огромное наследие Рихарда Воссидло и как бы продолжающие его дело.

Это прежде всего сборник Г. Хенсена «Мекленбуржцы рассказывают»¹¹. Сборник, в состав которого вошли сказки разных жанров, снабжен ценным научным комментарием, словарем, списком рассказчиков. Он открывается интересной, живо написанной статьей о Р. Воссидло и его методах записи.

С именем Р. Воссидло связан и другой интереснейший сборник сказок, изданный З. Нейманом и посвященный шванку, сказочному жанру преимущественно социальной тематики¹². Материал в нем разбит тематически на три основных раздела. В первый вошли шванки о господах, крестьянах и батраках, о ремесленниках и горожанах, о начальниках и подчиненных, о духовенстве; во второй — шванки об Эйленшпигеле, о короле Фрице, тетеровцах (вариант шильдбюргеров); в третий — шванки о любви, браке, о приключениях парней. Сборник открывается статьей, в которой рассматривается история сбиивания шванков, их жанровые особенности и характер бытования. Сборник снабжен солидным научным аппаратом. Составитель убедительно подчеркивает актуальность этого вида сказки для современности, его популярность в городе и деревне.

Как бы продолжением этого сборника является книга того же автора «Мекленбургский рассказчик»¹³. В ней дана биография рассказчика, от которого производилась запись, обзор его репертуара, анализ творческой манеры и мировоззрения, сведения об обстановке, в которой он обычно рассказывает. Тексты сгруппированы по тому же тематическому принципу, что и в предыдущем сборнике. Этот сборник перекликается со

⁹ W. Woeller, Die Triumphscene im deutschen Märchen, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldtuniversität», 1969, № 7; е е же, Der Soziale Gehalt und die soziale Funktion der deutschen Volksmärchen, Там же, 1961, № 4/5; е е же, Die Sage vom fliegenden Holländer, DJFV, Bd XIV, 1968, S. 292—315; е е же, Einige Beobachtungen zum Erzählen in der Gegenwart, «Lefopis», 1968, № 1, S. 176; е е же, Erzählerrahmen in der Weltliteratur, DJFV, Bd XI, 1965, S. 219—228 и др.

¹⁰ «Deutsche Märchen von Arm und Reich. Herausgegeben von Waltraud Woeller», Berlin, 1959, 2-е изд.—1970.

¹¹ «Meklenburger Erzählens. Märchen, Schwänke und Schurren aus der Sammlung Richard Wossidlos. Herausgegeben und durch eigene Aufzeichnungen vermehrt von Gottfried Henssen», Berlin, 1957, 2-е изд.—1958.

¹² «Volksschwänke aus Meklenburg. Aus der Sammlung Richard Wossidlos herausgegeben von Siegfried Neumann», Berlin, 1963.

¹³ S. Neumann, Ein mecklenburgischer Volkserzähler. Die Geschichten des August Rust, Berlin, 1968

статьей того же автора «Современные мекленбургские народные рассказчики», в которой З. Нейман пишет об изменениях, произошедших в современном устном репертуаре: сказки исчезли, предания превратились в историю, устная проза представлена шванками и анекдотами. Отмечает он и изменения, произошедшие в сказковедении, частично под влиянием школы советских фольклористов. В этом плане он считает чрезвычайно перспективным изучение творчества сказочников, ибо именно оно дает возможность познать человека¹⁴. В более ранней статье, посвященной судьбам устной традиции, З. Нейман утверждал необходимость расширения круга изучения устной прозы за пределы классических жанров¹⁵.

Работы З. Неймана отличаются не только высоким качеством текстологической работы, но и проблемностью, теоретической направленностью.

Обобщением наблюдений, сделанных Нейманом в процессе изучения архива Воссидло и многолетней полевой собирательской работы, является его исследование «Мекленбургский народный шванк»¹⁶. Характерен подзаголовок исследования — «Социальное содержание и социальная функция». Целью работы, как указывает автор во «Введении», является широкое исследование шванка одной местности в социальном аспекте¹⁷.

З. Нейман ставит себе задачу ответить на кардинальные вопросы, связанные с изучением шванка: каково социальное содержание жанра, какие общественные явления и проблемы действительности изображаются в нем, каким образом традиционное наследие актуализируется для современности, каковы возможности и границы этого повествовательного жанра в социальной практике, как построены острые в социальном отношении шванки и т. д. Исследователь дает исчерпывающий обзор материала, рассматривает жизненные основы рассказа, социальные акценты в шванке. Основная часть исследования заключает в себе несколько разделов: изображение в шванке общества и его соотношение с действительностью, социальные конфликты в шванке, комическое начало в шванке и его социальная роль. В последнем разделе обосновывается положение, высказанное еще В. Штейницием: шванки в силу своей тесной связи с действительностью представляют широкое поле для социальной критики¹⁸. С этим высказыванием перекликается вывод З. Неймана о социальном содержании шванка¹⁹.

В последней главе исследования рассматривается жизнь шванка в устной традиции. Один ее раздел посвящен рассказчикам и их отношению к шванку, другой — условиям бытования (*Erzählsituation*) шванков в связи с их социальной тематикой. И здесь автор подчеркивает значение шванка как голоса народа²⁰. В приложении к исследованию приведена обширная библиография.

В 1971 г. З. Нейман опубликовал сборник мекленбургских сказок, руководствуясь стремлением «создать книгу, которая сделала бы общим достоянием национальное культурное наследие»²¹.

В небольшой статье невозможно остановиться на всех публикациях и статьях о немецкой сказке, появившихся в рассматриваемый период. Укажу только, что помимо основных исследований, о которых рассказано выше, заслуживают внимания еще несколько работ, посвященных более узким темам. Назову хотя бы статьи дрезденского сказоведа Фр. Зи-

¹⁴ S. Neumann, *Volkserzähler unserer Tage in Mecklenburg*, DJfV, Bd XV, 1969, S. 31—50.

¹⁵ S. Neumann, *Arbeitserinnerungen als Erzählinhalt*, DJfV, Bd XII, 1966, S. 177—191.

¹⁶ S. Neumann, *Der mecklenburgische Volksschwank*, Berlin, 1964.

¹⁷ Там же, стр. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ «Meklenburgische Volksmärchen. Herausgegeben von S. Neumann», Berlin, 1971.

бера: «Чаяния и ожидания в поздней немецкой сказке»²² и «Месяцу платье не сошьешь»²³. В первой из них Зибер, приравнивая роль сказочника к роли прогрессивного художника, говорит от исторической миссии сказки, в которой отразилась народная мечта; во второй прослеживает судьбу фольклорного сюжета, использованного еще Плутархом.

Среди публикаций, рассчитанных на широкого читателя, в первую очередь привлекает внимание сборник шванков, пересказанных А. Фидлером и остроумно иллюстрированных Г. Георги²⁴.

Наряду с изданием и публикацией зарубежных и немецких сказок в ГДР энергично ведется изучение фольклора национальных меньшинств, в частности устной прозы сорбов (лужицких сербов). В этом отношении следует отметить работу фольклористов Института сорбской этнографии в Бауцене, в первую очередь публикации П. Недо. Его сборник «Сорбские народные сказки»²⁵ по качеству текстологической работы и научного аппарата может служить образцом публикации фольклорных текстов.

Во «Введении» к сборнику дается история собирания и изучения сорбской сказки, характеристика сказочников, анализ языковых особенностей, особое внимание уделяется реалистическим чертам в сказке, что характерно для фольклористики ГДР²⁶. Сборник этот ввел в науку малоизвестный материал — сорбскую сказку разных жанров. В этом плане заслуживает внимания и исследование И. Гардош, которая рассматривает репертуар одного современного верхнелужицкого коллектива рассказчиков²⁷. Большое внимание уделено сказке и в исследовании П. Недо, посвященном фольклору лужицких сербов в целом²⁸. Он же является составителем детской книги «Запечный Петер»²⁹, в которой народные сказки умело пересказаны для детей. Среди изданий для детей надо отметить также прекрасно оформленный сборник немецких народных сказок, большинство которых взято из сборника братьев Гrimm, иллюстрированных художниками XIX в.³⁰.

Интерес в ГДР к русской сказке сказался не только в издании академического сборника русских сказок, выдержавшего 9 изданий, и многочисленных сборников русских сказок, рассчитанных на детей³¹, но и в изучении русско-немецких связей в области сказок и сказковедения. Этому вопросу посвящены многочисленные статьи Э. Хексельшнейдера, в частности его статья, опубликованная в СССР, об изучении в ГДР русской народной поэзии³², а также его книга «Русское народное творчество в Германии»³³, в которой много внимания уделено ранним немецким изданиям русских сказок.

Немаловажную роль в развитии сказковедения в ГДР сыграло празднование юбилея Якоба Гrimма, во время которого сказковеды разных

²² F. Sieberg, Wünsche und Wunschbilder im späten deutschen Zaubermärchen, DJIV, Bd III, 1957, S. 11—31.

²³ F. Sieberg, Dem Monde kann man kein Kleid machen, Там же, S. 361—388.

²⁴ «Deutsche Bauernschwänke ausgewählt unter Mitwirkung von Ingrid Eichler, nacherzählt und mit einem Nachwort versehen von Alfred Fiedler», Leipzig, 1965.

²⁵ «Sorbische Volksmärchen. Systematische Quellenausgabe mit Einführung und Bemerkungen. Bearbeitet von Paul Nedo», Bautzen, 1956.

²⁶ Там же, стр. 45—52.

²⁷ I. Gardoš, Das Repertoire einer heutigen obersorbischen Erzählgemeinschaft, «Letopis», 1968/69, 11/12.

²⁸ P. Nedo, Grundriss der sorbischen Volksdichtung, Bautzen, 1966.

²⁹ «Der Kienpeter, Volksmärchen bearbeitet von Paul Nedo», Berlin, 1967.

³⁰ «Haüsschatz deutscher Märchen», Berlin, 1955.

³¹ «Russische Volksmärchen», Leipzig, 1947, «Die schöne Wassilissa», Berlin, 1950, 2-е изд.— 1955.

³² E. Hekschneider, Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts, Berlin, 1967.

³³ Э. Хексельшнейдер, Изучение русского фольклора в Германской Демократической Республике (1945—1966), «Русский фольклор», Л., 1968, стр. 297—308.

стран пришли к выводу о необходимости критического пересмотра и переиздания классического наследия³⁴.

Не менее плодотворно, чем исследование сказки, развивается в ГДР и изучение преданий, которое также восходит к традиции братьев Гримм. Здесь следует прежде всего отметить активное участие немецких фольклористов во всех международных конгрессах и совещаниях по изучению преданий³⁵, в подготовке международного каталога преданий³⁶. В этом отношении характерна деятельность берлинской фольклористки Г. Бурде-Шнейдевинд, которая ведет огромную организационную работу, постоянно участвует в международных конгрессах, где выступает с серьезными, глубокими докладами о преданиях, систематически рецензирует многочисленные немецкие и зарубежные издания преданий, публикует немецкие предания в пересказе для детей, является составительницей академических сборников преданий.

Основная тенденция, определившая характер изучения народной сказки в ГДР, проявляется и в изучении преданий. И здесь фольклористы прежде всего обращаются к преданиям, наиболее насыщенным социальными мотивами, и к наследию Р. Воссидло. Характерно название серии — «Немецкие предания демократического характера», которая открылась в 1960 г. книгой Г. Шнейдевинд «Господин и батрак»; показательен и подзаголовок работы — «Антифеодальные предания из Мекленбурга»³⁷.

Книга состоит из записей Р. Воссидло, которые он предполагал опубликовать в последующих томах предпринятого им еще в 1939 г., в год его смерти, издания преданий³⁸.

В сборник Г. Шнейдевинд вошло около 200 преданий, разбитых на две основные тематические группы: «Преступление» и «Возмездие». К сборнику приложены многочисленные указатели и подробные комментарии. В предисловии составительница характеризует методику Р. Воссидло, принципы его записей и характер его архива и говорит о сложности публикации собранного им материала. Подробно останавливается она на соотношении публикуемого материала с породившей его исторической действительностью.

Продолжением серии публикаций немецких преданий демократического характера явилась книга Г. Бурде-Шнейдевинд «Исторические народные предания между Эльбой и Нижним Рейном»³⁹.

Книга состоит преимущественно из неопубликованных или же мало-доступных «социально-критических» устных повествований. Однако если в первом сборнике публиковались записи, сделанные одним собирателем в одной области, то во втором — материалы, записанные в разных областях, а также ранее опубликованные в периодических изданиях северо-западной Германии.

В предисловии составительница дает определение жанра исторических преданий, к которым она относит передаваемые народом повествования о необычайных событиях, произошедших в крестьянской или городской среде и оказавших воздействие на отдельное лицо или коллектив.

³⁴ «Jacob Grimm. Zur 100. Wiederkehr seines Todestages», Berlin, 1963.

³⁵ «Tagung der Internationalen Society für Folk-Narrative Research in Antwerp», Antwerpen, 1963, а также отчеты о конгрессах в Афинах, Будапеште, Либлице.

³⁶ G. Burde-Schneidewind, Ergebnisse der Zusammenarbeit tschechoslowakischer und deutscher Folkloristen, DJfV, Bd XII, 1966, S. 76—78. G. Burde-Schneidewind, Y. Müller, Der Sagenkatalog, DJfV, Bd XIII, 1967, S. 339—397. L. Roerich und Y. Müller, Deutscher Sagenkatalog «De Tod und die Toten», Berlin, 1969. К сожалению, в последние годы работа по подготовке международного указателя преданий приостановилась.

³⁷ «Herr und Knecht. Antifeudale Sagen aus Meklenburg. Aus der Sammlung Richard Wossidlos. Herausgegeben von Gisela Schneidewind», Berlin, 1960.

³⁸ R. Wossidlo, Meklenburgische Sagen. Ein Volksbuch, Bd. 2. Rostock, 1939.

³⁹ «Historische Volkssagen zwischen Elbe und Niederrhein». Herausgegeben von Gisela Burde-Schneidewind, Berlin, 1969.

Эти идеи были развиты Г. Бурде-Шнейдевинд в докладе на международном совещании в Будапеште.

В сборник включено свыше 300 текстов, сгруппированных по трем основным разделам: «Деревня», «Город», «Солдатчина». В первом разделе мы видим следующие тематические подразделы: «Тяготы и подати», «Жестокие господа», «Жадность, обман и кощунство», «Священнослужители в роли господ», «Крестьяне в роли господ», «Протест и восстания»; во втором — «Буржуазия и дворянство», «Жадность, несправедливость, кощунство», «Протест и восстания».

В «Приложении» дан краткий комментарий, сводящийся к паспортизации текста и указаниям основных параллелей; кроме того, указаны: именной, предметный и географических названий, а также указатель мотивов и тем.

К сожалению, задержались предполагавшиеся издания третьего и четвертого томов немецких исторических преданий из Верхней Саксонии, Тюрингии, Гессена, области Среднего Рейна, Баварии, Австрии и Швейцарии. Можно надеяться, что в ближайшем будущем, судя по выступлениям Г. Бурде-Шнейдевинд на последних конгрессах по изучению народной прозы, будет издана ее монография «Историческая действительность и ее поэтическое отображение в народном предании». Само собой разумеется, что изучением преданий в ГДР занимается не одна Г. Бурде-Шнейдевинд. Так, заслуживают внимания статьи В. Вёллера, в которых исследуются легенды о крысолове, и О. Швера — о лужицких преданиях о разбойниках, в которой он анализирует образ благородного разбойника в народном творчестве⁴⁰.

Среди изданий, рассчитанных на широкого читателя и на детей, следует отметить сборник преданий, пересказанных той же Г. Бурде-Шнейдевинд и удачно иллюстрированных К. Фишером⁴¹, а также книгу «Золотой колодец», составленную Г. Троммером и украшенную иллюстрациями Г. Бартоломеуса⁴².

Итак, даже неполный и краткий обзор работ по собиранию, изучению и публикации в ГДР народной устной прозы свидетельствует о том, что там проводится большая работа на высоком теоретическом уровне.

Вместе с тем нельзя не пожалеть, что работа ведется в основном лишь в аспекте изучения социальных тенденций в сказках и преданиях. Это очень важно, однако нельзя забывать, что фольклор — прежде всего искусство. Эта сторона фольклора в последние годы почти не рассматривалась в работах исследователей ГДР. А какие богатые возможности дают в этом отношении немецкая сказка и немецкое предание, а также богатый материал, собранный в ГДР в последние годы по шванкам и другим жанрам устной прозы.

В настоящее время в мировой фольклористике идут горячие споры о существе устной прозы, разграничении ее видов, о ее генезисе, типологическом сходстве и т. д. Горячо дебатируются работы советских исследователей В. Проппа и Е. Мелетинского, французского ученого К. Леви-Страсса, американского исследователя Г. Данисса, швейцарского сказковеда М. Люти, фольклористов ФРГ Г. Баузингера, К. Ранке, Л. Рёриха. Разрабатываются новые методы изучения народной прозы, ее структуры, функций, поэтических особенностей, соотношения в ней индивидуального и коллективного начал, традиции и новаторства. Идут споры относительно ее исторических судеб и степени жизнеспособности в современном обществе.

⁴⁰ O. Schwär, *Volksgeschichten um Karraseck und andere. Oberlausitzer Räuber*, DJfV, 1962, Bd VIII, S. 75—121.

⁴¹ «Das Riesenspielzeug und andere deutsche Sagen», Leipzig, 1969.

⁴² «Der Goldbrunnen. Eine Sammlung alter deutscher Sagen und sagenhaften Erzählungen. Bearbeitet und herausgegeben von Harry Trommer», Schwerin, 1957.

Фольклористы ГДР, вооруженные глубокими знаниями, располагающие богатыми архивами и владеющие марксистским методом анализа, не должны оставаться в стороне от захватывающей, острой, принципиальной борьбы.

**THE STUDY OF PROSE FOLKLORE
IN THE GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC (1955—1970)**

In recent decades, data collection and research work by GDR folklore researchers had as its foremost object the study of democratic tendencies and motifs of social protest in folklore. This is true also of the study of popular prose: folk tales, legends, and other narrative genres. Besides studying and publishing German folk stories, GDR folklore students devote much attention to publishing tales of the peoples of the world. They have also done much for the study of Russian-German interrelations in the rise and evolution of the folk story. In this field they work in close contact with Soviet folklore students.

A survey of publications issued in the GDR in recent decades engenders the conviction that important work on a high theoretical level is being done there. At the same time it must be regrettably noted that the preparation of an international index of legends, which had been begun there, has been suspended. Insufficient attention is being given to the artistic aspect of prose folklore.

Ш. А. Богина

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В США (XIX ВЕК)

Изучение взаимоотношений разных этнических компонентов населения США и развития соответствующих групп¹ представляет интерес, выходящий далеко за пределы проблем американской нации. Проблемы того же порядка характерны и для других стран, обладающих этнически гетерогенным и к тому же смешанным живущим населением. Из них наиболее близки к США в этом отношении Австралия, Канада, Новая Зеландия. Исследование этнических проблем Америки может пролить свет и на этнический климат иных, пестрых в национальном отношении государств, которыми изобилует наша планета. Главной сценой, на которой развертывалось этническое развитие Америки, являлись ее города, значение которых как в этнических процессах, так и во всех общественных отношениях бурно росло всю вторую половину XIX в. и продолжало нарастать в XX в. Вообще связь межэтнических отношений и этнических процессов с урбанизацией очень значительна, а в современную эпоху становится все важнее.

Этническая пестрота американского населения явилась результатом многочисленных и многолюдных миграционных потоков. Вся история человечества знала миграции, но особый размах они приобрели в капиталистическую эпоху. Эти переселения — если не народов, то их частей — следует рассматривать не как нарушение исторических принципов или исключение из правила (иногда в литературе они так и трактуются), а как историческую закономерность. Миграции как часть всемирно-исторического процесса нуждаются в углубленном изучении. Развертываясь в пространстве (переезд из одного места в другое), что очевидно, миграции происходят также во времени, во времени историческом, представляя собой некое пересечение двух измерений: ввиду различия стадий исторического развития, проходимых одновременно разными народами, мигранты могут переселиться не только в другую страну, но и в другую историческую формацию. Так неоднократно и происходило. Например, в Америку конца XIX в., вступавшую в период монополистического капитализма, приезжали массы людей из слаборазвитых, зачастую полуфеодальных областей Южной Европы, Передней Азии и т. д. Это несоответствие уровней исторического развития страны выхода и принимающей страны во многом определяет социальную судьбу мигрантов, тип их поведения, а также этнические процессы, в которые они вовлечены. Самый характер этих процессов меняется, а этнические свойства, какими обладали переселенцы на родине, не могут остаться неизмененными.

Изменение этнических свойств мигрантов вытекает прежде всего из того, что они с первого же дня приезда в новую страну начинают подвергаться ассимиляции. Это не следует понимать как простое уподоб-

¹ В данной статье не рассматриваются негритянский и индейский компоненты населения США, каждый из которых обладает значительным своеобразием.

ление жителям принимающей страны, хотя такое уподобление безусловно входит в ассимиляционный процесс. Но, даже строя, оформляя, развивая свою этническую группу (американских норвежцев, американских поляков и т. д.), иммигранты не только продолжают этнические традиции прежней родины, но и создают новую этническую общность, составляющую часть американского народа.

Основой ассимиляционного процесса является, на наш взгляд, интеграция экономическая и социальная, которую можно назвать структурной: оказавшись в рамках нового этносоциального организма, иммигранты, вынужденные зарабатывать себе на жизнь, неизбежно включаются в экономическую систему этого организма и тем самым становятся частью его социальной структуры. Дальнейшая судьба иммигрантов и их этнических групп определяется прежде всего потребностями и развитием этого этносоциального организма, что нередко вызывает перемену классовой принадлежности и рода занятий переселенцев. Так, ирландские, а через несколько десятилетий итальянские арендаторы и батраки строили в Америке каналы и железные дороги, изменившие лицо страны, а франко-канадские и польские крестьяне становились индустриальными рабочими бурно разраставшихся заводов США.

На основе этой структурной ассимиляции развиваются все другие виды ассимиляционных процессов: языковый, бытовой, культурный и т. д. При этом следует учесть, что этнические процессы происходят гораздо медленнее, чем основополагающие экономические, и на этой почве возникают трудно преодолимые противоречия. Диспропорции подобного рода образуются также между темпами социально-экономического развития общества, с одной стороны, — и психологического развития личности, а также социально-психологического развития человеческих коллективов — с другой. Развительными противоречиями этого типа изобиловал конец XIX в. в Америке. Вообще же психологические особенности (в данном случае групповые) и психологическое развитие имеют, как уже отмечалось в советской литературе, очень большое и еще недостаточно исследованное значение для этнических процессов², особенно когда они происходят в этнически гетерогенной среде.

Ассимиляцию нельзя рассматривать как процесс односторонний. Иммигантские этнические группы, заимствуя культуру окружающего населения, в то же время обогащают ее многими чертами своей материальной и духовной культуры. «Всякое культурное общение обязательно протекает в порядке взаимности», — говорил И. А. Орбели, подчеркивая важность и плодотворность стыков различных культур³. Но в условиях Америки равновесия в этом культурном общении не было: доминировала культура, уже сложившаяся в стране. Иммигранты и их потомки, находившиеся на разных стадиях ассимиляционного процесса, были людьми маргинальными, т. е. стоявшими на грани двух культур и причастными к обеим. Маргинальность была свойственна не только людям по отдельности, но и переходным этническим иммигантским группам в целом⁴.

Очень важной областью ассимиляции было языковое поведение иммигрантов. Усвоение господствующего языка страны — английского (пусть в самой малой степени) становилось для иммигрантов настолько необходимым. Двуязычие, столь характерное для Америки, как и для других регионов с этнически разнородным населением, возникало (если понимать его как процесс) на первых же стадиях жизни в новой стране.

² В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 309; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 161.

³ И. А. Орбели, Восток и Запад в XII—XIII веках, «Вопросы истории», 1965, № 6, стр. 105.

⁴ Характеристика иммигантских групп как переходных введена в нашу литературу М. Я. Берзиной (см. ее статью «Этнический состав населения Канады», «Сов. этнография», 1968, № 1).

Характерно, что при всем разнообразии исходных языков лингвистическое развитие иммигрантов разных национальностей совершалось по одному типу, который определялся воздействием английского языка и условий жизни в Америке.

Прежде всего у иммигрантов вырабатывались своего рода гибридные языки: при сохранении грамматической, синтаксической, фонетической структуры родного языка лексика его обновлялась, в нее все более проникали лексические элементы английского языка. Обозначая незнакомые прежде предметы и явления, английские слова, кроме того, употреблялись особенно часто в области экономики, политики, официальной жизни. Гораздо позднее они проникали в домашнюю жизнь, личные отношения. Дольше всего держался родной язык в терминологии родства. Таковы выводы основательных исследований иммигрантского языка, проводившихся, например, среди американских норвежцев⁵. Это подтверждают данные и по другим группам. Такие смешанные языки давали повод к насмешкам как со стороны англоязычных американцев, так и со стороны европейских соплеменников американских иммигрантов. Персонаж одного из рассказов О'Хары, вполне англоязычный американский итальянец, поддразнивает своих собравшихся за торжественным обедом детей, предлагая им, на таком гибридном языке, отведать «a leetla beata» (вместо «a little bit» — немного) угощения. В ответ на их протесты он в том же стиле заявляет: «Me speaka da perfect English» (вместо «I speak [the] perfect English» — я говорю на превосходном английском языке)⁶. Однако для первого поколения иммигрантов гибридные языки служили весьма реальным средством общения. И если мужчины интенсивнее осваивали английскую речь, то женщины того же поколения, матери семейств и хранительницы этнических традиций, упорно держались за родной язык, фактически же пользовались охарактеризованной выше смешанной речью. Но их дети уже свободно владели английским языком. С возмужанием второго поколения иммигрантов двуязычие вступало в фазу завершения. Каждый язык употреблялся в своей сфере, причем сфера языка предков все более ограничивалась семьей и церковью. В зависимости от ситуации, собеседника и иных обстоятельств применялся тот или другой язык. За этой фазой следовал переход на английский язык, который не исключал, а иногда и предлагал интерес к языку предков, но уже не как к средству живого общения, а скорее как к идеологической ценности и иностранному языку. Такой интерес — частое явление в современной Америке. В общем же языковая ассимиляция совершилась в США быстрее и успешнее, чем ассимиляция во многих других областях культуры.

Если условно разделить человеческое поведение на область работы и область «игры» и применить такое деление к ассимиляционным процессам, то окажется, что процессы эти быстрее протекали в области работы, т. е. необходимых для жизни занятий. Что же касается области «игры» — праздников, развлечений и т. д., то в ней дольше держались традиции прежней родины. Это относилось к празднованию Рождества у норвежцев, к шумным процессиям в престольные праздники у выходцев из Италии, к хоровому пению у немцев и т. д. Однако и в этой сфере шла ассимиляция (причем многие «игровые приемы» заимствовались окружавшим иммигрантов американским населением), но происходила она менее интенсивно.

В городах ассимиляционные процессы происходили быстрее, чем в сельской местности. Эта преобладающая тенденция имела тем большее значение, что темп урбанизации был в США, как известно, очень высок.

⁵ См.: E. Haugen, The Norwegian language in America. A study in bilingual behavior, Philadelphia, 1953; G. G. Gilbert (ed.), Texas studies in bilingualism, Berlin, 1970.

⁶ J. O'Naga, Assembly, London, 1967, p. 120.

В сельских поселениях, особенно однонациональных, прежние традиции держались гораздо более стойко. Примеры — немецкие поселки середины XIX в., скандинавские поселки конца XIX в. Крайним случаем подобного рода были изоляты вроде старинных поселений немецкой секты амиш, где до наших дней запрещено пользоваться, например, радио, ваннами, автомобилями, тракторами. Но такие изоляты являлись исключением, подтверждающим правило. А правилом были города, и для иммиграントского населения еще в большей степени, чем для старожильческого: ведь большинство иммигрантов селилось в городах и промышленных поселках. Впрочем, ускорение ассимиляции в городах также не следует понимать однозначно. Большие скопления иммигрантов одной национальности в крупных городах, их расселение национальными кварталами стимулировали этническое сплочение, деятельность национальных организаций и т. п. Однако эндоцентристские течения, развивавшиеся в городской обстановке, были внутренне противоречивы: организации этнических групп (добровольные общества, просветительные кружки и т. д., вплоть до школы и церкви), переходя со временем на английский язык и все более уподобляясь в своей деятельности соответствующим организационным системам американских старожилов, постепенно теряли этническую специфику и сами становились орудием ассимиляции.

Разумеется, характер и темп ассимиляционных процессов в очень большой степени зависит от общесторического развития всего мира, принимающей страны и, наконец, данной этнической группы. В период промышленного переворота, в канун империалистической эпохи, да и в нынешний период научно-технической революции ассимиляционные процессы в Америке имели ряд существенных особенностей. В тесной связи с этим большое значение имела смена иммигрантских поколений. Этническое поведение детей и внуков иммигрантов отличалось в каждом поколении своими особенностями, причем на любой стадии общественного развития оно имело специфический характер, определяемый этим общественным развитием. Для современного периода, например, американский исследователь предлагает объединить — в смысле этнического поведения — второе поколение иммигрантов и третье⁷.

Характерно, что если в первом поколении женщины, как отмечалось выше, являлись хранительницами этнических традиций в семейной и культурной жизни, то уже для второго поколения положение меняется. Девочки дольше и лучше учатся в школе, чем мальчики того же поколения, лучше осваивают английский язык, вырастают более приспособленными к окружающей среде, больше впитавшими в себя нормы и ценности окружающего общества, зачастую социальная мобильность их выше⁸. Сходные явления зафиксированы у американских негров, да и у всего населения США⁹. Наблюдаются они и у других народов мира. Разумеется, причины и выражение этой тенденции разные у разных народов и стран, однако сама тенденция имеет явный характер. В США ее можно объяснить некоторыми конкретными обстоятельствами. Так, сфера применения женского труда там расширялась уже с конца XIX в. Это в особенности относилось к конторской работе и другим «беловоротничковым» занятиям, в которые вовлекалось множество дочерей иммигрантов, а в середине XX в. и молодых негритянок. Отмеченная выше

⁷ J. A. Fishman e. a., *Language loyalty in the United States*, London, 1966, p. 405—406.

⁸ H. J. Gans, *The urban villagers. Group and class in the life of Italian-Americans*, New York, 1965, p. 25, 133, 136, 207—208; P. and A. S. Rossi, *Some effects of parochial school education in America*, «*Daedalus*», Spring, 1961, p. 305, 306, 308; G. Lenski, *The religious factor. A sociological study of religious impact on politics, economics and family life*, Garden City, N. Y., 1961, p. 240.

⁹ L. Broom and N. D. Glenn, *Transformation of the Negro American*, New York, 1965, p. 20, 86.

тенденция наблюдалась во всех этнических группах Америки, несмотря на большие различия в их исходной семейной структуре, которая, как известно, очень важна для социальной роли женщины. При всех этих различиях семья всех иммигантских групп развивалась в одном направлении, определявшемся условиями американского общества,— к малой двухпоколенной городской семье, ориентированной на детей. Здесь возникает аналогия с языковым развитием иммигрантов, которое, как отмечалось выше, имея качественно различные исходные базы, также совершилось в одном направлении, определявшемся влиянием господствующего языка Америки.

Как же складывалась в такой обстановке межэтническая ситуация? Определяющим ее элементом является национальная и расовая дискриминация, которой в разные периоды подвергались в той или иной степени и форме все группы иммигрантов в Америке. На эту, чрезвычайно характерную для общественного быта США черту проливает свет замечание шведского историка М. Мёрнера, относящееся к Латинской Америке: «До настоящего времени,— писал Мёрнер,— в Латинской Америке отсутствовала обстановка ускоренного развития, неизменно сопровождающегося напряженной экономической борьбой между представителями различных этнических групп и — как следствие — обострением межэтнических отношений»¹⁰. В США обстановка была в этом смысле противоположная, и ускоренное капиталистическое развитие, которым — особенно в XIX в.— отличалась эта страна, действительно обусловило особую остроту межэтнических отношений, в первую очередь этнической дискриминации. Иммигантское население ощущало дискриминацию в самых разных областях жизни — при поисках работы и жилья, в быту, в церкви и т. д. Доминировало в этой дискриминации угнетение со стороны господствующих классов, которым она облегчала эксплуатацию иммигантских масс. Отсюда проистекал климат дискриминации, преобладавший во всем обществе, чему сильно способствовала межэтническая конкуренция людей и групп, находившихся на одном социальном уровне.

Социально-психологические реакции этнического меньшинства на дискриминацию колеблются в широких пределах между двумя полюсами. На одном — безоговорочное принятие обычаем окружающей среды вплоть до враждебного отношения к своей группе, стремление избавиться от принадлежности к ней, быть, «как все», стать просто американцем. На другом — протест против дискриминации, поиски отпора ей в сплочении своей этнической группы, культивирование ее своеобразия, усиление этноцентристских тенденций вплоть до воинствующего самоутверждения¹¹. Между этими полюсами — масса промежуточных оттенков, составляющих в совокупности некую непрерывность. Преобладание тех или иных реакций, их сочетание зависят от общественно-исторических условий. В иные периоды может взять верх — в статистической тенденции — даже одна из крайних позиций, но обычно индивидуальные установки весьма разнообразны.

Весь комплекс дискриминации (включая реакцию на нее) весьма важен для ассимиляционных процессов. Он им препятствует и замедляет их. Хотя при первой из описанных выше крайних установок (ненависть к своей группе) давление извне может форсировать отказ от прежних этнических черт, такие случаи относительно редки. Это эффект того же типа, который дает насилиственная ассимиляция. Он сопровождается психологически болезненными осложнениями. Для стихийной, естественной ассимиляции (а в США преобладала такая) дискриминация пред-

¹⁰ М. Мёрнер, Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема, «Расы и народы», I, M., 1971, стр. 191.

¹¹ Такие реакции подробно разобраны в исследовании: I. Childe, Italian or American? The second generation in conflict, London, 1943.

ставляет величайшую из помех. И усиление дискриминации вызывало там, как правило, реакцию этноцентризма иммиграントских групп.

В этнических отношениях в США участвовало не две стороны — большинство населения и иммиграントское меньшинство, а много: система эта включает сложные отношения между разными этническими группами. По преимуществу эти отношения строились иерархически; иерархия же этнических групп определялась их положением в американском обществе. Социальный престиж каждой из них зависел от ее классового состава, имущественного уровня, специфических социальных функций, когда такие имелись, и степени ассимилированности. Последняя, тесно связанная с предшествующими факторами, обычно обуславливалаась длительностью пребывания данной группы в Америке и степенью ее социальной мобильности. Так, в конце XIX в. более высокое социальное положение занимали иммиграントские группы, имевшие два-три поколения в Америке, — немцы, ирландцы — и более низкое — недавно приехавшие выходцы из Южной и Восточной Европы. Экономическое и социальное соотношение этнических групп регулировалось «иммиграントским циклом», по выражению американского ученого Д. Коула¹². Это значило, что вновь прибывшие иммигранты, занимая самое низкое положение в общественной структуре, как бы выталкивают наверх иммигрантов национальной группы, занимавшей это место прежде, а впоследствии первых заменяет в этом положении следующая иммиграントская группа. Такой сдвиг не раз происходил в фабричных городах США. Он же имел место в национальных жилых кварталах, где ирландцев, например, сменяли итальянцы, шведов — поляки и т. д. Эти обстоятельства нередко вызывали взаимную неприязнь, конфликты, столкновения. Между национальными группами, занимавшими однородное положение в общественной системе, — обычно наемными рабочими — возникали трения вследствие конкуренции на рынке труда, которая только усугублялась разноплеменностью и разнозыкостью иммигрантов, особенно возросшей на грани XIX и XX вв.

Вся сложная система межэтнических отношений выражалась в этнических стереотипах и отчасти ими же регулировалась. Эта обширная сеть предвзятых, окостеневших представлений и суждений включала в себя и унаследованные предрассудки, и обобщение случайных впечатлений, и анекдоты по поводу той или иной национальности, и этнофолизмы — бранные клички этнических групп, и многое другое. «Каким бы путем ни сложились те или иные этнические стереотипы, — пишет советский ученый И. С. Кон, — они с течением времени приобретают характер нормы, передающейся из поколения в поколение как нечто бесспорное, само собой разумеющееся»¹³. Существовал стереотип общеиммиграントский (основная линия — подозрительно-пренебрежительное замечание — «эти иностранцы», «эти чужаки»), существовали стереотипы всех этнических групп, чаще всего отрицательные, выражавшие этнические предубеждения. Несмотря на неосновательность последних, на очевидную подчас их нелепость, «предубеждения эти, — как справедливо замечает И. С. Кон, — так же органически входят в состав культуры классового общества, как и все прочие его нормы»¹⁴. И как, добавим, национальная рознь, особенно характерная для американского общества.

При всей своей статичности стереотипы могли меняться в зависимости от историко-психологической обстановки. Массовые иммиграントские группы середины XIX в., ирландцы и немцы, подвергавшиеся в то

¹² D. B. Cole, Immigrant city. Lawrence, Massachusetts, 1845—1921, Chapel Hill, 1963, p. 13.

¹³ И. Кон, Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений), «Новый мир», 1966, № 9, стр. 201.

¹⁴ Там же.

время жестоким нападкам, стали в конце века расцениваться обыденным сознанием гораздо благоприятнее. В их стереотипах стали подчеркиваться положительные свойства, те же, что прежде квалифицировались как пороки, теперь считались просто чудацествами. Зато прежние отрицательные черты этих стереотипов были перенесены в стереотипы новых иммигрантских национальностей — итальянцев, греков и др., которые в эти годы начинали свой иммигрантский цикл. В противопоставлении старых, ставших привычными, обамериканившихся иммигрантских групп новым, которым теперь досталась роль «плохих», и заключался резон изменения ирландского и немецкого стереотипов. В конце XIX в. положительные стереотипы (правда, редкие) отдельных иммигрантских национальностей имели и другую подоплеку — распространение расистских теорий, главным образом англо-саксонской и тевтонской. Этнические группы, относимые к соответствующим «расам», расценивались положительно, а иногда даже восхвалялись.

Стереотипы, порожденные социальными традициями и условиями, оказывали обратное влияние на социальную жизнь. Положительный стереотип выходцев из Скандинавии, причисленных к «желательным расам», облегчил их жизнь в Америке по сравнению с жизнью прибывавших туда в тот же период уроженцев Южной и Восточной Европы и ускорил их ассимиляцию. Отрицательные стереотипы, гораздо более частые, порожденные атмосферой дискриминации и вновь порождавшие ее, затрудняли и замедляли ассимиляцию большинства иммигрантских групп.

Одним из действий стереотипов было возникновение у этнических групп автостереотипов, соответствовавших распространенным о них ходящим мнениям. Это было примером некритического восприятия норм окружающего общества. Иммигранты определенной национальности видели себя такими, какими видела их «референтная группа», — та, на которую они ориентировались при выработке ценностей, и которая служила им образцом. Такой группой, воплощавшей нормы и ценности американского общества, все более становились те, кого стало принято называть «белыми протестантами англо-саксонского происхождения» (White Anglo-Saxon Protestant, сокращенно WASP). Это была скорее символическая, чем реальная, группа. Людей, соответствовавших ее критериям, было чаще всего мудрено выделить, главным образом по части «англо-саксонского» происхождения. В Нью-Йорке, например, в ее фактически включали также немцев и французов. Практически под WASP понимали «чистых», «истинных» американцев, антипод иммигрантов — американцев второго сорта. В период обострения шовинизма и распространения расизма, характерных для наступления империалистической эпохи, такое противопоставление приобретало особый смысл. В современный период WASP иногда трактуют как этническую группу, своего рода этническое меньшинство. Такая точка зрения не кажется убедительной хотя бы потому, что общность происхождения причисляемых к этой категории людей весьма спорна, а об этническом самосознании, подобном тому, какое имеют, например, потомки итальянцев или ирландцев, не приходится говорить. WASP представляется скорее мифом, освящающим американскую этническую систему.

Самой реальной характеристикой этой категории является протестантизм. Религия всегда имела большое значение в жизни американского общества, не потеряв она его и сейчас. Это религия институционализированная¹⁵. Принадлежность к какой-нибудь (одной из многочисленных) религиозных организаций, посещение (пусть изредка) церкви составляют признак «хорошего тона», благопристойности, респектабельности, что не обязательно предполагает религиозные чувства или убеж-

¹⁵ См.: А. А. Кислова, Религия в формировании американской нации, «Национальные процессы в США», М., 1973, стр. 385, 386.

дения. Американские церковные организации широко занимаются светской деятельностью. Они имеют разветвленную сеть женских, юношеских, благотворительных и других обществ.

Несмотря на отсутствие в США государственной церкви, протестантское вероисповедание сохранило там сильные общественные позиции. В XIX в. оно рассматривалось как истинно американская религия и оказало большое влияние на религии иммигрантов. Большинство иммигрантских национальных групп исповедовало католичество. Оно, как и его носители, подвергалось в Америке XIX в. гонениям, особенно усилившимся в годы социальных кризисов. Однако католическая церковь, все расширявшаяся вследствие роста иммиграции, американизировалась вместе со своей паствой и даже послужила серьезным средством ее ассилиации. Главную роль в этом сыграли ирландцы, первая массовая католическая иммигрантская группа, которая, собственно говоря, и создала своими силами и средствами американскую католическую церковь как массовую религиозную организацию. Духовенство этой церкви многое десятилетий оставалось преимущественно ирландским по происхождению, чему способствовало англоязычие ирландской группы. На этой почве неоднократно происходили этнические конфликты внутри католической церкви: против церковного руководства, в котором господствовали ирландцы, выступали немцы, итальянцы и др. Но дело здесь было не только в языке богослужения и национальном происхождении священников: церковные раздоры зачастую носили более широкий социальный характер, особенно потому, что позднейшие иммигранты (например, те же итальянцы) занимали в американском обществе низшее по сравнению с ирландцами положение.

Среди протестантов социальные, идеологические, этнические распри находили другое выражение. Если католическая церковь была единой и централизованной, то протестанты делились на великое множество церквей и сект, причем время от времени возникали новые секты, а старые церкви раскалывались. Каждая имела более или менее определенную социальную базу, причем если в начале своей деятельности большинство опиралось на низы населения, то с течением времени наиболее устойчивые становились респектабельными, обуржуазивались и соответственно регулировали свой состав. Так происходило, например, с крупнейшими протестантскими церквами — баптистской и методистской. Принадлежность к этой или иной из протестантских церквей бывала знаком социального престижа, и практически повышение имущественного статуса нередко влекло за собой переход в более престижную церковь.

Иммигранты-протестанты имели свои церковные организации, разумеется, гораздо более слабые, чем католическая. Крупнейшей была лютеранская церковь, делившаяся на несколько соперничающих между собой ветвей. К лютеранам принадлежали главным образом немцы и скандинавы. Иммигрантские протестантские организации нередко сближались с родственными им в докатолическом отношении англоязычными протестантскими церквами. Лестница социального престижа существовала и здесь. Из этих и иных соображений иммигранты-протестанты подчас переходили в общеамериканские англоязычные конгрегации. Это происходило чаще и легче, чем переход из католичества в протестанство, хотя случались и такие переходы (например, среди итальянцев), обычно означавшие сознательную попытку американизироваться и преуспеть.

Этническим группам, исповедующим протестанство, ассилияция давалась легче, чем приверженцам иных вероисповеданий. Очень важной частью положительного стереотипа выходцев из Скандинавии, например, была их принадлежность к протестанству. Шовинистические организации, развившие шумную деятельность в Америке конца XIX в. и нападавшие на иммигрантов-католиков, принимали к себе шведов, шот-

ландцев и других иммигрантов-протестантов. Для последних участие в шовинистической кампании служило, видимо, свидетельством превосходства над другими этническими группами и знаком приобщения к «стопроцентному американству», как стали говорить в годы первой мировой войны.

Следует отметить, что смешанные браки между представителями разных этнических групп американского населения чаще заключаются внутриконфессионально. В особенности это характерно для католиков и обусловлено, в частности, тем, что католическая церковь ставит значительные препятствия на пути тех своих прихожан, которые заключают браки с приверженцами других церквей.

* * *

Важным условием формирования этнической системы Соединенных Штатов (и подобных им по типу стран) явилось отсутствие там этнотерриториальных подразделений. Только мексиканцы США живут неким этническим массивом (хотя и он далеко не сплошной) на юго-западе страны, чем объясняются некоторые их этнические особенности. Негры в XIX в. составляли большинство жителей некоторых районов «черного пояса» в южных штатах, но уже несколько десятилетий миграции на север и запад размывают это их территориальное сосредоточение. Другие этнические группы не имели в Америке своих территорий. В XIX в. предпринималась не одна попытка их создания. Выдвигались проекты основания на территории Америки национальных государств — «Новой Германии», «Новой Венгрии» и т. д., но они сразу наталкивались на отказ американского правительства предоставить их инициаторам большие сплошные земельные массивы. Важнее, однако, было то, что все капиталистическое развитие США, как сельскохозяйственное, так и в особенности индустриальное, весь урбанистический склад жизни, получивший преобладание в этой стране, были связаны со стихийным и быстрым смешением этнически разнородного населения.

Сложившийся таким образом тип расселения способствовал относительно быстрой ассимиляции различных этнических элементов, которые в совокупности развивались как единая нация, несмотря на всю сложность взаимных отношений ее этнических компонентов. Бурное развитие городов и сосредоточение в них большей части пришлого, этнически гетерогенного населения сыграли в этом большую роль.

Этническая разнородность имела важное значение для социального функционирования американского капитализма. Несхожесть разных компонентов населения, взаимное непонимание, распри он использовал в своих экономических и политических целях. Американская буржуазия раздувала эти распри, искусственно вызывала их, натравливая одну национальность на другую. Классическим приемом, например, был срыв стачки рабочих одной национальности с помощью штрайкбрехеров, принадлежащих к другой этнической группе. Ввиду того что большинство иммигрантов работало по найму, приемы разобщения рабочих разных национальностей отличались богатством и разнообразием. Но как раз принадлежность большинства иммигрантов к людям наемного труда обусловила для них преимущественный путь ассимиляции, который пролегал через участие в рабочем движении, борьбу профсоюзов, забастовки. И здесь в разные периоды задавали тон различные этнические элементы, и здесь между ними возникали соперничество и борьба. Американская федерация труда, например, возникшая в конце XIX в. как организация рабочей аристократии, объединяла преимущественно выходцев из Великобритании, немцев, ирландцев, отталкивая рабочих другого этнического происхождения. Немало профсоюзов возникало независимо, на почве национальной и языковой однородности. Но десятилетия борьбы американских рабочих сделали очень многое для межэтнического сплочения жителей их страны.

Этнические группы американского населения как организационная система сохранились, несмотря на смену нескольких поколений потомков иммигрантов, успешно ассимилировавшихся в экономическом, языковом, культурном, бытовом отношениях. Вряд ли это можно объяснить лишь живучестью их европейских (или азиатских) традиций. Скорее дело в том, что они нашли себе место в американском обществе и стали частью его механизма, превратились в структурный элемент американской нации. Ч. Уолленберг, современный американский ученый, не без основания замечает: «Верно, что в Соединенных Штатах действительно существует сильное стремление к культурному единообразию, стимулируемое очевидными нуждами единой политической и экономической системы... Однако существует также стойкая уравновешивающая тенденция к сохранению этнической обособленности... Напряжение между этими двумя противоборствующими общественными течениями есть одна из великих движущих сил нашей истории...»¹⁶.

Взаимодействие тенденций общенациональной интеграции и группового этноцентризма проходит сквозь всю историю США и пронизывает взаимоотношения этнических групп. Оно обусловило дуальность этнического самосознания членов этих групп. Безусловно сознавая себя американцами, они также ощущают свою принадлежность к полякам (американским), итальянцам (американским) и т. д. Разумеется, интенсивность этих ощущений и их соотношение зависят от степени ассимилированности индивидуума и группы, от исторической обстановки и других условий и могут изменяться и колебаться. Этническое самосознание как сознание принадлежности к определенной этнической группе, составляющей часть американского народа, и система организаций этнической группы, поскольку они еще сохраняются,— вот что остается у самых ассимилированных групп американского общества. Подобная «этничность» продолжается лишь в идеологической и психологической областях, но и здесь она может испытывать взлеты и падения в зависимости от исторических условий. Таким образом, этническое самосознание людей, входящих в американские этнические группы, отличается известной иерархичностью, господствующим элементом которой является сознание принадлежности к американской нации.

Тенденция к общенациональной интеграции является ведущей по отношению к тенденции группового этноцентризма.

INTERETHNIC RELATIONS IN THE USA (XIXth CENTURY)

An attempt is made at a theoretical analysis of the problem. Migrations in the course of which the multi-ethnic population of the USA (as of many other countries) was formed are viewed as intersections of space and historic time, immigrant life depending on the relation of the degree of development of the country of emigration to that of the receiving country. The processes of assimilation are analysed with special stress on linguistic developments.

Ethnic discrimination is regarded as the principal phenomenon of the system of interethnic relations, the whole system formed by a hierarchy of ethnic groups and expressed by a set of stereotypes and, conversely, autostereotypes. The role of confessional divisions for the system is considered.

The absence of an ethno-territorial division of the country is emphasized as an important condition of the US ethnic structure. The interplay of tendencies towards cultural uniformity and ethnic isolation throughout American history has produced a sort of dual ethnic consciousness — that of belonging to the American nation as a whole and that of belonging to one of the ethnic groups forming part of its structure, the first tendency having apparently proved the stronger.

---

¹⁶ Ch. Wollenberg, Ethnic experiences in California history: an impressionistic survey, «California Historical Quarterly», September, 1971, p. 221.

А. Б. Д а в и д с о н

И. И. ПОТЕХИН И СОВЕТСКАЯ АФРИКАНИСТИКА *

Становление отечественной африкастики неразрывно связано с именами двух ученых: Дмитрия Алексеевича Ольдерогге и Ивана Изосимовича Потехина (1903—1964).

Многие творческие годы И. И. Потехина отданы Институту этнографии. Он работал здесь почти 14 лет, с апреля 1947 до конца 1959 г. (а в Отделении истории АН СССР еще дольше). Работая в институте, он написал или подготовил большинство своих научных работ. Он был членом редколлегии журнала «Советская этнография», регулярно публиковал в нем свои статьи, обзоры, рецензии, написал немало передовых статей.

Конечно, читателям нашего журнала ближе всего его деятельность в области этнографии. Но вряд ли можно и вряд ли нужно строго отделять ее от остальной его научной работы, до и от научно-организационной, которая сыграла большую роль в развитии отечественной этнографии и африкастики. Заместителем директора Института этнографии Иван Изосимович был больше десяти лет, а затем четыре с лишним года директором Института Африки.

Его замыслы оказали заметное влияние на работы африкалистов и в последние 10 лет.

Диапазон научных интересов Ивана Изосимовича был обширен. В его работах поставлены многие проблемы, волнующие африкастику и сегодня. Это вопросы социальной структуры и ее трансформации, разложения традиционного строя и быта и становления того общества, которое многие ученые в наши дни стали называть колониальным. Это и широкий комплекс вопросов, связанных с колониальной эксплуатацией африканских народов. Это взаимоотношения различных этнических групп, расизм и расовое угнетение, дискриминация и сегрегация. Это проблемы становления национального и политического самосознания и новых форм борьбы, как антиколониальной, национально-освободительной, так и классовой, пролетарской. При всем многообразии тематики научная деятельность Ивана Изосимовича и вся его творческая жизнь были подчинены одной задаче — содействовать освобождению африканских народов, помочь им проложить путь в будущее.

Споры вокруг наследия И. И. Потехина не прекращаются. Его подход к проблемам социальной структуры и этнических процессов в африканских странах, оценки трудностей и перспектив развития африканских народов, его анализ идей некапиталистического развития и различных теорий африканского социализма — все это снова и снова обсуждается

* В основу статьи положен доклад, сделанный 2 октября 1973 г. на заседании Ученых советов Института этнографии и Института всеобщей истории АН СССР, посвященном 70-летию со дня рождения И. И. Потехина.

и западной африканской, и учеными самих африканских стран¹. Участники IX Международного конгресса антропологических и этнологических наук в Чикаго (сентябрь 1973 г.) воздали должное Ивану Изосимовичу, в частности, за то, что он одним из первых в мировой науке указал на процессы социального расслоения и классообразования у африканских народов².

Подробная аннотированная библиография трудов И. И. Потехина была опубликована Центром африканских исследований Бостонского университета (Массачусетс)³. Библиографические сведения об Иване Изосимовиче появились за рубежом не только в многочисленных некрологах⁴, но и в книгах⁵ и статьях — в европейской, американской, африканской печати, вплоть до кейптаунского журнала⁶.

К сожалению, в нашей отечественной литературе об И. И. Потехине пишут куда меньше, чем за рубежом. Достаточно сказать, что, кроме некрологов и двух маленьких справочных материалов к 60-летию⁷, появившихся 10 лет назад, на русском языке до сих пор нет ни одной статьи⁸. Это упрек в первую очередь, конечно, этнографам-африканистам: с ними Иван Изосимович был теснее всего связан, и именно в их среде сформировался тот Потехин, которого широко узнали в нашей стране и за ее пределами.

Научную деятельность Ивана Изосимовича можно разделить на три периода.

Начальный — 1930-е годы. В сентябре 1930 г. сын крестьянина из дер. Кривошиено (на Енисее под Красноярском) пошел учиться в Ленинградский восточный институт. Его жизненным опытом была работа на кожевенном заводе, участие в боях на КВЖД, его университетами — минусинский рабфак и губернская партшкола. Еще в Ленинградском восточном институте И. И. Потехин был одним из инициаторов изучения Африки, а переехав из Ленинграда в Москву, он с сентября 1932 г. по октябрь 1936 г. работал в Африканском кабинете Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП). Ассоциация была тесно связана с Коммунистическим университетом трудающихся Востока (КУТВ), и Потехин в 1932—1934 гг. учился в аспирантуре при КУТВ.

¹ См.: K. A. Busia, *Africa in search of democracy*, London, 1967; R. Cornevin, *La Russie et l'Afrique*, «Afrique contemporaine», 1970, № 47; A. J. Klinghoffer, Soviet perspectives on African socialism, *Rutherford*, 1969; R. Legvold, Soviet policy in West Africa, *Cambridge* (Mass.), 1970; его же, *The Soviet Union and Senegal*, «Mizan», 1966, № 4; M. D. Morris, *The Soviet Africa Institute and the development of African studies*, «The Journal of modern African studies», 1973, № 2; F. Schatten, *Communism in Africa*, New York — Washington, 1966; H. J. and R. E. Simons, *Class and colour in South Africa, 1850—1950*, *Harmondsworth*, 1969; «African socialism: a challenge to communism», «Communist Affairs», 1965, № 6; «New directives for the USSR's Africa Institute», «Mizan», 1965, № 8.

² Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей, IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1974, № 1, стр. 7.

³ Ее подготовила сотрудница Пенсильванского университета Л. Головатая: L. A. Holloway, *Selected bibliography of the works of I. I. Potekhin, Soviet africanist, 1947—1964*, «African Studies Bulletin», 1969, vol. XII, № 3.

⁴ См.: «West Africa», 1964, № 2469 «Mizan Newsletter», 1964, № 9; «Informacni bul-letin k otázkám rozvojových zemí Asie, Afriky a Latinské Ameriky», 1965, № 4; «Présence africaine», 1965, № 53; «Journal of Modern African Studies», 1964, vol. 2, № 3; «Etnografia polska», t. 9, Wrocław, 1965.

⁵ R. Legvold, *Soviet policy in West Africa*, p. 17—22.

⁶ «Top Soviet africanist», «Contact», 1959, vol. 2, № 1.

⁷ С. Р. Смирнов, Юбилей профессора И. И. Потехина, СЭ. 1964, № 1; «Список основных научных работ доктора исторических наук И. И. Потехина (к 60-летию со дня рождения)», «Народы Азии и Африки», 1963, № 5. Некрологи: СЭ. 1964, № 6, «Народы Азии и Африки», 1965, № 1; «Азия и Африка сегодня», 1964, № 10.

⁸ Уже после того как настоящая статья была сдана в журнал, появились две публикации: Ю. М. Ильин, И. И. Потехин и его роль в развитии международных научных связей советских африканистов, «Народы Азии и Африки», 1973, № 6, и Л. Е. Кубель, Заседание, посвященное памяти И. И. Потехина, СЭ. 1974, № 1.

Затем, после Великой Отечественной войны, во второй половине 40-х годов и в 50-е годы, он работал в Институте этнографии и параллельно этому в 1956—1958 гг.— в Институте востоковедения, где создал Отдел Африки и руководил им на общественных началах.

И, наконец, с осени 1959 по 1964 г. работал в созданном им Институте Африки АН СССР. Этот последний период был хотя и не долгим, но очень насыщенным.

Работы 30-х годов

Из всего наследия Ивана Изосимовича эти работы сейчас наименее известны. А они, несомненно, заслуживают внимания.

Большинство из них (24 из 27)⁹, посвящены Южно-Африканскому Союзу, который тогда, как и в наши дни, под названием Южно-Африканская Республика, был на африканском континенте страной с самой крупной промышленностью и самой сложной социально-экономической структурой.

Иван Изосимович стремился определить революционные возможности Южной Африки. Для этого прежде всего он и изучал клубок социальных и этнических противоречий страны, где причудливо переплелись судьбы самых разных рас и народов.

Какими только проблемами социальной дифференциации африканского общества и какими только слоями населения ни занимался тогда Иван Изосимович! Это и непосредственно пролетариат, в первую очередь промышленный¹⁰, и сельскохозяйственный пролетариат, в ту пору куда более многочисленный. А крестьянству и в целом аграрной проблеме Иван Изосимович посвятил не только работы, опубликованные в 1933 и 1935 гг., но и свою кандидатскую диссертацию¹¹.

Иван Изосимович принял участие и в тех жарких спорах о «туземной» буржуазии, которые велись в Южно-Африканском Союзе. Тогда появились самые различные точки зрения на возможности и перспективы ее формирования, на ту роль, которую она может сыграть в условиях общества, разделенного жесточайшей расовой дискриминацией. И. И. Потехин пытался показать, из каких групп состоит африканская буржуазия (эти его соображения во многом справедливы и сейчас). Но прежде всего он — и это в наши дни еще важнее, чем тогда — критиковал тех африканских идеологов и политиков, которые считали африканское общество социально однородным.

С этими идеями Иван Изосимович выступил и на страницах южно-африканской печати. В газете «Умсебензи» (по зулуски — «Рабочий»), которая издавалась Коммунистической партией Южной Африки, появились его статьи: «Существует ли в Южной Африке туземный буржуазный класс?» и «Еще раз о туземной буржуазии в Южной Африке»¹².

⁹ Из них семь подписаны псевдонимом Джон Изотла, одна — Н. Jordan, под некоторыми другими — инициалы И. П., Д. J., А. Z., а то и вообще нет подписи.

¹⁰ И. И. Потехин, Особенности и трудности борьбы за гегемонию пролетариата в Южной Африке, «Колониальные проблемы», 1935, № 3—4.

¹¹ Потехин, Сельскохозяйственные рабочие в Южно-Африканском Союзе, «Революционный Восток», 1933, № 6. См. также брошюру P o t e k h i n , Agrarian problem and the native peasantry in South Africa, изданную Африканским кабинетом НИАНКП в 1935 г. на правах рукописи. Кандидатская диссертация Ивана Изосимовича называлась «История аграрных отношений в Южно-Африканском Союзе». Она была защищена в 1939 г. в Ленинграде, в Институте востоковедения. На свою защиту Иван Изосимович приехал с Финского фронта.

¹² Первая статья была опубликована 13 апреля 1935 г. и перепечатана в майском номере журнала «Нигро уоркер», который издавался Международным профсоюзным комитетом негритянских рабочих и выходил тогда в Нью-Йорке. Вторая статья появилась в «Умсебензи» 13 июля 1935 г. На вопрос о существовании африканской буржуазии Иван Изосимович отвечал так: «Туземные эксплуататоры есть, а туземной буржуазии как класса еще нет». Но в практической политике главным в тот момент было, по его

Так еще в те годы проявилось столь типичное для Ивана Изосимовича стремление участвовать в борьбе идей, действительно вмешиваться в жизнь. Его всегдашнее желание — довести свою точку зрения до африканской аудитории, использовать любую возможность публикации своих работ и работ других советских авторов-африкалистов за рубежом и прежде всего в Африке — для установления того, что в наши дни называют обратной связью.

Наибольшее внимание И. И. Потехин уделял антиколониальным и пролетарским движениям и организациям. Африканский кабинет НИАНКП издал в 1935 г. на английском языке на правах рукописи его работы о крупнейших антиколониальных организациях Южной Африки: Африканском национальном конгрессе и Союзе рабочих промышленности и торговли Африки. В 1932 г. вышла его статья о движении безработных, резко возросшем на юге Африки в ходе начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса¹³. В 1935 г. Иван Изосимович написал статьи об африканском кооперативном движении и о самоуправлении в африканских локациях — и там и здесь он стремился определить потенциальные возможности к усилению антиколониальной борьбы.

Анализ разных сторон деятельности Коммунистической партии Южной Африки присутствовал во многих работах И. И. Потехина. В одной из своих статей он детально показал опыт, накопленный первой на африканском материке коммунистической газетой¹⁴.

Еще одна группа работ Ивана Изосимовича посвящена критике тех влияний, которые он в то время считал наиболее вредными для антиколониальных сил, и в первую очередь влияния британских лейбористов¹⁵. Он обрушился и на буржуазных историков, обелявших или недостаточно разоблачавших колониальную политику в Южной Африке¹⁶. Досталось и некоторым советским авторам¹⁷.

Наконец, о нескольких его общих работах о положении в Южно-Африканском Союзе. Среди них и первая на русском языке статья с подробными характеристиками партий, профсоюзов, органов печати и политических деятелей Южно-Африканского Союза¹⁸, и наиболее крупная работа, написанная Иваном Изосимовичем в середине 30-х годов, — «Империалистическая сегрегация туземцев Южной Африки». Она была помещена в посвященном Южной Африке номере «Материалов по национально-колониальным проблемам». В этой статье он рассмотрел не только основные формы расовой дискриминации и сегрегации на юге Африки, но и различные типы их теоретических обоснований. Он наглядно показал ту роль, которая досталась вождям и всей родо-племенной иерархии в аппарате колониального управления, сформулировал основные противоречия, характерные для Южно-Африканского Союза, и в

мнению, не это. «Дело не в том, класс это или не класс, а в самом факте, что туземные капиталисты эксплуатируют туземных рабочих... Пора прекратить академические споры на тему: можно ли считать их туземным капиталистическим классом и по-настоящему объяснить рабочим, что туземное общество не едино» («The Negro Worker», May 1935, vol. 5, № 5, p. 19—22).

¹³ Potekhin, The unemployed movement in South Africa, «The Negro Worker», 1932, № 11—12.

¹⁴ Джон Изотла, «Умзебензи» — центральный орган Коммунистической партии Южной Африки. 1933—1934 гг., «Революционный Восток», 1934, № 5.

¹⁵ Джон Изотла, Национал-реформизм в Южно-Африканском Союзе, «Революционный Восток», 1934, № 4; его же, Агентура британского империализма в рядах национально-освободительного движения в Южно-Африканском Союзе, «Революционный Восток», 1935, № 1. Первая из этих статей вызвала отзыв за рубежом, что случалось в те годы не так часто (см. «L'Afrique Française», 1935, № 7).

¹⁶ Джон Изотла, (ред.) E. Brookes, The history of native policy in South Africa, «Революционный Восток», 1935, № 3.

¹⁷ Джон Изотла, Африка в освещении Малой Советской Энциклопедии, «Революционный Восток», 1934, № 3.

¹⁸ Джон Изотла, Южно-Африканский Союз. Партии, профсоюзы и другие организации, пресса и политические деятели, «Революционный Восток», 1935, № 4.

частности «противоречие между желанием империалистов сохранить племенную организацию туземцев как барьер против революционирования трудящегося туземного населения и разрушением племени в результате вовлечения туземцев в промышленность, в городскую жизнь»¹⁹.

Кроме работ о Южной Африке, И. И. Потехин вместе с А. З. Зусмановичем и Альбертом Нзулой написал книгу «Рабочее движение и принудительный труд в негритянской Африке»²⁰. В этой книге проявился интерес Ивана Изосимовича не только к Южно-Африканскому Союзу, но и к Гане (тогда британская колония Золотой Берег) — стране, изучению которой он в последнее десятилетие своей жизни отдал много сил.

Круг материалов, с которыми работал Иван Изосимович, был, по тогдашним московским возможностям, очень широк. Он включал не только официальную южноафриканскую статистику и отчеты южноафриканских государственных комиссий, обследовавших состояние экономики и «туземного труда», но и южноафриканскую прессу: кейптаунскую «Кейп таймс», йоханнесбургскую «Стар», коммунистическую «Умсебензи», которая выходила сначала в Йоханнесбурге, а потом в Кейптауне, йоханнесбургскую «Умтетели ва бantu», — газету для африканцев — и даже провинциальную «Натал меркюриз», не говоря уже о научных журналах и обширной литературе — английской, южноафриканской, американской. Такое обилие источников не часто используют и сегодняшние авторы.

Работа в КУТВ и НИАНКП много дала Ивану Изосимовичу. Эти учреждения были связаны с Коминтерном и Профинтерном, а следовательно, с практическими задачами международного революционного движения. Не имея возможности побывать в Африке, он все же повседневно сотрудничал с учившимися и работавшими в Москве молодыми африканскими политическими и общественными деятелями. Его другом был секретарь ЦК Коммунистической партии Южной Африки зулус Альберт Нзула, выступавший иногда под псевдонимом Том Джексон. Дома у Ивана Изосимовича, в двух комнатах, которые он занимал в доме КУТВ, постоянно собирались африканцы.

Недавно опубликованы воспоминания об И. И. Потехине его бывших студентов, ставших впоследствии лидерами южноафриканских коммунистов. Эти воспоминания были записаны в 1972 г. и в связи с 70-летием Ивана Изосимовича появились на страницах журнала, издающегося Южно-Африканской коммунистической партией²¹. Председатель этой партии Джон Маркс (1903—1972) сказал: «Я считаю Ивана Изосимовича Потехина своим учителем. Впервые я встретился с ним в 1934 г., когда поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Из далекой Южной Африки нас было в университете четверо — среди нас был Мофуцаньяна (он учился под именем Гринвуд) и Никин (Хилтон). Мы были студентами, а Потехин — нашим профессором. Он читал лекции по русской истории и по британской колониальной политике на юге Африки, а также вел семинары по политическим вопросам текущего момента.

Как я помню теперь Потехина, он был тогда энергичным молодым ученым, прирожденным преподавателем-тружеником, который, обучая нас, никогда не упускал возможности учиться и сам. Мы помогали ему улучшать его английский язык. Нередко мы собирались вечерами у него дома, за чашкой чая, и беседовали».

¹⁹ Потехин, Империалистическая сегрегация туземцев в Южной Африке, «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1935, № 6, стр. 59.

²⁰ А. Зусманович, И. Потехин, Том Джексон, Рабочее движение и принудительный труд в негритянской Африке, М., 1933.

²¹ «The African Communist», 1973, № 54. В журнале дана фотография памятника Ивану Изосимовичу на Новодевичьем кладбище. Иван Изосимович и Джон Маркс похоронены на одном кладбище, неподалеку друг от друга.

Мозес Котане, генеральный секретарь той же партии, вспоминает: «Я знал его с 1933 г. Мы познакомились случайно, но потом общались постоянно. В 1933 г. я учился в Ленинской школе... Нашиими профессорами были Зусманович, Шик и другие, а затем пришел и Потехин. Я хорошо узнал его и как человека, и как талантливого молодого ученого... У нас были долгие и очень интересные беседы, и каждый раз он проявлял глубокое понимание наиболее сложных проблем Южной Африки. Его вклад в науку оказался очень велик, потому что он одним из первых подошел к этим проблемам с марксистских позиций — во времена, когда буржуазная наука господствовала в африканских исследованиях».

В те далекие годы Ивану Изосимовичу помогало и общение со многими крупными востоковедами, работавшими тогда в КУТВ и в близких по профилю учреждениях. В тесном контакте с ними сотрудники Африканского кабинета — Э. Шик, И. И. Потехин, А. З. Зусманович, Ф. С. Гайворонский, И. К. Рихтер — приступали к изучению социально-экономических и политических, а в какой-то мере и этнических проблем современной Африки. Зарождалось одно из направлений отечественной африканистики, хотя само слово «африканистика» употреблялось еще крайне редко²². Пионерами выступили люди, которые не были кабинетными учеными, не были в чистом виде историками, экономистами и социологами. Придя с практической работы, они сохраняли тесную связь с политической деятельностью.

Конечно, далеко не все, что писал тогда И. И. Потехин и его товарищи, могло выдержать проверку временем. Если не считать венгра Э. Шика²³, все они были молоды — от 28 до 33 лет, им еще не хватало и общей подготовки, и опыта научной работы, да и конкретного знания Африки. Наибольшее внимание в Африканском кабинете уделялось анализу революционных сил Южно-Африканского Союза, но при этом их непосредственные перспективы явно переоценивались. Далеко не всегда и не во всем были справедливы оценки характера и роли разных слоев африканского общества. Сейчас, по прошествии четырех десятилетий, о тогдашних недочетах, конечно, говорить легко.

Но эти недочеты куда меньше заслуг. В те годы были действительно заложены основы марксистского подхода ко многим проблемам социально-экономического и политического изучения Африки. И одним из тех, кто делал это наиболее глубоко, был Иван Изосимович.

Значение его работ прежде всего в их новаторстве. Он одним из первых не только в нашей стране, но и в мировой африканистике с такой тщательностью рассматривал социальную структуру африканского общества Южной Африки и происходящие в нем сдвиги, одним из первых изучал африканский пролетариат. А сколько-нибудь серьезных попыток разобраться в характере антиколониальных и пролетарских организаций Южной Африки до Ивана Изосимовича в сущности никто не предпринимал.

В Институте этнографии

Работа И. И. Потехина в Институте этнографии в послевоенные полтора десятилетия, конечно, куда более известна. И не только его книги и статьи этих лет. Его манеру работать, его доклады и выступления, участие в спорах, его чисто человеческие черты — все это живо помнят очень многие.

²² Это слово впервые появилось в отечественной литературе, очевидно, лишь нескольким годами раньше, в статье: Б. Л. Богаевский, Негр и новые проблемы в африканистике, «Новый Восток», 1924, № 6.

²³ О работах Э. Шика см.: А. Б. Давидсон, У истоков советской африканистики (к 80-летию со дня рождения Э. Шика), «Вопросы истории», 1971, № 4.

Не оставив ни одной из тем, которые привлекали его раньше, Иван Изосимович расширил сферу своих интересов, вплоть до общетеоретических вопросов и определения основных направлений развития этнографической науки. Необходимость тесного сотрудничества этнографии с сопредельными науками он подчеркивал неустанно. Выражаясь сегодняшним языком, речь шла о социологии, этнопсихологии, но прежде всего, разумеется, о матери множества наук — истории. Иван Изосимович настаивал и на том, чтобы в работах этнографов присутствовал историзм, и на том, чтобы этнографы, участвуя в обобщающих исторических работах и показывая все многообразие, многогранность народной культуры и быта на разных этапах прошлого, помогали заполнять пробелы в исторической науке. Этим идеям посвящена, например, передовая статья в журнале «Советская этнография» (1953 г., № 3), озаглавленная «За тесное сотрудничество этнографов и историков». Она, как и еще несколько передовых статей журнала, была написана И. И. Потехиным и М. Г. Левиным совместно. В статье говорилось о том, что «*к работе журнала слабо привлекаются ученые смежных научных дисциплин*», и вообще о недостаточной координации работ Института этнографии с деятельностью других гуманитарных учреждений, в первую очередь институтов истории и археологии.

Подчеркивая, что этнографическое изучение любых народов является органической частью изучения истории этих народов, Иван Изосимович в своих собственных работах всегда применял этот принцип. Основное внимание он уделял народам колониальных стран. Характер своего подхода к их изучению он сформулировал в статье «Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран»: «...До недавнего времени советские этнографы подходили к изучению культуры и быта народов колониальных стран однобоко, ограничивая себя традиционным кругом вопросов, связанных с проблемами первобытнообщинного строя. Экзогамия, начальные формы семьи, тотемизм, материнский род, патриархат и другие близкие им явления, а также соответствующая им материальная культура — вот тот круг вопросов, которым обычно ограничивалось этнографическое изучение народов колониальных стран. Внимание этнографов концентрировалось на старом, уходящем из жизни, и это внимание к старому заслоняло собой современную культуру, современный быт народов колониальных стран. Советские этнографы не дали до сих пор ни одной книги, посвященной современной жизни этих народов.

Проблемы истории первобытнообщинного строя еще далеки от их окончательного разрешения, и требуется еще немало труда, чтобы разобраться в запутанных узлах этой истории. Изучение народов колоний, даже в их современном состоянии, может дать очень многое для решения этих проблем. Поэтому советская этнография и впредь будет заниматься народами колоний с точки зрения этих задач. Но она не может дальше ограничивать себя этими задачами. Больше того, она не может затрачивать на это свои главные силы».

И далее И. И. Потехин говорил, что перед советскими этнографами всталась «задача всемерного содействия своими этнографическими исследованиям разработке проблем национально-освободительного движения народов колониальных и полуколониальных стран»²⁴.

Из широкого комплекса вопросов, связанных с этнографическим изучением народов колониальных и полуколониальных стран, Иван Изосимович выделил два: 1) разложение рода-племенной организации, пережитков рабовладения, феодальных отношений; 2) формирование наций.

²⁴ И. И. Потехин, Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран, СЭ, 1951, № 3, стр. 27, 28.

При этом он предупреждал, что перед исследователем стоит двойная опасность. Можно не заметить ростков нового и показать народы крайне отсталыми. Но можно и переоценить достигнутую степень развития. Как известно, впоследствии, в конце 50-х и в 60-х годах, немало ученых и у нас, и за рубежом, борясь против первой опасности, недостаточное внимание уделяли второй.

Изучение истории народов колониальных стран И. И. Потехин считал важнейшим делом не только для науки, но и для практической помощи этим народам. Их история, писал он, «еще не разработана и не написана. В буржуазной науке есть история колоний, но нет истории народов колоний». Эту задачу он считал первоочередной, причем этнографы должны были, по его мнению, участвуя в ее выполнении, написать историю культуры колониальных народов. Историкам и этнографам вместе необходимо «создать историю развития конкретных народов в эпоху, предшествующую империалистическому их порабощению» и «проследить изменение всех сторон жизни этих народов в условиях колониального режима, показать особенности развития под влиянием этих условий»²⁵.

Вопросу об источниках — о выборе наиболее достоверных и о тщательном их сопоставлении — И. И. Потехин придавал первостепенное значение. Он подчеркивал, что необходимо использовать наряду с этнографическими также археологические, лингвистические и всевозможные другие источники, особенно для историй бесписьменных народов, и не только призывал к этому, а сам писал специальные работы о тех источниках, которые считал наиболее важными²⁶.

Наиболее конкретно и всесторонне Иван Изосимович стремился определить направления в изучении африканских народов. Он периодически публиковал статьи под такими заголовками, как, например, «Задачи изучения этнографического состава Африки в связи с распадом колониальной системы»²⁷ или «О некоторых задачах африканстики в связи с конференцией народов Африки»²⁸. Он всегда хотел уяснить и обобщить характер новых задач в связи с появлением новых исследований, с новым уровнем, достигнутым наукой, и с изменением положения в самой Африке.

За время работы в Институте этнографии И. И. Потехин написал и опубликовал 128 работ — книг, статей, обзоров, предисловий, рецензий. Из них по проблемам общей этнографии — 16 работ, по вопросам изучения колониального мира — 10, по общеафриканским проблемам — 30, по Южной Африке — 18, по Западной Африке — 21, по Северной — 7, по Восточной — 5. Писал он и о негритянской проблеме в Соединенных Штатах.

Большинство работ Потехина опубликовано в научных журналах. Больше всего — в «Советской этнографии». С 1947 по 1960 г. на страницах журнала появилось 39 различных материалов, написанных Иваном Изосимовичем. Редкий номер выходил без его статьи. Несколько работ он написал в соавторстве с М. Г. Левиным или Д. А. Ольдерогге. Немало статей он написал для общественно-политических журналов и газет, особенно для «Известий». На иностранных языках вышли 32 его работы.

Подавляющее большинство работ Ивана Изосимовича увидели свет — он всегда стремился довести до конца каждое начатое дело. Но

²⁵ И. И. Потехин, Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран, стр. 31.

²⁶ Например, его статья «Новый источник по этнографии матабеле середины XIX в. (Письма Роберта Моффата)», СЭ, 1948, № 1. Материалы Р. Моффата во многом помогли потом Ивану Изосимовичу написать работу «Военная демократия матабеле» (Сб.: «Родовое общество», М., 1951).

²⁷ СЭ, 1957, № 4.

²⁸ СЭ, 1959, № 2.

все же в его личном архиве, конечно, можно найти немало незавершенных работ и интересных набросков²⁹. Несколько рукописей находится в Архиве Института истории³⁰.

Его наиболее крупные работы тех лет посвящены, как и в 30-х годах, Южной Африке. Это прежде всего монография (и докторская диссертация) «Формирование национальной общности южноафриканских банту» (1955 г.).

С середины 50-х годов, завершив работу над этой монографией, подводившей итог его 25-летним занятиям Южной Африкой, Иван Изосимович наибольшее внимание начал уделять Золотому Берегу. Эта страна тогда еще была колонией, но быстрее всех шла к независимости. И Иван Изосимович совершенно справедливо счел, что изучение исторического пути Золотого Берега поможет решить многие проблемы, связанные с борьбой африканских народов за ликвидацию колониального статута.

Все это И. И. Потехин увидел раньше, чем многие другие ученые у нас и за рубежом. Еще в 1953 г. он написал статью «Этнический и классовый состав населения Золотого Берега»³¹. В том же году — «Маневры английского империализма в Западной Африке»³². За два года до провозглашения независимости Ганы — «Антиимпериалистическое движение в колонии Золотой Берег»³³.

В 1957 г. колония Золотой Берег стала Ганой, первым независимым государством в ряду тех десятков стран Тропической и Южной Африки, которые затем добились ликвидации колониального статута. Иван Изосимович на 55-м году жизни получил, наконец, возможность увидеть своими глазами ту Черную Африку, изучению которой отдал столько лет³⁴. 14 октября 1957 г. он приехал в Аккру, столицу Ганы. К этому времени он уже хорошо знал страну по литературе. После этой поездки среди его работ появляются работы еще одного жанра — путевые впечатления и научные дневники³⁵. Наиболее крупной из них стала книга «Гана сегодня. Дневник, 1957 г.». Некоторые дневники не предназначались для публикации, но сотрудники с ними знакомились³⁶.

С началом научных командировок Иван Изосимович получил возможность проверять свои «книжные» выводы личными наблюдениями. Об этом сопоставлении сразу же, по возвращении из каждой поездки, рассказывал сотрудникам, а затем вносил поправки в свои работы, готовящиеся к печати.

Иван Изосимович никогда не был ученым-одиночкой. В Институте этнографии он сумел сплотить вокруг себя группу людей и определить для них основные направления работы. Он организовал новые в африка-

²⁹ Значение богатого личного архива Ивана Изосимовича важно не только тем, что помогает понять его творческую лабораторию. В архиве хранятся многие уникальные документы и материалы.

³⁰ «Панафриканские конгрессы», «Абиссиния», «Бельгийское Конго», Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, сектор Е, разд. III, д. 21, 33 и 34. СЭ, 1953, № 3.

³¹ С. «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», М., 1953.

³² «Сов. востоковедение», 1955, № 2.

³³ В Западной Европе, Америке и на севере Африки он побывал раньше. В 1954 г., впервые выехав за границу, он выступил в Кембридже на XXIII Международном конгрессе востоковедов с докладом «Социально-экономический строй южных банту в начале XIX века». В 1956 г. на V Международном конгрессе антропологов и этнографов в Филадельфии он сделал доклад «Родовые отношения в системе социальных отношений современной африканской деревни». В том же году он побывал в Египте, где выступал перед местными учеными.

³⁴ Собственно, самая первая такая работа была опубликована раньше: «Поездка в Египет», СЭ, 1956, № 4. Но это скорее путевые заметки, они менее связаны с научной деятельностью, поскольку Египет не принадлежал к числу стран, которыми Иван Изосимович занимался особенно углубленно.

³⁵ Например, «Ганганыка. Научный дневник, июнь-июль 1962 г.». Хранится в библиотеке Ин-та Африки.

На Московском Международном фестивале молодежи (1957 г.)

дерогге — о Западном Судане с Д. А. Ольдерогге и М. В. Райт — об Эфиопии и странах побережья Красного моря.

«Народы Африки» были впоследствии переведены на немецкий язык и изданы в ГДР. Этот том, как и монография Ивана Изосимовича о формировании национальной общности южноафриканских банту, приобрел широкую известность, вызвал многочисленные отклики, и вряд ли целесообразно здесь о них говорить снова.

Усилиями Ивана Изосимовича в 1956 г. был создан еще один центр африканистики — Отдел Африки в Институте востоковедения АН СССР, в котором было больше сотрудников, чем в секторе Африки Института этнографии. Иван Изосимович формировал этот отдел и формулировал его задачи, как всегда отнюдь не ставя знака равенства между понятиями «актуальность» и «современность». Отдел занимался историей и экономикой, прежде всего для уяснения характера антиколониального и национально-освободительного движения.

В конце 50-х годов Иван Изосимович энергично добивался создания Института Африки. Однако при этом он стремился взвесить все аргументы — не только «за», но и «против». Опасался, что для создания Института еще мало подготовленных кадров. Сокрушался, что московские вузы, с незапамятных времен занимавшиеся подготовкой индолологов, китаистов, иранистов и арабистов, еще даже не начали готовить африканистов, а следовательно, институт поначалу придется комплектовать из людей, не имеющих специального образования. Подчеркивая преимущества единого центра, он не забывал о минусах, о том, что поликентризм также дает немало выгод, способствуя борьбе научных мнений. Но в целом все же считал, что бурные события на Африканском материке, необходимость глубоко понять их и оказывать всестороннюю поддержку молодым африканским государствам заставляют немедленно создать научный центр африканистики — Институт Африки.

нистике исследования, имевшие своей целью определение центров этнической консолидации в Африке. Этому были посвящены труды самого Ивана Изосимовича, Р. Н. Исмагиловой, С. Р. Смирнова, Л. Д. Яблочкива. В ходе дальнейших событий в Африке, связанных со становлением молодых независимых государств, отчетливо подтвердилось, насколько важно такое направление исследований.

Заслугой И. И. Потехина и Д. А. Ольдерогге была и организация «Африканских этнографических сборников». Они выходят с 1956 г., в последние годы — под названием «Африсапа».

В 1954 г. вышел в свет том «Народы Африки», открывший многотомную серию «Народы мира». Совместно с Д. А. Ольдерогге Иван Изосимович был редактором и основным автором этого тома. Он написал введение и заключение, главы о Южной и Восточной Тропической Африке, в соавторстве с В. Б. Луцким и Д. А. Ольдерогге — главу о странах Магриба, с Д. А. Ольдерогге — о странах Западной Тропической Африке, с Д. А. Ольдерогге — о странах побережья Красного моря.

«Народы Африки» были впоследствии переведены на немецкий язык и изданы в ГДР. Этот том, как и монография Ивана Изосимовича о формировании национальной общности южноафриканских банту, приобрел широкую известность, вызвал многочисленные отклики, и вряд ли целесообразно здесь о них говорить снова.

Усилиями Ивана Изосимовича в 1956 г. был создан еще один центр африканистики — Отдел Африки в Институте востоковедения АН СССР, в котором было больше сотрудников, чем в секторе Африки Института этнографии. Иван Изосимович формировал этот отдел и формулировал его задачи, как всегда отнюдь не ставя знака равенства между понятиями «актуальность» и «современность». Отдел занимался историей и экономикой, прежде всего для уяснения характера антиколониального и национально-освободительного движения.

В конце 50-х годов Иван Изосимович энергично добивался создания Института Африки. Однако при этом он стремился взвесить все аргументы — не только «за», но и «против». Опасался, что для создания Института еще мало подготовленных кадров. Сокрушался, что московские вузы, с незапамятных времен занимавшиеся подготовкой индолологов, китаистов, иранистов и арабистов, еще даже не начали готовить африканистов, а следовательно, институт поначалу придется комплектовать из людей, не имеющих специального образования. Подчеркивая преимущества единого центра, он не забывал о минусах, о том, что поликентризм также дает немало выгод, способствуя борьбе научных мнений. Но в целом все же считал, что бурные события на Африканском материке, необходимость глубоко понять их и оказывать всестороннюю поддержку молодым африканским государствам заставляют немедленно создать научный центр африканистики — Институт Африки.

Научная и научно-организационная деятельность последних лет

В конце 1959 г. решение о создании Института Африки было принято. Его директор, Иван Изосимович Потехин, писал в «Вестнике Академии Наук СССР»: «Президиум Академии наук СССР рассмотрел состояние изучения истории и экономики Африки, этнографии и языков африканских народов и создал в составе Отделения исторических наук Академии Институт Африки. На новый институт возложена задача глубокого изучения истории народов Африки с древнейших времен и до наших дней и современного положения африканских стран. Основное место в исторических исследованиях Института займет история нового и новейшего времени, история национально-освободительных движений и распада колониальной системы. Большое внимание будет уделено исследованию экономических, социальных и политических проблем, что имеет не только научную, но и практическую значимость. В Институте будут изучаться языки, религии и история религиозных движений, история литературы и искусства народов Африки»³⁷.

Создание Института Африки было для Ивана Изосимовича делом жизни. Но работать в этом институте ему пришлось недолго.

Больше года ушло на организацию институтского хозяйства. Сперва у института вообще не было помещения, затем, в начале 1960 г., удалось получить одну комнату на верхнем этаже старого дома на улице Горького, между Елисеевским магазином и гостиницей «Центральная». Там-то впервые и появилась вывеска «Институт Африки», и только через несколько месяцев она уже прочно водрузилась на особняке в Староконюшенном переулке, возле Арбата.

А другие проблемы становления нового института требовали куда больше времени, чем решение вопроса о помещении. Научных работников, занимавшихся проблемами Африки, было тогда в Москве очень мало, и в институт приходили люди, которых надо было переквалифицировать, знакомить с азами африканстики. Надо было добиться и того, чтобы московские вузы, в первую очередь университет, занялись подготовкой африканистов.

Институт представлялся Ивану Изосимовичу непременно комплексным — чтобы в нем работали одновременно историки, экономисты, литературоведы, лингвисты, специалисты по проблемам культуры. Он считал, что комплексность способствовала бы развитию еще очень молодой африканстики, помогла бы ей скорее встать на ноги. Создать такой многоплановый научный институт и руководить им было, конечно, делом необыкновенно сложным.

Но проблемы внутренней организации, как бы они ни были важны для всей будущей научной жизни института, отступали на второй план перед практическими вопросами, сразу захлестнувшими и институт, и его дирекцию. Первым годом существования института был 1960-й, вошедший в историю как «год Африки». 17 африканских стран одна за другой провозгласили тогда свою независимость. Да и в последующие годы этот процесс продолжался. С молодыми африканскими государствами установились дипломатические отношения, завязались экономические, общественные, культурные связи. Нужны были уже не общие представления об Африке, а очень конкретные знания о каждой из стран этого континента, о ее специфике, о самых различных сторонах ее жизни — обо всем, с чем нам до сих пор еще не приходилось сталкиваться.

Необходимо было не только наметить перспективные исследования, но и обобщить, суммировать знания, уже накопленные советской афри-

³⁷ И. И. Потехин, Новый этап в развитии советской африканстики, «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 61.

И. И. Потехин с Кваме Нkrумой и М. В. Келдышем. Москва, 1961 г.

родами СССР и Африки, руководил Комиссией по Африке при Президиуме АН СССР и африканской комиссией Комитета солидарности стран Азии и Африки. На все это, как и на участие в различных международных конференциях и встречах, уходило почти все время. И на выращивание своего детища — Института Африки — оставалось куда меньше, чем хотелось бы Ивану Изосимовичу и чем действительно было необходимо. А с конца 1962 г. — тяжелая болезнь. Борьба с нею заняла два последних года жизни.

Помня все это, можно лишь удивляться тому, как много все же сумел сделать И. И. Потехин за эти считанные годы. Он опубликовал около 50 работ. В них отражалось многообразие вопросов, которыми ему приходилось тогда заниматься.

Он старался не оставлять свои этнографические и исторические исследования. На XXV Международном конгрессе востоковедов в августе 1960 г. он сделал доклад «О феодализме у ашанти»³⁸, а 22 июня 1961 г. на общем собрании Отделения исторических наук — доклад «Состояние и основные задачи изучения африканской истории»³⁹.

«Мы еще очень плохо знаем историческое прошлое Африки. Мы еще далеки от того, чтобы представить процесс исторического развития африканских народов как единую, цельную картину. Но когда эта картина будет нарисована, мировая историческая наука станет намного богаче», — писал И. И. Потехин. По его инициативе было предпринято издание двухтомной «Истории Африки» (XIX и XX вв.). Работа была закончена уже после смерти Ивана Изосимовича. Второй том вышел двумя изданиями, второе издание было переведено на английский язык.

³⁸ Опубликован в «Трудах» конгресса и в СЭ, 1960, № 6. На этом конгрессе Иван Изосимович добился выделения африканской секции в особый конгресс — Международный конгресс африканистов, который с тех пор собирается каждые 5—6 лет. Первый раз он собирался при участии Ивана Изосимовича в Аккре (1962 г.), второй — в Дакаре (1967 г.), третий — в Аддис-Абебе (1973 г.).

³⁹ Опубликован в кн.: «Африканский сборник. История», М., 1963.

канистикой, чтобы дать ответы на бесчисленные вопросы, вставшие в связи с бурными событиями на африканском материке у самой широкой аудитории. И в предельно сжатый срок был подготовлен первый в мировой африканистике энциклопедический справочник «Африка» (ответственный редактор — И. И. Потехин). В 1963 г. оба тома этого справочника уже рассыпались подписчикам. Очень оперативно была подготовлена коллективная работа «Африка 1956—1961», также носившая справочный характер.

Естественно, что Ивана Изосимовича, как крупнейшего специалиста по Африке в Москве, буквально раздирали на части. Так, он председательствовал в Ассоциации дружбы между на-

Снова и снова возвращался И. И. Потехин к вопросам источниковедения и историографии. «Главная трудность в написании истории африканских народов состоит в чрезвычайно слабом состоянии источниковедческой базы», — говорил Иван Изосимович и снова подчеркивал, что «изучение африканской истории требует объяснения усилий ученых различных специальностей» и что необходимо использовать сведения, которые может дать археология и устная традиция. «Как у всяких бесписьменных народов, у народов Африки весьма развита устная историческая традиция. При всей ненадежности этого источника он должен быть использован с максимальной полнотой... Задача собирания и публикации устного народного творчества может быть поставлена и решена только сейчас, когда народы Африки создают свою национальную государственность». Напоминая, что «африканские ученые уже поставили эту задачу», Иван Изосимович призывал внимательно следить за их работой⁴⁰.

Но первоосновой деятельности И. И. Потехина стали, конечно, проблемы современной Африки и даже ее будущего. В своей очень интересной брошюре он попытался приподнять завесу над никому еще не ясным послеколониальным будущим⁴¹. Когда же молодые африканские государства столкнулись с практическими задачами своего дальнейшего развития, он также стремился участвовать в их решении⁴².

В первых же планах научной работы института Иван Изосимович поставил задачу исследовать движущие силы антиимпериалистической революции в Африке — крестьянство и рабочий класс, а также новые формы политики империализма на африканском континенте. Он непосредственно руководил творческим коллективом по исследованию аграрных проблем и сам написал несколько интересных работ на эту тему⁴³.

В те годы, когда советская литература по Африке носила очень оптимистический характер (вполне понятный — ведь всего за несколько лет десятки колоний провозгласили себя независимыми государствами), Иван Изосимович стремился разглядеть и те помехи, которые лежат на пути развития народов Африки. И не только разглядеть, но и привлечь к ним внимание, с тем, чтобы помочь их устранению.

Этому посвящены его самые последние работы. Он писал, что в своих программах реконструкции экономики, развития национальной культуры и перестройки быта молодые государства Африки должны внимательно приглядеться к пережиткам прошлого — не идеализировать их, а бороться с ними. При этом И. И. Потехин бросал упрек зарубежной этнографической литературе: «Скрупулезно изучались и описывались нравы и обычаи народов, но никогда (или почти никогда) не давалась оценка этих нравов и обычаев с точки зрения интересов прогресса. Одни воздерживались от такой критической оценки из боязни вызвать обиду и без того униженного и оскорбленного колонизаторами народа, другие — потому, что сохранение таких нравов и обычаев было выгодно колонизаторам»⁴⁴.

⁴⁰ Там же, стр. 3, 21, 22.

⁴¹ И. И. Потехин, Африка смотрит в будущее, М., 1960.

⁴² И. И. Потехин, Проблемы экономической независимости африканских стран (Доклад на I Международном конгрессе африканистов, Аккра, 1962).

⁴³ И. И. Потехин, Поземельные отношения в странах Африки, «Народы Азии и Африки», 1962, № 3; его же, Борьба за подъем и реконструкцию сельского хозяйства в независимых африканских странах, в кн.: «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке», М., 1964. Первая из этих работ была в английском переводе опубликована также в «The Journal of Modern African Studies», 1963, vol. 1, № 1; «The African Communist», 1963, № 15; Вторая — в трудах конгресса («The Proceedings of the First International Congress of Africanists, Accra, 11—18 Dec. 1962», London, 1964), в ганских газетах «The Ghanaian Times», 15—18 Dec. 1962 и «The Spark», Dec. 1962.

⁴⁴ И. И. Потехин, Проблемы борьбы с пережитками прошлого на африканском континенте, — СЭ, 1964, № 4, стр. 187.

Анализ сложностей, возникших на пути африканских государств вскоре же после их рождения, содержится в статьях Ивана Изосимовича о территориальных спорах в Африке⁴⁵, об «африканском социализме»⁴⁶ и особенно в одной из его лучших статей: «Панафриканизм и борьба двух идеологий».

В этой последней из своих статей он характеризовал возникшие в Африке к тому времени идеологические течения и показывал их истоки. «Основным содержанием идеологической борьбы в Африке, как и во всем мире,— писал он,— является борьба двух основных идеологий современности — буржуазной и социалистической. Но здесь, вследствие ряда особенностей исторического прошлого и современного устройства, эта борьба чрезвычайно осложнена множеством других явлений духовной жизни народов, таких как национализм, принимающий иногда характер «антибелого расизма», трайбализм (идеология патриархальщины и племенного партикуляризма) и другие. Характерная черта общественного сознания большинства африканской интеллигенции, которая ввиду слабости рабочего класса и буржуазии в большинстве африканских стран составляет руководящую силу,— эклектика, причудливое переплетение разнообразных и даже противоречивых, в основном идеалистических представлений об обществе, закономерностях его развития и о внутреннем мире человека».

В этой статье Иван Изосимович обращал внимание на двойственный характер таких идеологических течений, как, например, негритюд. «...Негритюд, как и национализм угнетенной нации, имеет две стороны: справедливое стремление восстановить достоинство человека черной расы и реакционное, опасное для прогресса самих негроидных народов противопоставление черной расы белой расе. Совершенно правы те противники „негритюда“, которые называют его „антирасистским расизмом“»⁴⁷. Продолжая в наши дни эту мысль Ивана Изосимовича, надо подчеркнуть парадоксальность такого явления, как «антирасистский расизм». Если оно сохранится, то с течением времени акцент неизбежно должен переходить со слова «антирасистский» на слово «расизм». Это и подразумевал Иван Изосимович, против этого и предостерегал.

Последней его работой стала книга «Становление новой Ганы». Ее замысел родился у него давно, и сбор материалов для нее был научной целью еще его первой поездки в Гану, в 1957 г.⁴⁸ Но потом времени на эту книгу у него уже не было, и он почти целиком написал ее в больнице.

Создание этой книги можно без преувеличения назвать подвигом. Прикованный к постели, он работал над рукописью ежедневно. Приходившим сотрудникам мог протянуть записку (говорить он уже не мог): «Я сегодня написал свои семь страниц. А Вы?». В понедельник, 14 сентября 1964 г., он еще работал над рукописью, а в четверг его не стало... Книга была дописана почти до конца и в следующем году вышла в свет.

* * *

Иван Изосимович был одним из тех, кто открыл для науки в нашей стране новую сферу — африкастику. В этом, должно быть, его важнейшая заслуга. После его работ представления об Африке изменились. И в научной, и в популярной литературе о ней стали писать иначе.

⁴⁵ «Междунородная жизнь», 1964, № 3.

⁴⁶ «Междунородная жизнь», 1963, № 1.

⁴⁷ И. И. Потехин, Панафриканизм и борьба двух идеологий, «Коммунист», 1964, № 1, стр. 104—105, 108. Как и большинство последних работ, эта статья переводилась на иностранные языки и издавалась неоднократно.

⁴⁸ Впоследствии И. И. Потехин был в Гане еще дважды (в 1958 и 1962 гг.). В 1958—1963 гг. побывал в Тунисе, Эфиопии, Гвинее, Египте, Нигерии, Танганьике, Мали.

Иван Изосимович всегда занимался не какой-либо одной, а одновременно несколькими темами, и к тому же совмещал научную работу с научно-организационной и общественно-политической. Он не разделял научную и организационную работу, как вообще не разделял работу и жизнь. И в работе был всегда живым человеком. Поэтому и теперь представляешь себе его в плоти и крови, без хрестоматийного глянца.

I. I. POTEKHIN AND SOVIET AFRICAN STUDIES

The article is devoted to the life-work of the well-known Soviet scholar — specialist in African studies, I. I. Potekhin (1903—1964). Three main stages in his research activities are analysed: his work in the Research Association for the Study of National and Colonial Problems in the thirties; studies carried out in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (1946 to 1959); and finally the studies carried out by I. I. Potekhin in the last years of his life, when he organized and headed the Africa Institute. I. I. Potekhin's activity as organizer of scientific research, as well as his actual scientific work, is examined in the article.

I. I. Potekhin was one of those who opened up a new sphere to Soviet science, that of African studies. His work led to important changes in our ideas about Africa and in its treatment both in scientific and in popular literature. In this the author sees I. I. Potekhin's most important contribution to Soviet science.

Сообщения

Н. В. Мальцев

ТИПЫ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ В БЫВШЕЙ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Характерные признаки народной резьбы по дереву целого ряда областей Русского Севера были отмечены известными исследователями народного искусства А. А. Бобриным, В. С. Вороновым, Н. Н. Соболевым¹. Введенные ими термины «архангельская резьба», «вологодская резьба» и др. вошли в научный оборот и стали традиционными. Изделия же Олонецкой губернии в большинстве случаев публиковались под расплывчатым названием «резьба северного района» или ошибочно считались произведениями вологодских мастеров². Лишь в последнее время некоторые исследователи применяют к отдельным памятникам резьбы и росписи по дереву, вывезенным в музеи из районов бывшей Олонецкой губернии, термин «олонецкие»³.

Народное творчество Олонецкой губернии — крестьянское бытовое и культовое деревянное зодчество, ткачество, вышивка, иконопись, фольклор — принадлежит к числу наиболее значительных и достаточно хорошо известных явлений художественной жизни Русского Севера. Планомерный сбор и изучение произведений резьбы по дереву по существу начались лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1926 г. в западных районах бывшей Олонецкой губернии, в Обонежье работала комплексная экспедиция Института истории искусств. В 1949 г. на территории бывшего Каргопольского уезда вела исследования экспедиция Института этнографии АН СССР, а в 1950 г. — экспедиция Государственного Исторического музея⁴. В 60-е годы начали интенсивно собирать изделия олонецких народных мастеров Государственный Русский музей, Загорский историко-художественный музей-заповедник, Научно-исследовательский институт художественной промыш-

¹ А. А. Бобринский, Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода, вып. I, М., 1911, табл. 2; вып. 5, М., 1914; В. Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924, стр. 54—56, рис. 43—45, 47; Н. Н. Соболев, Русская народная резьба по дереву, М., 1934, стр. 344—350, рис. 230—233, 237—239; В. М. Василенко, Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XX вв., М., 1960, стр. 71.

² Н. Н. Соболев, Указ. раб., рис. 239, «Каталог произведений русского народного искусства из собрания Государственного русского музея (Передвижная выставка в Ленинградской области)», Л., 1959, рис. между стр. 8 и 9.

³ А. К. Чекалов, Предметы обихода из дерева, в кн.: «Русское декоративное искусство», т. 3, М., 1965, стр. 209, 210; В. М. Вишневская, Свободные кистевые росписи, в сб.: «Русское народное искусство Севера», Л., 1968, рис. между стр. 16 и 17; С. К. Жегалова, Художественные прялки, в кн.: «Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву», М., 1967, рис. 81, 83, 86; И. Я. Богуславская, Русское народное искусство, Л., 1968, рис. 15.

⁴ См.: Н. Р. Левинсон, Н. А. Маясова, Материальная культура русского Севера в конце XIX — начале XX в., в сб.: «Историко-бытовые экспедиции 1940—1950 гг.», «Труды Гос. исторического музея» (далее — «Труды ГИМ»), вып. 23, М., 1953, стр. 110—112, рис. 7; авторами высказано несколько важных замечаний о характере местной орнаментальной резьбы в Ошевенской волости Каргопольского уезда.

ленности, Архангельские краеведческий музей и музей изобразительных искусств и Каргопольский краеведческий музей. В 1959, 1962—1964 и 1968 гг. экспедиция Русского музея провела сплошное обследование большей части территории, входившей в свое время в Каргопольский и Вытегорский уезды Олонецкой губернии⁵. Кроме того, были частично обследованы деревни и села Нижнего Понежья и пограничные районы Вологодской области. Коллекция произведений местных мастеров XIX—начала XX в., собранная экспедицией Русского музея (свыше 250 предметов), единичные памятники XVII—XVIII вв., сведения о центрах резьбы, наблюдения и материалы других экспедиций позволяют говорить о том, что резьба по дереву Олонецкой губернии занимает большое место в художественном наследии края. Выявлены также стилевая неоднородность памятников из разных районов губернии. Особенно четко различия в манерах резьбы, формах и приемах украшения изделий, характерные только для отдельных групп деревень, прослеживаются на примере искусства орнаментальной резьбы восточных уездов Олонецкой губернии.

Каргопольский и Вытегорский уезды в XIX в. занимали обширную территорию юго-восточной части Олонецкой губернии. На западе они примыкали к Обонежью с его этнически неоднородным населением, патриархальным укладом, своеобразным колоритом культуры. На востоке эти уезды граничили с Белоозером, Вологодскими землями; их города, посады и крупные монастыри — область наиболее высокой художественной культуры на Русском севере. Реки Онега и Вытегра связывали тогда Каргопольский и Вытегорский уезды с крупнейшими торговыми и художественными центрами: Вологдой, Новгородом, Петербургом, городами Поморья. Войдя в состав Олонецкой губернии, Каргополье по своим хозяйственным и торговым связям, как и в средние века, больше тяготело к Вологде. Вытегорский же уезд в конце XVIII—XIX в. оказался на одном из оживленнейших путей Северо-Запада (Мариинская водная система и Архангельский тракт).

Благодаря географическому положению, специфическим условиям исторического развития края здесь сложилось самобытное народное искусство, появились произведения, стилистически отличные от изделий соседнего Обонежья и Вологодской губернии.

На территории Вытегорского и Каргопольского уездов в XIX в. не было крупных промысловых центров, где большое число мастеров было бы занято только производством деревянных изделий; не было и разветвленной системы торговли.

Резьба по дереву здесь была массовым, повсеместно распространенным видом народного творчества. Количество изготовленных одним мастером предметов быта, посуды, прялок, вальков чаще всего определялось потребностями одной-двух семей. Лишь наиболее искусные мастера периодически выполняли небольшие заказы для соседних деревень и монастырей. Реже их изделия распространялись через рынок и местные ярмарки по более обширному району. Однако при всей разобщенности производства форма предметов, принципы их орнаментации, индивидуальный вкус мастеров были подчинены единой художественной традиции, свойственной определенному району или кусту деревень и сел.

Все памятники народной резьбы Каргопольского и Вытегорского уездов делятся на две группы. На сравнительно большом пространстве — в деревнях по р. Вытегре, на Кемозере, в окрестностях озера Лача и в верхнем течении бассейна р. Онеги деревянные изделия украшались крупными, гранеными, словно врубленными в толщу доски розетками,

⁵ В экспедициях Русского музея принимали участие: в 1959 г.—Э. С. Смирнова и И. Н. Паньшина, в 1962 г.—Н. В. Мальцев, А. С. Поздеев и Г. В. Ковалева, в 1963 г.—Н. В. Мальцев и Т. В. Поповская, в 1964 г.—В. А. Фалеева и Н. В. Мальцев, в 1968 г.—Н. В. Мальцев и Л. Н. Прохорова.

квадратами, кругами, треугольниками и другими мотивами геометрического орнамента. Композиция узора предельно лаконична и, как правило, состоит из небольшого числа элементов. На севере Каргопольского уезда, в среднем течении р. Онеги, в Кенево и близлежащих деревнях, в Кенозере, на р. Кене, а также частично в Лекшмозерских деревнях изделия украшались мелкоузорной уплощенной резьбой — сложного рисунка розетками, расчерченными квадратами, ромбами, полукружиями и т. п. Декоративный эффект достигался тонкой детальной проработкой всех элементов узора, сплошь покрывающего предмет.

Крупномасштабная орнаментальная резьба Вытегорского уезда представлена в музеях единичными произведениями. Район, примыкающий к старой Марииинской системе, мало изучен. К сожалению, он не привлек внимания исследователей и во время перенесения из зоны затопления, в связи со строительством Волго-Балтийского канала, деревних сел и деревень на Ковже, Шексне и Вытегре, обладавших богатыми художественными традициями. В деревнях и селах, которые остались на прежних местах, до настоящего времени сохранились избы, где фронтоны и наличники в XIX в. были украшены крупными розетками, кругами и расчерченными квадратами, выполненными техникой трехгранновыемчатой резьбы. Широко бытует резная мебель, посуда и другая утварь, украшенная орнаментальной резьбой.

Основным, наиболее массовым изделием вытегорских резчиков были прялки. Массивные, с прямоугольной лопастью и короткой приземистой ножкой, они принадлежат к самому распространенному на севере типу прялок-лопат. Две прялки второй половины XIX в. из сел. Анненский мост на р. Вытегре и из дер. Евино Кречетовской волости — наиболее характерные произведения местной резьбы. Удлиненные лопасти этих прялок украшает пластичный, четкий по рисунку узор из полихромно раскрашенных розеток и орнаментальных полос. Основная фигура узора — сложная розетка — подчеркнуто выделена. Незатейливые пэяски, уплощенные мелкие розетки, мягкие тона цветочной росписи лишь подчеркивают ее значение. В композиции убранства розетка занимает необычное место — нижнюю часть лопасти, зрителю усиливая приземистость предмета, его массивность.

На северо-запад от Вытегры в сторону Пудожа крупномасштабная резьба, как и прялки-лопаты, не получили распространения. Небольшая коллекция Вытегорского краеведческого музея и коллекция Кижского музея-заповедника, собранные на восточном побережье Онежского озера, указывают на бытование там прялок с точеными ножками и длинными, словно лепестки, лопастями с треугольным навершием из круглых городков. Эти прялки как по форме, так и по характеру цветочной росписи, дополненной мелкими порезками выемчатой резьбы, принадлежат к одной из разновидностей заонежских прялок, известных по публикации К. А. Большевой⁶. Ранние памятники узорной резьбы из этого района — икона XVII в. из Муезерского монастыря, изделия местных мастеров XIX в.— говорят о том, что крупномасштабная резьба в этих местах почти не использовалась.

В пограничных селах бывшего Вытегорского и Каргопольского уездов, в прибрежных деревнях озера Лача и речек, впадающих в него с запада, резные изделия, украшенные крупными порезками трехгранно-выемчатой резьбы, несколько отличаются от вытегорских. В деревнях на реках Ухте и Тихманке изготавливались высокие прялки. Их узкие лопасти переходят в короткую массивную ножку. Резные квадраты, круги, розетки (на местном наречии «кружалы», «лесенки»), живописные изо-

⁶ К. А. Большева, Крестьянская живопись Заонежья, в сб.: «Крестьянское искусство СССР», Л., 1927, рис. 1, 2.

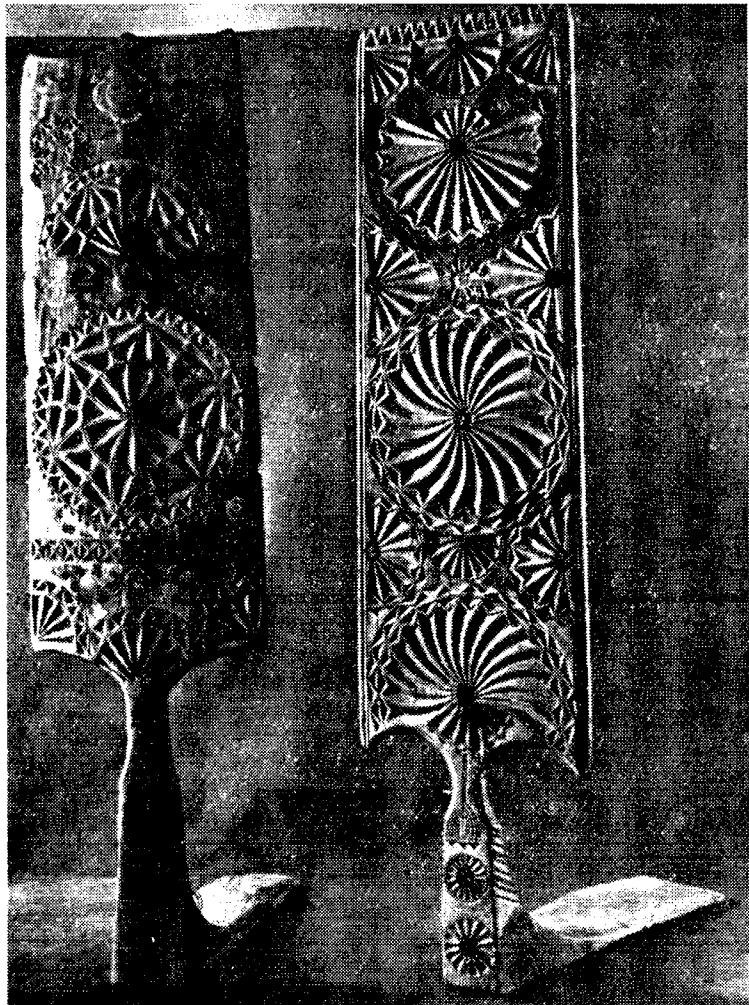

Рис. 1. Прялки. Вторая половина XIX в. Вытегорский уезд Олонецкой губернии

бражения кустов, цветов, вазонов украшают прялку, не нарушая сурогового лаконизма ее формы. Резчика и художника привлекает лишь плоскость лопасти, на которой размещается узор. Порой узор представляет собой самостоятельную картину, заключенную в рамку. И даже при открытой композиции две-три полосы из расчерченных квадратов, помещенные выше и ниже центральной розетки, придают ей особую цельность и завершенность. Если в вытегорских изделиях сам орнамент по существу произведение чисто пластического искусства, то в художественном решении фигур узора в изделиях Ухты и Тихманки большая роль принадлежит линейному началу. Убранство прялок здесь отличается скучностью набора и однообразием рисунка выемчатых фигур, геометрическим уплощением узора в целом. Для убранства же вытегорских изделий характерна скульптурность, объемность розеток.

Деревянные изделия во второй половине XIX в. производились повсеместно. При этом художественная обработка дерева была особенно развита в деревнях Ухотской волости. Здесь в рыбакских селах наряду с прялками делали лукошки, трепала, ткацкие станы, украшали резными

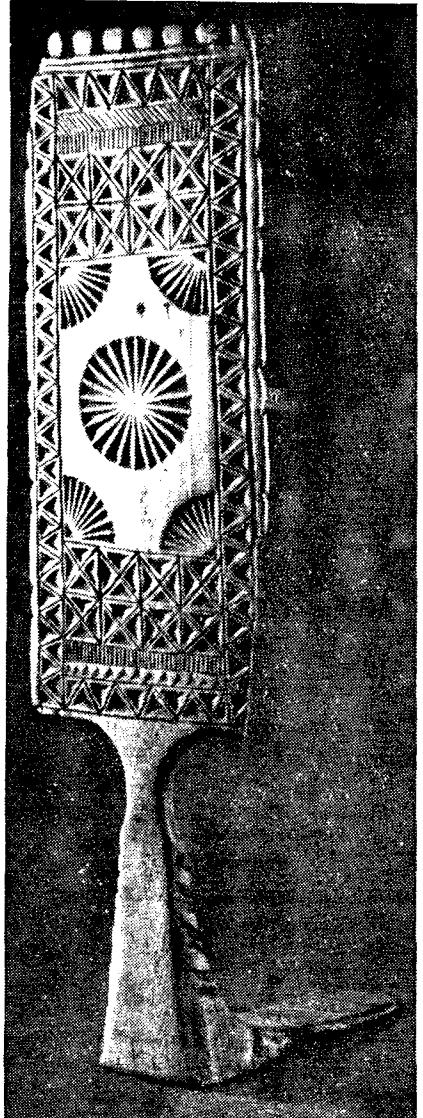

Рис. 2. Прялка XIX в. Дер. Тихманка, Вытегорский уезд Олонецкой губернии

валось обособленно от соседних областей. Изделия ухотовских мастеров при всей выразительности резного орнамента выглядят архаично среди нарядного многоцветия и узорочья олонецкого искусства этого времени.

Наиболее яркое воплощение крупномасштабная резьба получила в работах мастеров Верхнего Понежья. В Каргопольском уезде в XIX в. вокруг больших древних сел Волосова, Ошевенского, Лекшмозера, Калитники и других сложились своеобразные кусты мелкого крестьянского ремесла. В Волосово (дер. Кобели) и в нескольких деревнях Ошевенского погоста жили и работали мастера, украсившие цветочными вазонами и растительным орнаментом десятки изб, сотни корзинок, туесов, прялок. Эти же села, как и многие другие, славились в уезде золотошвейным и набойным делом, двусторонней и тамбурной вышивкой, сложным цветным узором тканых шерстяных юбок и сарафанов.

розетками деревянные кровати. Несколько мастеров расписывали утварь, двери, переборки, ставни и выносы кровли изб в своих деревнях и в довольно далеких от Ухты местах.

Стилистические отличия вытегорских и ухотовских памятников распространяются не только на прялки и изделия резчиков. Они проявились и в узорной вышивке, ткачестве, костюме, головных уборах и в облике построек. В Вытегорском уезде вплоть до Кречетова распространены избы на высоком подклете, с фронтонами, украшенными резными свесами, ветреницами и т. п. Перпендикулярно к оси дома здесь встроены зимовки, так называемые противни. В Ухте и Тихманке, где архитектура построек сходна с постройками Верхнего Понежья Каргопольского уезда, круглые лучистые звезды («солнца») украшают фронтоны изб. Для их убранства широко использовались архитектурные шаблоны и полихромная раскраска. Однако если красочный декор изб Ухотовской волости — дань увлечению, дело рук мастеров Каргополя или их подражателей, то в резьбе на бытовых предметах, как, впрочем, и в характере построек, в их планировке прослеживаются более древние традиции. Возможно, эта разница возникла в то время, когда Вытегорский край входил в Обонежскую пятину, а земли бассейна озера Лача и сам Каргополь принадлежали Белоозеру. В XIX в., когда Ухта и Тихманка входили в Вытегорский уезд, но экономически и территориально были больше связаны с Каргополем, искусство резьбы по дереву развивалось обособленно от соседних областей.

Изделия ухотовских мастеров

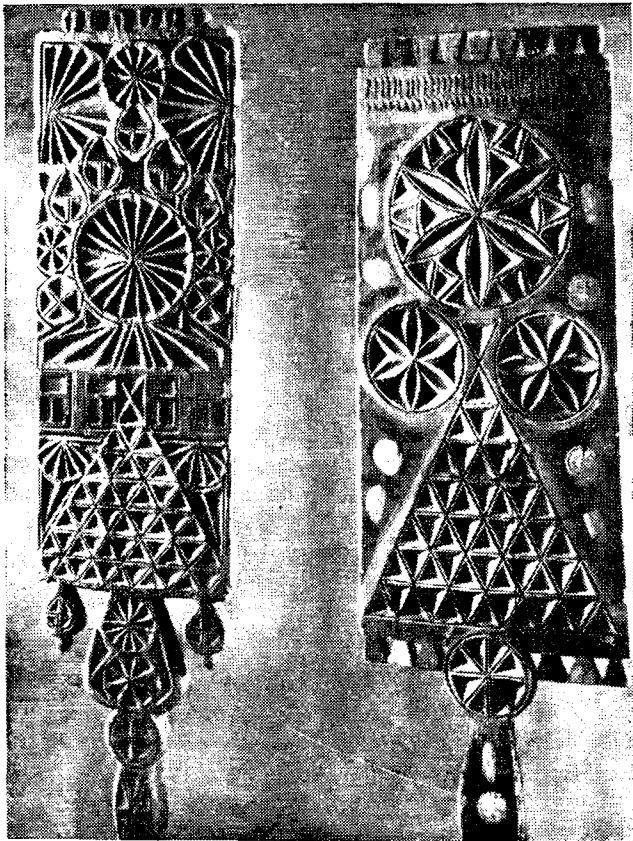

Рис. 3. Прялки XIX в. Усачевская волость, Каргопольский уезд Олонецкой губернии

Резной узор прялки из этого района с датой «1835 г.»⁷ имеет традиционную для каргопольских прялок композицию. Массивная, крупной резьбы розетка занимает центр, а многочисленные, с мягкой моделировкой скосов выемки заполняют верх и низ лопасти. Треугольные выемки, плавные рельефные переходы придают узору и предмету в целом образную выразительность скульптурного произведения.

В 70—90-е годы XIX в. и в первые десятилетия XX в. в Каргопольском уезде получила большое распространение торговля прялками. Нарядные, украшенные цветочной росписью прялки продавались на ярмарках и базарах Каргополя, а во время местных праздников — в Волосове и Ошевенском. Зимой прялки возами развозили по дальним озерным деревям. Мастера, приглашенные для росписи фронтонов и переборок изб, попутно раскрашивали и покрывали цветочной росписью новые и старые резные прялки и деревянную утварь. Особенно популярны были привозные, главным образом мезенские прялки, которые называли здесь «ярмарочными» или «мезеночками».

Крупномасштабная геометрическая резьба соперничала с богатой декоративной росписью, с цветовой насыщенностью интерьера изб, украшением костюма крестьянок и предметов быта. Между тем во второй половине XIX в. она получила замкнутое развитие. Сузился круг предметов с резными узорами. Выемчатым узором покрывались в основном прялки, вальки, трепала и детали ткацкого стана. Несмотря на все возрастающую роль росписи, искусство каргопольских резчиков не утра-

⁷ Хранится в собрании Каргопольского краеведческого музея.

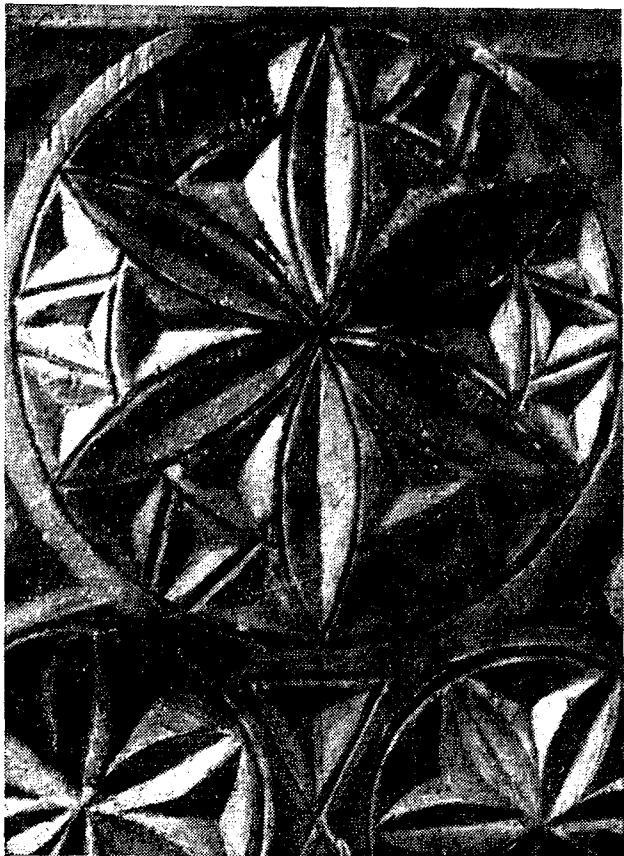

Рис. 4. Прялка. XIX в. Дер. Ломакино, Каргопольский
уезд Олонецкой губернии

тило своего мастерства и выразительности. Так, например, в Усачевской волости на реке Воложке, граничившей с Волосовом, значительным в уезде центром цветочной росписи, во второй половине XIX в. периодически работало несколько мастеров-резчиков: Михаил Кузьмин из дер. Корзиха, Василий Веснихин из дер. Махонино. Егор Кузнецов из дер. Шорушево, известный в округе мебельщик и, очевидно, резчик иконостасов (его многочисленные стулья и диваны украшены головками херувимов), часто выполнял заказы и продавал в окрестные деревни резные прялки по 50—60 коп. за штуку. В дер. Ломакино изготовлением резных прялок и других изделий занимались Андрей и Захар Ломакины.

Наиболее ранние известные нам датированные прялки с р. Воложки относятся к 70-м годам XIX в. Их украшают крупные расчерченные квадраты, ленточные полосы которых чередуются с уплощенными зубчиками и зигзагами. Крупные, словно оплавленные выемки, живописно размещенные среди перекрестий контурных линий, придают узору удивительную мягкость и пластичность. В 80—90-е годы наиболее популярной у мастеров была узорная композиция из нескольких расчерченных кругов или розеток и тяжеловесного, с глубокими врезами треугольника. Декоративный эффект достигался контрастным сопоставлением овалов и ломаных линий, граненой пластикой выемок и глади доски; резьба дополнялась полихромной раскраской и росписью крупными цветами с листьями. Художник то подчеркивал наиболее значительные элементы узора, то сознательно, с большим тактом разрушал его монотонность.

Район р. Воложки по существу последний значительный в Каргопольском уезде центр, где изделия в XIX в. украшались крупномасштабной резьбой. Севернее, в пределах Олонецкой губернии, орнаментальная резьба имела иной характер. Экспедиционные наблюдения, анализ музеиных коллекций дают возможность определить, где именно на территории бывшего Каргопольского и Вытегорского уездов использовались приемы крупномасштабной, скульптурной в своей основе, геометрической резьбы. Граница ее распространения, идущая через Архангельское, Кенозеро, Водлозеро, Лекшмозеро и дальше к р. Вытегре, замыкает с запада громадный район бытования крупномасштабной орнаментальной резьбы; этот район охватывает территорию между речьями Сухоны и Ваги, р. Кокшеньгу, Устью и простирается до Белоозера, Чаронды и других районов бывшей Вологодской губернии. Общность народного искусства здесь определяет не только сходство манер резьбы, приверженность к одинаковым приемам. Исследователи деревянного зодчества, отдельных видов народного творчества, например вышивки, неоднократно отмечали стилистическую близость памятников Каргополья и Вологодского края⁸. В формах ковшей, солонок, утвари, мебели и других изделий резчиков по дереву двух соседних губерний также много общего. Например, в Каргопольском и Вытегорском уездах была распространена прялка-«лопата», более известная как вологодская.

Но при внешнем сходстве изделия олонецких резчиков отмечены чертами самобытности, имеют только им свойственный эмоциональный строй. Пластичность резьбы, плавность переходов, композиционная легкость узора и спокойный, как бы замедленный ритм орнаментальных фигур — характерные признаки вологодских памятников. Изделиям же олонецких мастеров свойственна приземистость; резные фигуры узора отмечены почти материальной весомостью. Каждый элемент очерчен врезными линиями и гранями выемок. Артистизм и легкость, с которыми вологодский резчик мог разместить на лопасти несколько одинаковых по рисунку вихревых розеток или расчерченных квадратов, в работах олонецких мастеров уступают место детально продуманной, порой десятилетиями повторяемой композиции со сложной взаимосвязью отдельных элементов формы и узора.

В северной части Каргопольского уезда в крупных селах Конево, Плесо, Архангельское, в деревнях Кенозера и Среднего Поонежья прялки и другие деревянные изделия украшались необычно плоской резьбой. Уровень выемок на всей поверхности орнаментированного предмета здесь одинаков. Отсутствуют объемная моделировка и градации рельефа. Отдельные фигуры узора предельно заполнены графическими мотивами: штриховкой, врезными линиями.

Одним из ранних известных нам памятников народной резьбы северных деревень Каргопольского уезда является скамья, найденная в одной из многочисленных часовен Кенозера экспедицией Русского музея. Скамья сделана из толстых тесаных досок, врубленных одна в другую и скрепленных деревянными гвоздями. Доска для сидения не сохранилась. Между подставками лавки — «стамушками» устроен глухой ящик-«рундук» для хранения вещей. Прямоугольный ящик и фигурные ручки скамьи украшены геометрическим узором выемчатой резьбы и многократно повторенным мотивом арки с углублениями — «киотцами». Ком-

⁸ С. Забелло, В. Иванов, Н. Максимов, Русское деревянное зодчество, М., 1942; Г. С. Маслова, Старинные одежды и гончарное производство Каргопольшины, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее «КСИЭ»), вып. VI, 1949, стр. 7; ее же, Узорное тканье на русском Севере, «КСИЭ», вып. XI, М.—Л., 1950; стр. 10; Н. Р. Левинсон, Н. А. Маясова, Указ. раб., стр. 109; И. В. Маковецкий, Памятники народного зодчества русского Севера, М., 1955, стр. 182; Э. С. Смирнова, Живопись Обонежья XIV—XVI веков, М., 1967, стр. 8; Л. Н. Чижикова, Архитектурные украшения русского крестьянского жилища, в кн.: «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1970, стр. 31, 57, 58, рис. 15.

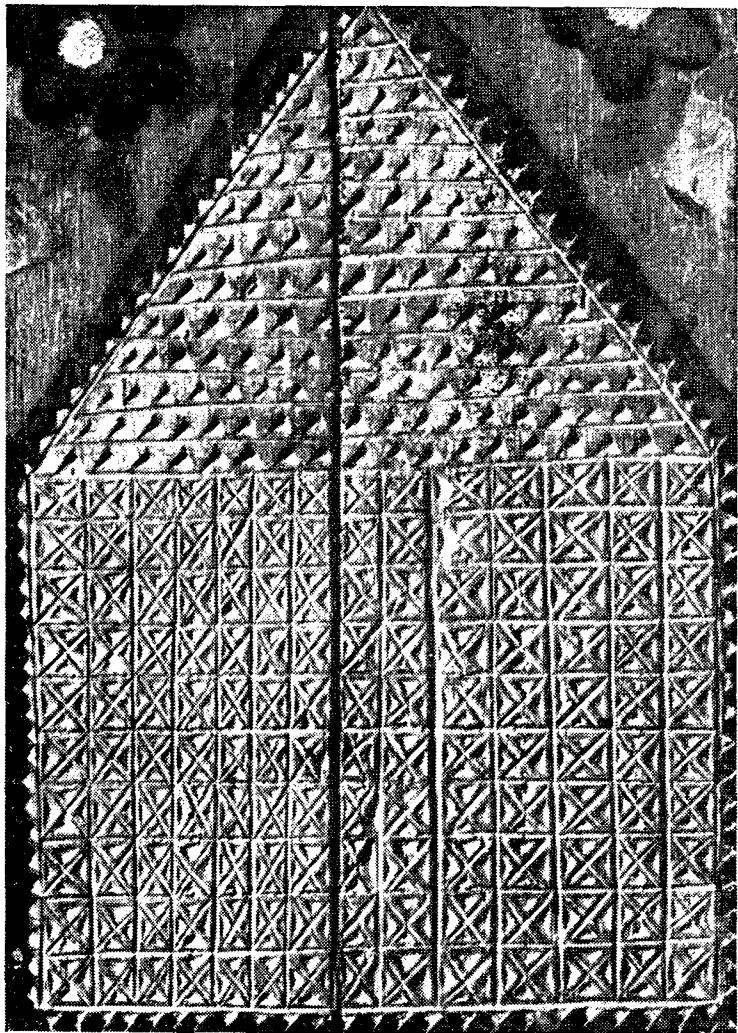

Рис. 5. Деталь прялки. 1873 г. Село Конево, Каргопольский уезд
Олонецкой губернии

позиция узора нигде не нарушает конструктивное членение вещи. На одной из верхних горизонтальных досок размещаются резные розетки, круги и квадраты. На другой верхней горизонтальной доске узорная лента составлена из целого набора розеток; парные или близкие по рисунку фигуры размещены по обеим сторонам спирали. Нижние горизонтальные доски украшены узором, повторяющим узор киотцев. Стамушки ничем не украшены.

Переносные скамьи были широко распространены в России в XVI—начале XVIII в.; они использовались в церковном обиходе, в городском и деревенском быту; они входили в обстановку московских приказов⁹. Стилистические особенности орнаментального декора, приемы обработки дерева, а также сравнение с аналогичными образцами мебели, хранящимися в музеях, или с их описанием в письменных документах поз-

⁹ Л. В. Черепнин, Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950, стр. 324, 361, 433; Н. А. Бакланова, Обстановка московских приказов в XVII в. Труды ГИМ, вып. III, М., 1926, стр. 72—74.

воляют датировать эту скамью второй половиной XVII в.¹⁰ Рациональная продуманность узора, насыщенность линейными элементами каждого мотива указывают на то, что это произведение местного мастера. Это предположение подтверждает и тот факт, что на более поздних по времени деревянных изделиях Кенозера встречаются сходные по рисунку розетки и круги. Так, на рубеле (1848 г.) из дер. Зихново бывшей Кенозерской волости нанесен узор из розеток, повторяющий орнаментальный фриз рундука рассматриваемой скамьи. Отсутствует лишь центральная спиральная розетка — мотив, чрезвычайно редкий и почти исчезнувший к этому времени¹¹.

Прялка олонецкого мастера, украшенная мелкоузорной резьбой датируется С. К. Жегаловой концом XVIII — началом XIX в.¹² При исключительной насыщенности узора фигуры выемчатой резьбы занимают здесь неожиданно скромное место. Небольшие, одинаковых очертаний треугольные выемки словно вкраплены в узор из прочерченных углов, зигзагов, крестовидных фигур, кругов и лучевых розеток. Графленый рисунок орнамента, преобладание уплощенных фигур говорят не только о стилистической близости этой прялки и более раннего памятника — резной скамьи из Кенозера, но и об определенной устойчивости традиций и приемов мелкоузорной резьбы.

Несколько разрозненных произведений первой половины XIX в. (рубели, детали ткацкого стана, несколько прялок 40—50-х годов) не дают достаточно ясного представления о развитии резьбы в северных деревнях Каргопольского уезда. Основная часть обширной коллекции резных изделий, собранной экспедициями Русского музея и других музеев в этом районе, относится ко второй половине XIX — началу XX в. В это время наряду с другими центрами производство прялок было развито в деревнях Кенозера и р. Кены. Хотя нашей экспедиции удалось собрать сведения более чем о 40 мастерах-резчиках, местная традиция связывает большую часть резной утвари и прялок с именами трех талантливых резчиков по дереву, работавших в этих местах в XIX — начале XX в. в течение более чем 80 лет: рыбака из дер. Тамбич Лахта И. И. Врагова (около 1841—1900), мельничного плотника Петра Пугачева (1850—1919) из дер. Горбачиха и его ученика П. П. Завьялова (умер в 1967 г. в возрасте 89 лет), по прозвищу Заовражный, из дер. Зихново. По словам П. П. Завьялова, им было изготовлено более 200 прялок.

Прялки Кенозера и р. Кены существенно выделяются среди каргопольских прялок-«лопат». Их массивные вытянутые лопасти, переходящие в приземистую ножку, завершаются треугольным срезом с пятью — семью круглыми городками. Подобные расписные прялки, правда более облегченные, с длинными лопастями и треугольным навершием широко бытуют в Заонежье. В Кенозере и на р. Кену эта разновидность прялок, очевидно, попала благодаря древнему, когда-то оживленному торговому пути, проходящему здесь от Онеги на Повенец и Новгород.

В XIX в. форма прялки, претерпевшая некоторые изменения, и ее декоративное оформление стали уже явлением местного искусства. Для украшения прялок кенозерские резчики во второй половине XIX в. использовали несколько орнаментальных композиций, в своей основе сложившихся в более ранний период. Наиболее популярной, встречавшейся в десятках вариантов, была композиция с изображением в центре лопасти узорного круга с полукружиями дуг и примыкающими полурозетками; в навершии и в нижней части лопасти вырезалось множество орнаментальных полос. На отдельных прялках встречаются очень схематичные, почти растворившиеся среди геометрических фигур изобра-

¹⁰ А. А. Бобринский, Указ. раб., вып. I, табл. 5, рис. 2, 3; Н. Н. Соболев, Указ. раб., стр. 299, рис. 183.

¹¹ Государственный Русский музей, инв. № Д-1845.

¹² С. К. Жегалова, Указ. раб., стр. 117, 118, илл. 81, 83, 86.

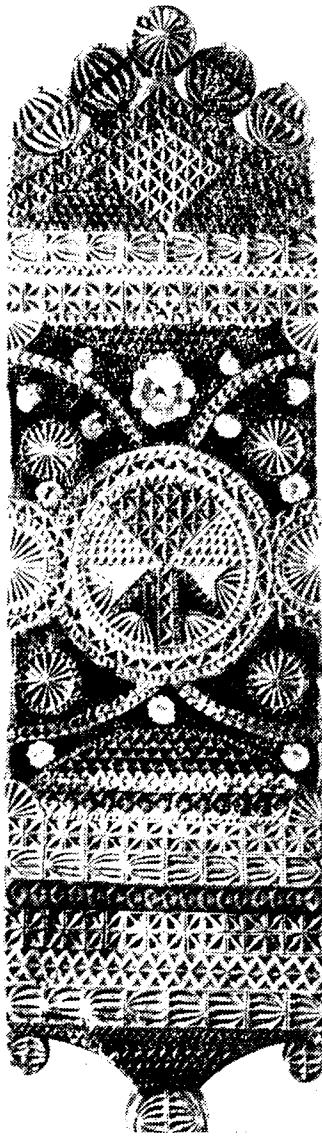

Рис. 6. Прялка. 1910 г. Мастер П. И. Пугачев, Кенозеро, Каргопольский уезд Олонецкой губернии

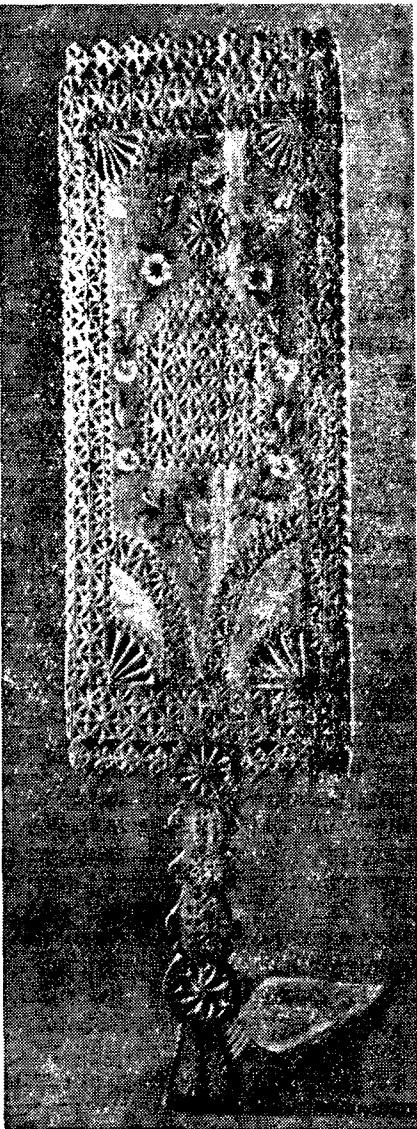

Рис. 7. Прялка 1879 г. Дер. Воробыи, Коневская волость, Каргопольский уезд Олонецкой губернии

жения Великой богини, древа и других сюжетных и орнаментальных знаков древней символики. Учитывая характер мелкоузорной резьбы, где необходимы четкий контур и резкий оброн фона выемчатых фигур, кенозерские мастера для своих прядлок использовали ель и березу, как наиболее плотный по фактуре материал.

В соседних с Кенозерской волостью селах на р. Онеге (Плесо, Воробыи, Округа, Конево и др.) мелкоузорная резьба получила во второй половине XIX в. несколько иное развитие. Жители этих сел, известных в прошлом старообрядческими общежитиями, искусством переписки книг, иконописью и резьбой киотов, в XIX в. занялись отходными промыслами в Петербурге, Архангельске и других городах; они держали также извоз на Вологду и в Поморье. В отличие от монументальных прядлок Воложки и Кенозера, которые всегда мыслятся в цветистом

Рис. 8. Прялки 1902 г. Автор росписи Сергей Тараканов. Дер. Малое Конево, Каргопольский уезд Олонецкой губернии

окружении нарядных одежд узорных тканей, ярких расписных переборок, в композиции узора коневских прядлок ощущается некое замкнутое, не слишком большое, но свободное пространство,озвучное облику коневских деревень с их прибрежными лугами, уюту их изб, архитектурным формам небольших церквей, построенных в XVII—XVIII вв. В тонком и легком рисунке расчерченных квадратов, похожих на лепестки пальметок, в киновари фона, позолоте мелких чешуек резьбы «теремков», в архитектонике вещей отразились черты разных художественных традиций. Наряду с мотивами трехгранновыемчатой резьбы, приемами и навыками иконописного дела появились и элементы классицизма, получившие в это время широкое распространение в убранстве изб, в вышивке, в цветочной росписи на бытовых предметах. Так, например, мотив провисшей гирлянды с успехом использовался в тамбурных вышивках, украшавших подзоры и полотенца, в росписи изб и в резном узоре прядлок.

Район распространения мелкоузорной орнаментальной резьбы не замыкается границами Каргопольского уезда и Олонецкой губернии. Плоскорельефная трехгранновыемчатая резьба с мелким узором бытовала на громадной территории Нижнего Понежья в Архангельской губернии.

бернии и в Поморье, на всем побережье Белого моря — от Кольского полуострова до устья р. Печоры ¹³.

Известные факты исторической географии, экономических связей и художественной жизни края двух последних столетий не позволяют убедительно объяснить, почему на территории одного уезда одной губернии существовали две различные манеры резьбы. Возможно, объяснения подобного деления следует искать в истории культуры края более ранней эпохи. Примечательно, что своеобразным «водоразделом» в искусстве резьбы оказался и древний водный путь, полностью утративший к началу XIX в. свое значение. В определённой мере прослеживается и характерная для крестьянского искусства закономерность совпадения районов бытования отдельных разновидностей и форм предметов с древним феодальным делением, с границами княжеств и их вотчин ¹⁴. В XIX в. это деление поддерживалось влиянием орнаментальной, пока еще совершенно не изученной, графической в своей основе резьбы северо-западных районов Олонецкой губернии, некоторыми тенденциями искусства Нижнего Понежья и интенсивно развивавшейся в это время миниатюрной резьбы Поморья ¹⁵.

Искусство орнаментальной резьбы Каргопольского и Вытегорского уездов, оказавшись на стыке двух ареалов, блестяще использовало декоративные возможности обеих манер резьбы. Олонецкие мастера, работая в рамках широкой традиции, создали множество вариантов узорного украшения изделий, наделив их образной выразительностью, эмоциональной приподнятостью — чертами, созвучными искусству своего края.

При первом знакомстве с изделиями олонецких резчиков мы намеренно ограничили свою задачу, стремясь выявить, подчеркнуть лишь самые общие черты и характер трехгранновыемчатой резьбы юго-восточного района Олонецкой губернии, резьбы Вытегорского и Каргопольского уездов. Дальнейшее изучение народного искусства, экспедиционное обследование западных районов Олонецкой губернии даст новый материал, который позволит с большей полнотой раскрыть закономерности и тенденции в развитии орнаментальной резьбы не только в отдельных районах, но и на территории всей крупнейшей на русском Севере губернии.

¹³ Н. В. Мальцев, Поморская резьба по дереву, «Тезисы докладов и сообщений к научной конференции в г. Архангельске — „Памятники культуры русского Севера“», М., 1966, стр. 32—36.

¹⁴ Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова, Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века как материал к этнической истории народа, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 28.

¹⁵ Н. В. Мальцев, Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове, в сб.: «Русское народное искусство Севера», Л., 1968.

А. Н. Мартынова

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН

1

Народные колыбельные песни — один из древних видов фольклора. Они прошли многовековой путь развития и включают как архаические, так и более поздние мотивы. Многообразна и форма колыбельных песен, варьирующих от коротких припевок из одного-двух стихов до довольно развернутых произведений, использующих широкий диапазон поэтических средств¹.

Изучение генезиса колыбельных песен и их поэтики требует предварительной классификации чрезвычайно многотемного и весьма разнообразного материала. Попытки такой классификации предпринимались, но они не вполне отвечают современным требованиям². Общий их недостаток состоит в смешении различных признаков, кроме того, в ряде случаев классификация не была в достаточной мере связана с имеющимся материалом записей (рамки статьи не позволяют разобрать проведенную в этой области работу)³.

Прежде чем классифицировать колыбельные песни, целесообразно попытаться определить самый жанр, исходя из общих критерии, обоснованных в свое время В. Я. Проппом. Если отношение текста к музыке в колыбельных песнях в основном такое же, как и у всего песенного фольклора, то их поэтика, содержание, бытовое применение имеют вполне очевидные специфические особенности. Основная функция колыбельных песен — усыпление ребенка, вторая не менее важная их функция — воспитательная: они приобщают ребенка к человеческой речи, знакомят его с окружающими людьми, предметами, животными и т. д. Колыбельные песни имеют и эстетическое значение, выражают эмоциональное отношение исполнительницы к окружающему миру, и в первую очередь к ребенку; они относятся к тем жанрам фольклора, которые стоят на «границы быта и искусства»⁴.

Особые формы бытования и исполнения колыбельных песен обусловлены их основной функцией — качание колыбели сопровождается пением, которое продолжается до тех пор, пока ребенок не уснет. Поэтому нет четкого разграничения отдельных произведений — пре-

¹ Кроме того, в качестве колыбельных песен издавна исполнялись и произведения иных жанров.

² Наиболее четкое изложение этих требований см. в статье В. Я. Пропп, Принципы классификации фольклорных жанров, «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 147—155.

³ См.: А. Ветухов, Народные колыбельные песни, «Этнографическое обозрение» (далее — ЭО), 1892, № 1—4; «Коллекция О. И. Капицы», Архив Ин-та русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) (далее — ИРЛИ), колл. 69; Н. М. Элиаш, Русские колыбельные песни (опыт классификации фольклорного жанра), Сызрань, 1944; Э. С. Литвин, К вопросу о детском фольклоре, «Русский фольклор», вып. III, М.—Л., 1958, стр. 92—102; ее же, «Песенные жанры русского детского фольклора», «Сов. этнография», 1972, № 1, стр. 58—67; М. Н. Мельников, Русский детский фольклор Сибири, Новосибирск, 1970, стр. 37.

⁴ К. В. Чистов, Русская причеть, в кн.: «Причтания. Библиотека поэта», Л., 1960, стр. 7.

обладает своеобразное нанизывание мотивов, связанных между собой ассоциативно или только припевом. Колыбельным песням обычно присуща императивность, выражаясь как в употреблении преимущественно императивной формы глаголов, так и в многочисленных обращениях к ребенку и к персонажам песен. С императивным характером этих произведений связана и их поэтика: импровизационность, ограниченность лексики и др. Особенности содержания, поэтики, форм исполнения и бытования позволяют выделить колыбельные песни в особый жанр.

Произведения одного жанра можно классифицировать по содержанию, по напевам, по генезису (выделяя наиболее древние мотивы), по географическому распространению, по форме и т. д. Нам представляется, что на современном этапе изучения колыбельных песен целесообразнее всего положить в основу классификации содержание. При этом подразделение на рубрики должна определять не тематика, не персонажи, не сюжеты, а основная идея произведения. Но как уже говорилось, текст колыбельной песни может представлять собой цепь коротких произведений, непосредственно следующих одно за другим или скрепленных припевом (состоящим из особых «убаюкивающих» слов); часто очень трудно решить, что именно следует называть песней применительно к данному жанру и какие конкретно «единицы» подлежат классификации.

Действительно, для одних колыбельных песен характерны развернутые сюжеты, другие — состоят из одного-двух стихов. Здесь есть некоторая аналогия с частушками, которые также образуют иногда тематические комплексы — «спевы»⁵. Но «спевы» колыбельных песен по большей части не имеют тематической связи. А. М. Астахова называла все, что исполняется для усыпления ребенка, колыбельной песней, байкой; составляющие байку части — сюжетами, а составные части сюжетов — мотивами⁶. Поскольку невозможно классифицировать сами по себе «байки» — тексты, объединяющие, как правило, механически ряд сюжетов и мотивов, необходимо решить, что конкретно подлежит классификации: мотивы или сюжеты. Структурно они представляют различные образования, но нередко объединяются основной идеей. Так, экспрессивный, лаконичный, состоящий всего из двух стихов мотив

Сон да дрема,
Поди к ребенку в голова!

существенно отличается от сюжета, содержащего описание прихода Сна и Дремы в дом, поисков ими колыбели, их ссоры и т. д. Классификация только мотивов или только сюжетов была бы в сущности классификацией по форме, по композиции. Такая классификация возможна. С целью выявления наиболее устойчивых, традиционных мотивов были разложены на структурные единицы все имеющиеся в нашем распоряжении тексты (более 1800). Изучение соотношения этих структурных единиц с сюжетом показало, что, как правило, в основе сюжета лежит какой-то традиционный мотив, с течением времени эволюционировавший. Объединяя в одном ряду различные по структурному уровню, но близкие тематически единицы, можно проследить генезис мотивов и сюжетов. Именно поэтому, с нашей точки зрения, следует классифицировать в одном ряду структурные единицы разного уровня: мотивы и сюжеты.

В первую группу объединены песни, содержащие пожелания (требования) к другим существам. Мы условно назвали эти произведения императивными. По композиции они обычно представляют собой

⁵ См. И. И. Зырянов, Частушечные спевы, «Ученые записки Пермского гос. педагогического ин-та», т. 49, 1968, стр. 86.

⁶ А. М. Астахова, Импровизация в русском фольклоре, «Русский фольклор», вып. X, М.—Л., 1966, стр. 74.

монолог. Монологическая форма, повторения, преимущественное употребление глаголов в повелительном наклонении создают общую эмоциональную императивность песен этой группы, которая сближает их с календарными песнями.

В составе данной группы можно выделить две подгруппы в зависимости от адресата (и содержания) пожелания: 1) песни — пожелания ребенку; 2) песни — обращения к различным существам с просьбой (требованием).

В свою очередь внутри каждой из этих подгрупп возможна классификация колыбельных в зависимости от содержания выраженных в них пожеланий (сна, здоровья, роста и др.).

Во вторую группу мы объединили произведения, которые можно условно назвать повествовательными. Колыбельные песни этой группы не несут ярко выраженной экспрессивной, эмоциональной нагрузки. В них сообщается о каких-то фактах, содержатся бытовые зарисовки или небольшой рассказ о животных, что несколько сближает их со сказками. Здесь нет прямого обращения к ребенку, хотя образ его прямо или отражено присутствует в песне: речь идет о его будущем, подарках ему, о животных и птицах, которые заботятся о нем. Эту группу можно подразделить в соответствии с персонажами, выделив песни о ребенке, о людях, о животных, птицах.

В целом предлагаемая классификация имеет следующий вид:

I. Песни императивные.

1. Пожелания ребенку: а) сна, здоровья, роста; б) послушания; в) смерти.
2. Обращения к различным существам с просьбой (требованием): а) дать ребенку сон, здоровье, укачать его; б) не пугать ребенка, не мешать его сну.

II. Песни повествовательные.

- 1) о ребенке, 2) о людях, 3) о животных, птицах и предметах.

III. Песни — заимствования из других жанров.

IV. Песни литературного происхождения.

Недостаток такой схемы можно усмотреть в том, что песни с одним персонажем порой оказываются в разных группах: так, например, песня, где кота приглашают качать колыбель, попадает в одну группу, а сравнительное описание колыбели кота и колыбели ребенка — в другую. Но объединение всех сюжетов и мотивов с одним персонажем в одну группу ничего или почти ничего не дает для понимания генезиса произведений, их эволюции, роли импровизации, формирования тех или иных образов колыбельных песен и т. п. Предложенная же классификация может облегчить решение этих вопросов⁷.

2

Охарактеризуем выделенные разновидности. Песни группы I—1а (пожелание ребенку сна, здоровья, роста) часто включают прямое обращение к нему, не имеющее, как правило, устоявшейся формы. Это в основном импровизационная разновидность колыбельной песни. Вообще в колыбельных песнях очень скрупульно применяются средства худо-

⁷ За пределами классификации остаются элементарные формы, состоящие из гласных звуков, которые напеваются на колыбельный мотив, но не имеют текста. Сюда же по существу относятся и рефрины, количество которых при кажущемся разнообразии в общем невелико: «бай, бай, бай», «люли-люли-люли, качи-качи-качи», баю-баюшки-баю», «люли-люленьки», «качки-шокачки» и пр. Чередование их и отдельных «кубаюкивающих» звуков с обращениями к ребенку, может быть, и следует считать самыми древними колыбельными песнями (см. V. Greble, Latviešu bērnu folkloragram, Riga, 1960). Но подобных «песен» записано слишком мало, чтобы были достаточные основания выделять их в особую группу.

жественной изобразительности. Исключения составляют произведения, содержащие обращения к ребенку. Эпитеты, метафоры, сравнения, перифразы, метанимия и др. представлены в них достаточно богато. В таких песнях к ребенку обращаются с большой нежностью:

Спи, младенец миленький,
Голубоцек сизенький⁸.
Спи-ко, ребенок дорогой,
Ненаглядный, золотой⁹.

Спи, дитя мое родное,
Спи, уваженное,
Спи, уваженное,
Спи, улаженное¹⁰.

Порой употребляются неожиданные сравнения:

Спи, мое дитятко,
Семенно житцо,
Подоконно польцо,
Да домашнее сенцо,
В самом устье звенцо¹¹.

В ребенке видят будущую замену родителям:

Спи-тко, теплая сугрева,
Отцу-матери замена¹².

Нет возможности перечислить все ласковые слова, с которыми в песнях обращаются к ребенку: сыночек дорогой, соколочек золотой; моя доцька — серебряна цепоцька; моя родная рыбка золотая; мой милованный, мой ненаглядный; дорогая дорогулюшка, золотая золотинка; дитя маленькое, крохотанненькое и др. Но иногда выведенная из терпения мать может обратиться и в такой форме к ребенку:

Спи, мое зевало,
Спи, мое горлало¹³.

В обращениях к ребенку с просьбой спать содержатся и мотивы, содержащие жалобу матери на свое тяжелое положение, на отсутствие нянек:

Спи-ка, Вова, бог с тобой,
Не ломайся надо мной,
Мамка занята по грудь,
Детей не во что обуть.
С тобой мамке недосуг,
Не проси-ка белых рук¹⁴.

Пожелание сна ребенку порой выражается и в устойчивой форме, переходящей из песни в песню. Чаще это припевки, состоящие из двух стихов (им может предшествовать запев из особых слов «бай-бай» и др.), имеющих на конце созвучия:

Спи, Таня, до вечера,
Тебе делать нечего¹⁵.
Спи, Ванюшка, покрепче,

⁸ ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 1.

⁹ Там же, № 24.

¹⁰ «Живая старина», 1903, вып. 1—2, стр. 203—204.

¹¹ ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 22.

¹² ЭО, 1906, кн. 1, стр. 93.

¹³ ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 128.

¹⁴ ИРЛИ, колл. 165, п. 33, № 98; см. также: колл. 259, п. 1, № 41; колл. 69, п. 9, № 44; «Вестник воспитания», 1914, № 8, стр. 150 и др.

¹⁵ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 696.

Будет мамушке полегче¹⁶.
Костя, спи, Костя, спи,
Поскорей глазки зажми¹⁷.

Эти мотивы могут служить зачином или концовкой песни, однако часто пожелания, выраженные в такой форме, представляют собой как бы самостоятельные произведения. Среди этого рода мотивов наиболее часто встречаются три, которые приобрели устойчивость формул:

Спи-ко, Ваня, засыпай
Поскорее вырастай¹⁸.
Спи по ночам
Да расти по цясам¹⁹.

Спи, дитя, здорово,
Вставай весело,
Спи камешком,
Вставай перышком²⁰.

Иногда эти мотивы перерастают в «сюжеты», приобретая новые элементы:

Спи-ко, Арся, по дням,
Ты рости по часам,
Спи по утренним зарям,
Спи по черным по ночам²¹.

Песни группы I—16 содержат требования, чтобы ребенок не вертелся, не ложился на край, не поднимал головы; порой в них содержится угроза наказания. Некоторые из этих песен широко распространены и в наши дни. Например:

А баю, баю, баю.
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок,
Хватит (имя) за бочок,

И потянет у лесок,
Под ракитовый кусток,
А баю, баю²².

или
Баю, баушки, баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять
Крепко дитя будет спать²³.

¹⁶ Там же, колл. 66, п. 2, № 68.

¹⁷ Там же, колл. 166, п. 2, № 92.

¹⁸ Там же, колл. 204, п. 1, № 3, л. 5—6.

¹⁹ «Живая старина», 1903, вып. 1—2, стр. 201—202; ср. ЭО, 1895, кн. 4, стр. 91; В. Шишкин, «Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Собрал В. Шишкин», Пермь, 1882, стр. 299 и др. Последняя формула встречается в заговорах «на сон ребенка», например:

Господи, бла-слови,
Вымылся, выпарился,
Сердце-нье дитятко,
На сон, на рось,
На добрую милось.
Спи по ноцям,
А расти по цясам (ИРЛИ, колл. 66, п. 1, № 69).

²⁰ Архив Географического общества СССР (далее — Архив ГО), разр. 7, оп. 7, № 53, л. 7. ср.: ИРЛИ, колл. 3, ч. 7, № 97; колл. 12, п. 4, № 25, л. 8; колл. 69, п. 9, № 688; колл. 165, п. 32, № 165, и др.

²¹ ИРЛИ, колл. 32, п. 5, № 16.

²² ИРЛИ, колл. 121, п. 6, № 276; ср.: Архив Гос. музея этнографии народов СССР (далее — Архив ГМЭ), фон Тенищева, Владимирская губ., Вязниковский у., 1897; ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 347, 349; колл. 105, п. 2, № 10, там же, п. 31, № 1; колл. 241, п. 2, № 97, и др.

²³ ИРЛИ, колл. 78, п. 9, № 114; см. также: Архив ГО, разр. XXXIII, оп. 1, № 17, л. 7; П. Д. Ухов, «Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892—1896 годах», в кн.: «Вестник МГУ», 1961, № 4, стр. 75; ИРЛИ, колл. 165, п. 33, № 117; колл. 241, п. 3, № 8, и др.

Особо следует сказать о группе I—Iв. Среди огромной массы колыбельных песен, отражающих любовь матери к ребенку, заботу о нем, собирателям и исследователям издавна были известны песни, содержащие пожелания смерти ребенку. Их немного, они составляют около 5% от общего числа известных нам записей. Песни этой тематики бытовали на протяжении последнего столетия в районах Севера, Центральной России, Урала и Сибири. Существует несколько объяснений причин их бытования: тяжелые экономические условия жизни крестьянства²⁴, стремление «обмануть» болезни, которые представлялись в виде каких-то существ, мучающих ребенка²⁵, порой эти песни без достаточных оснований относили к шуточным²⁶. Анализ текстов показывает, что пожелание смерти выражено вполне определенно, почти всегда устойчивыми традиционными формулами, и не может быть истолковано как иносказание. Мотив пожелания смерти раскрывается в трех сюжетах. Песни с таким сюжетом обычно начинались одной из формул: «Бай да люли, хоть сегодня помри», «Бай, бай, бай, хоть сегодня умирай», «Спи-ко, Тоня, на два дни, а на третьем на дровни». Далее идет описание будущих похорон ребенка. Один сюжет повествует об участии родственников в похоронах²⁷, второй описывает место погребения²⁸, третий содержит описание поминок²⁹.

Нам представляется, что среди древних колыбельных песен, имевших магическое значение, издавна могли существовать и такие, которые содержали пожелание смерти ребенку. По свидетельству С. М. Соловьева, у славян не было известного многим народам обычая убивать новорожденных «если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увечны»³⁰. Не вдаваясь в исследование вопроса о степени полноты сведений, которыми располагал С. М. Соловьев, можно, однако, предположить, что отсутствие или малое распространение такого обычая могло породить колыбельные песни с пожеланием смерти слабым, увечным, безнадежно больным или умиравшим от голода детям. Продиктованы эти песни были гуманными чувствами, желанием избавить ребенка от мук болезни или голода.

Появление подобных песен могло быть связано с верой, что детей может подменять нечистая сила, оставляя вместо новорожденного свое дитя, глупое или уродливое. Кроме того, в песнях прямо выражалось пожелание смерти ребенку, рожденному вне брака. Как правило, отношение в крестьянской семье к незаконнорожденному ребенку и его матери было презрительным и суровым. Зная, что ребенка ждет очень тяжелое будущее, мать могла считать для него смерть благом.

Давно ушли в прошлое обстоятельства, стимулировавшие возникновение и бытование колыбельных песен, содержащих пожелание смерти ребенку. И элементы песен, когда-то составлявшие определенные сюжеты, рассыпаются, присоединяясь к другим произведениям, часто иного жанра. Встречаются попытки сознательного переосмысливания мотива пожелания смерти. Так, одна из песен включает традиционные для этого мотива элементы, но поворот в ней уже иной:

²⁴ Н. И. Гаген-Торн, Протокол заседания комиссии по изучению детского быта, языка и фольклора от 24 мая 1928 г., Архив ГО, ф. 1, оп. 1, № 7; Е. В. Гиппиус, Крестьянская лирика, Л., 1935, стр. 57; Э. В. Померанцева, Детский фольклор, в кн.: «Русское народное творчество», М., 1966, стр. 297; Г. Г. Шаповалова, Изучение детского фольклора О. И. Капилей, в кн.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, М., 1968, стр. 149—163.

²⁵ В. П. Анкинин, Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор, М., 1957, стр. 91.

²⁶ М. Н. Мельников, Указ. раб., стр. 407.

²⁷ ИРЛИ, колл. 1, п. 39, № 7.

²⁸ Там же, колл. 165, п. 33, № 178.

²⁹ Там же, колл. 69, п. 9, № 266.

³⁰ См. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. I, М., 1959, стр. 97.

Умирать не торопись...
Поторопишься, умрешь,
Много слез наделаешь,
Много горюшка, тоски
До гробовой моей доски ³¹

3

Среди императивных колыбельных песен немало произведений, содержащих просьбу к различным существам дать ребенку сон, рост, здоровье, не пугать его, не мешать ему спать. В песнях группы I—2а с просьбой дать сон ребенку содержится обращение к антропоморфным мифическим существам — персонифицированным носителям сна. Это Сон, Дрема, Покой (Упокой), Угомон. Обращения к ним превратились в своего рода устойчивые формулы, выраженные в категорической, экспрессивной форме:

Сон да дрема,
Поди дитятку в глаза
(или в голова) ³².

Ешшо сон дремота
Навались на тебя ³³.

Экспрессивность требования может быть усиlena употреблением глагольных синонимов, повторений:

Сон да дрема,
Навались на глаза,
Навались на глаза,
Накатись на плечо
Накатись на плечо
На Михалкино ³⁴.

Глагол может быть и пропущен:

Сон да дрема
Да младенцу в глаза ³⁵

Обращение к Сну и Дреме чаще всего является зачином песни, имеющей довольно устойчивую сюжетную схему: Сон да Дрема ищут колыбель, обещают усыпить ребенка, ссорятся и т. д. Но этот мотив может находиться в середине (разрывая сюжетное повествование) или в конце песни. Такие обращения обязательно связаны с основным сюжетом, они в некоторых текстах служат как бы звеном, связующим два различных сюжета, или выступают самостоятельно в начале песни.

Традиционную устойчивую формулу получило обращение еще к одному персонажу — Угомону или Упокою (Покою):

Угомон тебя возьми ³⁶

или

Угомон тебя возьми
С Угомоновною,
С красной девицею ³⁷.

³¹ ИРЛИ, колл. 1, п. 39, № 10.

³² «Живая старина», 1903, вып. 1—2, стр. 201—202; ЭО, 1895, кн. 4, стр. 91.

³³ ИРЛИ, колл. 78, п. 9, № 65.

³⁴ ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 118.

³⁵ Там же, колл. 69, п. 9, № 223, сходные тексты: там же, №№ 219, 224, 251, 611.

³⁶ ЭО, 1895, кн. 4, стр. 91; стр. ИРЛИ, колл. 69, п. 9, №№ 93, 237, 241, 243, 328, 635; колл. 78, п. 9, № 2, 66, 110 и др.

³⁷ Архив ГО, разр. XXXIII, оп. 1, № 16, лл. 153—154.

Иногда вместо Угомона в текстах встречается Упокой:

Упокой дорогой,
Тане глазки закрой ³⁸.

Относительная самостоятельность мотивов с призывами Сна, Дремы и Угомона, их устойчивая форма позволяют предполагать, что сюжетное повествование о Сне и Дреме присоединилось к формуле — обращению, имевшей первоначально заклинательную функцию. В такой именно функции эти образы фигурируют в заговорах. Сон-угомон просят у зари: «Матушка заря — зарянница, заря красная девица... Наша дети кричат, плачут, нас угомона просят, *дай сон-угомон младенчику* (имя рек). Аминь» ³⁹. В заговорах встречается формула призыва Сна и Дремы — такая же, как и в колыбельной песне: «Если дитя не спит, то три зари носят его в курятник и держа его в курах говорят следующее до трех раз: „Курица, возьми бессонницу у младенца такого-то, называя его по имени, дай свой сон, *сон да дрема младенцу в голова*“» ⁴⁰.

Вероятно, позднее появились обращения к христианским персонажам. Несмотря на, видимо, широкую в свое время распространенность этих мотивов, нам не удалось проследить их в устойчивой форме. Чаще всего встречается, пожалуй, обращение к богородице с просьбой усыпить ребенка:

Успения мать,
Уложи младенца спать
На тесову на кровать.
Уложи, усыпи
На всю темную ночь ⁴¹.

Но и этот мотив имеет множество текстуально различающихся вариантов. Имя божье, имена святых, богородицы, апостолов, ангелов упоминались, очевидно, с целью оградить младенца от нечистой силы, особенно опасной, по существовавшим представлениям, до крещения новорожденного. Эту же цель имели и «кобереги» (общеизвестный текст помещен в сборнике П. В. Шейна).

Отзвуком боярского, помещичьего быта следует, по-видимому, считать мотив, содержащий обращение к «мамушкам, нянюшкам и сенным девушкам»:

Нянюшки и мамушки,
Качайте дитя!
Сенные девушки,
Люлюкайте! ⁴²

Как правило, этот мотив контаминируется с другим — о будущем богатстве ребенка (об этом см. ниже).

Среди песен — обращений к различным существам с просьбой дать сон или укачать ребенка наиболее популярны песни, в которых центральным является образ кота. Кот обычно спит днем, поэтому, очевидно, его стали воспринимать в качестве своего рода носителя сна. Наиболее

³⁸ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 243.

³⁹ ИРЛИ, колл. 88, п. 1, № 12.

⁴⁰ Архив ГО, разр. 36, оп. 1, № 56.

⁴¹ ЭО, 1906, кн. 1, стр. 95; ср.: ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 24, 91; колл. 198, п. 1, № 1, л. 219; колл. 78, п. 9, № 114, и др.

⁴² П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 1, СПб., 1898, стр. 4.

ранними песнями этой подгруппы, вероятно, следует признать те, в которых кота просят принести сон как что-то вещественное:

Ай да серые коты,
Принесите дремоты⁴³.

В большинстве же текстов к коту обращаются с просьбой усыпить ребенка, укачать его:

Приди, котя, ночевать,
Нашу детку покачать⁴⁴.

Нам известно 98 песен с этим сюжетом. Видимо, он активно бытует и в настоящее время: в 1960-е годы этот сюжет записывался много-кратно. Текст песни устойчив, варьируется в основном форма обращения и обещанная плата: уж ты котинька-коток; кот-котонай; кот-котоман; котик серенький хвосток; кудреватенький лобок и др. Кроме традиционных куска пирога, кувшина молока, склянки вина коту обещают хлебца кусок, говядинки, чашку каши, щей, чайку, кусочек сахарку, платочек, серьги, сапожки, шапку, шубку, высеребрить (вызолотить) лапки, хвостик, ушки. Если же кот недоволен маленькой платой, ему угрожают «толкачом, кочергой по плечу, помелом по хвосту» и др. Импровизации также обычно связаны с мотивом оплаты, например:

Мы тя ужином накормим, Дадим папки в лапки,
Мы те шей нальём. Калачика в роток,
Молочко плехнем, И соломки под бочок⁴⁵.

Любопытен вариант в котором кот приглашается не только как няня, но и как портной:

Уж ты, котинька-коток,
Приходи под вечерок,
Приди шубки пошить,
Рукавички накроить,
Приди Федю покачать,
Приди сметанку полизать⁴⁶.

В большей части песен группы I—26 содержатся обращения к существам, мешающим ребенку спать. Чаще всего это Бука. Нам известно 74 текста, где фигурирует этот персонаж:

Поди, бука, на сарай,
Бука, Женю не пугай⁴⁷

или

Поди, бука, под сарай,
Саше спать не мешай⁴⁸.

⁴³ ИРЛИ, колл. 165, п. 33, № 155.

⁴⁴ ИРЛИ, колл. 103, п. 1, № 31. Ср.: Архив ГО, разр. XXIII, оп. 1, № 16, лл. 153—157; П. Д. Ухов, Указ. раб., стр. 76; ЭО, 1895, № 4, стр. 90; «Русские песни. Фольклор Горьковской области» (составитель Н. А. Усов), Горький, 1940, стр. 135—136; ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 50; колл. 223, п. 1, № 2, л. 167 и др.

⁴⁵ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 480.

⁴⁶ ИРЛИ, колл. 259, п. 1, № 13.

⁴⁷ ИРЛИ, колл. 2, п. 9, № 11; см. также: колл. 17, п. 19, № 2; колл. 69, п. 9, № 302, 335, 337, 338 и др.

⁴⁸ ЭО, 1890, кн. 3, стр. 101; см. также: ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 315, 341.

Но более распространен сравнительно развитый сюжет:

Поди, бука, под сарай,
Поди, бука, под сарай,
Коням сена надавай,
Кони сена не едят,
Все на буконьку глядят⁴⁹.

Текст довольно устойчив, варианты отличаются незначительно. Трудно сказать, стоит ли за образом Буки определенный мифологический персонаж. Есть свидетельство, что в древней Руси пугали ребенка «родом». Высказывалось предположение, что род не что иное, как домовой⁵⁰. Возможно, Бука — одно из названий домового, а может быть, этот персонаж — олицетворение всякого шума, мешающего ребенку спать⁵¹.

В колыбельных обращаются также к «старику», «старику Бабаю» с просьбой не пугать ребенка. Возможно, что этот персонаж также ведет свое происхождение от Буки, есть тексты, где он заменяет собой Буку:

Поди, старик, на сарай,
Наших детей не пугай⁵²

или

Не ходи, старик Бабай,
Мне девчонку не пугай⁵³.

Более 20 раз записаны песни, где фигурирует старик Бабай:

Идет дедко Бабай,
Уж как дедко Бабай
Кричит: «Ваню подай».
Я Бабаю на ответ:
«Мово Вани дома нет»⁵⁴.

С просьбой не будить ребенка обращаются к разным животным, чаще всего к собаке (животное, любимое детьми); этому во многом способствует «естественная» рифма: бай — лай. Однако устойчивым является только один мотив

Ты, собака, не лай⁵⁵.

Сюжет развивается во многих вариантах:

Белоуса, не греми,
Из-под окон прочно поди,
Моего (имя) не буди⁵⁶

⁴⁹ ИРЛИ, колл. 87, п. 1, № 11; см. также: колл. 117, п. 4, № 12; колл. 1, п. 15, № 19; колл. 5, п. 13, № 2, лл. 20—21 и др.

⁵⁰ Е. В. Аничков, Язычество и древняя Русь, СПб., 1914, стр. 161—162.

⁵¹ См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, 1958, стр. 192 (Букъ — бука — шум, tumultus, sonitus — ср.: бучати — мычать).

⁵² ИРЛИ, колл. 259, п. 1, № 41.

⁵³ ИРЛИ, колл. 42, п. 11, № 7.

⁵⁴ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 316.

⁵⁵ Архив ГМЭ, фонд Тенишева, Новгородская губ., Тихвинский у., отдел 9, л. 1.

⁵⁶ Там же.

или

Ты корова не мычи,
Петушок не кричи:
У нас Галя хочет спать,
Стала глазыньки скрывать⁵⁷.

С такой же просьбой обращаются иногда и к неодушевленным предметам:

Уж ты, оцеп, не скрипи,
Уж ты Ваню не буди!
У нас Ванюшка боится,
Долго в люлю не ложится⁵⁸.

4

Среди повествовательных колыбельных песен произведения группы II—I в наибольшей степени отражают мечты матери о будущем ребенка. Здесь прежде всего следует отметить песни, развивающие мотив: «Вырастешь велик, будешь рыбку ловить», активно бытовавшие еще в 20—30-е годы XIX в. Варианты их содержат более или менее развернутое перечисление крестьянских работ, предстоящих ребенку. Среди них наиболее часты мотивы: станешь рыбку ловить; станешь мамку кормить; станешь работку работать; станешь в людюшки ходить; станешь пашенку пахать; будешь лес рубить. Реже встречаются: будешь жать и косить, будешь сено носить; будешь сеять и косить, будешь хлебы молотить; огороды городить; по коровушки ходить; пойдешь в поле за сохой и др.⁵⁹ Один из текстов предсказывает ребенку нелегкое будущее:

Находишься босой,
Насидишься голодной⁶⁰.

Ребенок — замена матери, отцу — такой мотив часто встречается в колыбельных песнях: «Уж сына качаю, я себе замену чаю», «Уж я доцерь качаю, Я себе-то зятя чаю»⁶¹. Но песни отразили и трезвое понимание крестьянкой своего положения: ничего не изменится и тогда, когда вырастет ребенок:

Уж я дитятка качала,	Мне-ка сменушки не будет,
Перемену завечала.	Перемены не видать,
Будет сменушка,	Хлеба-соли не едать ⁶² .
Будет хлебушка.	

Можно считать, что в известной нам только в семи записях (шесть из них относятся к XIX в.) песне о будущем богатстве ребенка и подарках, которые он сделает нянчившим его «мамушкам», «ннянюшкам» и «сенным девушким», нашел отражение помещичий, барский быт. Обращение к «мамушкам» в начале песни является в данном случае мотивом, связывающим эту песню с группой I—2а:

Вырастешь велик,—	Пригоршни жемчугу дарить,
Будешь в золоте ходить,	Сенным-то девушкам
Чисто серебро носить,	Более того ⁶³ .
Ннянюшкам-мамушкам.	

⁵⁷ ИРЛИ, колл. 78, п. 9, № 126.

⁵⁸ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 318.

⁵⁹ «Живая старина», 1915, вып. 4, стр. 367; ср.: ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 813; колл. 12, п. 4, № 25; колл. 117, п. 4, № 2, лл. 5—6 и др.

⁶⁰ ИРЛИ, колл. 190, п. 4, № 809. Только одна запись отражает желание матери видеть сына писарем (Архив ГО, разр. 7, оп. 1, № 53, лл. 3—4).

⁶¹ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 64.

⁶² ИРЛИ, колл. 17, п. 34, № 17, стр. 21; ср.: колл. 165, п. 33, № 116.

⁶³ П. В. Шеин, Указ. раб., т. 1, вып. 2, стр. 4—5; ср.: ЭО, 1895, кн. 4, стр. 90—91; ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 100 и 249; колл. 222, п. 1, № 1, л. 40; Архив ГО, разр. XXIV, оп. 39, л. 250.

Нам известны только две песни, в которых говорится о подарках и гостинцах ребенку. Текст одной — видимо, довольно позднего происхождения (25 записей, самая ранняя 1915 г.) — устойчив. Песня полна любования ребенком:

А баиньки-баиньки,
Купили сыну валенки,
Наденем на ноженки,
Пустим по дороженьке;
Будет мой сынок ходить,
Новы валенки носить⁶⁴.

В других текстах, как правило, меняется последняя строчка (и подем к бабиньке, будет с детскими играть, будет валенкам форсить, ходить вдоль завалинки и др.).

Текст другой (более 10 записей) варьируется, но в ней в качестве подарка обязательно упоминается калач. Зачин «кач, кач» рифмуется со словом «калач»:

Кач, кач, кач,
Привезет отец калач⁶⁵

или со словом «не плачь»:

Ваня, Ванюшка, не плачь,
Я тебе куплю калач⁶⁶.

Есть и другие варианты:

Ой, каци, каци, каци,
В головах калаци,
В ножках прянички,
В руках яблочки⁶⁷.

В группу II—2 включены песни — бытовые зарисовки. Так, вероятно, можно определить произведения с зачином на слово «за зыбою», который характерен только для данного мотива:

Баю, баю, за зыбою,
Отец пошел за рыбую,
А матушка дрова рубить,
А бабушка уху варить⁶⁸.

Мотив довольно устойчив, его многочисленные варианты содержат перечень домашней работы крестьянской семьи: отец ушел за рыбую, мать (бабушка, сестрица) ушла коров доить, дедушка (брать) дрова рубить, бабушка дрова носить, мать уху варить; мать (нянюшка) ушла пеленки мыть, сестра теленочка поить, дедушка назем возить, бабушка печку топить, Галя рыбу собирать, дедушка свиней поить, мамка раков палит, мать пошла мешки таскать и др.

⁶⁴ ЭО, 1915, кн. 1, стр. 124; ср.: ИРЛИ, колл. 1, п. 10, № 24; колл. 69, п. 9, № 160, 165, 178.

⁶⁵ ИРЛИ, колл. 105, п. 31, № 1.

⁶⁶ ИРЛИ, колл. 166, п. 2, № 96; ср.: ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 5; колл. 69, п. 9, № 120; ЭО, 1895, кн. 4, стр. 91—92.

⁶⁷ ИРЛИ, колл. 66, п. 2, № 57 и др.

⁶⁸ П. В. Шейн, Указ. раб., т. 1, вып. 1, № 5.

Очень распространена песня, где рассказывается о подарках родственникам. Нам известны 74 записи, отражающие различные ее варианты. Один из них:

Байки да побайки,	Да троє рукавиць,
Да матери китайки,	Ленточки,
Отцю кумацию,	Безументочки,
Брату ластовицию,	Два пояска,
Сестрицы — пестрицы	Третьему шапочка ⁶⁹ .

В этой песне остаются обычно неизменными только первые две строчки, остальные постоянно варьируются. Так, *отцу* дарят сапоги — куда хошь побеги; драпцу, погонялкой по плечу. *Братьям* («молодцам», а иногда «подлецам») — по козловым сапогам; по тулулу по пятам; по серебряным часам; бархату на шапочку; серого коня — заломи голова; рукавички; синю ластовицу; светлу пуговицу; горьку луковицу; на штаны заплату; иногда обещание — «бок (горб) наколочу». *Сестрам* — рукавицы; ленточку; позументочку; по кисейным рукавам; по серьгам по жемчужным; по платьицу, два пояска; сарафан золотой, штоф дорогой; из бумажки чулочки с подвязочками, да на гору ходить, там чисто полоскать. *Бабушке* — треух соболиный (бобровый, собачий) пух; лапотцы; кatanки; коты, ей к обедне идти; дубиночка («и пойдет бабушка по дворам шататься»); бабушкам-старушкам по красным башмакам, по теплым сапогам. *Дедушке* — сапожки, кованы носочки, с гвоздиками, с носоцками; стары валенки; кушак, кисти до полу висят; катанцы больши, заголились носки, ему в кузню ходить, ноги не озно-бить; три пуда табаку, хочешь нюхай, хошь кури, а хошь — щейницу вари; в баню веник по бокам, пусты-ко парятся да не куражатся. *Крестной матери* — шелковый платок; плат бело личко утират; а на шейку янтарьки осьмушки в полторы. *Теткам-лебедкам* — по бархатным платкам. *Пестунье* — цепочка серебряная. Иногда меняется и подарок *матери* — шелковый платок, полуушалок пуховый.

К этой же группе относится общеизвестная песня «Живет мужик на краю»⁷⁰. Нам известно 89 ее записей, песня продолжает бытовать и в наши дни.

Баюшки, баю, баю,	Каша масляная,
Живет барин на краю.	Ложки крашеные.
Он ни скуден, ни богат,	Ложка гнется,
Много у него ребят.	Сердце бьется,
Все по лавочкам сидят,	Душа радуется.
Кашу масляну едят.	

Эта песня издавна бытует в функции колыбельной, хотя по происхождению она, видимо, не колыбельная. Каждый стих многократно варьируется: чаще всего на краю живет мужик, иногда барин, но может быть и цыган, крестьянин, солдат, Федор, Никон, дедко, хозяин, мучник, коток и др. Последние строчки также встречаются в ряде вариантов: он ни беден, ни богат, он ни славен, ни богат и др. Ребят у него бывает «много», «полна горница», «семеро», «трое» и т. д. К песне присоединяются иногда и другие: «У них матушка толста ...», «Один Гришка, другой Мишка...», «Иванушка простота...» и т. д.

⁶⁹ «Песни Печоры», М.—Л., 1963, стр. 164.

⁷⁰ П. В. Шейн, Указ. раб., т. 1, вып. 1, № 3; ср.: Архив ГО, разр. VI, оп. 1, № 55, л. 9, № 4; ЭО, 1915, № 1, стр. 124; ИРЛИ, колл. 42, п. 8, № 1; колл. 105, п. 24, № 5, 113, л. 5 и др.

Один из наиболее характерных персонажей песен группы II—3 голубь (в колыбельных голубей называли гулями):

Ай, люли, люли, люленьки,
Прилетели гуленьки,
Стали гули ворковать,
Стал (имя или стала) засыпать⁷¹.

Мотив варьируется: гули усыпляют ребенка или размышляют, как его усыпить или чем накормить и др. Изменяется не только «сюжетная линия», но буквально каждый элемент. Наиболее постоянными являются первые две строчки («Ай, люли, люли, люленьки, прилетели гуленьки»), но и они могут меняться в зависимости от вариаций зачина: прилетели к нам гули, прилетели гулюшки, летели голубцы, прилетели галки, галушки, журавли и др. Любопытен перечень блюд, которыми в разных вариантах песни голуби хотят накормить ребенка: кашкой с молочком; сметанкою с творожком; белым хлебцем с молочком; пшеничным пирожком, иль пряничком, иль рожком; да сладеньким пряничком; чайком, молочком, сахарком; чи медом, чи вином; чи сладеньким сахарком; калачиком с медком; сахарком али медком; чи бубличком с медком; чи борщиком с калачом; молочком его поить; грудью материнской; тюрецкой с рожком и т. д. Перечислить все вариации невозможно. Очевидно, следствием забвения «традиционной» функции гулей являются некоторые тексты, где гули «забавляют»⁷², «пробуждают»⁷³, а иногда и «пугают» ребенка. Другое видоизменение этого мотива — замена «гулей» иными птицами и животными⁷⁴.

Менее распространенным мотивом в этой группе является сравнительное описание колыбели ребенка и кота (нам известны 35 записей, но только 4 из них сделаны в XX в.). Наиболее развернутые тексты содержат перечисление всех принадлежностей колыбели и постели ребенка: подушечка, одеяльце, занавесочка и т. д. Но большинство записей относительно кратки, постоянными являются только первые элементы:

У кота, у кота
Колыбелька золота,
У моего у дитяти
Позолоченная (или лучше его).

Описание богатой колыбели может существовать и самостоятельно, вне связи с колыбелью кота:

Зыбочка точена,
Крюк золоченый,
Крюк да колечко серебряные,
Вождички, качалочки шелковые⁷⁵.

Возможно, сравнение с колыбелью кота появилось позже, а некогда в песне просто описывалась колыбель.

⁷¹ Архив ГМЭ, Фонд Тенишева, Новгородская губ., Тихвинский у., л. 1; ср.: ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 63, 85, 105, 130; колл. 105, п. 24, № 70 и др.

⁷² П. Д. Ухов, Указ. раб., стр. 77.

⁷³ ИРЛИ, колл. 69, п. 9, № 634.

⁷⁴ П. Д. Ухов, Указ. раб., стр. 77; ИРЛИ, колл. 3, п. 7, № 63; колл. 69, п. 7, № 307; Там же, п. 9, № 646.

⁷⁵ ИРЛИ, колл. 198, п. 1, № 1, л. 219.

В текстах есть и более реалистичные изображения крестьянских «зыбок»:

Как у нашей-то у Машеньки
Зыбоцка дубова,
Оцепок деревянный,
Колецко оловянно,
Катальник плетеный⁷⁶.

и описание постели:

Спи-ко в люльке,
Люльке той,
На подушке
Травчатой⁷⁷.

Исчезающий ныне сюжет «У кота была мачеха лиха», видимо, был широко распространен: нам известно более 58 вариантов, он много раз записан еще в 20—30-е годы XX в. Сюжет варьируется: мачеха не дает есть кашу, и кот, рассердившись, уходит на печь (иногда находит там калачи или горшок каши, плетет лапти), мачеха бьет кота за то, что он качает чужих детей, за то, что «съел сметану и творог» или чтоб не просил еды. Иногда мотив «кот и мачеха» контаминируется с песней, в центре которой образ кота-вора, его ловят и бьют за воровство. Но эта песня не является исконно колыбельной и подлежит рассмотрению в другой группе. Возможно, когда-то были распространены более или менее широко и другие колыбельные песни о птицах и животных («сон всех птиц и зверей», «о заюшке», «о собачке» и др.), записи которых немногочисленны.

Отнесенные в III группу песни, заимствованные из других жанров, довольно разнообразны: в функции колыбельных записывались баллады, лирические песни, шуточные, календарные, детские, счигалки, частушки и др. Как правило, в них упоминается о ребенке.

Песни IV группы — произведения, написанные профессиональными поэтами и композиторами. Среди них «Колыбельная песня» А. Майкова, «Казачья колыбельная» М. Ю. Лермонтова и др.

Предложенная классификация позволяет сделать некоторые выводы об эволюции колыбельных песен. Наиболее древними следует, вероятно, признать произведения I группы, включающие пожелания сна ребенку и призывы мифических существ, выраженные постоянными формулами, имеющими аналогию в заговорах «от бессонницы» ребенка. Более поздними по времени возникновения, по нашему мнению, являются произведения этой группы, содержащие обращения к ребенку, которые имеют разнообразные, варьирующиеся формы, а также обращения к людям, христианским персонажам, животным с просьбой усыпить ребенка.

Анализ произведений II группы, наблюдения над многочисленными вариациями их формы позволяют предположить, что все они возникли позднее, но и среди них можно выделить сравнительно более ранние мотивы.

Точные выводы о генезисе и эволюции колыбельных песен могут быть сделаны, как нам представляется, в результате дальнейшего историко-сравнительного исследования этого жанра.

⁷⁶ Там же, колл. 3, п. 7, № 52.

⁷⁷ Там же, колл. 165, п. 33, № 18.

Б. П. П о л е в о й

ЕЩЕ РАЗ О КАМЕНСКОМ-ДЛУЖИКЕ

В 1973 г. были опубликованы две новые работы о «Dyaryusz» Адама Каменского-Длужика (XVII в.) — самом раннем из дошедших до нас сочинений на польском языке о народах Сибири¹. В начале 1973 года в Минске вышла специальная работа А. Ф. Коршунова², а несколько месяцев спустя новый обзор «Dyaryusz» дал славист А. И. Рогов в докладе «Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в.»³. Появление этих работ можно было бы только приветствовать, если бы не два обстоятельства. Нетрудно убедиться в том, что в статье А. Ф. Коршунова кое-что заимствовано из журнала «Советская этнография» (1965, № 5) и некоторых работ наших польских коллег, однако, без каких-либо ссылок на них. Подобное часто встречается в практике научно-популярных изданий. Но следует ли такие приемы внедрять в чисто научные издания?

Ведь читателю важно знать не только источники, послужившие основой для исследования, но и краткую историографию вопроса, хотя бы для того, чтобы правильнее судить о реальном научном вкладе автора новой работы.

Статья А. И. Рогова носит иной характер: в ней даны некоторые сноски на работы предшественников, но настораживает основной ее вывод (стр. 260) относительно сочинения Каменского-Длужика: «До сих пор, однако, этот драгоценный памятник, если не считать кратких упоминаний о нем или небольших цитат из него, по сути дела не вошел в научный оборот». Наши польские коллеги резонно возразили: правомерен ли этот вывод, если А. И. Рогов в своей статье не упомянул ряд новых польских исследований о «Dyaryusz» А. Каменского-Длужика и даже обошел молчанием хорошо известные в ПНР последние исследования советских историков. Очевидно, упоминания А. И. Рогова в какой-то мере являются следствием неудовлетворительной постановки у нас библиографической работы в области общественных наук. И поскольку нам уже не раз приходилось убеждаться в том, что новые работы о А. Каменском-Длужике остались неизвестными даже тем, кому их следовало знать в первую очередь, например, историкам и этнографам Сибири, уместно будет здесь дать краткую информацию о новейших польских и советских работах о А. Каменском-Длужике.

После появления статьи о А. Каменском-Длужике в «Советской этнографии» в 1965 г. (№ 5, стр. 122—129), в Польской Народной Республике заметно возрос интерес к его сочинению. В 1966 г. этнограф Збигнев Ясевич опубликовал статью «Первое польское описание

¹ A. K a m i e ź s k i - D l u ż y k, Dyaryusz więzienia moskiewskiego miast i miejscowości, «Warta». Książka zbiorowa ofiarowana ksędu Franciszkowi Bażyńskiemu, proboszczowi przy kościele św. Wojciecha w Poznaniu, na Jubileusz 50-lecia kapłaństwa w dniu 23 kwietnia 1874 r. od jego przyjaciół i wielbicieli, Poznań, 1874, s. 378—388.

² A. F. K o r s h u n o v, Нататки падарожжа па Сібіры у XVII ст. («Дыярыуш» Адама Каменскага), «Весці Акадэміі науک Беларускай ССР», 1973, № 1, стр. 101—109.

³ «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 259—262.

Сибири»⁴. В том же году ряд высказываний Каменского-Длужика использовал филолог Станислав Калужинский в своей статье «Польские исследования якутов и их культуры»⁵. В 1967 г. о труде Каменского-Длужика писал известный вроцлавский этнограф Антони Кучинский в обстоятельной статье «Вклад поляков в изучение народов Сибири и их культуры»⁶. Еще более подробно рассказал А. Кучинский об этом же в 1968 г.⁷ в специальной статье «Первое польское донесение о народах Сибири». Сочинению Каменского-Длужика посвящено около 30 страниц и в большой книге А. Кучинского «Сибирские дороги», изданной во Вроцлаве в 1972 г.⁸. Наконец, обстоятельную статью «Наидревнейшее польское известие о путешествии по Сибири», специально посвященную разбору сочинения Каменского-Длужика, опубликовал в 1969 г. упоминавшийся выше Станислав Калужинский⁹. Уже эти данные ясно показывают, что труд А. Каменского-Длужика прочно вошел в научный оборот.

Изучение «Dyaryusz» продолжается не только в ПНР, но и в СССР. Причем в последнее время (о чём А. И. Рогов, видимо, тоже не знал) были найдены весьма ценные архивные документы XVII в. о пребывании в России Каменского-Длужика. Об этой находке сообщалось в трудах первого польско-советского симпозиума «История русско-польских контактов в области геологии и географии», состоявшегося в Варшаве в 1969 г.¹⁰. А в 1973 г. во Вроцлаве во время первой конференции «История польско-русских контактов в области этнографии (Изучение этнографии Сибири)» было оглашено краткое сообщение о результатах дальнейших поисков в советских архивах¹¹.

Нам представляется целесообразным и в этом сообщении хотя бы кратко охарактеризовать найденные в архивах документы XVII в. о пребывании Адама Каменского-Длужика в России.

Среди документов Сибирского приказа 1658 г. удалось выявить следующую запись: «Генваря в 25 по памяти из Розряду за приписью дьяка Василия Брехова посланы в Сибирь литовские люди ызменники шлякта Гришка Каменской, Янко и Мишка Ждановичи, которые взяты у Могилева и посланы ис полку боярина и воеводы князя Юрия Алексеевича Долгорукова и товарыщи и по государеву службу в какую годятся и поверстать их государевым жалованьем, деньгами и хлебом и солью по разсмотрению против иных таких же кому они в версту»¹².

Нетрудно убедиться в том, что здесь «Григорием Каменским» назван Адам Каменский-Длужик. Ведь в его сочинении указано, что в начале 1658 г. он был отправлен в Сибирь вместе со своими земляками Яном и

⁴ Zb. Jasiewicz, Pierwszy polski opis Syberii, «Poznaj Świat», 1966, № 3, s. 33—35.

⁵ St. Kałużyński, Polskie badania nad Jakutami i ich kulturą, «Szkice z Dziejów Polskiej Orientalistyki», t. 2, 1966, s. 172—173.

⁶ A. Kuczyński, Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii i ich kulturą, «Lud», t. LI, cz. II, Wrocław, s. 509—513.

⁷ A. Kuczyński, Pierwsza polska relacja o ludach Syberii, «Etnografia Polska», t. XII, Wrocław, 1968, s. 173—182.

⁸ A. Kuczyński, Syberyjskie szlaki, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1972, s. 68—70, 75, 106, 116—119, 124, 128—141.

⁹ St. Kałużyński, Najstarsza polska relacja z wędrówek po Syberii, «Szkice z Dziejów Polskiej Orientalistyki», t. 5, 1969, s. 67—82.

¹⁰ «Польско-советский симпозиум „История русско-польских контактов в области геологии и географии. Тезисы докладов (29 сентября—1 октября 1969 г., г. Варшава)». М., 1969, стр. 50—53; «Polisko-Radzieckie Sympozjum „Historia-rosyjsko-polskich kontaktów w dziedzinie geologii i geografii. Streszczenie referatów”», Warszawa, 1969 (Wydawnictwo powielone), s. 54—57. В сборнике, изданном во Вроцлаве в 1972 г. под тем же названием, на страницах 275—282 дано первое подробное сообщение об этой находке.

¹¹ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii. Konferencja naukowa — streszczenia referatów 19—20 września 1973 roku we Wrocławiu», 1973.

¹² Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Сибирского приказа, ст. 577, л. 59.

Михаилом Ждановичами¹³. Так стало очевидным, что в русских документах XVII в. Адам превратился в Григория («Гришку»), и это значительно облегчило дальнейший поиск документов о его поездке по Сибири. В Тобольск Каменский-Длужик смог попасть лишь 26 марта 1661 г. Здесь ему назначили годовое жалование в «6 рублей денег, хлеба по 6 четей ржи, 2 чети овса и два пуда соли»¹⁴. Вскоре его отправили на восток. Зиму 1661—1662 гг. Каменский-Длужик провел в Енисейске¹⁵. 30 мая 1662 г. сын боярский Василий Колчугин повел группу, в которую входил Каменский-Длужик, вверх по Енисею и Ангаре («Верхней Тунгуске»)¹⁶. В конце июня они дошли до Илимского острога, воеводой которого был Т. А. Вындорский — упомянутый Каменским-Длужиком «Тихон Андреевич», поляк по происхождению¹⁷. И лишь 16 августа 1662 г. Каменский-Длужик смог добраться до Якутска¹⁸. Здесь ему повысили годовой оклад до «8 рублей денег, хлеба 7 чети ржи, 6 чети овса и два пуда соли»¹⁹. Вероятно, это было связано с его отправкой в дальнюю «двуегоднюю службу». Судя по сочинению Каменского-Длужика, он смог тогда побывать в Жиганах и потом, вероятнее всего, попал на реку Охоту («Ламу»)²⁰. Каменский-Длужик сообщал, что во время этого похода погибли его товарищи Томаш Шелковский и Кристофф Салтан²¹, а по окладным книгам Якутского острога выяснилось, что указанные лица погибли на реке Охоте²². С конца 1664 г. до весны 1668 г. «Гришка» Каменский уже безвыездно жил в Якутске, где он длительное время исполнял обязанности «дворского» (надзирателя) при местной тюрьме²³. Этот факт он счел нужным скрыть в своем сочинении. Каменский-Длужик предпочел выдать себя за участника необыкновенного плавания: из Жиган к Ледовитому океану на Индигирку и оттуда вокруг северо-восточной оконечности Азии... до Амура²⁴. Очевидно, он придумал эту версию под влиянием рассказов бывалых русских землепроходцев-мореходов. Поэтому неудивительно, что «чукчи» у него оказались на Амуре, а гиляки (нивхи) превратились в ездоков на медведях. Каменский утверждал, что он побывал на Амуре в 1659 г.²⁵ Но мы уже знаем, что на самом деле в это время он находился даже западнее Оби. В 1659 г. в низовьях Амура побывала группа Артемия Петровского (племянника Ярофея Хабарова). Пережив многое, участники ее после ряда приключений смогли в начале 60-х годов XVII в. вернуться в Якутск. Вполне возможно, что Каменский-Длужик воспользовался рассказом какого-то спутника Петровского и спутал амурских дючеров («чючар», «жучер» и т. д.) с чукчами.

Сведения о плаваниях в арктических водах дошли до Каменского от мореплавателей, вернувшихся в Якутск с севера. Документально установлено, что в 1666 г. Каменский-Длужик был лично знаком с Семеном Дежневым и Михаилом Стадухиным²⁶. Дежнев первым установил, что «Большой каменный нос» (Чукотский полуостров)²⁷ далеко простира-

¹³ A. Kamienski-Dluzuk, Указ. раб., стр. 378—379.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы (далее — фонд ЯПИ), оп. 3 (1661 г.), № 47, л. 14.

¹⁵ Там же, л. 23.

¹⁶ Там же.

¹⁷ A. Kamienski-Dluzuk, Указ. раб., стр. 385.

¹⁸ ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 4, № 666, лл. 180—182.

¹⁹ ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 3, 1662, № 47, л. 18.

²⁰ A. Kamienski-Dluzuk, Указ. раб., стр. 387.

²¹ Там же, стр. 388.

²² ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 4, № 666, л. 371.

²³ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich...», 1972, s. 279.

²⁴ Там же, стр. 276—277; A. Kamienski-Dluzuk, Указ. раб., стр. 388.

²⁵ A. Kamienski-Dluzuk, Указ. раб., стр. 388.

²⁶ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich...», 1972, s. 281.

²⁷ Под «Большим каменным носом» Дежнев имел в виду не один мыс Дежнева, а весь Чукотский полуостров (от залива Креста на юго-западе). См. об этом: Б. П. Половой, О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 г., «Изв. АН СССР. Сер. геогр.», 1965, № 2, стр. 102—110.

ется в море и обойти его можно только морем, а Стадухин впервые собрал сведения о втором «Носе»—между Анадырем и Пенжиной²⁸. Таким образом, именно в 60-х годах XVII в. стало впервые достоверно известно, что от Лены до Амура существует водный путь.

На родину А. Каменский-Длужик вернулся лишь в начале 70-х годов, и, следовательно, его замечательный «Dyaguyusz» был создан уже после его приезда.

Новые подробности биографии А. Каменского-Длужика позволяют внести существенные уточнения в существующую о нем литературу.

Прежде всего выяснилось, что А. Каменский-Длужик провел в Сибири не четыре года, а около 10 лет. И умер он отнюдь не 29 января 1667 г., как утверждали многие авторы²⁹, а гораздо позже. Оказалось, что кто-то из ранних исследователей спутал Адама Каменского-Длужика с автором другого польского сочинения о Сибири—иезуитом Анджеем Кавечинским, который действительно умер 29 января 1667 г. в Несвиже³⁰. Адам Каменский-Длужик жил не в Несвиже, а в Орше³¹. Поэтому мы не можем не согласиться с мнением В. П. Грицкевича, который на Втором советско-польском симпозиуме по истории русско-польских контактов в области истории, геологии и географии, проходившем в Ленинграде в июне 1972 г., справедливо заметил, что Белоруссия может гордиться тем, что на ее территории было создано самое раннее из дошедших до нас сочинений о Сибири на польском языке.

Г. М. Василевич считала, что в сочинении А. Каменского-Длужика приводятся самые ранние этнографические данные об ангарских эвенках³². Она датировала эти сведения 1659—1660 гг. Теперь очевидно, что Каменский-Длужик мог наблюдать жизнь этой группы эвенков в первый раз в июне 1662 г., а во второй раз—летом 1668 г.

Этнограф А. Кучинский был прав, когда критиковал выводы З. Ясевича, который поверил Каменскому-Длужику и изобразил на своей картосхеме его «гипотетичное плавание» по морям от Лены до Амура вокруг Чукотки и Камчатки³³. Но картосхема А. Кучинского и в ее восточной части нуждается в уточнении: в те времена русские еще не использовали Учюр для походов к Охотскому морю и далее к устью Амура, да и вряд ли Каменский-Длужик был у устья Амура.

Таким образом, с 1965 г. изучение первого польского этнографического описания Сибири значительно продвинулось вперед. Оно прочно вошло в научный оборот как советских, так и польских исследователей, особенно этнографов. Теперь уже вполне очевидно, что Каменский-Длужик был весьма точен, когда описывал то, что видел собственными глазами. Все его ошибки при описании других народов объяснялись тем, что он о них рассказывал с чужих слов. Но даже эти известия Каменского-Длужика по-своему любопытны, и вдумчивый интерпретатор может сделать из них полезные для науки выводы.

В богатейших советских архивах, особенно в Центральном государственном архиве древних актов, несомненно, будут еще обнаружены новые документы о пребывании Каменского-Длужика в Сибири. Поэтому архивные изыскания необходимо продолжить. В связи с этим

²⁸ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich...», 1972, s. 281.

²⁹ T. T u r k o w s k i, Dlūżyk, Adam, «Polski Słownik Biograficzny», t. V/2, zeszyt 22, Krakow, 1939—1946, s. 200; Zb. Jasiewicz, Указ. раб., стр. 34; St. K a f u z y ń s k i, Pierwsza polska relacja..., s. 69; A. F. K o r s h u n a y, Указ. раб., стр. 102.

³⁰ C. B. N a t o n s k i, Kawiecyński (Kawaczyński, Kaweczyński), Andzej, «Polski Słownik Biograficzny», t. XII/2, zeszyt 53, Wrocław—Warszawa—Krakow, 1966, s. 249.

³¹ См. С. А. Б е л о к у р о в, Из духовной жизни московского общества XVII века, М., 1903 (Приложение V «О лицах, сосланных в Тобольск за 1654—1662 гг.»), стр. 70.

³² Г. М. В а с и л е в и ч, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.), Л., 1969, стр. 13.

³³ Z. J a s i e w i c z, Указ. раб., стр. 33; A. K u c z y ń s k i, Pierwsza polska relacja..., s. 176; его же, Syberyjskie szlaki..., s. 135.

хочу поблагодарить большого знатока архивных документов XVII в. В. А. Александрова за присылку мне значительного списка дел, в которых вполне могут оказаться новые, пока еще нам неизвестные документы о Каменском-Длужике. Особенно важно окончательно установить, где находился А. Каменский-Длужик с осени 1662 до осени 1664 г. Опыт подсказывает, что такие данные можно найти или в ЦГАДА, или в Якутских актах архива Ленинградского отделения Института истории СССР. Пока найдено около 30 документов о пребывании Каменского-Длужика в России. В настоящем кратком обзоре ссылки даны лишь на часть из них.

В заключение хочу выразить свою благодарность известному польскому этнографу Антони Кучинскому за приглашение опубликовать более подробный обзор архивных находок о Каменском-Длужике в сборнике трудов состоявшейся 19—20 сентября 1973 г. во Вроцлаве первой конференции по теме «История польско-русских контактов в области этнографии (изучение этнографии Сибири)».

---

3. П. Соколова

ФИННОУГРОВЕДЕНИЕ В ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹

Интерес венгров к истории, языку, фольклору и этнографии финно-угорских народов, а особенно обских угров, родственных им по происхождению, возник давно. В первой половине XIII в. известный доминиканский монах отец Юлиан отправился за тридевять земель — из Венгрии на Урал — в поисках прародины венгров². В дальнейшем у него было немало последователей. Среди венгерских исследователей обско-угорской этнографии и фольклора, а также обско-угорских языков выделяются А. Регули, Б. Мункачи, Я. Янко, И. Папай, К. Папай, работавшие в Западной Сибири среди обских угров в середине и второй половине XIX в. Они собрали богатые коллекции предметов материальной и духовной культуры финно-угорских народов и оставили после себя фотоархивы, дневники³, многочисленные труды⁴, значение которых сохранилось до наших дней. Венгерские материалы представляют интерес и для советских ученых, занимающихся этнографией финно-угорских народов.

Проблемы финно-угорской этнографии и фольклористики разрабатывают различные учреждения в ВНР. Этнографическая исследовательская группа при Венгерской Академии наук (*Néprajzi Kutató Csoport*), Музей этнографии в Будапеште, кафедры этнографии Будапештского, Сегедского и Дебреценского университетов, Венгерское этнографическое общество (*A Magyag Néprajzi Társaság*) и местные музеи.

Венгерское этнографическое общество, возглавляемое в настоящее время академиком Д. Ортутай, существует уже более 100 лет. Оно объединяет этнографов страны, способствует их научной деятельности и занимается пропагандой этнографических знаний среди населения. В обществе состоит около 460 членов, работают три секции. Деятельностью общества руководит комитет из 23 членов во главе с председателем-исполнителем (И. Балашша), тремя вице-президентами (И. Талаши, Б. Гунда, Т. Бодроги), ученым секретарем (Л. Фельдеш), секретарем (П. Кечкеш). Общество издает научный журнал *«Ethnographia»* (выходит 4 раза в год) и информационный сборник *«Néprajzi Hírek»* («Этнографические новости»).

Этнографическая исследовательская группа Венгерской Академии наук была создана в 1960 г. Она состоит из трех секторов: фольклора (зав.— М. Иштванович), этнографии (зав.— И. Винце) и социологии (зав.— Т. Бодроги). В каждом отделе работает по 10—12 сотрудников.

¹ Сообщение не претендует на полноту охвата проблемы; оно основано на данных собранных автором во время четырехмесячной командировки в ВНР в сентябре—декабре 1972 г.

² «Известия венгерских миссионеров XIII—XV вв. о татарах и Восточной Европе», «Исторический архив», вып. III. М.—Л., 1940.

³ Коллекции хранятся в фонде финно-угорской коллекции Музея этнографии (*Néprajzi Múzeum*) в Будапеште (К. Папая — № 3311—3958, Я. Янко — № 39935—40384, И. Папая — № 31747—31794, Д. Киша — № 32525—32528), фотоколлекции (F. 4079—5289, F. 2159—2230, р. 4142 и др.) и дневники (№ 4142) в архиве (*Ethnologai Adattar*).

⁴ См. библиографию в кн.: В. Коготрау, *Die finnisch-ugrische Ethnologie, «Acta linguistica»*, т. X, ф. 1—2, Budapest (далее — Бр.), 1960.

Это главным образом молодежь, выпускники кафедр этнографии Будапештского и Дебреценского университетов.

Основной задачей группы является подготовка трехтомного этнографо-фольклорного лексикона (энциклопедии), охватывающего вопросы развития венгерской народной культуры, как материальной, так и духовной⁵. Этот труд должен выйти в ближайшие годы. Вместе с тем уже сейчас планируется работа над более обширным, многотомным исследованием по этнографии Венгрии. Поскольку этнографическая группа невелика, она привлекает для этих исследований этнографов из Музея этнографии, университетов Будапешта, Дебрецена, Сегеда, местных музеев.

Сотрудники Этнографической группы в подавляющем большинстве являются специалистами в области венгерской этнографии и фольклористики. Этнографией и фольклором зарубежных народов сейчас занимаются только М. Иштванович (фольклор народов Кавказа) и Т. Бодроги (искусство, религия народов Океании). Преждевременная смерть унесла выдающегося венгерского сибиреведа В. Диосеги, специалиста по языкам тунгусо-маньчжурских народов, автора работ по народным верованиям венгров. Широко известен в международных научных кругах составленный им сборник статей о верованиях народов Сибири, изданный на английском и немецком языках.

В. Диосеги собрал в музеях СССР, Финляндии, Норвегии и других стран обширные материалы по религии народов Сибири, которые хранятся теперь в архиве Будапештского музея этнографии. Им же собраны большие и интересные материалы по отечественной духовной культуре, отражающие древние венгерские верования и обряды. Эти материалы, ныне сосредоточенные в будапештском Музее этнографии, состоят из полевых записей исследователя, картотеки из 13 тысяч карточек, фиксирующих предметы культа (бубны, шаманские костюмы, изображения духов и божеств, амулеты и т. п.) сибирских народов, копий архивных материалов А. В. Анохина и М. Н. Хангалова, фотоколлекций. В. Диосеги оставил богатое литературное наследие⁶. Его работы посвящены проблемам сибирского шаманства, а также шаманства у народов Европы, вопросам развития религиозных верований.

В будущем, по свидетельству Д. Ортутай, предполагается углубление специализации этнографов и фольклористов Этнографической исследовательской группы в трех направлениях: финно-угорская (в том числе венгерская) этнография, советская этнография и этнография других социалистических стран Европы. Планируется подготовить к изданию целый ряд этнографических источников. Отдел социологии совместно с Институтом философии по заданию ЦК Венгерской рабочей партии исследует проблему «Традиция и культура». Наряду с изучением крестьянской культуры, быта, фольклора в последнее время внимание венгерских этнографов обращено и на проблемы рабочего фольклора, быта, культуры.

При поддержке Министерства культуры и образования Этнографическая исследовательская группа координирует работу этнографов и фольклористов в местных музеях. Раньше все сотрудники группы были закреплены за определенными музеями отдельных комитатов (административных областей страны), где они выполняли роль референтов и консультантов. Но эта система не очень удачна (все сотрудники заняты плановой темой и могут выезжать в музеи лишь изредка), и в дальнейшем решено ее изменить. При участии Этнографической исследователь-

⁵ Об этом см.: И. Кюллеш, Венгерская этнографическая энциклопедия, «Сов. этнография», 1972, № 3.

⁶ Библиография трудов В. Диосеги опубликована в журнале «Ethnographia», 1973, № 4.

ской группы обсуждаются планы музеев, законченные работы, рефераты диссертаций. В октябре каждого года проводится месячник музеев, к которому приурочиваются проведение научных конференций, недель народного искусства, открытие этнографических выставок и новых экспозиций музеев. Во всех этих мероприятиях активно участвуют сотрудники Этнографической исследовательской группы. Этнографическая группа и музей совместно готовят коллективные труды; общими силами проводится также сбор этнографических материалов.

Этнографическая исследовательская группа имеет свое издание — ежегодник «Népi kultúra — Népi társadalom» («Народная культура — народное общество»). Кроме того, ее работники активно сотрудничают в органе Венгерской Академии наук «Acta ethnographica» и в органе Венгерского этнографического общества «Ethnographia».

В будапештском Музее этнографии работают около 30 научных сотрудников, изучающих главным образом этнографию и фольклор Венгрии. В области обско-угорской этнографии специализируется Я. Кодолани⁷ (он заведует финно-угорской коллекцией музея). Проблемами этногенеза финно-угорских народов занимается П. Вереш⁸. В своих статьях он широко использует работы советских археологов, антропологов и этнографов. К. Чиллери посвятила свою диссертацию и ряд статей истории венгерского жилища; она сопоставила некоторые его типы с общими для финно-угорских народов формами⁹.

За 100 лет своего существования Музей этнографии собрал большой фонд коллекций предметов различных народов земного шара¹⁰. Музей имеет два полугодовых периодических издания: «A Néprajzi Értesítő» («Этнографический вестник») и «A Néprajzi Közlemények» («Этнографические сообщения»). В них публикуются работы сотрудников музея, ежегодные отчеты о научной и собирательской работе музея. К сожалению, до получения нового здания в январе 1973 г. музей не имел возможности развернуть экспозиции.

В финно-угорской коллекции для нас особенно интересны были предметы, отражающие материальную и духовную культуру обских угров. Первая коллекция такого рода была составлена А. Регули. Самая большая и интересная коллекция (635 предметов) собрана К. Папаем; коллекция Я. Янко содержит около 500 предметов. В музее имеются также небольшие коллекции И. Папая и Д. Киша.

А. Регули в 1842—1845 гг. посетил обширную территорию расселения обских угров в Западной Сибири (Нижнюю Обь с притоками Богулка, Сыня, Войкар, Полуй, Сосьва, Конда, Лозьва, Пелым, Тура, Демьянка, Тобол¹¹). Он собирал одежду, обувь, головные уборы, украшения, модели нарт, луки и рыболовные снаряды, орудия труда, музыкальные

⁷ Основные труды Я. Кодолани по обско-угорской этнографии: Antal Reguly, «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker», Bp., 1963; Speicher der Chanten (Ostjaken) für Opfergegenstände, Там же; Die Sammlungen von Károly Pápai und János Jankó in der Erforschung der Kultur der ob-ugrischen Völker, «Congressus internationalis Fennio-Ugristarum», Bp., 1963; Einige Lehren der Forschungen über die materielle Kultur der ob-ugrischen Völker, «Congressus Secundus Internationalis Fennio-Ugristarum», Helsinki, 1965; Az obi-ugor népek anyagi kultúraja a XIX században, «Kandidatusi értekezés tézisei», Bp., 1965; Az obi-ugor népek állattartása a XIX században, «A Néprajzi Értesítő», XLVII, Bp., 1965; A bőr az obi-yugor férfiurházathan, Там же, XLVIII, Bp., 1966; Jankó János a néprajztudós, Там же, L, Bp., 1968; Az obi-ugor testi ruhák kialakulásának kérdéséhez, Там же, LII, Bp., 1970; Frauenbekleidung der Ob-Ugrier, «Acta ethnographica», t. XVIII, Bp., 1969.

⁸ См. его труды: A magyar nép ethnikai történetének vázlata, «Valóság», 1972, № 5; Újabb adatok a finnugor és magyar östörténethez, «A Néprajzi Értesítő», Bp., 1971; Fákhan és vizekben bővelkedő tartomány, Bp., 1973.

⁹ K. Csillegy, A magyar kúpus kunyhó, «A Néprajzi Értesítő», LII, Bp., 1970.

¹⁰ 150 тысяч экспонатов, 2 млн. рукописей, 250 тысяч единиц фотоархива («A Néprajzi Múzeum, 1872—1972», «Népművelési Propaganda Iroda», Bp., 1972).

¹¹ I. Balassa, Reguly Antal néprajzi gyűjteménye, «A Néprajzi Értesítő», 1954; J. Kodolanyi, Antal Reguly, S. 25—26.

инструменты («мансиjsкая лира») и предметы культа (изображения духов). Часть этой коллекции утрачена.

Рукописи, дневники и письма А. Регули обработаны лишь частично; они издавались уже после его смерти И. Папаем, М. Жираи, И. Балашша, Ф. Толди, Б. Мункачи и др.¹² Для того, чтобы разобраться в этих материалах, Б. Мункачи и К. Папай отправились в 1888—1889 гг. по маршруту А. Регули. Они изучали язык и фольклор обских угров, а также собирали антропологические данные, рассматривая их с точки зрения этногенетических проблем. К. Папай приобрел в 1888 г. множество предметов у манси Лозьвы, Сосьвы, Сыгвы (Ляпина), Вольи, Конды и хантов Нижней и Средней Оби (в районах Березова и Сургута), Иртыша, Васюгана и нарымской Оби. Правда, далеко не все предметы были документированы; это сделал уже В. Семайер, который частично опубликовал данную коллекцию¹³. Собрание холщовых рубашек хантов из коллекций К. Папая и Я. Янко было опубликовано в издании музея¹⁴. В настоящее время эту работу продолжает Я. Кодолани.

В коллекции К. Папая — орудия охоты и рыболовства обских угров (стрелы с наконечниками, берестяной колчан, пороховница, петли на боровую дичь, рыболовные крючки и плетеные ловушки, сети, иглы и шаблоны для сетей), модели лодок и орудия домашнего труда (скребки, прядлица, модель кожемялки), а также различные виды одежды, обуви, головных уборов, рукавицы (из меха, сукна, хлопчатобумажных тканей), украшения из бисера, различные сумочки и мешки для хранения имущества и рукоделия (из меха, рыбьей кожи), берестяные и деревянные изделия (коробки, туеса, табакерки, ступки, корыта) и штампы для нанесения на них орнамента. В коллекции есть также музыкальные инструменты (типа «тороп-юх» — «лебедь»), счетные палочки, предметы культа (изображения духов, фигурки почитаемых животных, берестяные маски «медвежьего праздника» и др.). Хотя наши собрания по обским уграм в МАЭ, ГМЭ и местных музеях Тобольска, Томска, Тюмени и Ханты-Мансиjsка, естественно, богаче венгерских, тем не менее в последних имеются предметы, представляющие особый интерес. Это, например, снегоевые (светозащитные) очки сургутских хантов, оправленные плетеным шнуром и украшенные полоской ткани, расшитой бисером, с ремешками-завязками для надевания на голову, некоторые типы бисерных украшений, прядлица и костяные штампы для орнаментирования берестяных изделий с Васюгана и Нарыма. Не часто бывают представлены в коллекциях и образцы заготовок беличьего сборного меха, а также материалов, сшитых из птичьих шкурок (Нарым). Очень интересны культовые вещи: обрядовые «рукавицы» для покойника (два мешочка из ткани, на каждом из которых нашиты по две голубые бусины) из-под Обдорска, мешочек из красного сукна, отделанный спереди меховой инкрустацией и предназначенный для хранения волос умершего (Сосьва), серебряные и медные вещи, изготовленные в Петербурге в XIX в. для обмена с обскими уграми (Ляпин)¹⁵. Металлические предметы представлены ритуальными тарелочками, стаканом и пластинаами с выдавленными на них рисунками с сюжетами из жизни обских угров. Пластины означенены у К. Папая как налобное женское украшение, так же определяет их назначение и Я. Кодолани¹⁶, хотя он допускает их использование в культовой одежде. Скорее всего это были куль-

¹² См. библиографический обзор Б. Коромпая: «Acta linguistica», t. X, f. 1—2, Br., 1960.

¹³ V. Semayér, Vogul-osztják hímés kéregédeények, «A Néprajzi Értesítő», 1905; его же, Az osztjákok viselete és hímzéseink, Там же, 1907.

¹⁴ Ostjakische Stickereien, «Ethnographische Sammlungen der Abteilung der Ungarischen Nationalen Museum», IV, Br., 1921.

¹⁵ Н. Ф. Прыткова, Металлическая культовая посуда у угров, Сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949.

¹⁶ I. Kodolanyi, Frauenbekleidung der Ob-Ugrier, S. 120.

товые предметы, возможно, игравшие и роль налобных украшений. Их надевали на изображения духов¹⁷.

Вторая большая обско-угорская коллекция будапештского Музея этнографии собрана в 1894 г. Я. Янко, участником экспедиции Е. Зичи в Сибирь (тоже по следам экспедиции А. Регули). Я. Янко изучал вопросы этнографии и антропологии хантов в связи с проблемами древней истории, генезиса поселений, построек и рыболовства венгров. На Оби, Иртыше, Югане, Салыме он собрал предметы, характеризующие хозяйство (рыболовные орудия, орудия домашнего труда), быт и культуру (одежду, обувь, бисерные украшения, изделия из бересты и прочую утварь, музыкальные инструменты типа «тороп-юх» и «нарас-юх»), предметы религиозного культа (бубны с колотушками, берестяные маски, изображение духа, счетные палочки с «медвежьего праздника»). В этой коллекции очень ценные собрания рыболовных орудий (различные крючковые снасти), моделей калдана и других рыболовных орудий (с Оби, Демьянки, Югана) и костяных штампов для орнаментирования берестяных изделий (Средняя Обь, Юган). Большой интерес представляет двухструнный, очевидно смычковый, музыкальный инструмент с Югана.

В коллекции И. Папая, тоже участника экспедиции Е. Зичи, сосредоточены предметы, характеризующие материальную и духовную культуру хантов Нижней Оби и Казыма. Помимо одежды, обуви, рыболовных орудий, берестяных и деревянных изделий в этом собрании есть музыкальный инструмент «нарас-юх» и предметы культа. Среди последних следует отметить бубен с колотушкой, изображения духов и, что особенно интересно, куклу — вместилище души умершего с Нижней Оби, (правда, в коллекции этот экспонат интерпретируется как изображение духа).

Из коллекции Д. Киша, посетившего Нижнюю Обь в 1901 г., нам удалось посмотреть лишь несколько предметов (одежда, обувь, мешки из меха для хранения имущества).

В фотоархиве Музея этнографии хранятся две интересные фотоколлекции К. Папая и Я. Янко. В первой представлены типы манси Лозьвы, Сосьвы, Конды и хантов Васюгана, Ваха, Казыма в национальной одежде, засняты также некоторые трудовые процессы и предметы утвари. Большую ценность имеют фотокадры, зафиксировавшие типы одежды восточных — ваховских и васюганских — хантов (в том числе мужскую распашную верхнюю одежду) и танец с саблями нижнеобских хантов. Фотоколлекция Я. Янко более обширна и содержит материалы, характеризующие также типы хантов Средней Оби, Салыма, Югана, Иртыша, Демьянки, их традиционную одежду, обувь, головные уборы, прически. В фотоматериалах нашли отражение и типы построек, лодок, способы рыбной ловли и охоты на зверя с помощью ловушек, устройство кладбищ. Особенно интересны фотографии, характеризующие хантов Средней Оби, Иртыша и Югана в национальной одежде, в настоящее время уже вышедшей из употребления, а также типы старинных построек и рыболовных орудий.

Кадры этнографов готовят кафедры этнографии Будапештского, Дебреценского и Сегедского университетов. На каждой из них занимается до 20 студентов, проходящих практику в поле, а также в центральных и местных музеях. За время обучения студенты получают две специальности: этнографа и учителя языка и литературы (венгерский язык и литература, русский язык и литература, английский язык и литература и т. п.). Сотрудники кафедр этнографии ведут, наряду с преподава-

¹⁷ См. аналогичные материалы в нашей статье «Пережитки религиозных верований у обских угров», Сб. МАЭ, т. XXVII, Л., 1971, стр. 217—218 (изображение казымской богини Бут-ими).

тельской, и большую научную работу, публикуя свои труды в изданиях университетов¹⁸.

В Венгрии всегда была сильной финно-угорская лингвистическая школа, которая способствует успешному изучению проблем финно-угорского родства. Этой проблематикой занимаются как Институт языкоznания Венгерской Академии наук, так и кафедры финно-угорских языков Будапештского, Дебреценского и Сегедского университетов. Кафедра финно-угорских языков Дебреценского университета сейчас готовит к изданию мансийско-венгерский словарь. Кафедрой финно-угорских языков Сегедского университета руководит П. Хайду, известный специалист по самодийским языкам, автор многих работ, освещающих проблемы прародины народов уральской языковой семьи и финно-угров¹⁹. В настоящее время кафедра готовит финно-угорский этимологический и краткий селькупский словари.

Для специалистов-финноугроведов интересны исследования антрополога Т. А. Тота (заведующего отделом Венгерского естественноисторического музея)²⁰, занимающегося проблемами происхождения венгерского народа, а также археолога И. Фодора (сотрудника Национального музея)²¹, который привлекает для реконструкции прошлого по археологическим данным этнографические материалы, в том числе и по обским уграм.

В Венгрии собственно этнография, как мы ее понимаем, пожалуй, развита меньше, чем фольклористика, имеющая здесь довольно старые традиции. Собственно говоря, этнография до недавнего времени была частью фольклористики и нередко ограничивалась изучением народного искусства, обычаяев. И сейчас значительная часть венгерских этнографов изучает обычай, обряды и фольклор.

На венгерскую этнографию в прошлом значительное влияние оказывали различные немецкие этнографические школы. В трудах венгерских этнографов преобладали сравнительно узкие темы (например, исследования венгерского жилища, мебели, сельскохозяйственных орудий определенной исторической эпохи, выполненные очень скрупулезно, с привлечением аналогий по соседним народам).

Современная венгерская этнография базируется на марксистской методологии исследования. Все большее внимание венгерских этнографов привлекают проблемы современных этнических и этнокультурных процессов.

Некоторые этнографы ВНР проявляют интерес к работам К. Леви-Страсса. Дискуссионность структурализма как метода нашла отражение и в венгерской литературе; ряд положений К. Леви-Страсса подвергся справедливой критике в венгерской печати²². В последние годы отмечается также некоторое увлечение отдельных венгерских этнографов и фольклористов семиотикой²³.

Вопросы этногенеза венгерского народа привлекают внимание в основном археологов, лингвистов и историков. Эта проблема очень часто

¹⁸ См., например, издания Дебреценского университета: «Műveltség és Hagyomány», «A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Kőzlemények Néprajzi Intezetéből», «Néprajz és Nyelvtudomány»; *Studia Ethnographica et Folkloristica in Honorem Béla Gundá, Debrecen, 1971.*

¹⁹ P. Hajdu, *Finnougrische Urheimatforschung*, «Ural-Altaische Jahrbücher», Bd. 41, Hf. 1—4, Wiesbaden, 1969.

²⁰ Т. А. Тот, Древнейшие периоды происхождения протовенгров, «Вопросы антропологии», 1970, вып. 36; Т. А. Тот и Б. В. Фирштейн, Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы, Л., 1970; см. также библиографию в «Anthropologica Hungarica», 1971, X.

²¹ И. Фодор, К вопросу о погребальном обряде древних венгров в IX—X вв., «Проблемы археологии и древней истории угров», М., 1972.

²² «Ethnographia», 1969, LXXX; «Népi kultúra — népi társadalom», IV, Вр., 1970; «Dokumentatio Ethnographica», 2, Szolnok, 1971.

²³ «Ethnographia», 1971, LXXXII.

рассматривается шире — как проблема прародины народов финно-угорской и даже уральской семьи языков.

Как и советские ученые, венгерские исследователи пришли к выводу, что данную проблематику можно решить только посредством комплексных исследований. Это подчеркнул в своем докладе «Об исследовании древней культуры венгров» А. Барта на симпозиуме советско-венгерской исторической комиссии (секция древней истории), состоявшемся в октябре 1972 г. в Будапеште. Совершенно справедлива высказанная докладчиком мысль о том, что теории и методы истории, основанные на данных языкоznания, недостаточны. О неправомерности преувеличения значения лингвистических источников при решении проблемы этногенеза говорили и участники дискуссии. Исследователи все чаще обращаются к данным археологии, антропологии, этнографии.

В настоящее время можно отметить следующие основные дискуссионные проблемы: 1) уральская языковая семья, связи финно-угорских и самодийских языков, место прародины уральской языковой семьи, время распадения уральских языков; 2) вопрос о финно-угорской прародине, ее европейское (Д. Ласло, А. Барта, О. Н. Бадер и др.) или азиатское (В. Н. Чернецов, В. А. Могильников, П. Хайду, Т. Тот, П. Вереш и др.) местонахождение²⁴; 3) место и время разделения финно-угорской общности (в связи с этим сопоставляются археологические и лингвистические данные); 4) угорское единство, время его распадения, формирование венгров, хантов и манси; 5) местонахождение венгерской прародины (казахстанские степи, Южный Урал, Среднее Поволжье); сопоставление археологических культур с протомадьярами и мадьярами, тюркский или финно-угорский характер культуры мадьяр в период освоения ими новой родины на Дунае; 6) социально-экономическое развитие мадьяр ко времени их прихода на Дунай (проблема номадизма и земледелия).

Этот круг проблем находится сейчас в центре внимания многих венгерских и советских ученых, главным образом лингвистов, археологов, антропологов. Думается, что и этнографы могут сказать здесь свое слово. В связи с этим определенный интерес представляет вопрос об угорском характере культуры венгров, об аналогиях в их культуре и культуре их ближайших родственников по языку — обских угротов. Следуя традиции выдающихся венгерских исследователей Б. Мункачи, Я. Янко, А. Регули, венгерские исследователи (особенно в 1950—1960-х гг.) обращались к финно-угорскому, в том числе и к обско-угорскому, материалу, используя его для интерпретации, выяснения этногенетических корней венгерской материальной и духовной культуры²⁵. Однако в последнее время венгерские исследователи стали чаще обращаться к европейским славянским материалам. Вероятно, это имеет определенный смысл, так как позволяет всесторонне выявить характер культуры древних венгров.

Даже сравнительно беглое знакомство с предметами материальной культуры венгров, как нам кажется, позволяет говорить о возможности выявления общих корней в венгерской и обско-угорской культурах. Ученые ВНР отмечают в орнаментах, например, в мотивах «кошкила лапа», «лисий локоть», «заячье ухо» секельских вышивок некоторое сходство с мансиjsкими²⁶. Продолжаются также параллели и в штампованных орнаментах на берестяных и костяных изделиях. По форме и технике изготовления венгерские берестяные солонки очень напоминают

²⁴ См., например, «Проблемы археологии и древней истории угротов», М., 1972.

²⁵ Л. Вардяш, Угорский слой в венгерской народной музыке, «Acta ethnographica», I, Вр., 1950; А. Сендрей, Представления о душе в верованиях венгерского народа, «Acta ethnographica», II, Вр., 1951; Г. Лükő, Az ugor totemistikus exogamia emlékei a magyar folklorban, «Ethnographia», LXXVI, Вр., 1965; В. Гунда, A finnugor varsák fejlődésének néhány kérdése, «Műveltség és Hagyomány», VI, Вр., 1964 и др.

²⁶ Г. Lükő, Указ. раб., стр. 77—78, рис. 10.

обско-угорские табакерки²⁷. О финно-угорских элементах венгерского рыболовства уже писали венгерские ученые²⁸; вероятно, можно было бы установить более тесную его связь с обско-угорским рыболовством. Весьма интересно было бы сравнить венгерское пастушеское одеяние «сюр» с обско-угорской распашной одеждой с несходящимися полами, венгерскую и обско-угорскую обувь типа «поршни», типы плетеных корзин и коробок у венгров и обских угров²⁹, венгерские пастушеские счетные палки и обско-угорские счетные палки и календари. Любопытно проследить связь между древним обычаем некоторых групп венгров-рыбаков хоронить умерших в лодке или устраивать из старой лодки намогильное сооружение и старинным обычаем хантов и манси хоронить умерших в лодке, обрубая ее концы по росту покойного и оставляя их на могиле. Большой интерес представляет также длительное сохранение именно у венгров и обских угров обычая закрывать лицо умершего особой погребальной маской³⁰, а также мужская прическа из двух кос. Обращает на себя внимание большое сходство бытовавших в прошлом детских и обрядовых венгерских кукол и обско-угорских детских кукол без лица, что, очевидно, связано со сходными представлениями этих народов о душе. Вероятно, и сохранившийся до наших дней венгерский обычай называть женщину не по имени, а по имени ее мужа (Ласлонэ — «жена Ласло»), остался от тех времен, когда предки венгров жили вблизи от обских угров, у которых этот обычай широко распространен (например, у хантов «Матвей ими» — женщина или жена Матвея). Думается, что изучение венгерской древней и современной культуры в аспекте ее древних связей с финно-угорскими народами вообще и обскими уграми в частности имело бы большое значение для решения проблемы этногенеза венгров.

В заключение надо отметить благотворное влияние расширения международных научных связей на развитие финноугроведения в последние 10—15 лет. Очень плодотворными были совместные советско-венгерские симпозиумы исторической и этнографической секций³¹ уже упомянутой выше советско-венгерской исторической комиссии, а также финно-угорские конгрессы, инициатором которых в 1960 г. выступила Венгрия. Очередной, IV Международный конгресс финноугроведов намечено провести в 1975 г. в Венгрии.

²⁷ E. Féj, T. Hofger, K. Csillégy K. Hungarian peasant art, Bp., 1969, I. 40.

²⁸ О. Негматап, Urgeschichtliche Spuren in der Geräten der ungarischen volkstümlichen Fischerei, Bp., 1899; J. Jankó, Herkunft der madjarischen Fischerei, Budapest — Leipzig, 1900; B. Gundá, Указ. раб.

²⁹ «A Néprajzi Múzeum 1900. évi tárgyagfüjtése», «A Népr. Értes», Bp., 1961, рис. 27; «A Néprajzi Múzeum kincsei», Bp., 1973, рис. 20.

³⁰ З. П. Соколова, Пережитки религиозных верований у обских угров; см. также указ. выше работу И. Фодора.

³¹ Этнографическая секция заседала в 1969 и 1970 гг. в Москве и Будапеште, материалы см. в «Népi kultúra — népi társadalom», V—VI, Bp., 1971.

Ю. А. Колосова

ПРОГРАММИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ИНДЕЙСКИХ РЕЗЕРВАЦИЙ В США

В 1961—1965 гг. в США принятые законы, предусматривающие стимулирование отсталых и охваченных экономической депрессией районов¹. В 1965 г. при министерстве торговли создана Администрация экономического развития (АЭР), которая осуществляет программирование развития указанных районов (их называют «проблемными»).

Активизация региональной политики рассматривается как одно из средств повышения темпов роста экономики и ослабления социально-политического кризиса в стране. АЭР субсидирует развитие в отсталых районах производственной и социальной инфраструктуры (энергоснабжение, водоснабжение, транспорт и др.; учебные заведения, медицинские и другие учреждения социально-культурного обслуживания). Субсидии и кредиты предоставляются «реконструируемым ареалам», имеющим хотя бы один из признаков «бездействующего положения»: высокий уровень безработицы, низкие доходы на семью, значительную убыль населения.

В 1971 г. насчитывалось всего 1214 «реконструируемых ареалов» с населением свыше 45 млн. чел. В их числе 118 индейских резерваций, где живет 414 тыс. чел.².

В данном сообщении освещается программирование развития индейских резерваций в рамках деятельности Администрации экономического развития.

Все индейское население США по переписи 1970 г. составляло 793 тыс.³. Известно, что резервации — самая отсталая часть «проблемных» районов. В 1971 г. уровень безработицы среди индейцев был в 10 раз выше, чем в целом по стране; в некоторых резервациях безработные составляли до 80% рабочей силы; ⁴ из индейских семей живут на «границе нищеты»⁵. Индейцы находятся «на самой нижней ступеньке по медицинскому обслуживанию, образованию, жилищным условиям и доходам»⁶. Средняя продолжительность жизни индейцев в США — 44 года (при средней продолжительности жизни в США 67 лет для мужчин и 74 года для женщин); детская смертность на 50% выше средней по стране⁶.

Ассигнования АЭР на осуществление программ развития индейских резерваций с 1962 г. по июль 1972 г. составили 113 млн. долл.⁷.

¹ Эти законы: «Area Redevelopment Act» (1961); «The Public Works and Economic Development Act» (1965).

² «Jobs for America. Economic Development Administration. Annual Report», Washington, 1971, p. 11.

³ «Statistical Abstract of the United States», Washington, 1971, p. 291.

⁴ «Man Power Report of the President», Washington, 1971, p. 77.

⁵ «Rural Poverty Hearings before the National Advisory Commission on rural poverty», Washington, 1967, p. 317.

⁶ «Economic development», 1971, No. 10, p. 6.

⁷ «Indian Economic Development. An Evaluation of EDA's selected Indian Reservation Program», vol. 1, Washington, 1971, p. 1.

В 1967 г. было образовано специальное бюро для координации всех действий АЭР в индейских резервациях⁸ («Indian Desk»). Ввиду ограниченности ассигнований их решено было направить главным образом в перспективные резервации, включенные в специальный список. Сначала в него входило 16 резерваций; в 1970 г. к ним было добавлено еще пять. Шесть из них находятся в Аризоне, которая занимает второе место в стране по численности индейского населения, шесть — в Нью-Мексико, одна — в Юте, три — в Монтане, шесть — в Северной Дакоте и Южной Дакоте, одна — в Миннесоте и одна — на Аляске. При составлении этого списка учитывались не только людность, но и географическое положение резерваций, их транспортные условия, наличие сырьевых ресурсов, промышленных и иных предприятий, возможности привлечения частных инвестиций и средств индейской общины.

Характерная особенность программ АЭР по всем отсталым районам — преобладание расходов (около 2%, всех ассигнований) на так называемые общественные работы, как правило, на сооружение объектов производственной и социальной инфраструктуры. Государство финансирует эти работы с целью создать наиболее благоприятные условия для привлечения в эти районы частного капитала.

К апрелю 1972 г. из 66 проектов было реализовано 44⁹. В их числе 15 «индустриальных парков», 10 туристских комплексов, 12 предприятий сферы услуг, 29 объектов дорожного строительства и др.¹⁰. «Индустриальные парки» представляют собой комплексы, состоящие из производственных зданий, сетей энерго- и водоснабжения, подъездных путей, возведенных на одной территории. Строительство таких парков осуществляют специальные фирмы. Основная часть расходов покрывается субсидиями АЭР, остальные средства изыскиваются на месте (чаще всего это средства производственных корпораций и лишь изредка средства индейских общин). Места в «индустриальном парке» покупают или арендуют промышленные компании. АЭР дает им кредиты или помогает им получить кредиты в частных банках.

Индейские резервации, обладающие запасами нефти, цветных металлов, уранового и другого сырья, интересовали промышленные корпорации и раньше. Появление региональных программ расширило возможности проникновения промышленных компаний в индейские резервации. Что же привлекает их сюда? «Нет необходимости избирать местом размещения промышленности Тайвань, если аналогичные выгоды можно найти в индейской резервации», — заявил вице-президент одной из чикагских компаний¹¹. Главная выгода — большие резервы незанятой, дешевой рабочей силы. Кроме того, министерство труда выделяет средства на профессиональное обучение рабочих. С компаний взимаются пониженные местные налоги.

Наиболее энергично действуют электронные фирмы (такие, как «Fairchild Camera and Instrument corporation», «General Dynamics C°» и др.), организовавшие свои предприятия в резервациях племени навахов в Аризоне и Нью-Мексико, в резервации Розе-Буд племени дакота в Южной Дакоте и др. В 1968 г. почасовая оплата на этих предприятиях была на 30—44% ниже средней в данной отрасли в США¹². По свидетельству Дж. Хиггинса, администратора на заводе «Fairchild», в резервации Шипрок (Нью-Мексико) производительность труда рабо-

⁸ Там же, стр. 16.

⁹ Эти данные относятся к 16 резервациям, первоначально включенным в список перспективных резерваций.

¹⁰ «Indian Economic Development», p. 3.

¹¹ «Firms find Indian reservation is good place to locate plant», «Industry Week», Cleveland, Oct., 18, 1971, p. 14.

¹² «Monthly Labor Review», vol. 92, March, 1969, p. 22.

чих-индейцев так же высока или даже выше, чем у работающих на других предприятиях фирмы¹³.

Горный Запад, где расположено большинство индейских резерваций, привлекает туристов своей дикой природой — горами со снежными вершинами, глубокими каньонами, реками с шумными водопадами. Кроме того, эти места связаны с историей колонизации. Программы «развития» резерваций предусматривают создание туристских комплексов: гостиниц, мотелей, ресторанов, спортивных площадок и плавательных бассейнов. Нередко эти проекты включают и такой туристский «аттракцион», как специально построенные вблизи комплекса индейские жилища. В середине 1972 г. на территории 16 резерваций, отобранных АЭР, велось строительство 10 туристских комплексов. Один такой комплекс (в резервации Мескалеро в Нью-Мексико) уже действовал.

В настоящее время осуществляется также строительство нескольких объектов социально-культурного назначения в общинных центрах, а также торговых центров, предприятий по производству индейских сувениров (мокасин, игрушек). Большинство контрактов на их сооружение находится в руках частных фирм. Индейская верхушка стремится принять участие в «программах развития», но эти попытки немногочисленны и редко приводят к успеху ввиду недостатка опыта и средств¹⁴.

В целом эти программы, принося несомненные выгоды отдельным монополиям и частным предпринимателям, мало что изменили в условиях жизни населения резерваций. Лишь очень небольшая часть индейцев получила возможность овладеть современными профессиями. Осуществление 44 проектов дало лишь 1941 рабочее место, 1687 из них заняли коренные жители резерваций¹⁵. Около 900 индейцев-навахов работает в электронной фирме «Fairchild» и примерно 200 — «General Dynamics». В туристских комплексах предполагается использовать индейцев (да и то сезонно) только на работах по обслуживанию: управлять этими комплексами будут белые.

В 1971 г. АЭР поручила одной из частных исследовательских организаций оценить влияние программ развития на положение в индейских резервациях в настоящее время и в будущем. Судя по отчету, в посещенных специалистами резервациях результаты деятельности АЭР крайне незначительны¹⁶.

Приведенные выше цифры показывают, как мало дали программы АЭР для сокращения огромной безработицы среди индейцев. Известно, что в прошлом индейцев пытались переселять в города. Каждый третий из переселенных вернулся обратно, остальные попали в трущобы. «Индейцы хотят иметь работу в резервациях» — заявил представитель племени навахов¹⁷.

Составители отчета для АЭР отметили также, что индейское население крайне слабо привлекается к составлению «программ развития». И не случайно в беседах с вождями индейских племен выявилось их недоверие к этим программам. Индейцы стоят за такие проекты, которые обеспечили бы им право на национальное развитие, на самостоятельность и независимость резерваций от субсидий извне¹⁸.

Примечательно, что нефтяные и другие монополии стремятся получить в аренду земельные участки на территории резерваций на длительный срок (99 лет), что идёт в разрез с интересами местного населения. «Придет день, — заявил представитель племени пуэбло из Санто-Доминго

¹³ «Firms find Indian reservation is good place to locate plant», p. 15.

¹⁴ «Indian Economic Development», p. 3.

¹⁵ Там же, стр. 33.

¹⁶ «Indian Economic Development», p. 2.

¹⁷ «Rural Poverty Hearings...», p. 132, 139.

¹⁸ «Indian Economic Development», p. 14—15.

(Нью-Мексико),— когда индейский народ сам в полной мере использует свои ресурсы— людские и природные. И тогда народ захочет сам распоряжаться всей своей землей без участия долговременных арендаторов»¹⁹.

Недавно в Вундед-ни вспыхнуло восстание индейцев племени оглала-сиу, протестовавших против бесправия и нищеты²⁰. Вундед-ни находится в резервации Пайн-Ридж (Южная Дакота), которая была включена в сферу деятельности АЭР. Эти события красноречиво свидетельствуют о том, что «программы развития» не обеспечивают на деле ни высокого уровня жизни в резервациях, ни сохранения и развития индейской культуры. Вместе с тем осуществление проектов АЭР вносит известные изменения в жизнь отдельных резерваций, что, конечно, нельзя не учитывать при изучении современного положения индейцев.

«Сегодня,— отмечается в новой программе Коммунистической партии США,— индейцы ведут борьбу за восстановление своей свободы путем политических выступлений в союзе с другими антимонополистическими силами»²¹. Только на этом пути они могут добиться существенных изменений в своем положении.

---

¹⁹ «Rural Poverty Hearings...», p. 159.

²⁰ Ю. П. Аверкиева, Борьба индейцев в Вундед-ни, «США: Экономика, политика, идеология», 1973, № 6.

²¹ «Новая программа Коммунистической партии США», «США: Экономика, политика, идеология», 1970, № 12, стр. 85.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

К. Г. Уманский

«БОХОРОР»

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ
ВИЛЮЙСКОГО ЭНЦЕФАЛОМИЕЛИТА)*

Казалось бы, что между столь отдаленными областями знания, как этнография и современная медицина, трудно найти точки соприкосновения. В действительности это не так. На стыке этих наук могут быть получены неожиданные результаты, позволяющие по-новому подойти к весьма важным проблемам медицины и открывающие новые пути поиска.

Среди проблем современной медицины немного найдется более загадочных, чем проблема вилюйского энцефаломиелита, или, как называют эту болезнь коренные жители Якутии,— «Бохорор».

Эту болезнь, наблюдавшуюся издавна в труднодоступных районах Якутии, стали изучать после установления в этих районах Советской власти. Крайне редкие, единичные путешествия отдельных энтузиастов, не знавших местного языка, естественно, не могли способствовать изучению заболевания.

Впервые это своеобразное заболевание наблюдал Р. К. Маак¹. Т. А. Колпакова, проводившая в 1925—1926 гг. эпидемиологическое обследование Вилюйского округа Якутской АССР, в своей работе описывает 19 больных, называя их «босхонгуры-параличи», давая скучную, но достаточно точную клиническую характеристику².

В 1951—1952 гг. по заданию Министерства здравоохранения Якутской АССР П. А. Петров, А. И. Владимирцев и Е. Н. Шестеркина пытались выявить истинное число больных и расценили это заболевание как эпидемический энцефалит³.

В дальнейшем, в 1954 г., Е. С. Сарманова, К. В. Фокина, А. Н. Шаповал изучали его в Вилюйском районе Якутской АССР. Они сумели показать, что изучаемое заболевание — самостоятельная нозологическая форма, и в 1956 г. оно было обозначено как «вилюйский энцефаломиелит». В дальнейшем это заболевание систематически изучалось, и в литературе появился ряд сообщений. К этому времени Е. С. Сарманова от больных выделила вирус, который и сочли этиологическим фактором, вызывающим «вилюйский энцефаломиелит»⁴. Однако, как показали исследования последних лет, этот вирус не имеет отношения к изучаемому заболеванию.

Как всегда бывает в тех случаях, когда природа заболевания неясна, диагностические критерии становятся чрезвычайно широкими, и к этой

* Настоящая работа основана на данных, полученных нами во время экспедиционных выездов в Якутскую АССР в 1963, 1964, 1965 и 1969 гг.

¹ Р. К. Маак, Вилюйский округ Якутской области, ч. 3, СПб., 1887, стр. 78.

² Т. А. Колпакова, Эпидемиологическое обследование Вилюйского округа Якутской АССР, Л., 1933.

³ См. П. А. Петров, Клиническая картина острой стадии вилюйского энцефалита (энцефаломиелита), Якутск, 1964, стр. 5.

⁴ А. Н. Шаповал, Вилюйский энцефаломиелит, Якутск, 1959, стр. 9, 10.

болезни начинают относить самые разнообразные клинические формы, порой без достаточного основания, чаще всего по аналогии с другими, уже известными болезнями. Именно этим и объясняется многообразие форм болезни, которые в последние годы описывались разными авторами⁵.

Поэтому существующее множество классификаций весьма различных, включающих почти все известные неврологические синдромы, скорее указывает не на истинную полиморфность проявления этого своеобразного страдания, а, весьма вероятно, на то, что диагностика заболевания, обозначенного как «виллюйский энцефаломиелит», почти не ограничена рамками определенной клинической формы.

В связи с тем что подобное расширенное толкование виллюйского энцефаломиелита далеко не способствует его изучению, академик АМН СССР М. П. Чумаков предложил выделить так называемое ядро этого заболевания, т. е. тот типичный симптомокомплекс, который позволяет отличить его от всех других, известных науке. Кстати, необходимо подчеркнуть, что само якутское население не трактует столь расширительно эту болезнь. Известно, что симптомокомплекс, в который мы вкладываем понятие «ядро» настоящего заболевания, и характеристика его местным населением весьма сходны⁶.

Что же это за заболевание? Как оно проявляется?

Главная его особенность состоит в том, что оно регистрируется среди ограниченной группы якутского населения. Заболевание обычно развивается исподволь у людей старше 16 лет с постепенным прогрессированием. Среди лиц моложе 16 лет достоверных случаев заболевания практически не зарегистрировано. Прогрессирование заболевания может длиться очень долго, а иногда на какой-либо фазе может, по-видимому, останавливаться. При этом какого-либо типичного острого периода, несмотря на то что в литературе болезнь считается инфекционной, выявить в большинстве случаев не удается. Это иногда различно выраженные лихорадочные рекции, нередко больной отмечает имеющие место охлаждения, что вполне типично для Якутии, травму, роды или что-нибудь другое. Большого «бохорор» почти всегда можно четко отличить по типичному внешнему виду, по походке, по манере держаться. Он действительно «бохорор», т. е. «скованный». Поза большей частью вынужденная, тело при этом несколько наклонено вперед. Походка весьма своеобразна (нечто среднее между походкой больного с нижним спастическим парапарезом и больного паркинсонизмом). Нередко в процесс вовлекаются и руки, но в значительно меньшей степени, с аналогичными изменениями. Лицо такого больного гипомимично, и именно гипомимично, а не маскообразно. Нередко обнаруживаются различно выраженные признаки нарушения функции черепно-мозговых нервов (чаще всего это лицевой и подъязычный нервы). Но вместе с тем черепно-мозговые нервы поражаются нерезко и далеко не всегда. Весьма часто наблюдаются различно выраженные своеобразные нарушения: речи, иногда глотания и нередко функции тазовых органов.

Весьма характерны и психические расстройства, входящие в основной синдром этого заболевания; они сравнительно разнообразны (изменение настроения, астения, реже возбуждение — до прогрессивно нарастающей деменции с изменением личности). Последнее наиболее

⁵ А. И. Владимиров, Хронический Якутский (виллюйский) энцефалит за 12 лет по материалам неврологического отделения республиканской больницы, «Сборник научных работ Якутской республиканской больницы», вып. IX. Якутск, 1964, стр. 97—106.

⁶ М. П. Чумаков, П. А. Петров, А. И. Владимиров, Е. С. Сарманова, Л. Г. Гольдфарб, Г. Л. Зубри, Н. И. Федорова, Итоги переписи больных виллюйским энцефаломиелитом (1971—1972 гг.) и перспективы исследований природы этого заболевания, «Актуальные проблемы вирусологии и профилактики вирусных заболеваний», М., 1972, стр. 191—193.

характерно, особенно для больных с прогрессирующим течением болезни.

Прогрессирующее течение весьма типично. Оно наблюдается у большинства больных и выражается в медленном, постепенном и весьма длительном нарастании признаков очагового поражения нервной системы с одновременным нарастанием психических расстройств. Наиболее типичны те больные, у которых клинический синдром охватывает все или почти все указанные признаки. Именно эта совокупность определяет самостоятельность болезни «бохорор». Летальный исход весьма редкий (до 5%). Болезнь длится 10—20 и более лет. Обычно больные погибают от каких-либо других причин.

Вопросы этиологии и эпидемиологии этого заболевания окончательно неясны. Не изучены до конца и границы его распространения. Неясны (если это инфекция) и пути передачи. Вспышек и даже небольших очагов с одновременным заболеванием нескольких лиц не наблюдалось. Заболевание вилюйским энцефаломиелитом («бохорор») обычно выявляется спорадически (5—10 случаев в год в разных районах, почти равномерно в течение года). Связать появление заболевания с особенностями быта местного населения, питания, промыслов (подобные попытки были) не удается.

Таким образом, мы имеем дело с болезнью, четко отличающейся от других, известных науке. При этом достоверных данных о природе, путях ее распространения и передачи, а также о причинах возникновения до настоящего времени не существует. Наиболее широко распространено мнение о возможной инфекционной его природе.

Недостаточная изученность заболевания приводит к целому ряду вопросов. Для решения некоторых из них мы попытались привлечь этнографические данные.

Кто же болеет вилюйским энцефаломиелитом? Среди всех зарегистрированных больных (более 800) имелся только один русский. После уточнения характера этого заболевания выяснилось, что в этом единственном случае речь идет о типичных проявлениях другого заболевания (паркинсонизма). Все же остальные больные с типичными проявлениями «бохорор» — только якуты. А ведь помимо русских и украинцев, среди которых не зарегистрирован ни одного больного, в Якутии живут еще эвены и эвенки, но у них заболевания вилюйским энцефаломиелитом также достоверно не регистрировались.

При опросах жителей ряда населенных пунктов (в том числе старейших жителей в Балагачах-Мостах, Борогонцах, Кыргыдай и др.) было установлено, что «бохорор» болеют только якуты. При этом большой интерес представляет мнение местного населения о том, что дети от смешанных браков (например, якутов с русскими, украинцами) никогда не болеют «бохорор». Весьма характерно, что аналогичные ответы мы получили от всех опрошенных, с кем бы ни беседовали, во всех населенных пунктах, удаленных один от другого на такие расстояния, что общение между ними практически невозможно. В частности, 70-летний И. В. Борисов (бывший в свое время проводником Т. А. Колпаковой) в ответ на вопрос, не боится ли он заболеть «бохорор», засмеялся и сказал, что этого не может быть, так как бабушка у него русская. Таким образом, мнение о том, что болеют только якуты, весьма широко распространено среди самих якутов. Мы также ни в одном случае не наблюдали больных от смешанных браков.

При этом наше внимание привлекло то обстоятельство, что среди самих якутов района Вилюя весьма широко распространено мнение о наследственной природе заболевания. Впервые мы столкнулись с таким мнением в наслеге Борогонцы. Н. И. Иванов (якут) — племянник больной М. Д. М-ой — в ответ на вопрос, что говорят в народе о причинах заболевания, кто болеет «бохорор», заявил: «Якуты говорят, что если ро-

дители болели, то их дети в старости тоже болеть будут». Сама больная заявила, что «ее отец и дед болели этой болезнью и говорили, что их дети тоже будут болеть в позднем возрасте».

Точно такие же сведения сообщил и вышеупомянутый И. В. Борисов: «Причин болезни не знаю, но считаю, что она наследственная. Если больны дедушка или бабушка, то заболеют обязательно дети или внуки».

Подобные высказывания мы слышали неоднократно. При этом обращает на себя внимание что-то вроде чувства обреченности в семьях, где ранее в роду были больные «бохорор».

В том же Борогонском наслеге мы получили и другие интересные данные. Так же как и в других наслегах, мы собрали старейших жите-

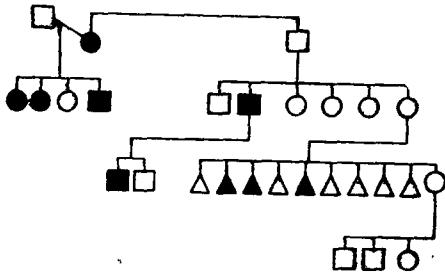

Рис. 1. Заболевания «бохорор» в роде Кёлле по рассказам стариков; здесь и во всех последующих рисунках квадратом обозначены мужчины, кружком — женщины, треугольником — лица, пол которых не удалось установить; заливные значки — больные, светлые — здоровые

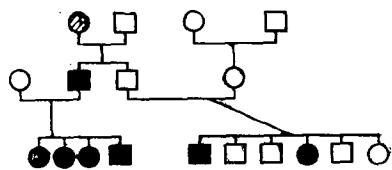

Рис. 2. Заболевание «бохорор» в роде Алексеевых по рассказам стариков; заштрихованный значок — данные о заболевании подтверждаются не всеми опрошенными

лей села и попросили их рассказать, что им известно об интересующем нас заболевании — кто болеет, каковы признаки болезни, что известно о причинах заболевания. Всего присутствовало восемь старейших жителей (от 59 до 89 лет). Ниже мы приводим рассказ старейшего жителя Борогонцев — А. И. Каратаева (89 лет), подтвержденный всеми стариками⁷.

«Имеются два вида болезни: босхонг — это когда болят суставы, и бохору. Это болезнь давно известна якутам. Заболевший человек становится полным, жадным, очень много ест. Это предшествует заболеванию. Речь его становится неясной. Он много спит. Перестает замечать укусы комаров.

Болезнь эта не заразная. С больными можно вместе есть, жить в одном помещении — никто от этого не болел. Никто не заражался. Это болезнь, передающаяся из рода в род.

Такие люди узнаются по запаху, и те, кто может заболеть, узнаются по запаху. Они различаются и по внешнему виду — кожа у них чистая, без прыщей, жирная. Такие люди заболевают. Болеют в любом возрасте, но старше 15 лет. Заболеть могут, если ослабеют. Деды рассказывали, что раньше это заболевание называлось „кухн-болбут“ что значит „расслабленный“. Например, есть два рода. Первый род жил на озере шамана Оюнь-Кель в 15 км к северу от Борогонцев. Род пошел от Ивана Келле. В этом роду много заболевших и умерших».

Сведения, сообщенные по этому роду, мы приводим в виде генеалогической таблицы (рис. 1). Как видно из рис. 1, заболевание «бохорор» прослеживается в трех поколениях как среди мужчин, так и среди женщин.

Каратаев рассказал также о роде Алексеевых с оз. Дарда, расположенного в 3 км к северу от Борогонцев. В этом роду было много боль-

⁷ Переводчиком всех материалов, собранных в Борогонском наслеге, был директор местной школы Н. И. Афанасьев.

ных. Сведения о них мы также сгруппировали в таблицу (см. рис. 2). Здесь, как и в предыдущем случае, отчетливо выступает наследственный характер заболевания.

Вместе с тем А. И. Каратаев назвал два рода (Кипиче и Мысхан) — выходцев из другого района, где во многих поколениях не наблюдается больных «бохорор».

Весьма любопытно, что в Борогонцах старики не помнят, чтобы кто-либо из родов «здоровых» и «больных» породился (следует отметить, что эти сведения относятся только к Борогонцам). Здесь, по их мнению, играет роль только «различие в запахе», определяющем привязанность. Может быть, именно подобное восприятие и служит причиной того, что роды больных и здоровых не роднятся между собой? Может быть, поэтому и стоит обратить внимание на запах как на признак тех, кто потенциально может заболеть. Это мнение представляет большой интерес еще и потому, что в последнее десятилетие в целом ряде стран исследование запахов с помощью специальной аппаратуры все шире внедряется в медицинскую практику для диагностических целей.

Как уже отмечалось, контакт между родами « здоровых» и « больных» весьма тесный: они вместе едят, живут в одном помещении, но при этом никогда не боятся заболеть, так как это болезнь «незаразная». Интересно, что в этом наслеге жили ранее и русские, но никто не помнит, чтобы кто-либо из них заболел.

Один из жителей наслега, присутствовавший на беседе со стариками, рассказал бытующую в этой местности сказку:

«Днем, когда ярко светит солнце, небо становится совсем синим. Бездонные озера, как зеркала, отражают звезды, и тогда появляется много-много звезд на земле.

Все радуются жизни: и человек, и заяц, и ондатра, и озерный карась. И в глазах у них тоже поблескивают солнечные звездочки.

Но так бывает не всегда. Сыпал ты про черные дни?

В такой день, говорят старики, все замирает. Черный воздух медленно поднимается с болота. Сначала он висит неподвижно, как бы раздумывая, но вдруг, сорвавшись с места, со зловещим шелестом летит над землей. Черный ветер. Он то жмется к земле, пригибая кустарник, то взвивается, распугивая птиц.

Но не всякий знает, что ветер этот черный. Горе тому, кого он заденет!

Пролетая над человеком, черный ветер не приносит ему вреда. Но если летит ниже, то может задеть разные части тела.

Иногда верхнюю. Иногда среднюю. А иногда и нижнюю.

Беда тому человеку, у которого черный ветер заденет голову, — отнимется язык и он станет немым, никто не сможет понять его и он никого не поймет.

Беда тому человеку, у кого черный ветер заденет руки, — руки перестанут подчиняться ему и он ничего не сможет сделать: ни оленя поймать, ни сшить себе одежду, даже поесть он сам не сможет:

Беда тому человеку, у которого черный ветер заденет туловище — появятся боли в груди, трудно станет дышать, он все время будет болеть, он ничего не сможет делать — даже в рыбной ловле не будет ему удачи.

Беда тому человеку, у которого черный ветер заденет ноги, — походка его станет неверной, появятся боли в суставах, ноги перестанут слушаться его. Зверь в тайге далеко будет слышать такого человека. Не будет ему удачи в охоте.

Ну а если черный ветер, зловеще шелестя, заденет всего человека — тогда дело совсем плохо. Ему не только трудно ходить, двигать и пользоваться руками. Он начинает терять рассудок. Все боятся его. И даже дикий зверь обходит его стороной. У такого человека могут появиться припадки и другие, очень плохие болезни.

Старики называли эту болезнь „бохорор“, что значит „скованый“.

В этой сказке как бы подчеркивается роль природных факторов, предшествующих первым проявлениям заболевания.

Сходные сведения были собраны при беседе со старейшими жителями поселка Кыргылай и в других местах. Располагая подобными данными, полученными в различных удаленных один от другого наслегах, мы, естественно, попытались проследить за двумя основными факторами: первый — болезни подвержены только якуты одной обособленной группы и второй — заболевание носит наследственный характер.

Нам удалось подтвердить оба эти положения.

Какие же существуют доказательства того, что болеют только якуты?

С нашей точки зрения, решающим является не только тот факт, что заболевание обнаруживается исключительно среди якутов, но и некоторые эпидемиологические данные о распространении заболеваний среди различных групп местного населения.

В Вилюйском районе — как раз в центре основного очага заболевания (между Борогонцами, Кыргыдаем и Мастахом) — на берегу р. Вилюй расположен поселок Кызыл Сыр. В этом поселке, существующем более 15 лет, проживают почти только одни русские и украинцы — около 4000 человек (это более чем в 2 раза превышает численность жителей указанных выше трех наслегов). За все годы в этом поселке не было ни одного случая заболевания вилюйским энцефаломиелитом. И это несмотря на очень тесный контакт с местным населением и сходные условия быта.

Рядом с Вилюйским районом, к востоку от него, в месте впадения р. Вилюй в р. Лену, находится Кобяйский район. И здесь постоянно регистрируют типичных больных вилюйским энцефаломиелитом, но тоже только среди якутов. Район этот сравнительно небольшой по площади. Между отдельными населенными пунктами имеется весьма тесный контакт. Следующие данные показывают распределение больных вилюйским энцефаломиелитом по населенным пунктам Кобяйского района:

Населенный пункт	Национальный состав (% по отношению к общей численности)	Число больных «бохо- рор» и их националь- ность, %
Сангары	5—10 % якутов	Нет
Кобяй	Около 70% якутов	0,13 (якуты)
Мукучи	99,3% якутов	0,83 »
Лючин I	Все якуты	4,00 »
Лючин II	То же	0,75 »
Тея	»	0,28 »
Чегда	»	0,20 »
Промышленный	Все русские	Нет

Как видно из данных, заболевания наблюдались только среди якутов, составляющих 30,2% населения этого района.

Кроме того, в Кобяйском районе, на севере и северо-востоке его, проживают эвены (коренное население), но и среди них также не зарегистрировано заболевания вилюйским энцефаломиелитом.

Приведенные выше данные очень четко, практически в условиях эксперимента, созданного жизнью, подтверждают то положение, что «бохорор» заболевают только якуты. Этот факт можно считать установленным.

Чем же подтверждается наследственный характер заболевания?

Сведения, полученные при опросе населения и приведенные выше, имеют определенную ценность уже хотя бы потому, что передаются из рода в род. Ведь недаром местное население не боится заразиться. Следовательно, заболевание неконтагиозно не только для других национальных групп, но и для отдельных групп якутов. В наслеге Борогонцы, в частности, некоторые из старейших жителей указывали на то, что болеют не все якуты, а только обособленная группа. Возможно, это потомки так называемых «пеших якутов», коренного населения древнего Вилюя.

Однако только тщательный генетический анализ заболеваемости может помочь решить вопрос о роли наследственности. Обследование семей 65 больных «бохорор», проведенное нами совместно с главным врачом Вилюйского психоневрологического диспансера А. Е. Пономаренко и врачом М. Л. Андреевой, а также генеалогический анализ этих данных, по нашему мнению, подтверждают роль наследственности в генезе изучаемого заболевания. Из числа указанных 65 больных при самом строгом подходе в 46,1 % отчетливо обнаруживается семейный характер заболеваний. Выше уже приводились две таблицы, показывающие, что это заболевание передавалось по наследству в двух родах Борогонского наслега. Дадим для примера еще три таблицы (рис. 3—5).

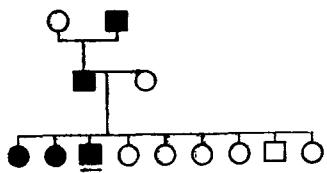

Рис. 3. Здесь и в последующих рисунках черточкой под значком отмечены больные, обследованные автором статьи

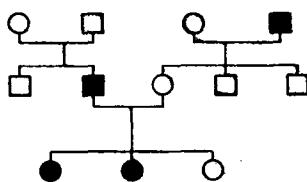

Рис. 4

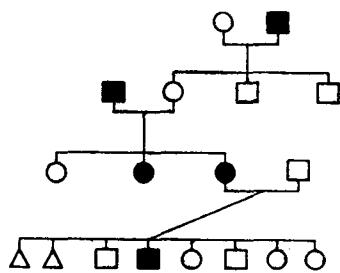

Рис. 5

Все таблицы, как нам кажется, отчетливо демонстрируют роль наследственности в происхождении заболевания «бохорор»; это удается выявить, как правило, в тех семьях, где имеются больные и где удается проследить не менее трех-четырех поколений.

Особое значение имеет анализ потомства двух или нескольких последовательных браков. Мы располагаем таким наблюдением.

Здоровая женщина в первом браке имела шесть детей от мужа, умершего впоследствии от «бохорор». Двое детей из шести заболели «бохорор». После смерти мужа она повторно вышла замуж и имела трех детей от второго мужа, который был здоров. Все трое детей от второго брака были здоровы (рис. 6).

Следовательно, это наблюдение дополнительно подтверждает предположение, что заболевание, известное среди местного населения под названием «бохорор», обусловлено генетическими факторами.

Интересно, что сходные данные приводят в своих работах и другие авторы, но они считают их доказательством «длительного латентного периода инфекции» или особенностью эпидемиологии данной инфекции, но никто из них не связывает эти данные с возможной ролью наследственности в происхождении «бохорор».

Неоднократные случаи заболевания «бохорор» в отдельных семьях наблюдал П. А. Петров, который писал: «Необходимо отметить частоту заболеваемости в одних и тех же семьях, хотя при этом не удавалось установить непосредственной эпидемиологической цепи. Так, из 280 больных 112 человек было из 50 семей, причем между отдельными семьями имелись различные сообщения и родственные связи. Обычно интер-

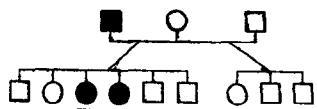

Рис. 6

валы между отдельными случаями заболевания в одной и той же семье измерялись интервалом от 2—3 до десятков лет»⁸.

Точно такие же сведения приводит в своей работе А. И. Владимирцев⁹.

Но ведь эти данные можно рассмотреть и с других позиций, а именно как факты, дополнительно подтверждающие предполагаемую нами роль наследственности в происхождении «бохорор», тем более что они ставили самих авторов в затруднительное положение, мешая целостному построению эпидемиологии вилюйского энцефаломиелита.

Заболевание «бохорор» известно очень давно. Опрос стариков показывает, что его хорошо знали их деды и прадеды. Хорошо знали его знахари и шаманы, бравшиеся лечить почти все заболевания, но всегда отказывавшиеся лечить «бохорор». Этим мы интересовались во всех наслегах.

Для последующего анализа имеют, по-видимому определенное значение исторические сведения о происхождении вилюйской группы якутов. Современных якутов, населяющих в настоящее время район Среднего Вилюя, нельзя назвать аборигенами в прямом смысле этого слова. Процесс формирования населения этого района в течение веков прошел ряд этапов. Предки современных якутов — выходцы из южных районов Сибири. Свидетельством этому являются не только древние предания, но и общность культуры и доказанная несомненно языковая общность жителей вилюйских наслегов с аборигенами Прибайкалья. Эти предки современных якутов жили в Прибайкалье около X—XI вв. н. э. Археологические материалы и топонимика Верхней Лены позволили А. П. Окладникову сделать вывод о том, что предки якутов из Прибайкалья постепенно передвигались в долину р. Лены к местам современного расселения якутского народа¹⁰.

О продвижении предков якутов в район Средней Лены и р. Вилюй свидетельствуют многочисленные предания, относящиеся к легендарным предкам якутов — Омогой-бою и Эллею. Существует несколько мнений о путях расселения якутов. Одно из наиболее вероятных — мнение Г. У. Эргис, базирующееся на анализе исторических преданий и топонимики.

Ниже цитируем соответствующий раздел предания:

«Прапородитель якутов Омогой Баай, человек бурятской народности, из-за вражды с жившими там (на прежнем месте поселения) племенами в одно время вынужден был бежать, куда понесут ноги. Он издавна имел коней и рогатый скот, а также людей. Омогой бежал со скотом, с сорокой людьми, с женой по имени Аан Дыхан, с сыном по имени Дайбахы Хара и с двумя дочерьми — лучшей холеной Ньюка Харахсын и худшей нелюбимой Хаан Этилик. Заблудившись, он не нашел реки Лены и на плотах спустился вниз по течению реки Вилюй.

Так, плывя, остановился он на Вилюе, где оставил худших и слабых людей на поселение, а сам с лучшими людьми поплыл до устья Вилюя и попал на Лену. Попавши туда, поглядел на север и на юг, про верхнюю сторону сказал: «В этом направлении находится прекрасная страна» — и стал подниматься вверх по Лене, подтягивая на бечеве плот, на котором приплыл. Поднявшись до места, где ныне находятся Намцы, встретил проживавших там тунгусов и, прогнав их, хотел было поселиться там. Но не поселился, поднялся еще выше по течению и доплыл до озера Сахсары, где находится сейчас город Якутск, облюбовал это место и осел здесь...»¹¹

⁸ П. А. Петров, Указ. раб.

⁹ А. И. Владимирицев, Указ. раб.

¹⁰ «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955, стр. 294—298; «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 291—296.

¹¹ «Исторические предания и рассказы якутов», ч. I, М.—Л., 1960, стр. 72—76.

У Омогоя работал Эллэй. Ему Омогой Баай предложил жениться на одной из его дочерей. Выбор Эллэя пал на нелюбимую дочь Омогоя — Хаан Этилик, так как, по народному поверью, она должна была быть более плодовитой (ее моча не впитывалась в почву и образовывала пень). От этого брака родилось шесть сыновей. Старший сын стал шаманом. Все братья женились на тунгусских женщинах.

«...Из оставленных Омогоем слабоватых людей произошли вилюйские люди — якуты „трех Вилюев“. Поэтому вилюйские якуты имеют отличные от теперешних якутов Якутской стороны нравы и обычай, так говорилось в преданиях и рассказах»¹².

По данным Г. У. Эргиса от Омогоя и Эллэя до ныне здравствующих людей по якутским родословиям насчитывается 17—19 поколений. Из этого числа 8—10 поколений подтверждаются письменными документами¹³.

Есть и другая версия о происхождении якутов (из племени туматов, породившихся с тайоном Тыгыном). Но и по этой версии якуты Среднего Вилюя представляют относительно обособленную группу¹⁴.

Из приведенных сведений для нас представляют особый интерес следующие:

1. Население района Среднего и Нижнего Вилюя, несомненно, обособленная группа, отличная от остального населения Якутии.

2. Нельзя исключить, что отдельные группы населения этого района были изолятами на протяжении 19—17 поколений.

3. В преданиях имеются сведения о том, что Омогой оставил на Вилюе «худших и слабых» людей, от которых и произошли люди «трех Вилюев».

4. В отличие от групп, оставшихся на Вилюе, потомки Омогоя, пришедшие на Лену, вступали в браки с местными женщинами.

5. Расселение якутских племен шло вниз по течению Вилюя и затем вверх по Лене.

Следовательно, население наслегов Среднего Вилюя (Мастах, Боронцы, Кыргыдай, т. е. основных очагов «бохорор») представляло собой типичные изоляты, т. е. отдельные, очень малочисленные группы, жившие сравнительно замкнуто, где, естественно, из поколения в поколение заключались браки внутри этой группы, хотя строго соблюдался обычай экзогамии в пределах одного наслега.

Может быть, стоило бы также обратить внимание на то, что в сказании об Омогоее говорится, что он оставил на Среднем Вилюе слабых и больных людей, а сам пошел дальше. В районе современного Якутска один из легендарных предков якутов, Эллэй, женил своих сыновей на женщинах из тунгусских племен.

Мы, разумеется, не можем в настоящее время утверждать что-либо определенное о природе заболеваний якутов «трех Вилюев». Однако многие легенды, повторяющие эти сведения, не позволяют полностью исключить возможность существования уже в те времена заболевания, которое теперь якуты называют «бохорор». Но это разумеется, только предположение, хотя, по словам стариков, это заболевание действительно в этом районе было известно издревле под названием «кухн-болбут» (расслабленный). Можно с известной степенью вероятности предположить, что болеют им представители какой-то одной локальной группы якутов. К этому необходимо добавить, что описываемая изолированная группа, осевшая в среднем течении Вилюя, попала в совершенно новые и очень тяжелые условия по сравнению с теми, в которых жили их предки в районе оз. Байкал.

¹² Там же, стр. 74.

¹³ Там же, стр. 11.

¹⁴ «История Якутской АССР», т. I, стр. 73—76.

Хорошо известно, что в условиях изоляции почти неизбежны наследственные заболевания. Естественно, что перемена климата, резкое изменение бытовых условий, ухудшение и изменение питания на протяжении многих поколений также не могли не сказаться на наследственности.

Если нанести на карту все известные случаи заболеваний вилюйским энцефаломиелитом («бохорор»), то окажется, что основная масса (более 50%) приходится непосредственно на Вилюйский район, а всего в этом районе и расположенных рядом с ним — более 90% всех известных больных. И это на площади, составляющей менее 5% территории республики, где проживает не более 10% всего населения Якутии! Это нельзя объяснить лишь тем, что остальные районы недостаточно обследованы — врачи, хорошо знающие это заболевание, в других местах его почти не наблюдают. Даже сейчас в отдельных случаях можно проследить, что дальние предки людей, заболевших «бохорор» в местах, удаленных от Вилюя, — выходцы из Вилюйского района.

Чем же это можно объяснить?

Естественно, возникает вопрос об эндемичности очага. Но об этом можно было бы говорить только в том случае, если бы болели не только якуты, но и люди других национальностей. По тем же причинам невозможно появление заболеваний связать только с особенностями питания или какой-либо интоксикацией.

Нам кажется, что в известной степени на поставленный вопрос отвечают этнографические данные. Если проследить по карте основные пути расселения и миграции населения Среднего Вилюя, то они очень точно совпадают с основными местами выявления больных «бохорор». Это весьма существенный факт, ибо подобное совпадение вряд ли случайно. Оно лишний раз подчеркивает приуроченность заболевания не к эндемическим очагам, а к определенной этнической группе.

Таким образом, мы стоим перед рядом определенных фактов, с большой вероятностью подтверждающих ведущую роль наследственности в происхождении заболевания «бохорор».

Нам могут возразить, что имеются данные, которые трудно увязать с наследственной природой заболевания. К таким возражениям может относиться то, что заболевают только лица старше 15 лет, а также известная вариабельность клинической картины.

Однако эти возражения легко опровергаются хотя бы тем, что уже давно известен ряд наследственных заболеваний нервной системы, где клиническая картина с медленным нарастанием появляется только у взрослых. Вариабельность клинических проявлений при наследственных заболеваниях — не исключение, а правило.

Впервые отчетливо показал генетические основы этого полиморфизма и их закономерности С. Н. Давиденков¹⁵.

Может возникнуть еще одно серьезное возражение против генетического характера бохорор — наличие острого периода заболевания, свойственного инфекции. Наши данные, равно как и изучение данных, приводимых в упоминавшихся работах А. Н. Шаповала и П. А. Петрова, показывают, что проявления острого периода чрезвычайно полиморфны. Так, П. А. Петров пишет: «Из 100 изученных нами больных заболеванию предшествовали у 41 человека простудный фактор, у 6 — переутомление, у 4 — перегревание, у 3 — психическая травма и у 5 — беременность и роды. К подобного рода факторам, очевидно, можно отнести некоторые предшествующие и сопутствующие заболевания, как туберкулез, хронический тонзиллит, ревматизм и другие. Все указанные выше моменты, снижая устойчивость организма к заболеванию, создавали фон,

¹⁵ С. Н. Давиденков, Проблема полиморфизма наследственных болезней нервной системы, Л., 1934, стр. 125—131.

на котором возникал нейроинфекционный процесс»¹⁶. Но почему именно нейроинфекционный? Ведь для любой инфекции более типично относительно сходное течение острого периода в основных его проявлениях. Кроме того, инфекционная природа этого заболевания до сих пор окончательно не доказана. С нашей точки зрения, подобная полиморфность клинических проявлений острого периода дополнительно свидетельствует о том, что инфекция может играть роль провоцирующего фактора, равно как и простуда, переохлаждение, травма и т. д. Роль подобных факторов в выявлении первых признаков наследственных заболеваний нервной системы давно известна.

Таким образом, в настоящее время не существует абсолютных данных, которые могли бы полностью опровергнуть мнение о возможной роли наследственности в происхождении заболевания «бохорор». Толчком к развитию болезни может явиться как специфическая инфекция, «срабатывающая» на наследственной предрасположенности, так и, очевидно, любой другой экзогенный фактор, включая неспецифическую инфекцию. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении, накапливании большого фактического материала и применении новых, современных методов исследования. Нам кажется, что предлагаемая концепция в настоящее время, по-видимому, заслуживает внимания и нуждается в дальнейшей разработке наряду с поисками и в других направлениях (вирусология, генетика, вопросы питания, токсикология и др.).

Наконец, о названии болезни. Местное население на протяжении многих лет называет заболевание «бохорор», отчетливо выделяя его среди других болезней. Мы убедились в этом, когда беседовали со старейшими жителями ряда наслегов. Как отмечалось выше, «бохорор» означает «скованный», и именно это понятие очень точно определяет как ведущий неврологический, так и психопатологический синдром. Клинические признаки заболевания в сочетании с ориентировкой на инфекционную природу его послужили основанием для появления нового названия «вилюйский энцефаломиелит». Нам кажется, что местное, самобытное название этого своеобразного тяжелого заболевания, очень точно отражающее его внешние проявления, следовало бы оставить.

Использование данных, накопленных веками в памяти народа, сопоставление этнографического материала с представлениями современной медицины позволяют расширить возможности научного поиска.

---

¹⁶ П. А. Петров, Указ. раб., стр. 48.

КОММЕНТАРИЙ ЭТНОГРАФА (К СТАТЬЕ К. Г. УМАНСКОГО)

Обычно медики, обращаясь к этнографии, интересуются главным образом народной медициной, т. е. способами лечения болезней, применяемыми тем или иным народом, народными медикаментозными средствами. К. Г. Уманский в своей статье сделал попытку привлечь якутские народные представления о заболевании, получившем название «вилюйский энцефаломиелит», для отыскания корней этого загадочного заболевания, встречающегося лишь у одной локальной группы коренного населения Вилюя. Представленные автором доказательства из области этнографии весьма убедительны. Количество примеров того, как само население Якутии оценивает эту болезнь, можно было бы увеличить. Но и то, что изложено автором, в достаточной мере служит подтверждением его гипотезы.

По мнению К. Г. Уманского, вилюйские якуты являлись в прошлом своеобразным изолятом. Он обосновывает это положение фольклорными материалами, которые, с

другой стороны, подкрепляют гипотезу о том, что путь предков якутов из Прибайкалья на Лену шел через Вилюй¹. В ее пользу говорят и данные географии: Ю. Г. Саушкин обратил внимание на то, что долина Верхней Лены крайне бедна луговыми пространствами, пригодными для кочевания со скотом².

Однако большинство якутоведов придерживается традиционной точки зрения, согласно которой южные предки якутов проникли в современную область расселения этого народа в течение длительного времени по р. Лене³. В подтверждение ее приводятся археологические данные, а также то соображение, что основная масса якутов к приходу русских была сосредоточена в Ленско-Амгинском междуречье.

Существуют два взгляда на древность вилюйской группы якутов. По мнению Г. В. Ксенофонтова, вилюйская группа древнее ленской. Это предположение в известной мере подтверждают и данные К. Г. Уманского. Однако в последние десятилетия накоплен значительный документальный материал, свидетельствующий о том, что бассейн р. Вилюя был широко освоен якутами сравнительно недавно. По данным Б. О. Долгих, к приходу русских в 1640-х гг. на Нижнем Вилюе, в Усть-Вилюйском зимовье, значилось всего 95 ясачных плательщиков-якутов, т. е. 380 человек. Эти якуты не имели лошадей и рогатого скота, были бедны и занимались главным образом рыболовством⁴.

В Средне-Вилюйском зимовье в середине XVII в. числилось несколько родов якутов, имевших лошадей и рогатый скот. Они составляли 330 ясачных плательщиков (1320 чел. обоего пола). Однако уже тогда в Средне-Вилюйском зимовье было много переселенцев из ленских улусов.

Таким образом к приходу русских вилюйские якуты представляли собой крайне малочисленную группу, насчитывающую не более 1500 чел. В верховьях Вилюя якутов тогда не было.

Данные Б. О. Долгих подтверждаются материалами С. И. Николаева и А. С. Парниковой, показавшими в исследованиях, что колонизация якутами среднего и верхнего течения Вилюя началась с середины XVII в., когда туда устремился поток переселенцев из Центральной Якутии⁵. По материалам И. Георги, во второй половине XVIII в. в трех вилюйских зимовьях уже насчитывалось 8598 муж. душ⁶. По переписи 1897 г. в бассейне Вилюя обитало 62 995 якутов обоего пола⁷. И несмотря на значительный рост населения, вилюйские якуты на протяжении XVII—XIX вв. оставались крайне обособленной группой.

Итак, вне зависимости от того, принимаем ли мы гипотезу о ленском или вилюйском пути продвижения предков якутов на север и считаем ли мы более древней вилюйскую или ленскую группы якутов, положения автора статьи о возникновении «бохор» в особой изолированной группе населения остаются в силе. Использование этнографических данных в медицинских исследованиях, как показывает работа К. Г. Уманского, вполне перспективно.

И. С. Гурвич

¹ Мнение о том, что предки якутов проникли в Лено-Амгинскую котловину не с юго-запада, по Лене, а с северо-запада, более коротким путем — по р. Нюе, а затем по долине Вилюя — см: Г. В. Ксенофонтов, Урангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I, Иркутск, 1937, стр. 313—318.

² Ю. Г. Саушкин, Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза, М., 1947, стр. 32—34.

³ С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, М., 1940, его же, Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., Якутск, 1945; А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955.

⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 454—455.

⁵ С. И. Николаев, Основные этапы этнической истории якутов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, М., 1957; А. С. Парников, Расселение якутов в XVII — начале XIX в., Якутск, 1971.

⁶ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб., 1799, стр. 170—171.

⁷ С. К. Патаканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев, т. III, СПб., 1912, стр. 782—783.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1973 ГОДУ

Минувший 1973 г. ознаменовался для коллектива Института этнографии большим творческим подъемом, ибо от итогов этого года во многом зависит успешное выполнение всего пятилетнего плана научно-исследовательских работ института. Результаты 1973 г. показывают, что пятилетний план выполняется в соответствии с намеченными сроками. В частности, в прошедшем году закончены такие важные работы пятилетнего плана, как «Вопросы классообразования», «История зарубежной этнографии», «Методология историко-сравнительного изучения фольклора».

Основная часть исследований, зафиксированных в пятилетнем плане, завершится в 1974—1975 гг., однако можно с уверенностью сказать, что для их своевременного выполнения уже заложена солидная основа. Примером успешного выполнения заданий текущей пятилетки может служить серия коллективных монографий о народных аграрных обычаях и обрядах в странах Зарубежной Европы: том, посвященный зимним обрядам, уже вышел в свет, а две книги — одна о весенних и другая — о летних и осенних обрядах — завершены в авторской части и утверждены на Ученом совете Института.

Заметны сдвиги и в подготовке работ, окончание которых переходит на следующее пятилетие. К числу наиболее крупных трудов, требующих больших усилий еще в течение ряда лет, относятся региональные историко-этнографические атласы. За три года текущей пятилетки увеличился сбор полевых, музеиных и других материалов, опубликованы первые обобщения данных по различным разделам атласов, составлено несколько сотен карт. Подходит к концу и составление другого крупного сводного труда — «Атласа населения мира».

Вместе с тем минувшие три года не только подвели итог целому ряду начатых прежде исследований, но и создали основу для разработки новых проблем. Так, именно в настоящей пятилетке начался выпуск ежегодника «Расы и народы», который вносит большой вклад в дело борьбы с буржуазной идеологией, с попытками обосновать расизм на материалах этнографии и антропологии.

В отчетном году большое внимание уделялось разработке крупных теоретических проблем этнографической науки. Итогом этой работы, в частности, явилась опубликованная в 1973 г. книга Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» (21 п. л.), привлекшая к себе внимание широкого круга специалистов как в нашей стране, так и за рубежом. Вызванный ею интерес нетрудно понять. За последние годы появилась острая необходимость определить границы и задачи этнографической науки. Традиционные культуры почти всех народов мира подверглись резким изменениям — в жизнь вторглись новые предметы, новые занятия, новые отношения между людьми. Что должна изучать этнография? Не станет ли утрата своеобразия местных культур и концом науки о народах? Книга ставит своей целью дать ответ на эти вопросы. Этнография будет существовать до тех пор, пока не исчезнут всякие различия между народами (этносами). Представление, что этнография изучает лишь «живую старину», безнадежно устарело. Современные национальные и культурно-бытовые процессы уже много лет исследуются советскими этнографами. В связи с определением предмета этнографии в книге рассмотрены такие вопросы, как иерархичность этнических общностей, их типологизация, этнос и эндогамия, этнические функции культуры и психики, типы этнических процессов и др.

Важнейшее место в работе Института занимали исследования, посвященные современным культурно-бытовым и этническим процессам у народов СССР. В частности, прошлый год принес наиболее ощущимые результаты в области этносоциологических исследований, проводимых институтом: вышла в свет книга «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР» (23 п. л., под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, О. И. Шкарата). В этой монографии анализируются взаимозависимости между изменениями социальной структуры нации и процессами дальнейшего сближения уровня экономического и культурного развития республик. Рассмотрению подвергаются разные социальные группы двух основных народов Татарской АССР — татар и русских. Отдельные главы посвящены проблеме двуязычия и выяснению функциональной нагрузки разных языков, а также психологическим аспектам национальных отношений.

В авторской части завершен коллективный труд «Проблемы этносоциологии» (под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, В. И. Козлова).

Исследованию процессов преобразования культуры народов нашей страны за годы Советской власти посвящена монография В. А. Куманева «Революция и просвещение масс» (22 п. л.), изданная совместно с научным советом «История мировой культуры».

Находится в печати капитальный обобщающий труд по этнографии народов нашей страны — коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР» (отв. ред. Ю. В. Бромлей). В издательстве идет также работа над рукописями книг: Н. П. Лобачевой — «Формирование новой обрядности у узбеков» и коллективного труда — «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила» (отв. ред. К. В. Чистов). В отчетном году завершены работы Л. А. Анохиной, М. Н. Шмелевой — «Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем» и В. В. Пименова — «Удмурты. Опыт системного анализа», а также сборник «Этнокультурные процессы на юге Украины» (отв. ред. Ю. В. Иванова). Продолжалась подготовка коллективных трудов — «Современные этнические процессы на Кавказе» и «Этнические процессы у национальных и этнографических групп Средней Азии и Казахстана».

По теме «Основные пути подъема хозяйства, культуры и реконструкции быта у малых народов Севера» в 1973 г. собирался полевой материал, на основе которого был написан ряд разработок, имеющих научное и практическое значение.

В области зарубежной этнографии центральное место занимает исследование вопросов, связанных с современными этническими и культурно-бытовыми процессами у народов развивающихся стран Азии и Латинской Америки, а также в США, Канаде и других странах. Этой тематике посвящена, в частности, вышедшая в свет коллективная монография «Национальные процессы в США» (отв. ред. А. В. Ефимов), С. А. Гонионский, Ш. А. Богина, 27 п. л.), в которой исследуются теоретические проблемы национального развития США на разных этапах. В книге большое внимание уделено вопросам иммиграции как важнейшего фактора развития американской нации, в частности проблеме ассимиляции иммигрантов; рассматриваются также исторические судьбы негров и коренного населения страны — индейцев и эскимосов.

Опубликована книга С. А. Гонионского «Колумбия. Историко-этнографические очерки» (27 п. л.) — первый в советской литературе обобщающий труд по истории и этнографии Колумбии. Важное место в ней занимает проблематика, связанная с изучением этнического состава, образования нации, классового состава современного колумбийского общества и другими вопросами национального развития страны.

О достижениях кубинского народа рассказывает опубликованный сборник «Куба — СССР. 15 лет братского сотрудничества» (отв. ред. акад. П. Н. Федосеев, 10 п. л.); в нем всесторонне освещено также советско-кубинское сотрудничество в области науки.

В январе 1974 года вышла в свет книга «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии». Находится в производстве работа «Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике». Завершены в рукописях книги Л. Н. Фурсовой «Послевоенная иммиграция и национальное развитие Канады» и Ш. А. Богиной «Национальные отношения в США в последней трети XIX в.». Ведется подготовка монографий «Негры США», «Исторические судьбы малых народов Зарубежной Азии», «Японцы за рубежом», «Народы Индии и Пакистана за рубежом».

В 1973 г. Институт этнографии продолжал работу по традиционной для института теме — историко-этнографическому изучению народов мира. Самобытным культурам,

народов Советского Союза посвящено несколько вышедших в свет книг. Так, сборник «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана» (отв. ред. С. М. Абрамзен, А. Оразов, 22 п. л.), выпущенный совместно с Институтом истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР, содержит статьи, в которых характеризуются традиционные формы хозяйства среднеазиатских народов и социалистические преобразования, повлиявшие на хозяйственную деятельность.

В книге В. Н. Белицер «Народная одежда мордвы» (20 п. л.) дается детальное описание народной мордовской одежды с выявлением локальных вариантов общего комплекса и широким привлечением сравнительного материала по соседним народам.

В книге-альбоме Б. А. Калоева «Материальная культура и прикладное искусство осетин» (14 п. л.) на основе богатого полевого и музейного материала показано многообразие творчества осетинского народа, а также освещены важнейшие стороны его хозяйственной деятельности в прошлом.

В сборнике «Фольклор и этнография русского Севера» (отв. ред. Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, 20 п. л.) разносторонне рассматриваются проблемы этнографии и фольклора русских, населяющих северные области Европейской части ССР. По сути дела, статьи сборника в совокупности составляют фольклорно-этнографическую монографию, посвященную району с особыми историко-этнографическими традициями.

В работах М. Г. Воробьевой «Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме» (21 п. л.) и О. А. Вишневской «Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарарака)» (18 п. л.) анализируется археологический материал, который имеет большое значение для понимания историко-культурных процессов, отразившихся в целом ряде особенностей традиционной культуры исконного населения Хорезма.

В 1973 г. завершены в авторской части три сборника, содержащие материал для изучения национальных культур народов ССР: «Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики» (под ред. В. А. Александрова и Н. В. Шлыгиной), «Семья и семейная обрядность у народов Средней Азии и Казахстана» (под ред. [Н. Г. Борозны] и Г. П. Снесарева) и «К истории одежды народов Средней Азии и Казахстана» (отв. ред. О. А. Сухарева). Г. В. Цулая написал работу «Леонти Мровели об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана», Ю. Б. Симченко — монографию «Культура охотника на дикого оленя». Продолжалась работа над книгами «Восточнославянские весенне-летние обряды», «Орнамент русской народной вышивки как исторический источник» и др.

Публикации института отражают работу и по историко-этнографическому изучению народов зарубежных стран.

Книга «Календарные обычай и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX. Зимние праздники» (отв. ред. С. А. Токарев, 30 п. л.) — первый в науке опыт сравнительно-этнографического исследования обычаев, связанных с сельскохозяйственным календарем, в европейских странах. В работе показаны древнейшие корни зимнего цикла обрядности, прослежены пути их позднейших изменений под влиянием церкви, городской культуры, социальных преобразований.

В сборнике «Основные проблемы африканистики» (отв. ред. Ю. В. Бромлей, 28 п. л.), посвященном 70-летию со дня рождения Д. А. Ольдерогге, рассматривается широкий круг проблем исследования культуры народов Африки. Сборник включает статьи по различным теоретическим вопросам этнографии, истории и филологии.

В книге «Культура народов Зарубежной Азии» (отв. ред. Р. Ф. Итс, 22 п. л.) опубликованы статьи, которые знакомят читателя с коллекциями Музея антропологии и этнографии по народам Зарубежной Азии и, таким образом, вводят в научный обзор важные историко-этнографические источники.

В книге Ю. В. Ивановой «Северная Албания в конце XIX — начале XX в.» (18 п. л.) прослеживаются процессы распада рода-племенных объединений и преобразования их в территориальные, процессы классообразования, превращения обычного права в гражданское и уголовное.

В авторской части в 1973 г. завершено несколько работ, освещающих разные стороны традиционной культуры зарубежных народов: В. И. Кочнева — «Общественные отношения на Цейлоне в XVIII—XIX вв.», Н. М. Листовой — «Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в.», Р. А. Ксенофонтовой — «Традиционное

японское гончарное ремесло первой половины XX в.», Э. Г. Александренкова «Индейцы Антильских островов до европейской колонизации». Завершен и сдан в издательство сборник «На Берегу Маклая (этнографические очерки)» (под ред. Н. А. Бутикова, С. А. Токарева, Д. Д. Тумаркина); статьи сборника написаны по материалам Тихоокеанской экспедиции 1971 г. и раскрывают изменения, произошедшие в традиционной культуре папуасов за последние 100 лет.

Как и в прошлые годы, исследование этнической истории и этногенеза оставалось одним из ведущих направлений работы Института этнографии. Публикации, увидевшие свет в 1973 г., свидетельствуют о том, что разработка вопросов этногенеза в Институте этнографии ведется комплексно, с учетом данных этнографии, археологии, антропологии и лингвистики. Изданые в отчетном году книги посвящены в основном народам нашей страны.

В работе И. С. Вдовина «Очерки этнической истории коряков» (21 п. л.) рассматриваются расселение и особенности социально-экономических условий этнического развития коряков с XVII в. до наших дней.

В книге Н. Г. Волковой «Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа» (11 п. л.) освещаются происхождение и развитие этнических названий Северного Кавказа в различные исторические периоды, прослеживаются их исторические корни и связи.

Книга А. А. Зубова «Этническая одонтология» (13 п. л.) подводит итоги проводившегося в последние годы изучения морфологических особенностей зубов у разных этнических групп, которое привело к выводу, что эти межгрупповые различия могут служить надежным источником в исследовании этнической истории народов. Большой объем использованных данных делает книгу одновременно пособием и справочником в данной области антропологии.

В посвященном памяти М. М. Герасимова сборнике «Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии» (отв. ред. Г. В. Лебединская, М. Г. Рабинович, 16 п. л.) на основе разработанного М. М. Герасимовым метода реконструкции особенностей строения человеческого лица рассматриваются проблемы формирования этнических общностей в древности.

Сборник «Русские старожилы Сибири» (отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева, 13 п. л.) содержит материалы по антропологии русского населения Сибири, позволяющие выявить зависимость особенностей физического типа сибиряков от их происхождения, климатической адаптации, изоляции и метисации.

В авторской части завершены книги И. И. Гохмана «Сибирь в гуннское время» и Л. В. Хомич «Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев». Продолжалась работа над коллективным трудом «Этническая история и этногенез народов Севера», над монографиями «Хорезм и кочевники» и «Очерки этнической истории Приаралья».

В минувшем году велась также подготовка трехтомника «Этнография славянских народов». Над этим обобщающим трудом работают этнографы всех славянских социалистических стран и ГДР.

Проблемы этногенеза и этнической истории тесно связаны с вопросами истории формирования культуры народов. Поэтому региональные историко-этнографические атласы (Украины, Белоруссии и Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана), работа над которыми проводится в тесном сотрудничестве с академиями наук союзных республик, освещают проблемы как историко-этнографического изучения народов, так и этнической истории в целом (включая этногенез).

Как и в прошлые годы, Институт этнографии, будучи головным учреждением, занимался научным и научно-организационным координированием работы над атласами. В 1973 г. продолжались экспедиционные поездки по сбору фактических данных во всех названных регионах; для координации исследований сотрудники Института выезжали в Ленинград, Киев, Ашхабад, Душанбе, Ригу, Вильнюс, Ереван, Тбилиси, Махачкалу, Баку. Вопросы, связанные с подготовкой атласов, широко обсуждались на годичной сессии Отделения истории АН СССР по итогам полевых исследований. Продолжалась работа над картами; написано около 30 а. л. пояснительного текста. По северокавказскому региону в отчетном году завершены в авторской части выпуски, посвященные земледелию, поселениям и жилищу.

По проблемам этнической истории зарубежных народов в отчетном году завершены в авторской части три работы: А. И. Мухлинов «Этническая история вьетнамцев», Я. В. Чеснов «Историческая этнография и этногенез народов Индокитая», а также сборник «Этногенез и этническая история народов Европы».

Древнейшей истории человечества по-прежнему отводится видное место в проблематике научных исследований Института этнографии. В 1973 г. продолжалась подготовка трудов «Человеческие расы и пути их формирования (факторы расообразования)» и «Население эпохи неолита и энеолита (реконструкция антропологических типов)». Последняя монография предполагает создание серии реконструкций по материалам всех открытых на территории СССР могильников указанного периода.

Продолжается исследование закономерностей социального развития человечества, в частности путей перехода от общества бесклассового к классовому. Эти вопросы нашли отражение в работах, завершенных в 1973 г.: в сборнике «Становление классов и государства» и монографиях А. М. Хазанова «Социальная история скифов (основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей)» и Н. А. Бутинова «Общественный строй народов Северо-Западной Меланезии». Находится в производстве монография Ю. П. Аверкиевой «Индейцы Америки. От родового общества к классовому». Начата работа над книгой «Социальная организация древних и древнейших гоминид». Изучение ранних этапов истории человечества имеет серьезное мировоззренческое значение и дает большой фактический материал для борьбы с буржуазной идеологией, в защиту марксистской концепции развития исторического процесса.

Ряд работ института посвящен критике буржуазной идеологии. В частности, современные расистские теории, пытающиеся оперировать этнографическим и антропологическим материалом, критически рассматриваются в ежегодниках «Расы и народы». В 1973 г. вышел в свет третий выпуск (23 п. л., отв. ред. И. Р. Григулевич). Находится в издательстве четвертый и подготовлен пятый выпуск ежегодника. Опубликован сборник «Этнологические исследования за рубежом» (отв. ред. Ю. В. Бромлей, 14 п. л.). В статьях сборника рассматриваются главные направления современных исследований в зарубежной этнологии, характеризуется борьба между различными направлениями в буржуазной этнологической науке, особенно в связи с их отношением к марксистскому историческому методу. В 1973 г. была завершена капитальная работа С. А. Токарева «История зарубежной этнографии», которая является ценнейшим пособием для самого широкого круга специалистов. Ю. П. Аверкиева работала над книгой «История теоретической мысли в американской этнографии XIX—XX вв.».

В Институте продолжались исследования в области истории религии, имеющие важное теоретическое и практическое значение. Так, широкому кругу проблем религиеведения посвящен опубликованный в 1973 г. сборник «Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии» (отв. ред. Г. Г. Стратанович, 15 п. л.). Это второй сборник по той же теме, подготовленный специалистами Института этнографии. Опубликованные в нем статьи вводят в научный оборот ранее почти не привлекавшиеся исследователями материалы по верованиям и обрядности многих азиатских народов. В авторской части в минувшем году завершены: сборник «Формы и содержание религиозных культов у народов Сибири и Севера», книги Н. Р. Гусевой «Индуизм. Очерки истории. Культовая практика» и Г. Г. Стратановича «Народные верования населения стран Индокитая». И. Р. Григулевич продолжал подготовку монографии «Католическая церковь в Испанской Америке в XVI—XVIII вв.».

В 1973 г. провели большую работу фольклористы института. Завершены монографии Б. Н. Путилова «Методология историко-сравнительного изучения фольклора», И. К. Федоровой «Мифы и легенды острова Пасхи», подготовлены к печати сборник «Традиционный фольклор русского населения Прибалтики (песни, сказки)» и книга С. И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин в конце XIX—начале XX в.».

Продолжала свою активную деятельность группа ономастики, которая поддерживает тесные контакты со специалистами других учреждений нашей страны. Совместно с Башкирским филиалом АН СССР и Башкирским государственным университетом в Уфе выпущен сборник «Ономастика Поволжья, 3 (Материалы III конференции по ономастике Поволжья)» (отв. ред. Р. Г. Кузеев, В. А. Никонов, 25 п. л.). Как и предыдущие сборники, он вводит в научный оборот большой ономастический материал, свя-

занный с широким кругом исторических, историко-географических и лингвистических проблем. В минувшем году подготовлены еще два сборника: «Ономастика Средней Азии» и «Ономастика Кавказа».

Одним из итогов продолжающегося в Институте сравнительно-исторического исследования языков явилась вышедшая в свет книга В. П. Лабзиной «Язык манинке» (7 п. л.), в которой проанализирован большой лингвистический материал по одному из малоизученных народов Африки.

В Институте этнографии широко осуществляются этнодемографические исследования. Разработку этнографических аспектов этой имеющей важное практическое значение проблемы ведет Лаборатория этнической статистики и картографии Института этнографии. Основной работой Лаборатории являлся, как и в предыдущие годы, «Атлас населения мира» — крупный обобщающий этногеографический и этнодемографический труд, состоящий более чем из 200 карт, пояснительного текста и статистических таблиц. В истекшем году продолжалась также подготовка коллективной монографии «Основные методологические и методические проблемы картографирования».

Всего в 1973 г. Институтом этнографии опубликовано 26 книг (508 п. л.). Кроме того, вышли в свет шесть внеплановых книг сотрудников Института (общим объемом около 64 п. л.). Сотрудники Института также опубликовали свыше 100 статей в журналах «Советская этнография», «Вопросы истории», «Вопросы антропологии» и др.

Редколлегия журнала «Советская этнография» в отчетном году провела большую работу. Журнал опубликовал передовую статью «К IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук» (№ 2), в которой рассматривались актуальные задачи советских этнографов и антропологов. Важным теоретическим проблемам были посвящены статьи: Ю. П. Аверкиева «О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада» (№ 3), Ю. В. Арутюнян «О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации» (№ 4), С. И. Брук «Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы» (№ 3), А. Б. Гофман, В. П. Левкович «Обычай как форма социальной регуляции» (№ 1), В. И. Козлов, В. В. Покшивский «Этнография и география» (№ 1), С. А. Токарев «Народные обычаи календарного цикла в странах Зарубежной Европы» (№ 6) и др. На страницах журнала продолжались дискуссии о сущности и типологии этноса, об основных проблемах истории первобытности, об особенностях кочевнических обществ. Начата дискуссия о проблеме «национального характера». Значительное место на страницах журнала было отведено освещению современной культуры и быта, а также этнических процессов у народов СССР и зарубежных стран. Продолжалась публикация в журнале статей зарубежных ученых. Появился новый раздел — «Коротко об экспедициях».

Экспедиционные исследования по-прежнему занимали важное место в работе Института. В 1973 г. сотрудники совершили свыше 50 выездов «в поле» в составе отдельных отрядов и групп пяти постоянных экспедиций Института (Среднеазиатская, Северная, Прибалтийская, Хорезмская и этносоциологическая), двух экспедиций, созданных совместно с другими учреждениями (Мордовская этносоциологическая и Молдавская археолого-этнографическая), а также отрядов, ежегодно направляемых секциями этнографии народов Кавказа, этнографии восточных славян и отделом антропологии.

Тематика работ экспедиций, как обычно, была тесно связана с основными направлениями научно-исследовательской работы Института. Собирались сведения, характеризующие как современные этнические, социальные и культурно-бытовые процессы, так и традиционную культуру и этническую историю народов. Антропологи продолжали исследование процесса возникновения человека и человечества, путей формирования отдельных этнических общностей. Археологи вели раскопки памятников разного времени, дающие материал для освещения широкого круга проблем истории Средней Азии и сопредельных областей¹. Подробный обзор экспедиционных работ прошедшего года будет дан в подготавливаемом сборнике «Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 году».

¹ З. П. Соколова, Коротко об экспедициях, «Сов. этнография», 1974, № 1.

Одним из важнейших событий научной жизни 1973 г. явился всемирный форум ученых, занимающихся широким кругом проблем о человеке,—IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, который состоялся в сентябре в Чикаго (США). Это потребовало от Института этнографии напряженной работы по подготовке к конгрессу, на который советские этнографы представили 122 доклада. Участие Института в конгрессе явилось событием важного научного и политического значения.

Программа конгресса включала не только вопросы, относящиеся непосредственно к физической антропологии и этнографии (в нашем понимании этих дисциплин), но и практически все аспекты жизни человечества: биологические, медицинские, экономические. Советская делегация (руководитель — Ю. В. Бромлей) приняла участие во всех наиболее важных дискуссиях, в первую очередь затрагивающих теорию и методологию науки, ее практическую и политическую роль в современной жизни общества, широкие проблемы современности².

В масштабах нашей страны наиболее представительной встречей ученых была очередная ежегодная сессия Отделения истории АН СССР, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. (Самарканд, 10—14 апреля 1973 г.). Институт, как обычно, явился одним из организаторов сессии, а сотрудники Института — ее активными участниками³.

Институт участвовал в двух международных конференциях, состоявшихся в СССР: «Интернациональное сотрудничество социалистических наций» (доклады Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой) и «Проблемы карпатского языкознания» (доклады Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской, Т. Д. Златковской и Л. В. Марковой).

На Всесоюзной конференции «Современная идеологическая борьба и религиозная идеология», организованной Научным советом по проблеме «Зарубежные идеологические течения» и Академией общественных наук, выступили с докладами С. И. Королев и Г. Г. Стратанович.

В работе научной конференции «Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в современных условиях», организованной в Чебоксарах Чувашским государственным университетом, приняли участие С. А. Токарев, И. А. Крывелев, Н. Л. Жуковская, Л. А. Тульцева⁴.

В сентябре Институт этнографии совместно с Мордовским государственным университетом провел IV конференцию по ономастике Поволжья (Саранск), на которой от Института выступили с докладами В. Н. Белицер, Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов и Т. П. Федянович.

В декабре в Москве состоялась V Всесоюзная конференция океанистов и австралиеведов. На конференции с докладами выступили 11 сотрудников Института этнографии⁵.

Сотрудники Лаборатории этнической статистики и картографии приняли участие в совещаниях по демографии населения. Так, на III совещании по географии населения (Пермь) были заслушаны доклады М. Я. Берзиной, В. И. Козлова и В. В. Покшишевского.

Сотрудники института участвовали и в работе Всесоюзной научной конференции по изучению систем земледелия, проходившей в Москве в марте 1973 г. С докладами выступили Б. В. Андрианов и Б. А. Калоев⁶.

² См. подробнее: К IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1973, № 2; Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей, IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1974, № 1.

³ И. М. Семашко, З. П. Соколова, Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 года, «Сов. этнография», 1973, № 5.

⁴ Г. Е. Кудряшов, И. А. Кремлев, Конференция по проблемам религиозного синкретизма, «Сов. этнография», 1973, № 6.

⁵ Д. Д. Тумarkin, V. Всесоюзная конференция океанистов и австралиеведов, «Сов. этнография», 1974, № 3.

⁶ Б. В. Андрианов, Конференция по изучению систем земледелия (история и современная практика), «Сов. этнография», 1973, № 4.

На Всесоюзной научной конференции «Методологические проблемы воспроизводства населения в социалистическом обществе» (Киев, декабрь) был заслушан доклад В. И. Козлова.

Институт этнографии совместно с Институтом Дальнего Востока был организатором научной конференции «Древнейшее заселение Восточной Азии», на которой выступили с докладами Н. Н. Чебоксаров и М. В. Крюков.

Сотрудники Института приняли участие и в других научных конференциях, организованных различными учреждениями: в симпозиуме «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене» (Москва, март), в симпозиуме «Особенности исторического развития Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма» (Кишинев, май), во Всесоюзном семинаре по проблемам семьи (Алматы, май), в конференции «Развитие языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии» (Уфа, сентябрь), в VI Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии (Таллин, ноябрь), во Всесоюзной тюркологической конференции (Ленинград, июнь) и др.

В 1973 г. Институт этнографии участвовал также во встречах ученых, состоявшихся за рубежом. О IX Международном конгрессе уже было сказано выше. На состоявшемся в августе в Варшаве очередном VII Международном съезде славистов с докладами и в дискуссиях выступили К. В. Чистов и В. К. Соколова. В Болгарии во II национальном симпозиуме по фольклористике приняли участие Б. Н. Путилов и Л. Н. Терентьева⁷. Выезжавший в Югославию на Международный симпозиум, посвященный этнографическим атласам славянских народов, С. И. Брук участвовал также в III Международном симпозиуме по балканскому фольклору, для которого институтом был подготовлен доклад об основных направлениях фольклористических исследований в СССР.

В созывавшемся в Югославии симпозиуме по проблемам демографии и географии населения и методики картографирования принял участие В. В. Покшишевский. В связи с участием института в международном исследовании «Будущее сельскохозяйственных коллективов в индустриально развитых обществах» на рабочем совещании по этой проблеме, состоявшемся в Югославии, присутствовал Ю. В. Арутюян. Л. Н. Терентьева в качестве члена международной редколлегии журнала «Демос» принимала участие в его очередной конференции, посвященной вопросам текущей деятельности журнала и подготовке терминологического указателя (Болгария, май).

Всего в 1973 г. сотрудники Института этнографии приняли участие более чем в 40 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах. Ими было подготовлено и прочитано свыше 200 докладов по различным проблемам этнографии, антропологии, социологии, фольклористики, ономастики и других смежных дисциплин.

В 1973 г. советские этнографы и антропологи продолжали развивать сотрудничество с учеными зарубежных стран. Научные контакты не ограничивались участием в симпозиумах, конференциях и совещаниях. Сотрудники Института работали в зарубежных научных центрах, архивах, музеях и библиотеках, собирая материалы для исследований, предусмотренных научно-исследовательскими планами Института. Так, ценный материал для монографии «Этническая история Словакии» дала командировка в Чехословакию Н. Н. Грацианской; для исследования «Этническая антропология монгольских народов» — командировка И. М. Золотаревой в Монголию; для изучения этнических связей эстонского и финского населения — командировка в Финляндию Л. Х. Феоктистовой; для работы по теме «Этнические процессы в Югославии» — поездка Ю. В. Бромлея в Югославию. По разрабатываемой совместно с кубинскими учеными теме «Смешение рас на Кубе» В. П. Алексеев, М. В. Крюков и С. Я. Серов изучали в этой стране архивные, музейные и литературные источники и документацию.

За рубежом удалось провести и полевые экспедиционные работы. На Кубе В. П. Алексеев и С. Я. Серов участвовали в комплексных антрополого-этнографических обследованиях потомковaborигенного индейского населения. В МНР в составе советско-монгольской экспедиции работали антропологи И. М. Золотарева и Н. Н. Ма-

⁷ Б. Н. Путилов, II болгарский национальный симпозиум по фольклористике. «Сов. этнография», 1973, № 6.

монова. В Чехословакии Н. Н. Грацианская участвовала в этнографической экспедиции по изучению сельского и городского населения смешанных в этническом отношении районов Словакии.

За рубежом проводилась и лекционная деятельность. Так, И. А. Крывелев прочитал на Кубе курс лекций по теоретическим проблемам религиеведения для кубинских ученых, студентов и работников партийного и государственного аппаратов. С лекциями выступали также другие сотрудники Института: В. В. Покшишевский в СФРЮ, И. М. Золотарева в МНР, Р. Г. Ляпунова в США, Л. Н. Фурсова в Канаде. Эти лекции имели большое значение для ознакомления зарубежных ученых и общественности с научно-исследовательской деятельностью Института этнографии.

Значительно расширились международные связи находящегося при Ленинградском отделении Института Музея антропологии и этнографии АН СССР с музеями зарубежных стран. В истекшем году впервые уникальные этнографические коллекции музея экспонировались на нескольких международных выставках: в США («Искусство коренного населения северо-запада Америки»), в ФРГ («Развитие науки в Сибири»), в Италии («Сибирь сегодня»), в Японии («Советская социалистическая Сибирь»). Институт участвовал также в выставке АН СССР в Новой Зеландии («Первобытный человек и окружающая среда»).

Укрепились контакты Института этнографии с гуманитарными институтами академий наук социалистических стран. Весьма содержательно прошли встречи с учеными ГДР, ЧССР, Венгрии, Болгарии, Польши, а также Кубы, на которых обсуждались различные вопросы координации научно-исследовательских работ. Институт по-прежнему деятельно участвует в работе международного реферативного журнала по этнографии и фольклору «Демос». Оживились связи института и с научными учреждениями капиталистических стран.

О возросшем интересе зарубежных ученых к работам советских этнографов свидетельствует издание трудов наших исследователей на иностранных языках. В 1973 г., в частности, переведены книги: С. Г. Федоровой «Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в.—1867 г.)» (в Канаде), И. Р. Григулевича «История инквизиции» (в ЧССР) и «Панчо Вилья» (в Чили), «Протоиндики — 1972» издана в переводе в США. Находятся в производстве сборники «Советская антропология и этнология — 1971» и «Советская этнология и антропология сегодня», вып. 2, публикуемые на английском языке издательством «Мутон» (Нидерланды). Эти сборники содержат переводы наиболее важных статей и обзоры работ, опубликованных советскими этнографами в последние годы.

Развитию международных связей способствовала и работа в институте зарубежных коллег. В соответствии с соглашениями и планами научного сотрудничества между АН СССР и научными организациями социалистических и капиталистических стран для научной работы было принято 18 ученых (из НРБ, СФРЮ, ГДР, ЧССР, Финляндии, США и других стран).

Всего институт посетило для научных консультаций и бесед более 50 специалистов из 20 стран всех континентов; значительная часть зарубежных гостей была принята Ленинградским отделением института.

* * *

В 1973 г. было проведено 26 заседаний Ученого совета института. На заседаниях рассматривались актуальные проблемы этнографии и антропологии. Так, перспективы дальнейшей работы обсуждались на заседании Ученого совета при подведении итогов научно-исследовательской деятельности за 1972 г.

Специальное заседание Ученого совета было посвящено итогам IX МКАЭН. Анализ научной деятельности конгресса, оценка работы советской делегации были даны в докладе директора Института Ю. В. Бромлея и в выступлениях участников советской делегации. На заседаниях Ученого совета были заслушаны доклады Д. А. Ольдерогте «Состояние и перспективы развития африанистики в СССР», С. М. Абрамзона и Л. П. Потапова «Об источниках изучения социальной и этнической истории (на примере кочевников)», В. Н. Белицер «Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды)», И. Р. Григулевича «Этнография и политика»,

А. А. Зубова о научной деятельности Максима Григорьевича Левина. Было проведено совместное заседание Ученого совета Института этнографии и Института всеобщей истории АН СССР, посвященное 70-летию со дня рождения И. И. Потекина. На двух заседаниях Ученого совета обсуждались работы по подготовке многотомных этнографических серий «Страны и народы» и «Народы СССР».

Как и в прошлые годы, результаты научной деятельности института находят применение в практике социалистического строительства. Особенno плодотворна в этом отношении работа коллектива отдела этнографии народов Крайнего Севера и Сибири. В 1973 г. продолжались также полевые исследования Хорезмской экспедиции, результаты которых могут быть использованы при освоении земель древнего орошения в Средней Азии, при осуществлении проекта переброса части стока сибирских рек в Аральское море.

В 1973 г. коллектив Института этнографии проводил большую работу по популяризации научных знаний. Она выразилась, в частности, в активной лекционной деятельности по линии общества «Знание» и в выступлениях сотрудников института на страницах массовых периодических изданий — в журналах «Природа», «Вокруг света», «Наука и религия», «Знание — сила», в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда» и др.

Выпущены две научно-популярные книги: Г. П. Снесарев «Под небом Хорезма» и В. П. Кобычев «В поисках прародины славян». Вышла вторым дополненным изданием книга И. Р. Григулевича «Эрнесто Че Гевара». Издана брошюра И. А. Крывелева «Современный ревизионизм и религия».

По радио и телевидению выступали И. И. Гохман, Н. Р. Гусева, Р. Ш. Джарылгасинова, М. Я. Жорницкая, С. Б. Рождественская, А. В. Смоляк, Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров и другие сотрудники.

Видную роль в пропаганде этнографической и антропологической науки играет, как и прежде, Музей антропологии и этнографии, который за минувший год посетило свыше полумиллиона человек.

В. Н. Басилов

КОНФЕРЕНЦИЯ

«ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА»

26—28 декабря 1973 г. в Москве состоялась конференция «Возникновение раннеклассового общества», организованная Секцией истории первобытного и рабовладельческого общества Научного совета по проблеме «Закономерности исторического развития общества и переход от одной социально-экономической формации к другой» Отделения истории АН СССР. На конференции присутствовали ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Еревана и других городов Советского Союза. Конференцию открыл академик-секретарь Отделения истории АН СССР Б. А. Рыбаков. Вступительное слово произнес акад. Е. М. Жуков, обративший внимание присутствующих на то, что вопрос о классообразовании принадлежит к числу наименее разработанных в марксистской историографии, и подчеркнувший, что переход от доклассового общества к классовому носил революционный характер и представлял собой огромный шаг вперед в поступательном движении человечества.

В течение трех дней заседаний было заслушано 19 докладов, по многим из которых велись оживленные прения.

Кроме того, на конференцию было представлено еще четыре доклада, которые не были зачитаны из-за отсутствия докладчиков, но тезисы их были опубликованы вместе с тезисами остальных докладов¹. Это доклады В. Д. Блаватского (Москва) «Черты военной демократии в дорийском обществе», Ю. П. Аверкиевой (Москва) «Военная демократия у индейцев Северной Америки», Ю. В. Мартина (Ленинград) «Социальная стратиграфия в общинах соседско-родового, соседско-большесемейного типа», Я. В. Чеснова (Москва) «Донгшонская культура: классовое общество и этногенетический процесс».

Доклад акад. Б. Б. Пиотровского (Ленинград) «Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства» посвящен некоторым закономерностям классообразования на материале обществ Древнего Востока. В нем развивалось положение о том, что формой хозяйства, наиболее способствующей образованию классов, было скотоводство. В качестве примера были привлечены данные по Египту и Месопотамии, свидетельствующие, по мнению докладчика, о том, что в этих странах до становления ирригационного земледелия как главной отрасли хозяйства преобладало развитое скотоводческое хозяйство, создавшее предпосылки для накопления богатств и социального расслоения.

Археологический материал, как показал Б. Б. Пиотровский, подтверждает мнение, высказанное первоначально Ф. Энгельсом, который считал первым крупным общественным разделением труда выделение скотоводческих племен из остальной массы варваров, что привело к значительному накоплению прибавочного продукта. Б. Б. Пиотровский полагает, что отсутствие или слабое развитие скотоводства замедляет общие темпы классообразования (в качестве примера он указал на мезоамериканские и центральноафриканские общества).

В докладе В. М. Массона (Ленинград) «Социальные и экологические факторы формирования раннеклассовых обществ» говорилось об огромном влиянии, которое оказывали на развитие общества такие факторы, как демографические параметры древних культур и цивилизаций и ведущие формы хозяйства. В качестве примера он проанализировал данные по древней Передней Азии и прилегающим регионам. Докладчик подчеркнул неправомерность утверждений некоторых критиков марксизма о том, будто материалистический подход к истории исходит из посылки об автоматическом порождении цивилизации благоприятной природной средой. Он отметил, что регулирующий механизм, определяющий отношения природы — общество, находится в социальной среде. Важной предпосылкой возникновения первых государственных образований В. М. Массон считает появление письменности.

Л. В. Данилова (Москва) в докладе «Общие предпосылки и механизм классообразования» высказала мнение, что основой процесса классообразования было постепенное перерождение в особый эксплуататорский слой управляющей верхушки общества, явившееся само по себе следствием перехода к производящему хозяйству и вызванного этим растущего многообразия видов трудовой деятельности. Основное место в

¹ См. «Возникновение раннеклассового общества. Тезисы докладов», М., 1973.

докладе заняло рассмотрение процесса перерастания технико-организационного разделения труда в социальное, проведенное на примере трех вариантов раннеклассового общества: каstoffого, восточно-деспотического и европейского раннесредневекового. Характеризуя верховную собственность раннеклассового государства, Л. В. Данилова высказала мнение, что это прежде всего собственность - суверенитет на человека, точнее, на общность, к которой он принадлежит. Это узурпация тех прав, которыми обладал коллектив. Собственность на землю и иные природные богатства в раннеклассовых обществах -- составная часть собственности на людей.

Доклад А. М. Хазанова (Москва) «Состав и особенности формирования руководящего слоя в эпоху классообразования» содержал следующие основные положения. В деятельности по руководству коллективом выделяются три главные функции: управленческо-производственная, религиозно-идеологическая и военная. Появление регулярного прибавочного продукта создает объективные предпосылки не только для обособления организационно-управленческой деятельности, но и для параллельного процесса, связанного с дифференциацией управленческих функций. Уже в эпоху классообразования происходит выделение трех групп среди формирующегося господствующего класса, специализирующихся на управлении трех отмеченных функций. В докладе анализировались факторы, определявшие высокие социальные позиции родо-племенной знати, жрецов и военных предводителей. По мнению А. М. Хазанова, удельный вес трех выделенных групп различен в конкретных обществах и к тому же нестабилен. В зависимости от специфики взаимоотношений и соотношения этих групп можно выделить несколько моделей (путей) их развития.

А. И. Першиц (Москва) в докладе «Некоторые особенности классообразования в обществах кочевых скотоводов» остановился на дискуссионной проблеме специфики общественного строя кочевников и трудностях, стоящих перед исследующими ее учеными.

Если ранее преобладал взгляд, что развитие кочевых скотоводов подчиняется тем же закономерностям, каким подчинено и развитие оседлых земледельцев, то в последнее десятилетие как некоторые советские исследователи, так и отдельные исследователи-марксисты за рубежом вернулись к концепции доклассового характера кочевых обществ.

По мнению докладчика, для решения проблемы следует шире привлекать данные обширной историко-этнографической литературы по таким замкнутым и архаичным обществам, как бедуины Аравии и туареги Сахары. А. И. Першиц полагает, что кочевым обществам присущи такие особенности, как ограниченное применение рабского труда, замедленность и специфическая деформированность процесса классообразования, преобладание внешней эксплуатации над внутренней, даннических отношений над рабовладельческими и феодальными.

Доклад В. А. Алексина (Ленинград) «Социальная дифференциация в среде среднеземледельческого населения Центральной Анатолии конца III тыс. до н. э. по материалам могильников» был посвящен эпохе становления раннеклассовых обществ в Малой Азии в период, предшествовавший появлению там письменности. По мнению докладчика, анализ анатолийских погребальных комплексов позволяет установить, что в середине III тысячелетия до н. э. еще отсутствуют ярко выраженные признаки имущественной и социальной дифференциации. К концу III тысячелетия появляются богатейшие погребения, отражающие значительные сдвиги в социально-экономической структуре анатолийского населения -- появление родовой аристократии.

В докладе Т. В. Блаватской «Черты военной демократии в обществах Эллады III--II тыс. до н. э.» анализировались новые данные по истории Греции III--II тысячелетий до н. э., которые позволяют существенно пополнить представление о военной демократии как последней ступени первобытнообщинного строя, обоснованное Ф. Энгельсом. По мнению докладчицы, система военной демократии в это время была присуща обеим населявшим Элладу народам, пеласгам и ахейцам. Однако у каждого из этих этносов она обладала определенными специфическими чертами. Разложение первобытнообщинного строя, происходившее почти одновременно у пеласгов и ахейцев, завершилось созданием у последних ранних государственных образований.

Доклад А. И. Тереножкина (Киев) «Вопросы классовых отношений в Скифии» был посвящен основным проблемам скифской государственности и общественного строя. В Скифии сложилось определенное соотношение между оседлым населением и кочевниками, что было типичным, как указывал К. Маркс, для восточных народов и благоприятным для развития у них экономических и культурных связей обстоятельством.

Докладчик наметил две линии в развитии социально-экономических отношений у кочевников евразийских степей в древности. Первая, свойственная, по его мнению, народам с пережитками матриархата (савроматы, сианьбы), характеризовалась замедленными темпами развития; вторая, присущая народам с патриархально-родовыми началами (скифы, хунну), приводила к наиболее быстрому сложению новых форм общественной организации. А. И. Тереножкин считает, что скифское общество было раннеклассовым, с сильной тенденцией к развитию рабовладения. Возникновение государства у скифов он относит к рубежу VII--VI вв. до н. э.

Т. Д. Златковская (Москва) выступила с докладом «О характере ранних государств у фракийцев и скифов (сравнительная характеристика)». Она возражала против распространенного мнения о господстве у них рабовладельческих отношений. Докладчица полагает, что в Скифии и Фракии в середине I тысячелетия до н. э. существова-

вали многообразные формы эксплуатации, причем доминировали данничество и эксплуатация обедневших соплеменников.

Доклад А. Т. Смиленко (Киев) «Военная дружина в Среднем Поднепровье в VII в. н. э.» в основном был посвящен социальной интерпретации археологических данных. Выводы докладчицы сводятся к тому, что в VII в. дружинники Среднего Поднепровья представляли особую социальную группу профессиональных воинов. Имелось не только социальное, но и территориальное обособление дружины, сооружавшей лагеря с примитивными укреплениями. В среде дружинников получает развитие иерархия, дружинники составляют группы различного социального ранга, имеющие соответствующее оружие и снаряжение. Значительное развитие дружинной прослойки у племен Среднего Поднепровья в VI—VII вв., по мнению А. Т. Смиленко, было вызвано необходимостью борьбы с кочевниками, в частности с хазарами.

Доклад Э. Л. Даниеляна (Ереван) «Марды — носители раннеклассовых укладов в высокогорных областях древней Армении» был посвящен передвижениям и историческим судьбам этой этнической группы, первоначально жившей на Иранском нагорье, а позднее переместившейся к югу от оз. Ван. В I—IV в. н. э. этносоциальная группа мардов подверглась арменизации. В это время из ее среды выделяется княжеский дом Мартлетакан, который сыграл значительную роль в эпоху правления династии армянских Аршакидов.

С. М. Кркяшарян (Ереван) в докладе «Жрецы древней Армении» проанализировал высокий социальный статус жреческого сословия в древней Армении и проследил, как формировались сосредоточенные в его руках богатство и власть, в том числе судебная и военная. После принятия христианства новосозданная христианская церковь Армении унаследовала как все богатства языческих храмов, так и все привилегии, принадлежавшие ранее языческим жрецам.

И. С. Гурвич (Москва) в докладе «К вопросу об имущественной дифференциации и классообразовании у малых народов Крайнего Севера» говорил о том, что эпоха патриархального рода представляет собой особую стадию развития первобытнообщинного строя, характеризующуюся такими устойчивыми чертами, как наличие отцовской семьи, некоторое имущественное неравенство между семьями, патриархальное рабство, межплеменной обмен и выделение родовой знати. Отцовско-родовой строй, судя по ряду данных, существовал у народов Севера на протяжении длительного периода. По мнению докладчика, указанные элементы нельзя прямолинейно трактовать как признаки классообразования. В экстремальных условиях тайги и тундры общественный строй живущих здесь народов не перерос ни в феодальный, ни в капиталистический, хотя способы эксплуатации, существовавшие у народов Севера, обнаруживают известную близость к раннеклассовым отношениям.

В докладе С. А. Маретиной (Ленинград) «О путях классообразования в изолированных районах» на примере горных племен Индостана была продемонстрирована тенденция к расслоению и усложнению социальной структуры племенной знати, в то время как недифференцированная масса общинников долго сохраняла прежние социальные и культурные черты. В ряде случаев на основе деления родов на младшие и старшие ветви возникала иерархия благородных и неблагородных родов, что приводило к утрате ими генеалогической сущности и к их трансформации в сословные группы. В новейшее время процессы классообразования у горных племен Индостана существенным образом изменились в результате прекращения их изоляции и проникновения товарно-денежных отношений. Если раньше сословные привилегии способствовали накоплению богатства, то теперь, наоборот, накопление богатства способствует приобретению привилегий.

Доклад В. П. Илюшечкина (Москва) «О предклассовом обществе Китая XIV—VII вв. до н. э.» был в основном посвящен анализу иньского и чжоуского общества. По мнению докладчика, нет оснований усматривать в социальных структурах иньцев и чжоусцев классовые категории. XIV—VII века до н. э. в истории Китая относятся им к предклассовой эпохе, VI—IV века до н. э. — к раннеклассовой, и лишь после IV в. до н. э., считает автор, можно говорить о развитии классовом обществе.

Ю. М. Кобицанов (Москва) в докладе «Раннеклассовые общества на периферии феодальных государств (на примере Северо-Восточной и Восточной Африки)» рассмотрел историю возникновения ряда государственных образований Северо-Восточной и Восточной Африки. По мнению докладчика, Тропическая Африка образовала юго-западную периферию зоны древних и средневековых цивилизаций Евразии — Северной Африки; по отношению к этой периферии империи и цивилизации Средиземноморья и Передней Азии играли роль центра. Развитие государственности в данном периферийном регионе шло теми же путями, что и в Евразии — Северной Африке, но с запозданием и под влиянием вышеназванного центра. Ю. М. Кобицанов полагает, что большая часть государств Северо-Восточной и Восточной Африки до колониального раздела находилась на ранних ступенях феодальной формации.

Л. Е. Кубель (Москва) в докладе «О специфике классообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана» подчеркнул, что формирование классового общества в этой области происходило в рамках тех же общественных закономерностей, что и в других регионах земного шара, однако обладало рядом локальных особенностей. Эти особенности вызывались в основном экологическими условиями, в которых развивались суданские общества, и периферийным положением их по

отношению к цивилизациям средиземноморско-ближневосточного региона. Возвышение социальной верхушки в суданских обществах первоначально происходило в большей степени на основе транссахарской торговли рабами и золотом, получаемыми с юга, чем на базе присвоения прибавочного продукта, созданного в самих этих обществах, — отсюда незавершенность в большинстве случаев классовой стратификации при значительной сложности и многослойности социальной структуры.

О. С. Томановская (Ленинград) в докладе «Специфические черты общественного устройства Loango в XVII—XVIII вв.» подвергает пересмотру широко распространенную в литературе точку зрения, согласно которой Loango в прошлом представляло собой могущественное государство, позднее пришедшее в упадок. Анализ нарративных источников и этнографических данных позволил автору сделать вывод, что если исходить из марксистского определения понятия государства, то общество, существовавшее в Loango, еще нельзя назвать государством, хотя система управления этим обществом носила черты некоторой усложненности по сравнению с обычной родо-племенной организацией.

Доклад Ю. Е. Березкина (Ленинград) «Социальная структура общества мочика (древнее Перу)» был посвящен попытке реконструкции классовой структуры одного из наиболее древних районов возникновения цивилизации в Новом Свете. С этой целью докладчик произвел статистический анализ персонажей скульптурной керамики и других изображений культуры мочика и пришел к выводу, что они могут быть сгруппированы в три категории: воинов, военачальников-жрецов и шаманов. Косвенные данные говорят о том, что у мочика было крупное государство и что общественное расслоение у нихшло быстрее, чем эволюция представлений об идеальной божественной общине, отраженных в изображениях.

В дискуссиях, развернувшихся по ряду докладов, отмечалось многообразие форм раннеклассового общества и путей его формирования, долгое противоборство различных укладов в рамках этого общества. Говорилось также о необходимости дальнейшей работы над источниками различных категорий: нарративными, археологическими и этнографическими, многие из которых в настоящее время еще невозможно трактовать однозначным образом.

Подводя итоги конференции, акад. Б. А. Рыбаков отметил, что она отразила значительный вклад, внесенный марксистско-ленинской исторической наукой в нашей стране и за рубежом в изучение проблем перехода от доклассового общества к классовому и выразил уверенность, что данная конференция, как и проходившие в последние годы дискуссии, будет способствовать дальнейшей активизации разработки этих сложных проблем.

С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов

ВЫСТАВКА «РУССКИЙ ПРЯНИК И ФИГУРНОЕ ПЕЧЕНЬЕ»

В Ленинграде с 1 сентября по 10 октября 1973 г. была открыта первая выставка художественных изделий из теста «Русский пряник и фигурное печенье», организованная Государственным музеем этнографии народов СССР. Экспонаты выставки, собранные несколькими поколениями коллекционеров, этнографов и краеведов, представляют значительный интерес.

Особенность данной экспозиции — комплексный показ материалов, прямо или косвенно связанных с темой выставки. На ней демонстрировались пряники и печенье, пряничные доски, художественные открытки, что позволило получить представление не только о бытованиях пряников и печенья, но и об их производстве.

Ценность выставленных пряничных досок не только в том, что это преимущественно подписьные изделия, на которых указано время и место их изготовления, фамилия мастера, но и в том, что эти образцы дают представление об основных рисунках и формах пряников второй половины XVIII и XIX вв.

Открытки с изображением бытовых и ярмарочных сцен, торговцев-разносчиков пряников и печенья представил для выставки из своего собрания художественных открыток ленинградский коллекционер Н. С. Тагрин.

Ранние образцы изделий из теста (XVIII—XIX вв.) до нас не дошли. На выставке экспонировались муляжи пряников и фигурного печенья конца XIX в., точно передающие их форму, размеры и расцветку. Изделия XX в. представлены в подлинниках. Особое место на выставке заняли русские пряники и фигурное печенье из уникальной коллекции Н. Д. Виноградова, переданной им в 1972 г. в дар Государственному музею этнографии народов СССР.

На выставке экспонировались изделия почти из всех районов расселения русских на территории нашей страны. Несмотря на небольшие размеры (220 экспонатов), выставка дает представление о характерных видах русского пряника и фигурного печенья, о многообразии их форм и основных этапах развития пряничного производства.

Пряник и фигурное печенье — интересное явление русского быта. Фигурное печенье, видимо, появилось в глубокой древности и имело, несомненно, обрядовый характер. На новогодние праздники в деревнях и некоторых городах изделиями из теста (фигурками коров и других животных) хозяева одаривали ватаги колядовщиков-поздравителей, ходивших по дворам. Бытовали и другие виды обрядового печенья (кресты, лесенки и т. д.). Для встречи весны пекли птичек-жаворонков.

Среди фигурного печенья значительный интерес представляет незафиксированное в этнографической литературе свадебное фи́гурное печенье из Рязанской и Пензенской губерний. На печенье изображены сохи, бороны, ступа с детьми, свадебный пирог-круг с сидящими на нем фигурами — участниками свадьбы. На фигурах, изображающих участников свадебного застолья, надета одежда, сшитая из ткани.

Пряники возникли на основе фигурного печенья. Их подносили именинникам, пекли к свадьбе в качестве угощения, подарка и даже выкупа за невесту. Угощались ими во время рождественских праздников и масляничных гуляний. В прошлом пряники — желанное лакомство крестьянских детей. Есть сведения, что им приписывали лечебные и магические свойства. С ними связано много пословиц и поговорок.

На выставке были показаны различные по способу приготовления пряники: лепные, силуэтные — вырезанные из раскатанного теста и печатные — оттиснутые пряничной доской с вырезанным на ней узором.

Производство пряников в XVIII—XIX вв. нередко было потомственным занятием. Введение в России с начала 20-х годов XVIII в. цеховой организации для ремесленников, несомненно, содействовало повышению профессионального мастерства пряничников, так как для получения звания мастера или подмастерья, дававшего право заниматься изготовлением пряников, требовалось сдать особый экзамен, который принимала комиссия, состоявшая из трех дипломированных мастеров-пряничников. Чтобы выдержать экзамен, надо было изготовить партию пряников, отвечающих определенным требованиям. Руководить предприятием, изготавлившим пряники, имел право лишь мастер, обладавший дипломом. Производство пряников было организационно отделено от кондитерского дела, в котором решающую роль играли мастера-иностранныцы¹. Поэтому в «пряничном деле» прочно сохранились традиции русского пряничного искусства. За оригинальную форму и высокие вкусовые качества русские пряники получали премии и медали на международных выставках. Они вывозились в Германию, Англию, Францию².

Производство русских пряников развивалось самостоятельно. Это особенно отчетливо видно при сравнении форм и терминологии русских пряников с немецкими, польскими, французскими, английскими³.

В XVII—XIX вв. сложилось несколько центров пряничного производства. Образцы их изделий были представлены на выставке. Интересны силуэтные пряники из южнорусских городов — Рязани, Воронежа, Орла, отличающиеся яркостью раскраски и причудливым орнаментом в виде спиралей, петель, завитков. Фигуры людей и животных, сравнительно небольшого размера, предельно обобщены. В забавных формах пряников прослеживаются черты сходства с обрядовым печеньем. К рязанским, воронежским и орловским пряникам близки по форме и расцветке пряники Калуги и Елабуги, хотя они меньшего размера и имеют другой орнамент.

Большое место на выставке заняли тверские и архангельские пряники. Тверские — белые мятные пряники в форме причудливо изогнутых рыб, львов (прообразом их послужили фигуры, украшавшие ворота барских усадеб), оседланных коней, пышно одетых господ в костюмах начала XIX в.

Архангельские пряники («козули») в форме женщин в богато украшенном костюме, птиц, оленей с золотыми ветвистыми рогами изготавливались крестьянами из-под Архангельска для новогодних праздников и масляничных гуляний. Они делали также пряники на которых были изображены: ненцы с детьми, олени упряжки с ненцами («самоедами») в санях-нартах. Изображения эти этнографически довольно точны. Архангельским пряникам присущ характерный для русского народного декоративно-прикладного искусства прием изображения предмета в позе, символизирующей движение (согнутые ноги олена, подбоченившаяся человеческая фигура).

На выставке представлены также редкие, не описанные в литературе виды русского пряника. Это пряники из Сибири, изображающие всадников в остроконечных куполообразных шапках с длинными ушами и в одежде, причудливо изукрашенной спиральами, свидетельствующие о тесных связях декоративно-прикладного искусства русского населения с аборигенами Сибири (приемы изображения фигуры типичны для русского

¹ «Обряды для С.-Петербургского пряничного цеха», СПб., 1850.

² Н. В. иноградов. Пряники, «Декоративное искусство СССР», 1959, № 6, стр. 36.

³ M. Ziwijska, Rzeźbione formy piegikarskie, «Polska sztuka Ludowa», 1956, № 6;

M. W ah g e n, Brot seit Jahrtausenden. Die Brotformen und Bäckerei im Wandel der Zeiten mit zahlreichen Abbildungen, Berlin, 1952; O. Smolitzky, Volkskunst in Thüringen von 16. bis zum 19. Jahrhundert, Weimar, 1904, S. 46—51; L. S e g a n d, Le Pain. Fabrication rationnelle, Historique, 2 ed., Paris, 1911.

Рис. 1. Пряник из Тулы. 1927 г. (из фондов ГМЭ)

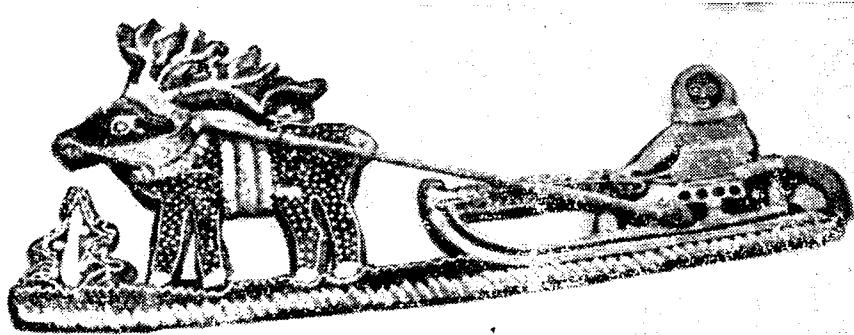

Рис. 2. «Козуля» — пряник из темного теста, изображающий оленем упряжку с ненцем («самоедом»), сидящим на санях. Пряник покрыт белой и розовой глазурью; размеры его 25×60 см. Архангельск, 1930-е гг. (ГМЭ, колл. № 5613, 11 аб.)

народного творчества, покрой одежды и форма головного убора характерны для коренных народов Сибири).

Уникальны пряники и пряничные доски старообрядцев из села Ветка Могилевской губернии, куда в XVII в. бежали спасавшиеся от преследования церковных властей старообрядцы. Живя в окружении белорусов и поляков, они не только сохранили старинные формы русского пряника, но и обогатили его формами, заимствованными от соседей.

Рис. 3. Пряничная доска. Нижегородская губ., начало XX в. (из фондов ГМЭ).

Оригинальна «свадебная пряничка» из Ростова Ярославского: на прямоугольной глощадке вертикально укреплены пряники в виде фигурок мужчин, женщин, а также деревьев и звезд. Такие пряники изготавливались еще в конце XIX в. в пряничных мастерских Ростова по заказам богатых крестьян к говору — одному из моментов свадебного обряда⁴.

К концу XIX в. появляются пряники из цветного теста, слости из цветного сахара, выполнявшиеся на первых порах, в традиционной манере. Рождение этого вида пряников было вызвано попыткой мастеров-пряничников конкурировать с кондитерской промышленностью, выпускающей дешевые изделия. В этой связи представляют особый интерес экспонаты из коллекции Н. Д. Виноградова. Они знакомят нас с одним из наиболее близких к нам по времени, но совершенно не изученным и не описанным в литературе этапом развития русского пряничного искусства (XX в.) и районом его распространения.

Москва и прилегающие к ней территории славились белыми и цветными пряниками, по технологии изготовления, близкими к тверским. Однако виды теста и пряничных

⁴ Интересные сведения об этом прянике имеются в работе: Е. Э. Бломквист, «Сговорный пряник» или «пряничка» из г. Ростова Ярославской губернии, «Отчет Гос. Русского музея за 1926 и 1927 гг.», Л., 1929, стр. 61—62.

Рис. 4. «Свадебная пряница», г. Ростов, Ярославская губ. Конец XIX в. (из фондов ГМЭ)

форм здесь разнообразнее. Очень распространены пряники в форме рыбы с чешуей, а также пряники с изображением девушки в богатом боярском костюме и т. д.

Чрезвычайно интересна показанная на выставке серия сахарных лакомств, изготовленных в Москве в 1913 г. Это крошечные фигурки из цветного сахара, напоминающие фарфоровые статуэтки людей, птиц, различных животных. Их делали с петлями для подвешивания на елку.

Калужские пряники — это пластинки из коричневого теста с барельефами из цветного сахара (сахарной глазури), изображающими людей, зверей (верблюдов, львов, тигров, коз, зайцев), птиц (канареек, уток, лебедей).

Выставка познакомила посетителей также с особенностями развития пряничного искусства за последние десятилетия. Это важно потому, что изучению пряничного производства не уделялось должного внимания в связи с бытовавшими в 20—30-е годы неправильными представлениями о характере народного творчества. Не считая народным то, что создается мастерами, получившими подготовку в специальных учебных заведениях, музейные работники фактически отказались от сбора материалов по современному пряничному производству. А между тем элементы народного творчества продолжают бытовать и развиваться в нем, отражая новые условия жизни народа. Так, в оформлении пряников 20-х годов появляются новые черты. Наряду с белым тестом широконачинает применяться цветное, возникают мотивы и сюжеты, идущие из фольклора и литературы (птицы-павы, стоящие возле «дрона жизни»). В Туле, Архангельске и других центрах пряничного производства появляются изделия, испытавшие воздействие революционного плаката. Таков тульский «печатный» пряник с изображением могучего кузнеца, из-под молота которого вылетают снопы искр-звездочек. Среди пряников 50—60-х годов мы встречаем изделия, выполненные в традиционной манере, но их художественное решение и сюжет современны.

Выставленные образцы современных пряников и фигурного печенья свидетельствуют о том, что традиции русской народной пряничной формы, ее цветовая гамма живы и сейчас, когда идет поиск новых средств художественной выразительности.

Л. С. Смусин

СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ НА ЮБИЛЕЙНОЙ СЕССИИ ОРЕГОНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В 1973 г. исполнилось 100 лет со времени основания Орегонского исторического общества, которое выгодно отличается обширностью своей научной тематики среди других аналогичных краеведческих организаций США. В задачу общества входит изучение истории Орегона. Вместе с тем всесторонне исследуется также прошлое Северо-Запад-

ной Америки, находившейся до 1867 г. во владении России. Интерес к истории выхода русских на берега Тихого океана, в особенности к русским экспедициям на Чукотку, Камчатку и Алеутские острова, в последние годы усилился. Поэтому Орегонское общество налаживает контакты с теми советскими научными учреждениями, которые занимаются историей Сибири и Дальнего Востока. В 1968—1970 гг. директор общества профессор Том Боган и сотрудники общества Элизабет Кроунхарт-Боган посетили Иркутск и Ленинград. В Ленинградском музее Арктики и Антарктики они ознакомились с богатыми коллекциями по истории и культуре народов Севера Сибири, а в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — с коллекциями, отражающими жизнь и быт народов Северо-Западной Америки — индейцев, эскимосов и алеутов. Эти материалы были собраны в период открытия и освоения русскими этих территорий (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). В дар МАЭ американские ученые преподнесли коллекцию по этому региону, состоящую из 23 предметов. Библиотека Академии наук в Ленинграде получила в подарок комплект журнала «Oregon Historical Quarterly». Институт этнографии передал Орегонскому историческому обществу статью покойной сотрудницы сектора Америки Е. Э. Бломквист о рисунках И. Г. Вознесенского, сделанных в Русской Америке в 40-х годах XIX в.¹. Эта статья, подготовленная к изданию Э. В. Зиберт, была опубликована в английском переводе в упомянутом выше журнале².

В 1972 г. общество осуществило издание на английском языке выдающегося труда замечательного русского ученого XVIII в. С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки». Перевод и комментарий к этому изданию выполнены Е. Кроунхарт-Боган³.

В ознаменование столетия Орегонского исторического общества в г. Портленде были организованы научные чтения. В них участвовали зарубежные ученые, в том числе гости из СССР: М. И. Белов (Арктический и антарктический научно-исследовательский институт) и Р. Г. Ляпунова (Институт этнографии АН СССР).

М. И. Белов выступил перед членами общества с докладами об археологических исследованиях заполярного города Мангазеи и о работе Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг. (последний доклад основан на архивных материалах). М. И. Белов сопровождал свои выступления показом специальных кинофильмов и цветных диапозитивов. Доклады вызвали большой интерес. М. И. Белов подарил обществу большую коллекцию материалов о раскопках Мангазеи.

В основу двух докладов Р. Г. Ляпуновой были положены документы, хранящиеся в советских архивах, и коллекции МАЭ. Первый из них посвящен материальной культуре и искусству алеутов, второй — этнографическим материалам, собранным первой научной экспедицией на Алеутские острова (П. К. Креницыным и М. Д. Левашовым). Возникла доброжелательная дискуссия, которая свидетельствовала о значительном интересе к ранним русским источникам (музейным и архивным) по истории Аляски и Алеутских островов.

Пресса весьма доброжелательно отнеслась к выступлениям советских ученых. Так, в газете «Oregon Journal» 2 октября 1973 г. появилась заметка, подробно освещавшая тематику наших докладов.

Встречи советских ученых с членами Орегонского исторического общества проходили в сердечной, дружественной атмосфере. Очень интересными были и беседы с профессором Портлендского государственного университета Б. Дмитришиным, заведующим кафедрой антропологии Орегонского университета Д. Е. Дюмоном, профессором Д. Джайсоном из университета в Торонто и многими другими.

После пребывания в Портленде М. И. Белов посетил Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Филадельфию и Нью-Йорк. В Лос-Анджелесе ему удалось ознакомиться с работой исторического и географического факультетов Южно-Калифорнийского университета. Профессор русской истории этого университета Р. Фишер рассказал М. И. Белову о своих последних исследованиях по истории Северо-Восточной Азии, в частности о работах по истории открытия и изучения района Берингова пролива.

Р. Г. Ляпунова, хотя и кратко, ознакомилась с крупнейшими этнографическими музеями США и научными центрами при них, изучающими историю и традиционную культуру коренного населения Америки (Музей Р. Лоу при университете г. Беркли, Музей естественной истории в Чикаго, Музей естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне, Музей естественной истории в Нью-Йорке).

Несомненно, и в дальнейшем двужественные связи Орегонского исторического общества с Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом, Институтом этнографии АН СССР и МАЭ будут способствовать плодотворной работе этих научных центров США и Советского Союза.

М. И. Белов, Р. Г. Ляпунова

¹ Е. Э. Бломквист, Рисунки И. Г. Вознесенского (экспедиция 1839—1849 гг.). Сб. МАЭ, т. XIII, 1951.

² Е. E. Blomqvist, A Russian scientific expedition to California and Alaska, 1839—1849, «Oregon Historical Quarterly», vol. LXXXIII, № 2, 1972.

³ S. P. Krashe n i n n i k o v, Explorations of Kamchatka. Translated with introduction and notes by E. A. P. Crownhart-Vaughan, Portland, 1972.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1973 г. сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) совершили 10 выездов в различные районы страны. Как и в предыдущие годы, основной целью экспедиции был сбор материалов по исторической этнографии для новых экспозиций: «Народы Поволжья конца XIX — начала XX в.», «Азербайджанцы конца XIX — начала XX в.», «Армяне конца XIX — начала XX в.», «Грузины конца XIX — начала XX в.».

Было собрано 922 предмета, характеризующих занятия и быт, культуру и искусство 15 народов Советского Союза (русских, украинцев, киргизов, эстонцев, азербайджанцев, удмуртов, марийцев, эвенков, ненцев и др.).

Наибольшее количество поездок было предпринято к народам Крайнего Севера и Сибири.

В Ненецкий национальный округ (поселки Ома и Карагай) выезжала научный сотрудник музея М. С. Попова. Она приобрела изготовленные в наши дни паницы из камуса, сохранившие традиционный покрой, меховую обувь, шапки, пополнившие коллекции по одежде ненцев. Наиболее ценный из собранных ею предметов — праздничная оленья кожаная упряжь для четырех оленей для мужской и женской наряда с украшениями из суконных полосок. Интересен также деревянный идол в трех меховых паницах, сделанный, видимо, в середине XIX в.

В Чаунском районе Чукотского национального округа сотрудница ГМЭ И. В. Куликова приобрела женскую и детскую одежду, домашнюю утварь, орудия труда, мужские и женские наряды с потягом и т. д. Замечательным дополнением фондов явилось приобретение меховой покрышки на ярангу, диаметром 5,5 м и 26 жердей к ней.

Одной из наиболее результативных оказалась поездка к удмуртам, осуществленная сотрудниками отдела этнографии народов Поволжья под руководством Т. А. Крюковой. Материал собирался среди удмуртов, проживающих в иногородней среде — в Агризском районе Татарской АССР и Куединском районе Пермской области. В собранной коллекции (167 предметов) охарактеризованы все основные и подсобные занятия удмуртов, домашние промыслы, утварь, предметы домашнего обихода и обстановки, а также культовые предметы, связанные с древними народ-

ными верованиями, в том числе трещотка для отпугивания шайтана.

Особую ценность коллекции придает то, что она составлена не из отдельных, не связанных между собой вещей, а из комплексов, отражающих определенные производственные процессы, например, обработку волокна. В коллекцию вошло все — начиная от сырья (пучки льняного волокна) до орудий труда (щетки для чесания, лучок для трепания шерсти, прядки, веретена, мотивила, шпульки).

Среди многочисленных предметов, собранных в Агризском районе, особый интерес представляет старушечий головной убор *бичер кышет* из белой льняной домотканины. В фондах ГМЭ подобные предметы единичны. Помимо вещевых памятников, были собраны интересные сведения, касающиеся, в частности, похоронных обрядов удмуртов.

Во время поездки в Шушинский, Лачинский и Джабраильский районы Азербайджана собрано около 90 экспонатов (предметы домашней утвари и хозяйства, орудия земледелия, одежда, украшения), характеризующих в основном дореволюционный быт азербайджанцев. Среди вещей имеются и уникальные. Таковы: *чириш* — сосуд, изготовленный из травы с примесью глины (высота 65, диаметр 32 см), который использовали для хранения молока, и *очаг гарагы* — ковер, расстиляемый перед очагом, на который во время еды садилась вся семья. Экспонат этот, интересный сам по себе, позволил аннотировать по аналогии подобные образцы, имеющиеся в фондах ГМЭ. Большой удачей следует считать приобретение *тахт* — кровати, которая в настоящее время почти исчезла из быта в связи с тем, что обстановка домов в сельской местности весьма интенсивно заменяется модной фабричной мебелью.

Сбор материала по этнографии латышей, представленной в собраниях ГМЭ недостаточно полно, велся не только на территории Латвии (Даугавпилский район), но и в сопредельных районах Белоруссии. Собрано 89 предметов — орудия труда, домашняя утварь, образцы домашнего ткачества. Фонды музея пополнились и весьма ценным свадебным комплексом: санями, изготовленными в начале XIX в.; свадебным покрывалом на лошадь, колокольцем; расписным сундуком для приданого, а также варежками, поясами, носками. Появи-

лись в музее и различные инструменты, используемые в кузнечном и деревообрабатывающем промыслах.

С. М. Лейкиной, работавшей в Таласской долине Киргизской ССР,— крупнейшем сельскохозяйственном районе республики, собрано около 50 экспонатов, характеризующих деревоэволюционный и современный быт жителей района.

Сотрудник отдела русской этнографии Г. Н. Комлева совместно с работниками Калининского областного краеведческого музея совершила поездку в Рамешковский район Калининской области, где были соб-

* * *

В июле 1973 г. сектор этнографии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики провел массовое анкетное обследование кабардинского и балкарского сельского населения.

Цель экспедиции — сбор материала по теме «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев».

Экспедиция работала в составе 58 студентов (7 отрядов) Историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета, которыми руководили доцент КБГУ Т. Т. Шикова и научные сотрудники КБНИИ. Возглавляя экспедицию Г. Х. Мамбетов.

Материал собирался по специальному вопроснику, разработанному сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР и дополненному с учетом специфи-

* * *

С 5 сентября по 5 ноября 1973 г. сотрудники сектора этнографии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР работали в Кегелийском, Чимбайском и Тахтакурыском районах Узбекской ССР.

Цель экспедиции — сбор полевых материалов к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана».

В составе экспедиции работали 8 человек: 3 научных сотрудника, художник-фотограф, 3 лаборанта и шофер.

Во время экспедиции был собран материал по жилищу, средствам передвижения, пище, одежде и украшениям, а также по семейно-бытовой обрядности и верованиям

раны материалы, связанные с обработкой льна.

Помимо перечисленных экспедиций, состоялся ряд научных командировок с целью приобретения предметов по современному народному искусству.

В экспедициях сотрудники музея не только приобретали вещи, но и проводили большую работу по пополнению фотофонда музея. Они фиксировали на фотопленку различные трудовые процессы, общественные праздники, семейные обряды и т. д.

Собранные во время экспедиций материалы обрабатываются.

Л. Н. Молотова

ческих особенностей культуры и быта кабардинцев и балкарцев. Вопросник должен был помочь выявить закономерности социального и этнического развития этих народов, характер и темпы этнических процессов, соотношение традиционного и современного в материальной и духовной культуре, социально-демографические, языковые и семейно-бытовые процессы, национальную психологию и национальное самосознание, взаимовлияние культур двух братских народов и т. д.

Члены экспедиции работали в 7 балкарских и 10 кабардинских населенных пунктах, где было опрошено 1757 кабардинцев и 879 балкарцев.

Собранный материал предварительно обработан и сдан на ЭВМ. Вопросники хранятся в архиве Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Г. Х. Мамбетов

народов Каракалпакии XIX — начала XX в. Изучались также их хозяйственные занятия (земледелие, животноводство, охота) и связанные с ними календарные обряды, народная медицина и народная ветеринария.

Собраны этногенетические предания и рассказы о быте и культуре народов Каракалпакии в прошлом и настоящем. Фольклорные материалы записаны на магнитофонную пленку. Участниками экспедиции заснято около 500 кадров на черно-белой и цветной пленке, зарисовано более 100 предметов и орнаментов вышивок, сняты планы построек различного типа, в том числе мечети, медресе, крепости.

В настоящее время полевые записи, фотоматериалы и чертежи обрабатываются.

Х. Есбергенов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. А. Куманев. Революция и просвещение масс. М., 1973, 334 стр.

После Великой Октябрьской социалистической революции в культуре всех народов Советского Союза произошли глубокие прогрессивные изменения. Одним из факторов, оказавших влияние на этот процесс, явилось просвещение, распространение грамотности среди многомиллионной массы людей. Этим в значительной мере определяется внимание этнографов к ликвидации неграмотности. Становление системы просвещения в масштабах всей страны, исторический опыт Советского государства, сумевшего после победы социалистической революции в сложных условиях в кратчайший срок ликвидировать вековую культурную отсталость и превратиться в страну сплошной грамотности и передовой культуры, исследован все еще недостаточно. Капитальная монография В. А. Куманева «Революция и просвещение масс» — существенный вклад в исследование этой большой и важной проблемы, интересующей широкую научную общественность.

Автор поставил перед собой трудную, но плодотворную задачу — раскрыть закономерности процесса борьбы за распространение первоначальных знаний среди взрослого населения СССР, осветить связи этого процесса с общими экономическими и политическими преобразованиями в стране.

Исследование проблемы потребовало от автора привлечения огромного круга разнообразных источников: трудов В. И. Ленина, решений партийных съездов, конференций, пленумов, постановлений ЦК КПСС, съездов Советов, материалов Народного комиссариата просвещения, литературного наследства выдающихся соратников В. И. Ленина в борьбе за просвещение масс — Н. К. Крупской, М. И. Калинина, А. В. Луначарского, А. С. Бубнова, свидетельств непосредственных руководителей и участников движения за преодоление культурной отсталости, документальных материалов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности, материалов Профсоюза работников просвещения и других учреждений, а также значительной литературы, посвященной истории распространения грамотности в нашей стране.

Монография В. А. Куманева охватывает весь период ликвидации неграмотности и массового приобщения взрослого населения к просвещению. Хронологические рамки ее — от Великой Октябрьской социалистической революции до начала 40-х годов. Процесс обучения взрослых в соответствии с фактическим материалом расченен в работе на ряд периодов: 1917—1920 гг. — начало массового просвещения трудящихся; 1920—1927 гг. — борьба государства и общественности за распространение начальных знаний, за народную грамотность в условиях нэпа и в начале индустриализации; 1927—1932 гг. — борьба за ликвидацию неграмотности в условиях введения всеобуча; 1932—1941 гг. — подъем массового просвещения, укрепление связи обучения трудящихся с производством и политическим воспитанием, достижение всенародной грамотности.

Чтобы полнее представить картину духовной жизни народов СССР в изучаемую эпоху, автор предослал основным главам вводную — «Состояние просвещения в дореволюционной России». В отличие от своих предшественников, ограничивавшихся лишь статистическими данными о плачевном состоянии народного просвещения при царизме, А. В. Куманев дал широкую обобщенную картину состояния образования в стране в конце XIX — начале XX в. В главе приведен убедительный материал о крайне низком уровне культуры и грамотности, в особенности нерусского населения, о различиях в образовании отдельных социальных групп и взаимосвязи фактора грамотности с уровнем экономики. Заслуживают внимания данные о борьбе, развернувшейся в конце XIX — начале XX в. вокруг вопроса о всеобщем образовании.

Большой интерес представляет приведенный В. А. Куманевым материал о первых мероприятиях Советской власти по организации системы народного просвещения, борьбе за учительские кадры. Автор подробно остановился на мало известной широкому кругу читателей истории подготовки и реализации ленинского декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», успешной борьбе с неграмотностью в первые годы Советской власти в Красной Армии. Обзор движения за всеобщую грамотность в 1917—1920 гг. привел автора к важному выводу о том, что в этот период были достигну-

ты, несмотря на все трудности, значительные успехи в просвещении масс, выработались определенные формы и методы обучения взрослых.

Особой спецификой отличалась борьба за ликвидацию культурной отсталости в годы нэпа. Как известно, применительно к этому времени В. И. Ленин называл неграмотность одним из трех главных врагов советских людей. В книге подчеркивается то внимание, которое уделял В. И. Ленин проблеме ликвидации неграмотности. Огромное влияние на дальнейшее развертывание культурного строительства, часто недооценивавшегося на местах, как показано в работе, имели ленинские статьи начала 20-х годов. А. В. Куманев, несомненно, прав, указав, что при исследовании ленинского плана социалистического строительства в нашей стране часто недостаточное внимание уделяется подъему культурного уровня трудящихся. Характеризуя борьбу с неграмотностью в 1920—1927 гг., автор обобщил данные, рисующие не только политические, но и финансовые, административные и организационные аспекты этой проблемы.

Рассказывая о ходе ликвидации неграмотности в период реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, автор подробно осветил выдающееся значение Всесоюзного культпохода за всеобщую грамотность. На ускорение процесса распространения грамотности среди взрослых оказало воздействие введение всеобщего обязательного начального обучения детей и огромное школьное строительство.

В 1928—1932 гг. в стране было обучено около 29 млн. неграмотных. В середине 1930-х годов, как убедительно показал автор, на первый план выдвинулась уже проблема преодоления малограмотности, хотя Советский Союз еще не стал страной сплошной грамотности. К 1940 г. грамотность взрослых достигла 90%. За 20 лет, с 1920 по 1940 г., в стране было обучено 60 млн. человек.

В книге подчеркнута сложность процесса преодоления неграмотности. Процесс обучения грамоте взрослых имел периоды подъема и спада.

Интересно и ярко раскрыта в книге проблема распространения грамотности в различных этнокультурных регионах Советского Союза. Тщательный научный анализ материалов позволил автору впервые в историко-этнографической литературе широко осветить особенности этого процесса на Украине, в Белоруссии, Поволжье, Сибири, на Кавказе и в Средней Азии. Например, в 1918 г. отдельные пункты ликбеза возникли в Ташкенте (так называемые дор-ульфун). В 1919 г. школы ликвидации неграмотности были открыты в Казахстане. В них преподавали представители местной интеллигенции.

После окончания гражданской войны широким фронтом развернулась борьба с неграмотностью. Так, на Украине в 1921 г. был принят специальный декрет о ликвидации неграмотности; на нужды просвещения вводился единовременный налог с буржуазии; в Киргизии в этот период особым распоряжением грамотные были мобилизованы на ликвидацию неграмотности; в Туркестане была создана Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Для обучения кочевого населения грамоте организовывались передвижные ликбезы.

Значительную работу в республиках провели общества «Долой неграмотность», возглавлявшиеся видными государственными деятелями. Партийные организации союзных и автономных республик возглавили культпоход за всеобщую грамотность.

Огромную помощь национальным районам оказали в порядке культурного шефства трудающиеся больших городов и крупных индустриальных центров. Москва взяла шефство над Узбекистаном, Таджикистаном, Мордовией, ленинградцы — над Бурятией. В национальные республики шефы направляли тысячи культбригад. Культурмейцы не только обучали грамоте и вели массовую разъяснительную работу, но в ряде случаев героически боролись с кулацкими бандами.

Обобщенный в книге материал убедительно свидетельствует об активном участии трудающихя всей страны в ликвидации культурной отсталости населения национальных окраин.

Обстоятельно рассмотрены в монографии в связи с борьбой за всеобщую грамотность проблемы языкового строительства — реформа существовавших письменностей и создание новых письменностей для ряда бесписьменных народов Северного Кавказа и Сибири.

Приведенные В. А. Куманевым данные свидетельствуют о положительном значении (в 1920—1930 гг.) замены арабского алфавита латинским и разработке для бесписьменных народов письменности на базе латинского алфавита. Однако в середине 1930-х годов уже стала чувствоваться негативная сторона латинизации. Неотложная потребность в изучении русского языка — языка межнационального общения — вызвала массовые предложения с мест от самих представителей ранее бесписьменных народов о замене латинских алфавитов русской графической основой. Эти пожелания были изучены и приняты. В 1936 г. начался перевод письменностей народов Севера и Востока на русский алфавит, что способствовало дальнейшему подъему культуры народов Советского Союза.

В книге отмечены и ошибки, допускавшиеся в национальных районах в ходе ликвидации неграмотности. В Туркмении и Татарии, например, в принудительном порядке население привлекалось к обучению грамоте. Встречались и специфические трудности: в ряде национальных окраин страны население находилось на таком низком уровне развития, что не понимало значения обучения. Здесь требовалась особая разъяснительная работа.

Традиционные представления о нормах поведения взрослых и тем более пожилых людей нередко мешали вовлечению неграмотных в школы ликбеза. Автору настоящей

репензии в 1940-х годах пришлось столкнуться в Якутии с тем, что обремененные семьей женщины уклонялись от обучения, так как стеснялись и опасались уподобиться молодежи. В связи с этим в ряде случаев организовывалось индивидуальное обучение.

Несмотря на все трудности, к 1940 г. все союзные и многие автономные республики практически достигли всеобщей грамотности взрослого трудоспособного населения.

В целом книга В. А. Куманева дает возможность на основе документальных данных оценить достижения народов Советского Союза в борьбе за сплошную грамотность и всеобщее образование. Вместе с тем отдельные стороны большой проблемы, рассмотренной в книге «Революция и просвещение масс», нуждаются в дальнейшей разработке. Такова, например, роль печати на языках младописьменных народов в преодолении отсталости и ликвидации неграмотности. Несколько схематично представлен в работе ход борьбы за ликвидацию малограмотности. Может быть, следовало полнее осветить особенности борьбы за просвещение в районах Крайнего Севера. Однако все это темы требуют дальнейших специальных работ.

Советский опыт организации системы массового просвещения, борьбы за ликвидацию неграмотности и овладение знаниями в современную эпоху приобретает особую ценность. В последние годы число неграмотных в мире растет. Массовая неграмотность — национальное бедствие многих развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Книга А. В. Куманева, рассказывающая об успехах, достигнутых Советским Союзом в области массового образования, в этой связи имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

И. С. Гурвиц

M. Sahlins. *Stone Age economics*. Chicago and New York, 1972, 348 p.

Одной из самых интенсивно развивающихся отраслей зарубежной этнографической науки является в настоящее время «экономическая антропология». Этим термином в зарубежной литературе принято обозначать научную дисциплину, которая исследует экономические отношения первобытного, протоклассового (т. е. формирующегося классового), а также «крестьянского» (peasant) общества¹. Но огромный фактический материал о первобытных социально-экономических отношениях, накопленный к настоящему времени, в теоретическом отношении остается во многом неразработанным. Если можно назвать десятки монографий, в которых детальнейшим образом описываются экономические отношения у тех или иных народов, находящихся на стадии первобытного или протоклассового общества, то работы обобщающего характера представляют в этой области редкое явление. Причем и они чаще всего оказываются простой сводкой материала. В качестве примера можно указать хотя бы на «Экономическую антропологию» М. Херсковица². Теоретические проблемы обычно рассматриваются в статьях, носящих самый общий характер.

Поэтому не может не привлечь внимания недавно увидевший свет труд прогрессивного американского этнографа М. Салинса «Экономика каменного века». Автор хорошо знаком с работами К. Маркса и по некоторым вопросам приходит к выводам, близким к марксистским, что делает его труд особо интересным для советского читателя.

Последние 12—15 лет экономическая антропология была ареной ожесточенной борьбы двух основных направлений, одно из которых получило название «субстантивизма», а другое — «формализма»³. М. Салинс в работе выступает как убежденный сторонник субстантивистского подхода к первобытной экономике. Он подвергает резкой критике формалистский подход, сущность которого он видит во взгляде на первобытную экономику как на недоразвитый вариант капиталистической (стр. XI—XII). Рассматривая формально-экономическую теорию как буржуазную по своей природе, М. Салинс конфликт между ней и субстантивизмом характеризует как конфронтацию двух идеологий (стр. XIII—XIV).

Из шести глав, составляющих книгу М. Салинса, четыре (I, IV, V, VI) уже были ранее опубликованы в качестве самостоятельных работ. И хотя при подготовке данного издания некоторые из них (главы I и VI) были доработаны, книга не представляет собой целостного исследования. Это по существу сборник очерков, объединенных общностью тематики.

В первой главе, озаглавленной «Первобытное общество изобилия» (The original affluent society), автор вслед за Э. Сервисом⁴ бросает вызов глубоко укоренившемуся представлению об охотниках и собирателях как о людях, задавленных непосильной

¹ Об истории и современном состоянии этой дисциплины см.: Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973, стр. 30—76.

² M. J. Hirschovits, *Economic anthropology*, N. Y., 1952.

³ Подробнее см. Ю. И. Семенов, Указ. раб.

⁴ E. Service, *Profiles in ethnology. A significant revision of a profile of primitive culture*, N. Y., 1963, p. 9—10, 39—40.

борьбой за существование, испытывающих постоянные трудности и лишения, отдающих все свое время поискам пищи и живущих под постоянной угрозой голодной смерти. Не ограничиваясь утверждением об ошибочности такого взгляда, М. Салинс вскрывает его корни. Основную причину его появления он видит в буржуазном этноцентризме. Главным в буржуазной политэкономии является учение о том, что существующих средств потребления никогда не хватает для удовлетворения всех человеческих потребностей. Это положение, считает М. Салинс, верно по отношению к буржуазному обществу. Но если даже современный человек, располагающий мощной техникой, не в состоянии удовлетворить свои потребности, то тем более не мог их удовлетворить первобытный охотник, вооруженный лишь луком и стрелами. Такой вывод кажется вполне естественным. Однако делая его, указывает М. Салинс, мы по существу наделяем палеолитического охотника стремлениями и потребностями, характерными для человека буржуазного общества.

Ограничность средств, о которой говорит буржуазная политэкономия, коренится вовсе не в уровне развития техники, взятом самим по себе, а в социально-экономической структуре капитализма как общества рыночно-индустриального. Рынок, предлагающий огромное количество самых разнообразных товаров, тем самым формирует у людей огромное количество самых различных потребностей. Но ни один человек не может их полностью удовлетворить, ибо всегда располагает лишь ограниченной суммой денег. Поэтому при капитализме разрыв между потребностями и средствами их удовлетворения будет существовать всегда, как бы ни был велик объем произведенного продукта⁵.

Так же как и нехватка средств, их изобилие, указывает М. Салинс, не есть простое производное от уровня техники. Изобилие существует тогда, когда имеющихся средств вполне достаточно для удовлетворения всех потребностей. И для этого совершение не обязательно, чтобы средств было много. Если потребности невелики, то они могут быть полностью удовлетворены и в том случае, если объем произведенного продукта сравнительно мал. Именно так обстояло дело в первобытном обществе. И в этом смысле оно было обществом изобилия.

Кроме рассмотренной выше причины, были и другие, которые способствовали утверждению взгляда на первобытных охотников и собирателей как на существа, живущие в обстановке вечной нужды и лишений. Охотники и собиратели, с которыми сталкивались исследователи, нередко жили в таких природных условиях (пустыни, полупустыни), в которых европеец не смог бы выжить. В их диете входили продукты, которые европеец стал бы употреблять в пищу, разве только в условиях крайнего голода. И наконец, нельзя забывать, что дожившие до нашего времени охотники и собиратели представляют собой «перемещенных лиц» (стр. 8). Они давно уже были вытеснены народами, достигшими более высоких ступеней развития, в неблагоприятные зоны, которые совсем не типичны для их способа производства. Особено неблагоприятным было влияние капиталистической цивилизации. Оно имело своим следствием не только резкое сокращение природных ресурсов, эксплуатируемых охотниками и собирателями, но и разрушение их социальной организации.

И все же, указывает Салинс, несмотря на то что современные охотники и собиратели живут в гораздо худших условиях, чем наши палеолитические предки, проведенные в последние десятилетия детальные исследования их экономической жизни рисуют перед нами картину, весьма отличную от той, к которой мы привыкли. Взрослые члены двух локальных групп австралийцев Арихемленда, изученных в 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур, трудились в среднем всего лишь по 4—5 часов в день. И этого времени им вполне хватало, чтобы обеспечить каждого члена группы достаточным количеством пищи. Как отмечают исследователи, и по калорийности и по составу дневная норма человека вполне отвечала стандартам, установленным Национальным исследовательским советом США. Эти данные не расходятся с теми, что можно найти в трудах исследователей первой половины XIX в. Так, например, известный путешественник Дж. Грей, не ограничиваясь утверждением, что в хижинах аборигенов он всегда находил изобилие продуктов, писал, что, по его подсчетам, в обыкновенный сезон человек может обеспечить себя пищей на весь день всего за 2—3 часа. Согласно данным Р. Ли, изучавшего в 1963—1965 гг. бушменов кунг области Добе (Ботсвана), для того чтобы обеспечить достаточным количеством пищи всех членов группы, каждому взрослому человеку достаточно было трудиться 2,5 дня в неделю, считая рабочий день в 6 часов, что составляет 2 часа 9 мин. в день. Р. Ли при этом не учитывал время, затрачиваемое на приготовление пищи и изготовление орудий. Если его прибавить к затраченному, то полученная цифра будет близка к установленной Ф. Маккарти и М. Макартур.

Эти и многие другие факты, отмечает Салинс, свидетельствуют, что охотники и собиратели легко могли бы увеличить массу добываемого продукта. И если они этого не делают, то потому, что и производимого вполне достаточно для удовлетворения их потребностей. Характерной для охотников и собирателей является уверенность в том, что они всегда могут обеспечить свое существование. Конечно, в их жизни встречаются и трудные моменты, но в целом лишения и голод не характерны для этой стадии развития человечества (стр. 36). В первобытном обществе не было бедности и бедняков. Нищета — явление социальное. И вместе с голодом она есть порождение цивилизации

⁵ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 31—36.

с присущим ей делением на классы. С этого момента развитие экономики приобрело противоречивый характер: рост богатства был одновременно и ростом нищеты, увеличение власти над природой сопровождалось порабощением человека. И наша эпоха — время великой технической мощи человека — является и временем беспрецедентного по своим масштабам голода. Голодает от одной трети до половины человечества. И причина этого — в существующей социальной структуре (стр. 36—38). Этим гневным обвинением в адрес капиталистической системы завершается первая глава.

Возвращаясь к данной в главе характеристике общества охотников и собирателей как «общества изобилия», нельзя не отметить, что, борясь с традиционной точкой зрения, автор в полемическом задоре несколько перегибает палку. Имеющиеся данные значительно более сложны и противоречивы. Так, например, А. Холмберг в монографии о сирионо Южной Америки сообщает, что им почти постоянно не хватало пищи и они постоянно ее искали⁶. Нельзя, однако, при оценке этой информации не учитывать, что сирионо были этнической группой, претерпевшей значительную деградацию: если сейчас сирионо живут в основном охотой и собирательством, то раньше они были оседлыми земледельцами. Нередким явлением были голодовки у эскимосов. С ними связаны случаи каннибализма и смерти⁷. Имеются и другие сходные факты. Поэтому, когда М. Салинс выступил с изложением своих взглядов на симпозиуме, посвященном охотникам и собирателям, его тезис о том, что последние всегда уверены в будущем, встретил возражения со стороны ряда исследователей⁸. Однако в целом отстаиваемая им точка зрения, на наш взгляд, несомненно ближе к истине, чем традиционная.

Вторая глава — «Домашний способ производства: структура недопроизводства» и третья — «Домашний способ производства: интенсификация производства» представляют собой две части единого очерка. Этот очерк написан позднее других, специально для данной книги. И на наш взгляд, он является самым интересным во всей работе. В рецензии невозможно исчерпать все богатство его содержания. Остается ограничиться кратким перечнем рассматриваемых в нем проблем.

В отличие от первой главы во второй и третьей рассматриваются не охотники и собиратели, а земледельцы, находящиеся на стадии доклассового и отчасти протоклассового общества. Как на специфическую черту доклассовых земледельческих обществ автор указывает на недопроизводство. Факты свидетельствуют, что каждое такое общество производит меньше, чем оно могло бы производить при данном уровне техники. В этих обществах недоиспользуются природные ресурсы. Население их значительно меньше максимально возможного. В этой связи М. Салинс подвергает критике широко распространенную тенденцию объяснять «демографическим давлением на ресурсы» самые различные общественные явления, начиная с интенсификации производства и кончая возникновением государства. В действительности же, указывает он, когда мы сталкиваемся с «избытком населения», то причина заключается вовсе не в том, что мало земли самой по себе, а в том, что доступ к ней ограничен существующими отношениями производства и собственности. От характера социальной структуры зависит как само наличие избытка населения, так и его социальные последствия. «Поэтому, — пишет М. Салинс, — любое объяснение исторических событий или процессов, таких как война или возникновение государства, которое игнорирует эту структуру, является сомнительным» (стр. 49). И такая постановка вопроса совершенно верна. Она совпадает с марксистской.

Кроме природных ресурсов, в рассматриваемых обществах не полностью используется и рабочая сила. Труд постоянно перемежается периодами отдыха. Рабочий день обычно невелик. Так, например, у бемба Африки, гавайцев, куинкуру Южной Америки он составлял 4 часа. У капауку Новой Гвинеи он длился от 6 до 8 часов, но зато у них за рабочим днем обычно следовал день отдыха. У тупори Северного Камеруна мужчины в среднем работали 195 дней в году (52,3%), женщины 188,7 (51,5%).

Причину этого явления М. Салинс ищет в социальной организации производства, т. е. фактически в системе социально-экономических, производственных отношений. Приступая к ее анализу, он сталкивается с теми же трудностями, что и другие субстантивисты. Его взгляды по этому вопросу столь же противоречивы, как и взгляды К. Полани, Дж. Дальтона и других ведущих представителей этого направления. С одной стороны, он утверждает, что «даже говорить об „экономике“ примитивного общества значит упражняться с нереальностью. В структурном отношении „экономики“ не существует» (стр. 76). С другой, он же говорит о постоянно существующем на данной стадии общественного развития противоречии между обществом в целом и его экономикой (стр. 124). С одной стороны, он заявляет, что в «примитивном» обществе нет отношений, институтов или системы институтов, которые были бы экономическими сами по себе. Экономические функции в нем выполняют самые разнообразные отношения и институты: родственные, семейные, политические, ритуальные и т. п. (стр. 101, 185—186). С другой стороны, он же характеризует одни отношения первобытного общества как экономические, а другие — как неэкономические (стр. 77—78, 124—129). И при этом нередко эти две различные характеристики даются буквально одним и тем же от-

⁶ A. R. Holmberg, *Nomads of the long bow. The Siriono of Eastern Bolivia*, Washington, 1950, p. 1, 30—37.

⁷ K. Birket-Smith, *The Eskimos*, London, 1936, p. 111; E. M. Weege, *The Eskimos. Their environment and folkways*, Hamden, 1962, p. 115—124.

⁸ «Man the hunter», Chicago, 1968, p. 85—92.

ношениям, взятым в одном и том же контексте (стр. 95, 101—102, 111, 123—130, 137). В результате всего этого автор оказался не в состоянии нарисовать верную картину первобытных социально-экономических отношений.

Господствующий в доклассовом земледельческом обществе способ производства М. Салинс характеризует как «домашний» (domestic mode of production). Последний находит свое полное воплощение в домохозяйствах (households). Связи внутри домохозяйств М. Салинс характеризует как основные отношения производства в первобытном обществе (стр. 77). Что же касается связей между домохозяйствами, то он рассматривает их как чисто внешние по отношению к «домашнему способу производства», как надстройку над ним. «Домашний способ», — пишет он, — не предполагает ни социальных, ни материальных отношений между домохозяйствами, исключая лишь отношения сходства» (стр. 95). Социальная экономика при этом способе производства раздроблена на тысячи ячеек, каждая из них организована так, чтобы функционировать независимо от остальных (стр. 95).

В результате такого подхода М. Салинс оказывается не в состоянии сколько-нибудь четко отграничить первобытную экономику от «крестьянской» экономики классового общества. Более того, он приходит к выводу, что в ориентированной на рынок «крестьянской» домашней экономике основные черты «домашнего способа производства» выступают значительно отчетливее, чем в первобытной экономике (стр. 89). С этим связано широкое использование М. Салинсом материалов по экономике русского крестьянского хозяйства начала XX в., приведенных в трудах А. В. Чаянова. В действительности же как в доклассовом, так и в классовом обществе домохозяйства всегда существовали только в неразрывной экономической связи друг с другом, только как звенья определенной системы социально-экономических отношений. Их характером этой системы определялась природа отношений внутри самих домохозяйств. Первобытные и крестьянские домохозяйства представляют собой качественно отличные явления, ибо являются частями систем социально-экономических отношений разного типа. Мы имеем здесь дело не с одним, а с разными способами производства. Формой связи между первобытными домохозяйствами была первобытная община. Перед нами первобытно-общинный способ производства на позднем этапе своего развития.

Существование глубоких экономических связей между домохозяйствами не осталось незамеченным М. Салинсом. Вступая в противоречие с данной им общей характеристической «домашнего способа производства», автор подчеркивает, что домохозяйства не могут производить, не будучи связанными друг с другом (стр. 101). И поэтому, хотя М. Салинс не смог раскрыть сущности системы социальных отношений доклассовых земледельческих обществ, отдельные ее стороны ему удалось охарактеризовать во многом верно. В частности, ему в достаточной степени убедительно удалось показать, что существующие в этих обществах экономические отношения не только препятствовали дальнейшему развитию производства, но и мешали в полной мере использовать уже имеющиеся производственные возможности.

Единственным выходом из создавшегося положения было возникновение новых социально-экономических отношений — классовых, антагонистических. И Салинс фактически рисует картину становления первых, примитивных форм эксплуатации человека человеком, хотя его формулировки недостаточно четки. Он предпочитает говорить не о формировании нового способа производства, а о преодолении дефектов «домашнего способа производства» путем возникновения централизованной политической организации, возглавляемой вождями. Однако в центре его внимания — экономическое положение и экономическая роль вождей. Исходя из этого, он выделяет два основных типа вождей: вождь, который раздает членам возглавляемой им группы созданное его собственным трудом, и вождь, который получает от своего народа больше, чем сам дает ему (стр. 132, 138). Только последний является собственно вождем (стр. 138). Большое внимание уделяет М. Салинс анализу сходства и различия между положением вождя (chief) и положением «большого человека» (bigman) (стр. 135—138). Автор показывает, как по мере становления иерархии вождей последние все в большей степени превращаются в эксплуататоров. Поэтому сам этот процесс идет далеко не мирно. История Полинезии дает нам многочисленные примеры восстаний против вождей, чрезмерно угнетавших народ (стр. 144). Но в целом становление такой системы отношений является прогрессивным процессом. Оно имеет следствием интенсификацию производства, развитие производительных сил общества (стр. 140—141).

Четвертая глава — «Дух дара» — основным посвящена взглядам известного французского этнографа М. Мосса, изложенным в работе «Этюд о даре» (1925 г.). Не соглашаясь с рядом положений М. Мосса, М. Салинс дает в целом высокую оценку его труду.

Богатый и многообразный материал содержит пятая глава — «О социологии примитивного обмена». Для характеристики первобытного обмена М. Салинс применяет уже давно утвердившееся в экономической антропологии понятие «взаимности» (reciprocity). Как подчеркивает автор, «взаимность» всегда есть отношение между двумя сторонами. Нередко ее понимают как сбалансированность обмена. Однако это имеет место далеко не всегда. М. Салинс выделяет три основные формы «взаимности»: генерализованную, сбалансированную и негативную.

Генерализованная «взаимность»: не предполагает соответствия между даваемым и получаемым. Человек, получивший что-либо от другого, отплачивает, если может и когда может. Отсутствие взаимности не ведет к разрыву отношений. Человек продолжает

жает давать другому и в том случае, если сам ничего от него не получает. Здесь социальная сторона доминирует над материальной. Сбалансированная «взаимность» предполагает более или менее точное соответствие между даваемым и получаемым. Здесь одинаково важны как социальная, так и материальная сторона отношений. Отсутствие отплаты или ее неэквивалентность ведут к разрыву связи. Негативную «взаимность» М. Салинс определяет как попытку получить что-то, не дав взамен ничего. Это понятие у автора не отличается четкостью. Сюда он относит «выторговывание», «выигрывание», «кражу» (стр. 198).

Большое внимание уделяет М. Салинс выявлению зависимости формы проявления «взаимности» от родственной дистанции, ранга родства, различия в материальном положении сторон (стр. 195—215). Интересен раздел этой главы, в котором раскрывается особое место пищи в системе первобытного обмена (стр. 215—219). Ряд разделов посвящен выявлению роли сбалансированной «взаимности» в создании и поддержании социальных связей между группами и индивидами, в частности брачных союзов, в улаживании конфликтов и т. п. Большую ценность представляет приложенная к главе обширная сводка фактического материала, относящегося к рассматриваемым вопросам (стр. 231—275).

В последней главе — «Меновая стоимость и дипломатия примитивной торговли» автор, противопоставляя «примитивную торговлю» столь характерной для капитализма «рыночной торговле», предпринимает попытку создать особую теорию стоимости, отображающую специфические черты первой. Хотя М. Салинсу удалось показать целый ряд особенностей «примитивной торговли», в целом его попытку нельзя считать удаческой. Но М. Салинс и сам не претендует на окончательное решение вопроса, характеризуя свое теоретическое построение как гипотезу (стр. 313).

В заключение необходимо подчеркнуть, что, несмотря на отмеченные выше недостатки, книга М. Салинса, несомненно, представляет собой существенный вклад в разработку теоретических проблем экономики доклассового общества. Это, на наш взгляд, самое ценное из всего того, что было опубликовано по теории первобытной экономики за последние 10—15 лет. Был бы крайне желателен перевод работы на русский язык, если и не всей, то по крайней мере трех ее первых глав.

Ю. И. Семенов

Wendell H. Osvalt. *Other peoples, other customs. World ethnography and its history*. N. Y., 1972, 430 p.

В этой книге своеобразно не только заглавие — «Иные народы, иные обычаи», — явно рассчитанное на широкого читателя — неспециалиста. Само содержание книги, хотя и строго научное, ориентировано тоже на читателя, обладающего лишь средним уровнем общей подготовки и отнюдь не профессиональным кругом интересов.

Уэнделл Освальт — профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), специалист по этнографии американской Арктики: ряд его исследований посвящен эскимосам Аляски¹. В этой же книге он попытался суммировать важнейшие выводы всей современной этнографической (или «антропологической», как говорят в США) науки, — те выводы, которые имеют принципиальное, можно бы даже сказать, мировоззренческое значение и должны интересовать каждого мыслящего человека.

Главное содержание книги отвечает вековечному и самому основному вопросу этнографической науки: вопросу о причинах социально-культурных различий между народами. Ведь эти различия порой так велики и разительны, что они не раз побуждали ученых и мыслителей вновь и вновь ставить под сомнение единство человеческого рода и мировой истории. Не буду здесь напоминать, как решали этот вопрос представители разных этнографических школ: эволюционисты, диффузионисты, функционалисты, этносоциологи и другие.

Автор ограничивает свое поле зрения кругом отсталых народов (которых называли дикарями, варварами, первобытными, бесписьменными племенами, малыми народами, аборигенами и т. д.), оставляя без рассмотрения народы европейской культуры. Но и в этих пределах обнаруживается столько различий между народами, что автор естественно ставит вопрос: «Что же все люди имеют общего?» (стр. VII).

Во вводной главе автор подчеркивает, что область его изучения — не физиология или морфология человека, а этнография (Освальт предпочитает это обозначение нашей науки вместо привычного для ученых США названия «антропология»); он понимает под ней науку о «приобретенных» (learned), а не врожденных реакциях, — о том, «чему люди учатся друг от друга». Человеческое поведение строится, полагает Освальт,

¹ W. H. Osvalt, *Mission of change in Alaska*, San Marino, California, 1963; его же, *Alaskan Eskimos*, Chicago, 1967; W. H. Osvalt, J. W. Van Stone, *The ethnoarcheology of Crow village*, Alaska, Washington, 1967.

на основе свойственного одному только человеку «сложного абстрактного мышления» (стр. 1).

Обобщая различные аспекты деятельности человека, Осворт пытается изобразить наглядно их взаимосвязь в форме треугольника, вписанного в круг. Круг означает естественную среду, в которой живут люди. Человек графически изображен стоящим на основании треугольника: это основание есть технология: а две другие стороны треугольника — это общественная структура (совокупность всех общественных связей человека) и «супернатурализм», т. е. область сверхъестественного, к которой относятся собственно религия, мифология и т. п. (стр. 1—3). Поясняя эту свою графическую схему, Осворт пишет: «В абстракции все три стороны треугольника равны, но на деле длина сторон может различаться. Один народ, быть может, сделал главный упор на материальные предметы, другой — на сверхъестественное, иной — на связь человека с другими людьми. Надо знать также, что треугольник стянут многими различными сетками интеграции поведения — социального, „супернатурального“ или технологического. В одном обществе орудия труда и связанная с ними символика представляют собой звенья, соединяющие людей со сверхъестественным, тогда как в другом обществе людей со сверхъестественным связывает групповая деятельность. В формах интеграции есть большие различия, но каждое общество зависит от функционирования своих собственных звеньев, соединяющих орудия, людей и сверхъестественное».

За этим несколько вычурным стилем изложения кроется довольно простая мысль — притом мысль, составляющая центральную идею автора, зашифрованную в символе треугольника. И, хотя символ этот нам мало привычен, он без труда поддается материалистическому истолкованию: стоит только заменить «технологию», или «материальные предметы», более содержательным понятием «материальное производство» (либо «материальные производительные силы»), а на место «супернатурализма» поставить более широкое и содержательное понятие «идеологии» в целом.

Другой вопрос, тесно связанный с исходными: почему общие особенности в поведении людей («культурные контакты», по Креберу, «эмпирические универсалии», по Клукхону) бывают столь различно выражены у разных народов? Например, погребальные (траурные) обычай существуют у всех народов, но у одного народа принято громко оплакивать умершего, у другого — ампутировать себе палец, у третьего — делать вид, что смерти никакой не было, и оставлять умершего в жилище (стр. 6).

Вывод автора: «Возвращаясь к нашему исходному обобщению, мы видим, что все люди на свете одинаковы в терминах универсальных образцов культуры и общих знаменателей; но, с другой стороны, неуниверсальны проявления этих категорий, черты различны, и они сочетаются между собой, образуя неповторимый стиль жизни каждого отдельного общества» (стр. 7).

Заканчивая вводную главу, Осворт останавливается на некоторых общих терминах нашей науки. Старая классификация народов, деление их на «дикарь», «варваров» и «цивилизованных», по его мнению, неудачна; неудачен и термин «примитивные» народы. Требуется новый термин, и автор предлагает ввести термин «этнник» (ethnic) для обозначения «любого политически независимого и экономически самодовлеющего, бесписьменного, некрестьянского, нецивилизованного, негосударственного общества, где бы и когда бы оно на земле ни оказывалось» (стр. 7). Трудно признать удачным такое определение; да и сам термин «этник» есть лишь несколько видоизмененный термин «этнос» (франц. ethnie), который уже установился в ином, более широком значении.

После этого Осворт упоминает еще некоторые термины, частью его же собственного сочинения: «этнография» (понимаемая в узком, описательном значении), «основная этнография», «реконструированная основная этнография», «этноистория», «этноархеология» (стр. 7—9). Если же собрать воедино все виды описательной и аналитической информации о любой группе населения, притом в историческом плане, — то полученное целое автор предлагает называть «этнистикой» (ethnistics) (стр. 10).

В вводной главе, содержание которой здесь кратко изложено, отражена не только тематика данной книги; в ней в известной мере отразился и господствующий стиль современной американской этнографии. Впечатление от этого стиля двойственное: с одной стороны, поиски нового синтеза, стремление к самой широкой постановке проблем, старание хоть ощущуя найти решение кардинальных задач науки и жизни — о единстве человечества, о причинах разнообразия культур и этнических особенностей; с другой стороны — какое-то странное неумение выразить простую мысль простыми словами; какая-то бессознательная подмена научной постановки вопроса нагромождением туманных фраз с малопонятными и искусственными терминами.

Мы долго задержались на Введении. А из чего состоит основное содержание книги?

Она построена оригинально и интересно. Две первые главы — это собственно историография. Об их содержании дают понятие заголовки: гл. 1 — «Истоки этнографии», разделы ее: «Путешественники и энциклопедисты», «Исследователи», «Торговцы», «Пленные и другие», «Христианские миссионеры», «Общий обзор»; гл. 2 — «Рост этнографии»; ее разделы: «Пионеры», «Профессионалы», «Новые направления», «Проекции» (под этим понимается проверка достоверности информации), «Организации».

Этот историографический обзор, построенный, как видим, очень своеобразно, содержит и полезен. Автор заключает его пожеланием, чтобы главное внимание

исследователей переместилось теперь с дальнейшего накопления фактов в сторону научного анализа материала, уже собранного. «Видимо, естественно-научная фаза этнографии пройдена». Надо вводить фактический материал «в более широкие рамки социальной науки и истории». И заключительный вывод: «Лучше понимать самих себя и свое собственное будущее через опыт этников (в смысле отсталых внеевропейских народов.— С. Т.) — это цель, хотя и эгоистическая, но достойная и человечная» (стр. 90).

Следующие пять глав построены совсем по-другому. Каждая посвящена отдельной части света: Африке, Азии, Австралии и Океании, Северной Америке, Южной Америке, — и в каждой собрано по несколько чисто этнографических текстов — описаний некоторых народов данной части света. Всего таких выборочных текстов в книге 35. По Африке это: бушмены, пигмеи р. Итури, готтентоты, гусии, кунда и ашанти; по Азии: андаманцы, ченчу, лопари (каким-то способом оказавшиеся в Азии), чукчи, якуты, тода и айну и т. д.

При таком подборе конкретного описательного материала автор, видимо, руководствовался главной целью: показать наибольшее разнообразие этнических особенностей. Эта цель достигнута. Диапазон культурных различий в представленном обзоре огромен: от бушменов и тасманийцев до майя и гавайцев, от обитателей тропических лесов до народов Арктики. Чтобы еще более увеличить разнообразие, Освальт отказался от равномерного описания всех сторон быта и культуры избранных им народов. Напротив, он намеренно уделяет главное внимание в одном случае одной, в другом — другой стороне общественной жизни данного народа: при характеристике одной этнической группы обязательно описывается основа ее хозяйства; в отношении других — семейный уклад, родственные отношения, посвятительные обряды, организация власти, верований и пр. Это подчеркнуто даже в заголовках: «Охота пигмеев р. Итури», «Готтентоты и их скот», «Политическая организация ашанти», «Социальная жизнь лопарей», «Якутский эпос», «Верования и обряды айнов», «Гавайские иконоборцы», «Орошение у пайюте», «Военное дело у кроуз», «Божественный царь начезов», «Половые отношения у кайнгацлов», «Кооперация у суньи» и т. д.

Этот прием — подчеркивание у одного народа какой-нибудь одной черты культуры, у другого — совсем другой черты — не новинка в книге Освальта. Наоборот, это своего рода традиция в американской этнографии, идущая от школы Боаса. В первый раз его применил вполне сознательно Александр Гольденвейзер², позже — его ученик Мельвиль Херсковиц³. Прием этот вначале служил определенным теоретическим целям — наглядно проиллюстрировать несопоставимость культурных форм у разных народов, а отсюда — невозможность открыть какие-либо общие законы в человеческой истории. Правда, эта агностическая цель подобным путем не достигалась: читатель видел лишь несопоставимость явлений, произвольно взятых из разных областей человеческой жизни, — например, несопоставимость ирокезского матриархата с тлинкитской резьбой по дереву, эскимосской материальной культуры с австралийской магией (примеры из книги Гольденвейзера). Идея закономерности исторического процесса этим нисколько не обесценивалась.

Но у Освальта данный прием подчеркивания то одной, то другой стороны культуры у разных народов преследует, видимо, иные цели. Эти цели хорошо видны в заключительной, 8-й главе книги — «Чему учит этнография». Главная идея автора здесь та, что евро-американцам пора, перестать считать себя элитой человечества. «Евро-американцы, — пишет он, — бесспорно, являются самыми удачливыми культурными империалистами из всех, какие только известны в истории человечества». Они всюду развозят свои товары, сбывают свою религию, политическую организацию, свои идеи — хотя и без особого успеха. «Хотя мы позаимствовали многие, если не большую часть, элементов нашей культуры и нашего общества от других, — мы неохотно признаем этот факт» (стр. 374). Но сейчас положение начало изменяться. «Несмотря на наши первоначальные успехи как культурных империалистов, нас все чаще критикуют другие, да и мы сами. Наши цели, стандарты, идеалы, или это, если угодно, — раздробились и спутались. Мы спрашиваем себя все более настойчиво, — кто мы такие, куда мы идем, и подлинно ли мы имеем право направлять жизнь других народов?» (стр. 374). Евро-американцы стараются самоопределиться и притом все более теряют старые ценности. Индивидуальные отклонения в поведении и в ценностях допускаются, как никогда прежде. «А раз это так, мы можем извлечь большую пользу, поняв пути других народов, хотя бы только для того, чтобы увеличить наши собственные потенциальные возможности и найти большее удовлетворение в стиле нашей личной жизни». «Не пришла ли наша очередь выбрать кое-что из чужих обычая, чтобы обогатить нашу жизнь или направить ее по другим путям?» (стр. 374—375).

Не довольствуясь общей формулировкой этой мысли, — уж и так достаточно смелой для современного американца, — Освальт разъясняет ее конкретными примерами. «Нельзя ли нам кое-чему поучиться в отношении материальных „потребностей“, подумавши о том, без чего обходились тасманийцы? Сможет ли автомобиль когда-либо обогатить нашу жизнь так, как лодка с балансиром обогатила пулуватцев (Каролинские о-ва.— С. Т.)? Не научат ли нас тода (Индия.— С. Т.) чему-то по части мирного

² A. Goldenweiser, *Early civilisation*, London — Calcutta — Sydney, 1922.

³ M. Herskovits, *Cultural anthropology*, N. Y., 1955.

образа жизни? Не сможем ли мы взглянуть на сексуальную жизнь в ином свете, узнав обычаи чукчей и кайнгангов?... Не принесет ли нам пользу сравнение политического строя инков с нашим собственным?» (стр. 375).

Отправляясь от общих установок культурно-релятивистской школы, Осволн доводит их до крайности и делает из них прямые практические выводы-рекомендации.

Всю остальную часть заключительной главы книги Осволн посвятил — нарушая логическую последовательность композиции — опять историографии, а именно, обзору прежних опытов классификации народов и культур. Выделены: «Ранние классификации» (примерно доморгаковская наука); «От дикости к цивилизации: Морган» (очень подробное изложение моргановской периодизации доклассового общества); «Этнические аналогии» (сравнительный метод и проблема регресса); «Уровни социальной сложности: Кун»; «Типы общности: Бердсли и др.»; «От общины до правления вождей: Сервис», «Классификация по культурным ареалам: Мэсон». Этот несколько сбивчивый и хронологически не выдержаный историографический обзор приводит автора к выводу, что наиболее надежную нить дает исследователю эволюционистская мысль. Осволну самому такой вывод кажется, видимо, слишком смелым, хотя он должен бы был знать, что понятие эволюции уже перестало быть одиозным в научной литературе США, и в значительной мере узаконено⁴.

...«Понятие эволюции,— подчеркивает Осволн,— есть одна из важнейших абстрактных идей, постигнутых в недавнее время человеком Запада» (стр. 380).

«Почему народы переходят с одного уровня на другой?» (стр. 396). Иначе говоря, что является движущей силой истории? Осволн вспоминает разные ответы, дававшиеся на подобный вопрос — от античной эпохи (Лукреций) до наших дней, идеалистические и материалистические теории. Ближе всех других, по его мнению, подошли к решению проблемы основоположники марксизма. «Карл Маркс и Фридрих Энгельс взяли в свои руки технологический детерминизм „Древнего общества“ и продвинули моргановский тезис гораздо дальше (Осволн упускает здесь из виду, что создатели революционного марксизма разработали свою теорию задолго до появления книги Моргана; хронологическая ошибка ведет в данном случае к серьезному искажению действительной идейной связи между марксизмом и моргановским эволюционизмом.— С. Т.). С развитием экономической производительности и частной собственности,— продолжает Осволн,— рабочие стали подвергаться эксплуатации, а религия стала служить средством оправдания социального порядка. Это была первая теория, в которой технология, социальная структура и функция были интегрированы для объяснения процессов изменения в культуре» (стр. 396, подчеркнуто мною.— С. Т.). Но и марксистское объяснение эволюции кажется Осволну недостаточно материалистическим: в нем якобы сохраняется остаток «менталистического идеала» (т. е. идеализма). Он видит этот «менталистический идеал» в том, что, по Марксу, «как только рабочие разовьются до понимания той системы, в которой они оказались, они смогут освободиться от этого шаблона и будут сознательно направлять свое будущее» (стр. 396).

С каких позиций критикует Осволн марксизм, порицая его за якобы недостаточную материалистичность? Очевидно, с позиций так называемого «экономического материализма», который не допускает фактора сознательности в историческом процессе!

Этот сжатый историографический обзор, неудачно помещенный в конце книги, и тем самым всю книгу Осволн заканчивает кратким выводом несколько скептического тона. «Многое писалось о классификации, но нет оснований верить, что какая-либо из существующих таксономий адекватно решает вопрос, почему происходил большой прогресс в культуре» (стр. 402). Зато гораздо яснее ответы на вопросы, где и когда происходило усложнение культуры, равно как и последовательность культурных достижений. И неудовлетворенный всеми, даже новейшими попытками дать научное объяснение силам прогресса, Осволн ищет решения вопроса в классическом эволюционизме и именно у Моргана. «Есть одна соблазнительная возможность,— говорит он,— вернуться к материалистической схеме культурной эволюции, предложенной Льюисом Генри Морганом. Мы рискуем потерять из виду один факт, им так хорошо подчеркнутый: человек есть культурное существо потому, что он есть технологическое существо. Ключ к переменам в существе человека явно лежит в технологических достижениях, все остальное — вторично. Где-то в области существа их технологии лежит ответ на вопрос: почему все люди таковы, каковы они есть» (стр. 402).

Так кончается эта любопытная — притом весьма солидная по насыщенности фактиами — книга, где столь оригинально сочетается доведенный до крайности релятивизм с попыткой вернуться к классическому эволюционизму, сдобренному технологическим детерминизмом.

C. A. Токарев

⁴ См. сб. «Evolution and anthropology, a Centennial appraisal», Washington, 1959.

В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. «Труды Мордовской этнографической экспедиции», вып. III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 101, М., 1973, 215 стр.

За годы Советской власти произошли коренные изменения в материальной и духовной культуре всех народов нашей страны. Давно ушли из быта многие традиционные элементы жилища, народной одежды, утвари, свадебной обрядности и др. В село прочно входит общесоветская городская культура. В этих условиях особое значение приобретает научная фиксация всех основных особенностей традиционной материальной и духовной культуры.

В равной степени это относится и к мордовскому народу, традиционной этнографии которого посвящена довольно обширная литература, в первую очередь созданная трудами советских этнографов. Среди этих работ видное место занимают исследования В. Н. Белицера. Более чем 17 лет (с 1953 по 1969 г.) она руководила работами Мордовской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, в которой принимали участие сотрудники Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Два первых тома материалов этой экспедиции, вышедшие в 1960 и 1963 гг., уже получили признание среди ученых. Рецензируемая книга является третьим, завершающим томом по этнографии мордовского народа. Книга посвящена изучению традиционной одежды мордвы. В ней рассказывается об изготовлении тканей, дается сжатая характеристика мужской народной одежды, тщательно анализируются многочисленные детали сложного женского народного костюма, говорится об украшениях, головных уборах девушек и замужних женщин, описывается обувь.

Но В. Н. Белицер не только описывает многочисленные, сложные и разнообразные элементы мордовского костюма. Она прослеживает их историческую преемственность, выясняет прототипы многих деталей народного костюма и на этой основе выделяет характерные для всего народа и его отдельных этнографических групп комплексы женской одежды. В книге использован обширный материал, собранный практически со всей территории расселения мордовского народа, а также многочисленные музейные экспонаты и литературные источники. Все это в сочетании с глубоким знанием традиционной этнографии народов Восточной Европы позволило В. Н. Белицер расширить и углубить проблему этногенеза мордвы, показать этническую специфику одежды у различных групп мордвы, а также выявить влияние на нее одежды соседствующих народов.

Автор, рассматривая историю развития отдельных элементов и частей народной одежды, делает интересные и убедительные ссылки на археологические источники, а также на сообщения исследователей XVIII—XIX вв. Таковы, например, объяснение происхождения поясных украшений типа *пулагая*, *пулокарса* и *кеска руцята*, имеющих ближайшие аналогии в марийском *юпинэ* и чувашском *хуре* (стр. 107); показ эволюции фибул типа *сольгам* (см. стр. 115); браслетов (запястий), кольца и перстней (стр. 127—128), накосников — *пулапунят* (стр. 133), ременных обор (стр. 176) и т. п. Эти примеры можно было бы умножить. Они свидетельствуют о серьезном историческом подходе автора к объяснению происхождения различных элементов одежды и украшений, многие из которых уходят своими корнями в глубокую древность вплоть до начала алано-инской эпохи, т. е. почти на три тысячи лет. Широкие этнографические параллели позволили В. Н. Белицер убедительно показать близость мордовского женского костюма к костюму других народов Поволжья, прежде всего марийцев, удмуртов, а также чувашей. В ряде мест своей книги (см. стр. 107, 115, 190, 195 и др.) автор справедливо отмечает наибольшую близость одежды чувашей к одежде финноязычных народов Поволжья. Поэтому несколько неубедительным звучит ее утверждение, что наследниками культуры волжских булгар «являются главным образом чуваши» (см. стр. 195).

Рецензируемая работа дает также возможность не только сопоставить археологические и этнографические материалы, что имеет первостепенное значение при этногенетических построениях, но и более надежно интерпретировать, а затем и реконструировать древний костюм, элементы которого лишь частично сохранились в археологических памятниках, а также объяснить назначение ряда предметов из погребальных комплексов.

Тщательное описание народной одежды, обуви и украшений, скрупулезный историко-этнографический анализ их дали возможность В. Н. Белицер говорить об общей основе народной одежды, характерной для всего мордовского народа в целом. Однако подчеркивая общую основу, на которой сложился мордовский народный костюм, автор говорит о большом разнообразии его локальных вариантов, связанных с различными условиями исторического развития отдельных групп мордовского народа и различным этнографическим окружением. В книге дана очень обстоятельная характеристика народного костюма как всей мордовы в целом, так и ее основных групп — эрзи, мокши, терюхан, каратаев и их локальных подразделений, чему посвящен специальный раздел (стр. 179—188). Здесь В. Н. Белицер, не ограничиваясь показом специфики выделенных ею комплексов народной одежды, выясняет причины возникновения указанных особенностей, связывая их с миграционными процессами и последующими взаимовлияниями.

Последняя глава книги, посвященная выявлению общих черт в одежде и технике изготовления тканей у мордвы и соседних народов, представляет наибольший интерес

для изучения этногенеза этих народов и в особенности мордовского народа. Волго-Камье издавна являлось местом сосредоточения различных по языку и культуре племен и народов. Ареалы их расселения отличались большой расчененностью, что характерно и для мордвы. Экономические и культурные связи отдельных групп мордовского народа были более тесными с русскими, татарами и чувашами, чем с другими группами своего народа. Все это способствовало интенсивным культурно-бытовым взаимовлияниям, а иногда и ассимилятивным процессам, приводившим к полному поглощению одного народа другим. Но и в таких случаях, как показывает автор, в материальной культуре можно отыскать следы жившего здесь ранее народа (на примере широкого распространения лаптей мордовского типа — стр. 171, некоторых видов головных уборов и т. п.). В. Н. Белицер, мастерски применяя сравнительный метод при анализе этнографического материала, устанавливает тесные культурно-бытовые связи мордвы с другими народами края, и не только современными — мари, чувашами, татарами, русскими и др., но и с жившими здесь в прошлом — скифами, сарматами, аварами, волжскими булгарами, кипчаками, половцами и др. Не отрицая правомерности столь давних параллелей, хотелось бы лишь заметить, что каких-либо точных данных о характере скифского и сарматского костюма и тем более о его общих элементах с древнемордовским археологи пока не имеют. Трудно также говорить о каких-либо контактах древней мордовы с аварами, ибо памятники последних в районе Среднего Поволжья пока не найдены. Не совсем правильно рассматривать половцев и кипчаков как два самостоятельных народа (стр. 189). Это разные названия (славянско-русское и тюркское) одного и того же народа. Наконец, говоря о тесных взаимоотношениях мордвы с тюркоязычными народами, следовало бы сказать о длительном соседстве мордвы с буртасами, сведения об одежде которых имеются в восточных источниках, а также с татарами-мишарями, в непосредственном контакте с которыми они живут много веков.

Выявляя в мордовском народном костюме следы различных влияний, автор прослеживает в нем три культурных пласта: древнейший, связанный с одеждой финноязычных народов края; средний, являющийся следствием влияния проникших сюда в разное время и осевших здесь тюркоязычных народов; поздний, связанный с активным воздействием русской культуры.

Последний пласт выделялся рядом исследователей. Как справедливо отмечает В. Н. Белицер, в некоторых местах, например в районе расселения терюхан, в восточных районах расселения мордвы, оказавшейся оторванной от основной этнической массы, влияние русских было настолько сильным, что русский народный костюм полностью вошел в мордовский быт и считался уже исконно мордовским. Автор приводит убедительные доказательства интенсивных русско-мордовских взаимовлияний на основе сравнительного анализа аналогичных элементов народного костюма мордвы и русских. При рассмотрении этого вопроса необходимо было бы более четко выявить ареалы влияний северно- и южнорусского комплексов. В работе в этом плане имеются некоторые неточности. На стр. 19, например, говорится, что в женском костюме мордвы есть параллели с южнорусским (у мокши), северным и среднерусским (больше у эрзи) костюмом, а на стр. 196 утверждается, что у мордвы распространен в основном народный костюм севернорусского типа. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что в ряде южных районов расселения русских (к югу от Бугульмы, в Саратовской области и др.) севернорусский комплекс отсутствовал. Русские не носили ни сарафана, ни других атрибутов севернорусского комплекса. По-видимому, не могло быть его и у соседствующего мордовского населения.

В заключении работы делаются краткие выводы об основных этапах развития народного костюма мордвы. Автор при этом правильно исходит из необходимости сопоставления этих этапов с основными периодами исторического развития мордовского народа. Однако нам думается, что В. Н. Белицер слишком упрощает эти периоды, сводя их только к домонгольскому, золотоордынско-татарскому, периоду вхождения районов, населенных мордвой, в состав русского государства, и советскому (стр. 198). Следовало бы выделить периоды более ранние, такие как общефинское время, волжско-финское, а также период формирования мордовской народности.

Автор справедливо говорит и о тех кардинальных изменениях, которые произошли в народной мордовской одежде за годы Советской власти. Несмотря на то что в настоящее время национальный костюм мордвы почти исчез из повседневного быта, он является источником для творчества современных художников-модельеров, которые, используя элементы традиционного покроя, красочные расцветки и орнамент, создают современные виды одежды.

Книга хорошо и интересно иллюстрирована. Отлично выполненные рисунки, схемы и карты не только дополняют описание, но и являются самостоятельными источниками. Цветные таблицы дают представление о яркой, самобытной культуре мордовского народа, о его богатом художественном вкусе.

Исключительную ценность имеет терминологический словарь, составленный на основе полевых материалов и литературных источников. Он дан на языках эрзи, мокши, каратаев и терюхан. Значение его, как своеобразного исторического источника трудно переоценить. Словарь дает возможность судить и об общих путях развития народа, и о культурно-бытовых особенностях развития его отдельных групп, и о различных этнокультурных взаимоотношениях и т. п.

Оценивая монографию В. Н. Белицер в целом, следует отметить, что этот капитальный труд открывает новую страницу в изучении этнографии и этнической истории мордовского народа. Исследование В. Н. Белицер будет полезно не только этнографам, но и археологам, языковедам, историкам, занимающимся изучением сложной истории многонационального Поволжья.

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков

Ю. А. Сем. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973, 313 стр.

Нанайцы (гольды) — самая многочисленная народность среди малых народов Советского Дальнего Востока. Естественно, что их жизнь и быт издавна привлекали внимание исследователей. В этнографической литературе имеется немало работ, посвященных нанайцам¹, но среди них нет ни одной, в которой с достаточной полнотой характеризовался бы вклад, внесенный этой маленькой народностью в развитие общечеловеческой культуры.

И вот, наконец, такая работа появилась. Автор ее — известный дальневосточный этнограф Ю. А. Сем, собравший и обработавший уникальный материал, посвященный материальной и духовной культуре, а также социальной истории не только нанайцев, но и других малых народов южной части Советского Дальнего Востока.

В рецензируемой книге, являющейся по замыслу автора лишь первой частью многотомного труда, на широком историческом фоне всесторонне исследуется материальная культура нанайцев со второй половины XIX в. до наших дней. Но фактически рамки монографии значительно шире. По словам ее автора, «для лучшего понимания отдельных сторон материальной культуры нанайцев в их историческом развитии даются экскурсы в более ранние эпохи, вплоть до глубокой древности» (стр. 5). Богатейший материал, находящийся в руках Ю. А. Сема, позволил ему сравнивать материальную культуру нанайцев с материальной культурой соседних или родственных им народностей и племен, с которыми нанайцы имели многовековые экономические и культурные связи. Благодаря такому широкому подходу к исследуемой теме автор сумел глубоко рассмотреть все поднятые им проблемы, рассмотреть культуру нанайцев в историческом развитии, проследить их этнокультурные связи с соседними племенами и народами. Исследователя интересуют все аспекты материальной культуры изучаемой народности — поселения и разного назначения постройки, плаща и утварь, пути сообщения и средства передвижения, одежда и украшения.

Первую главу Ю. А. Сем посвящает анализу работ своих предшественников, вто- рую — характеристике естественно-географических условий, в которых живут нанайцы.

В главах III—IV обстоятельно рассмотрены различные аспекты материальной культуры нанайцев, причем каждая глава насыщена ценных сведениями, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Так, описывая жилища нанайцев, Ю. А. Сем указывает на черты, роднящие их с жилищами ульчей, нивхов и других народностей Дальнего Востока. Вместе с тем, он отмечает, что у нанайцев землянки имели в плане форму прямоугольника, подобную чжурчжэньским, а у нивхов — круглую, овальную. Приход русских на Амур и Уссури ознаменовался появлением у нанайцев жилищ со стенами, сложенными из бревен. Переход от зимника национальной конструкции к срубным постройкам русского типа не был, по мысли автора, простым механическим заимствованием. Нанайцы сумели и в срубные постройки внести немало национального своеобразия, что отразилось в форме оконных проемов, в орнаменте карнизных досок над окнами, в особой канавой системе отопления жилища и в некоторых деталях интерьера. Раньше считалось, что канавая система отопления была заимствована народами Дальнего Востока у китайцев. Ю. А. Сем убедительно доказывает, что эта система отопления существовала на Амуре, в Приморье еще у неолитических племен, живших в условиях холодной зимы. Этот вывод его основывается на археологических раскопках, производившихся А. П. Окладниковым в 1961—1963 гг. на месте современного нанайского селения Кондон (стр. 37).

¹ И. А. Лопатин, Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования, «Записки Общества изучения Амурского края», т. XVII, Владивосток, 1922; Г. Д. Куренков, Материалы по этнографии гольдов, вып. I. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюденных явлений, введение к детальному их описанию, Верхнеудинск, 1918; В. Диосеги, Берестовая посуда у манджуру-тунгусов и методы ее изготовления, «A Néprajzi Múzeum Füzetei», № 11, Budapest, 1950; I. A. Lopatin, The natives of the Amur Region, «El Palacio», vol. XLVI, № 6, New Mexico, 1939; O. Lattimore, The Gold tribe «Fishkin Tatars» of Lower Sungari, «Memoirs of the American Anthropological Association», 1933, № 40; Лин Чунь-шэн, Сунгарицаэн сяюды хэчжэцзу, т. I, Нанкин, 1934.

Жилища нанайцев автор подразделяет на постоянные и временные. Известны им были подземные, полуподземные и наземные жилища. По технике сооружения жилища были каркасными, позже им на смену пришли срубные. Автор делает важный вывод: «Столь широкое многообразие форм и типов жилищ, хозяйственных и промысловых построек было вызвано, с одной стороны, сложным этническим составом компонентов, вошедших в состав нанайцев, во-вторых, взаимовлиянием культур народов Амура с народами тайги и более южных районов» (стр. 103). Описывая современные жилища нанайцев, автор подчеркивает, что «процесс оседания нанайцев, вызванный социалистическим строительством, привел к коренным изменениям в постройках, планировке селений, внутреннем убранстве; созданы благоприятные условия для здорового быта, культурного подъема народности» (стр. 104).

В этой же главе Ю. А. Сем подробно описывает и хозяйствственные постройки на-найцев: амбары, сушкила, вешала, шалаши, коровники, конюшни, промысловые по-стройки, а также ритуальные сооружения.

В главе IV «Пища и утварь» автор приводит интересные данные о традиционных блюдах нанайцев и различной утвари, изготавливавшейся из глины, фарфора, металла, дерева и бересты. Впервые в научный оборот вводятся сведения о пяти способах разделки кеты, десяти вариантах приготовления юколы, разновидностях повседневной и ритуальной посуды. Ю. А. Сем не только подробно описывает посуду и утварь нанайцев, но дает художественный анализ бытовых предметов. И это не случайно. Многие пред-меты нанайского быта одновременно являются и замечательными произведениями на-родного ремесла. Нанайские мастера тонко чувствовали материал, умели максимально использовать его естественные декоративные качества, хорошо владели искусством орна-ментики.

Ценный вклад в науку — глава V «Пути сообщения, способы и средства передви-жения», в которой Ю. А. Сем описывает разнообразные водные средства передвиже-ния, созданные многими поколениями отважных рыболовов. Всю силу таланта, умение и навыки гольд вкладывал в изготовление лодки, которая в народной мифологии мыс-лилась живым существом. Как пишет автор, испокон веков рыбакам были известны плоты, долбленики, лодки каркасные и составные, а затем, с приходом русских, и лодки кильевые.

Не меньшее значение в жизни нанайцев имели сухопутные средства передвижения — лыжи и нарты, а с конца XVIII в. — лошадь и вместе с ней — сани и телега. Рассмотренные средства сообщения свидетельствуют о наличии по крайней мере двух пластов в материальной культуре нанайцев — дотунгусского и тунгусского.

Как известно, до настоящего времени нет специальных исследований об одежде и украшениях нанайцев. Поэтому особый интерес представляет последняя, шестая глава книги, посвященная этому вопросу. Впервые в этнографической литературе, посвящен-ной нанайцам, автор описывает разновидности женской традиционной одежды. «Мате-риалы, собранные нами в полевых условиях, — пишет Ю. А. Сем, — а также свиде-тельства путешественников XIX — начала XX в. позволяют прийти к выводу, что женская одежда так же, как и мужская, подразделяется на повседневную, празднич-ную, погребальную и ритуальную. Каждая из них отличается материалом, из которого она шилась, покроем, украшением» (стр. 212).

В этой главе автор подробно анализирует комплекс мужских и женских украше-ний, показывает отличие прически нанайцев от причесок других народностей Амурского бассейна, дает описание одежды шаманов и должностных лиц. Автор делает интерес-ный вывод о том, что «генетически одежда нанайцев имеет два больших этнокультур-ных пласта — тунгусский и аборигенного населения Приамурья, Приморья и Северной Маньчжурии» (стр. 248).

Большое достоинство рецензируемой книги — научный аппарат (указатели — имен-ной, этнографический и предметный) и этнографический словарь нанайцев, содер-жащий свыше 1200 терминов (стр. 257—294), большинство которых вводится в научный оборот впервые. К сожалению, автор не указал, какие термины записаны им, а какие заимствованы из других источников.

Однако книга не лишена и некоторых недостатков. Автору следовало, на наш взгляд, более подробно и обстоятельно осветить нанайские ремесла, тем более что у него в руках уникальнейший материал по этому предмету.

Неприятное впечатление оставляют некоторые иллюстрации, выполненные недо-статочно квалифицированно (стр. 15, 21, 75, 93, 159, 183, 195 и др.). Хотелось бы знать, какие иллюстрации сделаны самим автором, а какие заимствованы и откуда. Может быть, к иллюстрациям следовало бы дать более развернутые подписи.

Однако указанные проблемы «незначительны и не умаляют бесспорных достоинств рецензируемой работы. Этнографическая литература по народам СССР пополнилась ценным исследованием, имеющим большое общественное звучание. Приходится сожа-леть только, что из-за малого тиража (1500 экз.) книга не сможет быть прочитана каждым, кого интересуют проблемы культуры и быта малых народностей Советского Дальнего Востока.

Н. В. Кочешков

Задача рецензируемой книги — помочь сотрудникам музеев при атрибуции и обработке материала по народному костюму. За многие годы в краеведческих и некоторых центральных музеях собраны богатые коллекции народной одежды. Однако установить время и место бытования того или иного костюма иногда бывает затруднительно, поскольку отсутствуют картотеки предметов народной одежды, многие экспонаты не аннотированы, их датировка также бывает неудовлетворительной.

В рассматриваемом определителе выделены несколько историко-этнографических регионов, что обусловлено расселением русских и ряда других народов на территории Европейской части России и исторически сложившимися здесь комплексами одежды, близостью покрова, используемых материалов, особенностями декоративного решения и другими признаками.

Костюм народов Европейской России рассматривается по следующим регионам: Центральный район, Лесостепной район, Юго-Восток, Европейский Север, Среднее Поволжье и Приуралье, Дон и Северный Кавказ. В Центре Европейской части России выделяются: Промышленный центр, северо-западные, западные и южные губернии.

Особый интерес вызывает материал, посвященный одежде народов Европейского Севера, Среднего Поволжья и Приуралья — коми, коми-пермяков, карел, мордвы, удмуртов, марийцев, чувашей, поволжских татар, башкир.

Авторы приняли единую схему изложения материала: рассматривается мужская и женская одежда, мужские и женские головные уборы, мужская и женская обувь, что позволяет создать впечатление о народной одежде как об ансамбле. В главе «Русские Среднего Поволжья и Приуралья» выделены разделы о тканях, из которых изготавливались одежда.

В книге имеется приложение, где содержатся некоторые сведения по истории русской народной одежды. Несомненный интерес представляет и приведенный в конце Определителя список литературы.

Иллюстративный материал дает понятие о видах и формах одежды, ее конструктивно-декоративных решениях. Народный костюм в иллюстрациях показан как ансамбль, включающий головной убор, обувь, украшения.

Однако, по-видимому, иллюстрации было бы целесообразнее распределить в соответствии с главами или поместить в самом конце книги. Вызывает сожаление невысокое качество печати и отсутствие цветных вкладок. Следовало бы часть фотографий заменить чертежами. Это позволило бы точнее передать форму, покой, колорит, декор костюма.

Рецензируемая книга задумана как руководство для музеиных работников. Однако она, безусловно, может быть использована более широким кругом специалистов. Это полезное пособие для студентов-этнографов, для художников-костюмеров и конструкторов, проектирующих современную одежду.

Приходится пожалеть, что книга вышла небольшим тиражом.

Ф. М. Пармон

Дзіцячы фольклор. Складальнік Г. А. Барташевіч. Мінск, 1972, 763 стр.

Внимание к детскому фольклору, несколько оживившееся за последнее время, вполне закономерно. Являясь одной из самых малоисследованных областей народного творчества, он настоятельно требует тщательного изучения и сориентации.

Многочисленные дореволюционные материалы как русского, так и белорусского и украинского детского фольклора, собранные и опубликованные П. В. Шейном, А. Ф. Можаровским, Е. А. Покровским, Л. П. Косач, (Леся Українка), Е. Р. Романовым и др.; записи 30—40-летней давности (Г. С. Виноградов, О. И. Капица и др.), а также современные публикации, разбросанные по различным изданиям, до сих пор не были систематизированы.

Рецензируемый сборник представляет собой по существу первый свод белорусского детского фольклора, включающий более 1100 образцов самых разнообразных жанров. В книгу вошли многочисленные современные записи, не публиковавшиеся ранее архивные материалы, лучшие образцы из различных дореволюционных сборников белорусского народного творчества. Сборник снабжен добрым научным аппаратом: вступительными статьями — «Детский фольклор» (автор Г. А. Барташевич) и «Детская песня» (автор В. И. Елатов), подробным комментарием, именным и географическим указателями. Необычайно важны также нотные приложения к отдельным текстам и статья, посвященная мелодике детской песни; ибо своеобразие детского песенного творчества

нередко приводит к невозможности выяснения специфики того или иного жанра без учета таких важнейших признаков, выделенных еще В. Я. Проппом, как форма исполнения и отношение к музыке¹.

В первой вступительной статье не только дается общая характеристика жанров, включенных в сборник, но и освещается история собирания и изучения белорусского детского фольклора.

Начавшееся в первой половине XIX в. собирание и изучение белорусского детского фольклора прежде всего связано с именем крупнейшего дореволюционного собирателя П. В. Шейна. В настоящую антологию составители включили 94 текста из его сборников. Богато представлено в ней и наследие Е. Р. Романова — более 120 текстов, В. М. Добровольского — около 80 текстов и др. В 20-е годы XX в. наиболее целенаправленно собиранием белорусского детского фольклора занимался А. Гриневич. Его записи также вошли в рецензируемый сборник. И наконец, сборник содержит фольклорные записи, сделанные в последние два-три десятилетия.

Уже первые собиратели пытались выделить детский фольклор в самостоятельную область. Однако им мешало то, что не было единого взгляда на само понятие «детский фольклор», а в связи с этим отсутствовала и подлинно научная классификация. Трудности, обусловленные недостаточным количеством материала и слабой теоретической разработанностью этой области фольклора, не преодолены и на сегодняшний день, что сказалось на некоторых положениях статьи Г. А. Барташевича. Говоря о широте термина «детский фольклор», объединяющего все виды устной народной поэзии, созданной взрослыми для детей, творчество самих детей, а также творчество взрослых, со временем перешедшее к детям, собиратель замечает: «Такая разнородность детского фольклора вызвала необходимость его классификации в зависимости от функциональной роли, которая в свою очередь основывается на художественных особенностях разных видов детского фольклора» (стр. 8).

Г. А. Барташевич, принимая классификацию детского фольклора, предложенную В. А. Василенко, подразделяет его на три основные группы: колыбельные песни; «произведения, связанные с игровыми действиями»; «произведения, которые занимают детей своим поэтическим содержанием и употребляются независимо от игры» (стр. 9).

Эта классификация нуждается в серьезных уточнениях и не может быть принята безоговорочно. Отделяя песни, не связанные непосредственно с игрой, от собственно игрового фольклора (игр и примыкающих к ним «игровых прелюдий»), авторы невольно противопоставляют эти две группы. А между тем и песни-небылицы, и заклички и приговорки, и дразнилки — жанры тоже игровые по своей природе.

Сборник состоит из следующих разделов: 1) колыбельные песни, потешки (калыханки, забаулянки); 2) песни, заклички и приговоры, дразнилки (песні, заклічкі і пригаворы, дражнілкі); 3) считалки, игровые песни (лічильки, гульки).

Выделяя в первую группу колыбельные песни, исследователь замечает, что они очень рано обратили на себя внимание белорусских фольклористов, активно записывались и изучались. В сборник включено более 300 колыбельных песен, разнообразных по тематике и ритмико-мелодической структуре, отличающихся большой вариативностью.

Особенностью образной системы колыбельных песен, обусловленной их основной функцией — стремлением матери усыпить, убаюкать ребенка, объясняется плавная, укачивающая мелодия (в такт погружению люльки) и своеобразная интонация — определяющие признаки жанра. Поэтому особенно важными оказываются подробные описания мелодики этих песен, их интонационных и ритмических особенностей, отмеченные музыковедом В. Елатовым.

Современные записи свидетельствуют не только о бытовании жанра, но и о некоторых изменениях, происходящих в белорусской колыбельной песне.

Например, песни, содержащие архаические мотивы сна и дремы, практически не встречаются среди современных текстов. Меняется ритмика и мелодика песен. Составители отмечают влияние профессиональных форм музыкального искусства на мелодический строй белорусской колыбельной песни.

Кроме колыбельных песен «поэзия пестования» представлена в сборнике так называемыми забавлянками, или потешками (более 100 текстов).

Большое место в сборнике занимают песни-небылицы, заклички и приговоры. Нотные приложения, а также подробный комментарий музыковеда раскрывают особенности мелодики белорусских небылиц. Интересны замечания составителей о метрико-ритмической структуре закличек и приговорок как основного, определяющего признака жанра.

Игры и считалки (по терминологии Г. С. Виноградова, «игровые прелюдии»), условно объединяемые в игровой фольклор, завершают сборник.

Считалки наряду с дразнилками — один из самых популярных жанров. Тексты (их около 200), помещенные в сборнике, свидетельствуют о постоянном развитии и изменениях репертуара считалок, обогащении их лексики, появлении новых понятий.

¹ В. Я. Пропп, «Принципы классификации фольклорных жанров», «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 149.

Не менее полно и интересно собрание игр, включенных в сборник. Это и хороводные игры, и спортивные, и игры с приговорами, и т. д. Собиратель довольно подробно прослеживает историю изучения жанра, пытается обозначить специфику белорусских детских игр.

Итак, перед нами фундаментальное собрание детского фольклора. Значение этого сборника выходит далеко за пределы белорусской фольклористики. Он в равной степени представляет интерес и для исследователей русского детского фольклора, прежде всего тем, что в детском фольклоре восточных славян много общего, что, кстати сказать, отмечает в предисловии Г. А. Барташевич, к тому же антологией подобного масштаба русские фольклористы пока не располагают. Более того, это одна из крупнейших антологий детского фольклора не только в восточнославянской, но и в славянской фольклористике в целом. Однако даже эта книга при всем богатстве и многообразии материала не отражает полной картины современного состояния белорусского детского фольклора. Вне поля зрения остались такие популярные жанры, как страшные истории, или страшилки, детские частушки и загадки, щекольный и пионерский фольклор. Вероятно, необходимо длительное собирание и кропотливое изучение детского фольклора, необходимы новые сборники. Радует то, что первые шаги уже сделаны. Одно из лучших тому доказательств — сборник белорусского детского фольклора.

Е. М. Гин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мундженский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972, 474 стр.

Мундженский язык относится к так называемым памирским языкам, входящим в состав восточноиранской ветви иранских языков. Памирские языки распространены на Памире и в Восточном Гиндукуше на небольшой территории, входящей в состав трех государств. Это Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР вдоль советско-афганской границы по правому берегу р. Пянджа, территория на левом берегу Пянджа (Афганистан) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР). На памирских языках говорят всего около 60 тыс. чел. Большая часть памирских языков (шугнано-рушанская группа, ваханский, ишкашимский) представлена как в СССР, так и в Афганистане; язгулямский язык бытует только на территории СССР, мундженский — только в Афганистане, сарыкольский — в Синьцзяне. Исследование памирских языков в широких масштабах началось в СССР сравнительно недавно, с конца 50-х годов, и ведется в настоящее время в Москве, Ленинграде и Таджикистане¹.

Рецензируемая книга — крупное событие, отражающее успехи, достигнутые в этой области.

Сложность изучения мундженского языка заключается в том, что он бытует на территории Афганистана в труднодоступной горной области. Первые европейцы появились в Мунджене лишь в 1924 г. Это были советские ученые Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Литература по мундженскому языку очень скучна. Несколько работ конца XIX в., посвященных этой проблематике, содержали весьма мало конкретных данных. В 1927 г. было опубликовано обстоятельное исследование И. И. Зарубина². Его книгу А. Л. Грюнберг называет «наиболее значительной из имеющихся до сего времени публикаций по собственно мундженскому языку» (стр. 13). В ней дан подробный комментарий и мундженскому тексту, имеются словарь и небольшой очерк фонетики и морфологии мундженского языка. Необходимо также упомянуть работу известного норвежского ученого Г. Моргенстерье³.

¹ В. С. Соколова, Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959; Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык, М., 1959; В. С. Соколова. Бартангские тексты и словарь, М., 1960; И. И. Зарубин, Шугнанские тексты и словарь, М., 1960; Д. Карамшоеев, Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963; М. Файзолов, Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966; Т. Н. Пахалина, Сарыкольский язык, М., 1966; Д. И. Эдельман, Язгулямский язык, М., 1966; В. С. Соколова, Генетические соотношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, М., 1967; Д. И. Эдельман, Язгулямско-русский словарь, М., 1971; Т. Н. Пахалина, Сарыкольско-русский словарь, М., 1971.

² И. И. Зарубин, К характеристике мундженского языка, сб. «Иран», Л., 1927.

³ G. Morgenstierne, Yidgh-Munji, «Indo-Iranian frontier languages», vol. II, Oslo, 1938.

Оба автора делали свои записи со слов выходцев из Мунджана — И. И. Зарубин в Таджикистане, а Г. Моргенштерн в Читрале (современный Пакистан).

В рецензируемой книге анализируются полевые материалы, собранные автором в результате работы среди выходцев из Мунджана, а также в малоисследованных районах Афганского Гиндукуша, где живет мундженоязычное население. А. Л. Грюнберг, как он пишет в предисловии, начал заниматься мундженским языком в 1966 г. (в то время он был переводчиком в геологоразведочной партии Министерства геологии и горного дела Афганистана). В 1967 г. он побывал в Мундже в составе золотоисковой партии и посетил все мундженские селения, за исключением кишлака Хюлэй.

Важным итогом изучения мундженского языка явилось выделение в нем трех говоров — нижнего, центрального и верхнего. Информаторы А. Л. Грюнберга сообщали ему, что в кишлаке Хюлэй бытует четвертый говор, но точных сведений о нем получить не удалось. Большинство приведенных в книге материалов относится к центральному говору, распространенному в селениях Слэзмина, Газ и Вильва.

В нашей рецензии мы более подробно остановимся на приведенных в книге текстах, так как многие из них содержат интересные этнографические сведения.

Большой интерес представляет раздел, в котором приведено 11 сказок. Среди них волшебные, бытовые и сказки о животных. Вообще в Мундже записаны главным образом волшебные сказки. А. Л. Грюнберг во введении к этому разделу пишет: «Специфически мундженского сказочного фольклора, по-видимому, не сохранилось. Сказки бытуют как на мундженском, так и на персидском языке, сюжеты большинства из них являются традиционными по крайней мере для всего Бадахшана» (стр. 18).

Сказки по объему не очень велики, большинство из них состоит из 30—35 предложений. Лишь в одной сказке — «Мудрая девушка» — насчитывается 85 предложений.

В следующем разделе помещено более 40 рассказов, записанных у местных жителей. Следует учитывать, что, публикуя сказки и рассказы, составитель преследовал чисто лингвистические задачи — представить образцы мундженской связной речи. Тем не менее в опубликованных текстах содержится много интересных сведений о жизни местного населения: об истории края, отношениях с соседями, работе на рудниках.

Многие из опубликованных рассказов содержат важные для этнографов данные о хозяйстве мундженцев («Скотоводство в Мундже», «Год скотоводства», «Удобрение и орошение», «Жатва», «Охота»), об их пище («Курут», «Хлеб», «Пища»). Большой интерес представляет описание обычаем, связанных с семейной жизнью мундженцев («Рождение сына и обрезание», «Сватовство и свадьба», «Похороны»), а также очень любопытных с этнографической точки зрения местных праздников *стаджика*, *тимиди*, *кусмэлу*. Первый из них — праздник мальчиков. Дети ходят по селению и собирают различную еду; ночью они веселятся в каком-либо доме, варят яйца, горох. Гуляя утром по селению, они поют *бабизук*, обычно на таджикском языке. *Инимиди* — женский праздник. Он устраивается три раза в год для женщин, вышедших замуж: один раз на Ноуруз (на Новый год), второй — в то время, когда созревает ячмень, и в третий — осенью. Молодая женщина получает в подарок 20 лепешек, масло, мясо. *Кусмэлу* — праздник созревания ячменя. Во время этого праздника собираются вместе соседи и устраивается угощение.

Несколько текстов посвящено живущим по соседству с Мундженом нуристанцам (кафирям). Для этнографа весьма интересно, как воспринимается совершенно особый быт этого народа их соседями-мундженцами.

Публикуемые в книге тексты снабжены довольно подробными комментариями, в том числе и этнографическими. В этих комментариях показаны многие черты быта мундженцев и других народностей Приганджкушья.

В основу словаря, занимающего в книге более 130 страниц, легли материалы, которые автор собрал сам и почерпнул из литературы, главным образом из работ И. И. Зарубина и Г. Моргенштерн. В словарь включена почти вся мундженская лексика, в том числе топонимика, географическая, ботаническая и зоологическая терминология, термины, отражающие быт мундженцев. Все это придает словарю большую ценность как с точки зрения языкоznания, так и этнографии. Анализ словаря показывает, что в мундженском языке широко распространена афганская и персидская лексика. Последняя составляет около половины словарного состава, зафиксированного автором.

Не останавливаясь подробно на грамматическом очерке, помещенном в конце книги, отметим только, что это наиболее полное описание грамматического строя мундженского языка в советской научной литературе.

В книге помещено 12 фотографий, сделанных автором в Мундже: характерные для этой горной области ландшафты, местные жители в традиционной одежде, прядка, мельница, дом для гостей и т. д. Большую ценность представляет карта Мундже с обозначением языков и говоров. На карту нанесен также маршрут, проделанный автором.

Выход в свет книги А. Л. Грюнберга — важное событие в востоковедении.

В. Н. Кисляков

НАРОДЫ АФРИКИ

«Etudes Maliennes. Revue périodique de l'Institut des Sciences Humaines». Bamako, 1970—1973, №№ 1—7.

В 1970 г. в Бамако, столице Республики Мали, вышел в свет первый номер журнала «Малийские исследования». Следующий номер появился почти тремя годами позже. С этого времени журнал начал выходить регулярно, четыре раза в год.

В «Обращении к читателям» (№ 2, 1972) редакция подчеркивает, что «Малийские исследования» — это популярный журнал, но вместе с тем и научное издание, а именно печатный орган Института гуманитарных исследований ведущего научного учреждения Республики Мали). Директор этого института — крупный малийский ученый Мамаду Сарр — является ответственным редактором журнала.

Круг вопросов, которые предполагается освещать в этом издании, очень широк. Вот как он очерчен в том же «Обращении к читателям»: социально-экономические вопросы (география, экономика, социология); история цивилизации (история, археология, антропология, этнография); вопросы лингвистики (изучение языков и устной традиции) и, наконец, любые исследования научного и технического характера, касающиеся Мали, Африки, а при случае и неафриканских стран. Редакция обратилась ко всем специалистам с просьбой присыпать для публикации результаты своих исследований.

Как же реализуется программная установка редакции? В нашем распоряжении имеется семь номеров «Малийских исследований» за 1970—1973 гг. За исключением № 4, носящего монографический характер, все номера — сборники статей. В них редакция придерживается распределения статей по четырем рубрикам: «История и культура», «Социология и экономика», «Естественные науки и техника», «Информационные материалы». При этом проблематика, объединяемая в рамках этих рубрик, достаточно широка и разнообразна. Начнем наш краткий обзор с первого раздела.

Фр. Ндиайе, ассистент парижского Музея человека¹, поместил здесь статью «О дверях и замках у догонов» (№ 2, стр. 17—20). Это небольшое «исследование», как назвал его автор, содержит данные о различных системах дверных запоров у догонов, используемых в жилищах, хранилищах зерна и продуктов, а также в святынях. Интересны названия некоторых замков, указывающие на функциональное назначение этих помещений, которые они охраняют (например, помещения для жен), а также описания скульптурных украшений, в некоторых случаях антропоморфных. К сожалению, в статье отсутствуют иллюстрации. Наоборот, хороший иллюстративный материал сопровождает статью Фредерика де Сент-Мишель «Музыка в районах, заселенных манде» (№ 5, стр. 60—68) (почему-то эта статья печатается в разделе «Естественные науки и техника»). С давних пор и до настоящего времени музыка сопровождает жизнь народов манде, музыка — это и эпические сказания, и исторические повествования, и описание генеалогии великих мира сего. Музыкой пропитаны трудовые будни манде и их тайные церемонии. Автор статьи дает подробное описание наиболее типичных мандингских инструментов — струнных (кора, симби, болон, нгони), ударных (бала — вид ксилофона) и целой семьи барабанов (дуну, джимби, нтамани). Автор подробно описывает манеру игры на этих инструментах, а также дает характеристику мандингской гаммы, ритма и мелодии. В заключение говорится о необходимости признания мандингской музыке нового направления и о создании «народных оркестров», включающих инструменталистов и вокалистов.

В этом же разделе печатается статья Я. А. Кулибали, директора Национального музея Мали, «Бамбара: формирование личности» (№ 2, стр. 21—32). Автор описывает шесть мужских тайных союзов, порядок восхождения по этим ступеням и говорит о тех изменениях, которые претерпел институт тайных союзов в наше время. Я. А. Кулибали указывает название каждой из этих организаций на языке бамбара и дает этиологию таких названий, что очень важно для понимания их сущности. Ввиду недостатка места автор подробно останавливается лишь на двух ступенях — начальной и конечной, которые проходят в своем обучении мужчины бамбара. Говоря о задачах и структуре тайных союзов *ндоло* и *коре*, автор описывает праздники посвящения, особо останавливаясь на функциональном назначении, форме и виде масок, а также на материале, из которого они сделаны. В заключительном разделе статьи рассматриваются деревянная и металлическая скульптура бамбара и ее религиозное и развлечательно-бытовое назначение. Здесь снова можно пожалеть, что автор не сопровождает свою статью иллюстрациями.

Статья «Гадание: теомансия в Беледугу» (№ 5, стр. 45—54) написана Иссой Баба Траоре на основе собственных полевых материалов и работ других исследователей. Население Беледугу в Мали — в основном анимисты, среди которых особенно распространено гадание на песке.

¹ Сведения об авторах даются нами в тех случаях, когда они приведены в рецензируемом журнале.

Для этнографов представляет интерес также сообщение Я. А. Кулибали «Сенуфо и миньяка» (№ 5, стр. 1—15), в котором затрагиваются разные стороны материальной культуры и социальной организации двух близкородственных этнических групп, живущих на территории Республики Мали.

Призываю звучит название статьи Сидибе Умара Траоре — «Целина для историков — происхождение итние» (№ 5, стр. 16—17), в которой затрагивается проблема этногенеза итние, одной из групп населения округов Дире и Гундам.

Статья научного сотрудника Института гуманитарных исследований Мали Бокари Сиссе «Бабемба и конец Кенедугу» (№ 2, стр. 33—39) посвящена одному из эпизодов сопротивления завоеванию страны французскими колонизаторами в конце XIX в. Исследование Б. Сиссе основано на архивных материалах. Тот же автор в другом номере журнала (№ 5, стр. 18—34) поместил статью «Фульбе в Западном Судане: происхождение и частично хронология вождей Масини».

В журнале опубликованы две статьи английского ученого Дж. Свифта, посвященные исследованию кочевого образа жизни и землепользования у туарегов (№ 2, стр. 49—58; № 6, стр. 35—44). Эти статьи написаны на основе полевых материалов, собранных автором в северных районах Мали.

В «Малийских исследованиях» сотрудничает также американский этнограф Н. С. Хопкинсон. Он опубликовал статью по проблемам урбанизации: «Кита — малийский город» (№ 6, стр. 1—26).

Археологическая наука представлена статьей «Тогеренская культура на Севарской равнине» (№ 2, стр. 2—16), написанной М. Сарром, не только возглавляющим малийский Институт гуманитарных исследований, но и являющимся крупным специалистом в области истории и географии. В статье рассказывается об археологических находках, сделанных на не затапливаемых во время половодья возвышенностях к северо-западу от г. Севаре (округ Мопти) — поселениях Тогере I—IV. Работа снабжена фотографиями; рисунками и схемами.

Вторая группа статей условно объединена под рубрикой «Социология и экономика». Статья М. Диопа «О зарождении и развитии пролетариата во франкоязычной Западной Африке» (№ 2, стр. 40—48) содержит интересные статистические данные. Автор считает, что источниками происхождения пролетариата были рабы, ремесленники, солдаты и военнопленные. Разбив франкоязычные страны на три группы в зависимости от их социально-экономической ориентации, автор показывает в таблицах, как рос пролетариат. Из приведенных данных видно, что за последние 10—20 лет пролетариат увеличился почти вдвое. Статья снабжена библиографией.

В статье Д. Блено и Ж. Ла Коньята, преподавателей Высшей нормальной школы Бамако, «Эволюция населения Бамако» (№ 3, стр. 26—46) показаны этнический состав и возрастная структура населения малийской столицы за три периода: 1945—1958, 1958—1960 и 1960—1966 гг. В 1968 г. большую часть населения составляли бамбара (28,5%) и малинке (19,4%). В заключение приводятся библиографические данные по демографии Бамако.

Преподаватель географии в Высшей нормальной школе Бамако Роккяту Ндияе Кейта опубликовал работу «Людские ресурсы: Мали» (№ 7, стр. 13—35). Кратко остановившись на древнем населении страны и его эволюции, автор переходит к описанию современной демографической структуры и к перспективам развития народонаселения.

Более частному вопросу — миграции сараколле во Францию — посвящена статья Марии Терезы Абела де ла Ривьера (№ 7, стр. 1—12). Во введении автор пишет, что из всех сараколле, работающих во Франции, две трети — уроженцы г. Каеса в Мали. Проследив причины и механизм миграции сараколле во Францию, автор высказывает мнение, что это явление имеет для Мали нежелательные последствия: рабочие-африканцы часто заболевают во Франции профессиональными болезнями и возвращаются на родину инвалидами; семьи из-за долгой разлуки супругов распадаются; отсутствие части взрослого мужского населения причиняет ущерб развитию животноводства. Говоря о будущем, автор считает, что, если наряду с увеличением производства риса, хлопка и арахиса в округе Каеса будет начато выращивание проса и развернется торговля рисом, мужское население сараколле перестанет покидать родную страну. Кроме того, техническое обслуживание населения (ремонт часов, транзисторов и пр.) тоже потребует некоторого числа рабочих рук.

К статьям третьего раздела, «Естественные науки и техника», относится работа сотрудника Института фитотерапии и народной медицины М. Кумаре «Традиционная медицина и медицина современная» (№ 2, стр. 54—55). Автор приветствует возрождение интереса к народной медицине, методам лечения травами и растениями, говорит о задачах, которые стоят перед современной фитотерапией, получившей сейчас в Мали официальное признание. Тот же автор опубликовал «Предварительные заметки о случаях острого отравления в Мали» (№ 5, стр. 55—59), в которых привел статистические данные об алиментарных и медикаментозных отравлениях. Очень ценные для широкого читателя содержащиеся в статье рекомендации по предупреждению таких отравлений.

Под рубрикой «Естественные науки и техника» печатается также статья Генерального директора высшего образования и научных исследований в Мали Б. Хайдара «Завоевание космоса и связанные с этим проблемы» (№ 3, стр. 47—54).

Весьма содержателен и, заметно выходит за рамки своего скромного названия четвертый раздел журнала — «Информационные материалы». Здесь напечатаны инте-

ресные статьи о рукописных собраниях и архивных фондах, изучению которых сейчас в Мали уделяется особое внимание. Сотрудник Национального архива Мали Муса Ньянките представил две публикации: «Национальные архивы Мали и возможности их использования для исследовательских целей» (№ 2, стр. 56—59; № 5, стр. 69—83). Заслуживают внимания работы обучающегося в Париже студента-историка К. Дьяти—«Тимбукту — самый богатый город по наличию в нём документов, касающихся истории и социологии Западной Африки» (№ 3, стр. 1—20) и «О некоторых суданских манускриптах в различных фондах Парижских библиотек» (№ 3, стр. 21—25). Эти материалы получили высокую оценку главного редактора «Малийских этюдов» М. Сарра (№ 3, стр. 68—69). Он же информирует читателей о Центре документаций и исторических исследований имени Ахмеда Баба (№ 3, стр. 68). В настоящее время ведутся усиленные розыски рукописей в домашних собраниях Тимбукту и других городов, расположенных в излучине Нигера; все рукописи предполагается собрать в упомянутом Центре. Получить рукописи из семейных библиотек несложно, так как они составляют традиционную гордость семьи, и хозяева неохотно с ними расстаются. Тем не менее владельцы манускриптов все же передают их в руки государства: у малийского народа сейчас растет национальное самосознание, включающее понимание важности не только сохранения, но и использования культурного наследия в научных целях.

В том же разделе помещены информационные статьи — «Об организации высшего образования и научных исследований в Мали» (№ 3, стр. 55—63) и «Образование в Мали» (№ 2, стр. 70—74). Кроме того, опубликованы сообщения о 12-й и 13-й сессиях Национального комитета аграрных исследований Мали (№ 3, стр. 64—67; № 7, стр. 84—95), информация о коллоквиуме по работе Высшего педагогического центра (№ 3, стр. 75—82). В № 7 информационный раздел особенно насыщен. В нем напечатаны сообщения Баба Хайдара «О реформе образования в Мали» (стр. 82—88) и директора Национальной библиотеки Адама Самасеку о программе лингвистических исследований в Институте гуманитарных исследований Мали (стр. 89—94), а обучающийся во Франции студент-филолог Бубакар Диарра излагает здесь свои предложения по улучшению орфографии языка бамбара (стр. 79—83).

Как уже отмечалось, особое место среди рецензируемых выпусков «Малийских исследований» занимает № 4. Это монография М. Сарра «Сонгай». Автор не только освещает вопросы истории крупнейшего народа Мали с древнейших времен до наших дней, но и описывает географическую среду расселения сонгаев, останавливается на некоторых частных вопросах этнографии. К работе приложены 10 карт и библиографический указатель.

Журнал пока издается на невысоком полиграфическом уровне. Он печатается на ротапринте, что особенно отражается на качестве воспроизведения иллюстративного материала. Нужно надеяться, что эти недостатки технического характера будут в дальнейшем преодолены.

В заключение отметим, что журнал «Малийские исследования» представляет большой интерес для ученых-африканистов разных профилей. Ценность издания заключается в первую очередь в том, что большинство его авторов — африканцы, исследующие сюжеты, хорошо им знакомые и связанные со страной, в которой они живут и которую любят.

В. П. Лабзина

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

«РАЗВЕДКА ОБ АХИЛЛЕСЕ», ИЛИ НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОТКРЫТИЕ

В книге А. Югова «Думы о русском слове»¹ есть глава «Родина Ахиллеса». Из нее читатель узнает о том, что герой догомеровских и послегомеровских мифов, воспетый в «Илиаде» Ахиллес (Ахилл) был «русский князь», который «во главе своей русской дружины» осаждал Трою в союзе с ахейцами (данайцами) (стр. 187). По А. Югову, Ахиллес княжил в Крыму, еще точнее, на Керченском полуострове (стр. 190). Он правил «скифами-земледельцами», или «тавроскифами», или «мирмидонянами» (стр. 191). Все эти наименования А. Югов употребляет как абсолютные синонимы к слову «русские» (см. стр. 186—188, 189, 192, 194, 198, 200, 202).

Греческое имя «русского, тавроскифского князя» А. Югов объясняет так: «Вероятно, оно связано с тем, что он привел под стены Трои тысячу воинов. В самом деле, он проплыл на пятидесяти кораблях тавроскифских; будем считать их древнерусскими, скифскими «лодьями» или «насадами»... Древнерусские насады-ладьи вмещали по двадцать воинов, не считая гребцов. Тысяча по-гречески: хилиой. Отсюда могло возникнуть и прозвище русского князя, приведшего свою тысячу» (стр. 200).

Знающему историю хотя бы в объеме программы средней школы все это покажется удивительным и невероятным.

И дело совсем не в том, что о герое мифов и поэмы говорится как о реальном лице. После археологических экспедиций Г. Шлимана, В. Дерфельда, К. Бледена, А. Эванса выяснилось, что древние греки во времена Гомера и позже имели основания считать Троянскую войну действительным событием. Археологи обнаружили Трою, Микены, Пилос. На глиняных табличках, найденных при раскопках Пилоса, есть имена Ахилла, Аякса, Гектора, Тезея. Подтвердилась и датировка падения Трои — XII в. до н. э.

Видимо, за мифическим Ахиллом стоит некий исторический прототип. О нем-то и будет речь А. Югов. Удивительное и невероятное не в этом, а в созданной А. Юговым легенде об Ахилле.

Что же способствовало тому, что автор пересматривает древнегреческую мифологию, данные историографии, археологии, языкоznания? Всего-навсего одна сноска в статье маститого византиноведа XIX в. В. Г. Васильевского. Во всяком случае, цитата из В. Г. Васильевского — это фундамент всей концепции А. Югова.

Обратимся же к этой цитате. К сожалению, А. Югов приводит сноскую без того текста, к которому она служит примечанием. А в тексте говорится, что в XI в. н. э. часть узлов (они же половцы, куманы, торки) после поражения на территории Византийской империи перебралась за Дунай и что византийский автор конца XI в. н. э. Атталиота повествует о каком-то князе мирмидонов, который расселил узлов по своим городам. В. Г. Васильевский считает, что Атталиота «разумеет под этим странным наименованием какого-либо из князей русских».

К этому месту и сделано примечание, цитируемое А. Юговым: «Никто другой, кроме русского князя, не может разуметься под князем мирмидонов уже потому, что живет за Дунаем. Мадьяре у Атталиоты называются сарматами, а имя русских он ни однажды не употребляет, говоря о Русской земле и русских князьях. Сверх того (указание, сделанное нам А. А. Куником), к объяснению, почему Атталиота русских называет мирмидонами, быть может, служит то место у Льва Диакона (византийский писатель X в.—Э. Х.), где он говорит о сходстве погребальных обрядов у воинов Святослава и у древних греков. Эти обычай ведут свое начало от спутников Ахиллеса. Ахиллес был скиф, родом из Мирминона, города на Мэотийском озере (между Керчью и Еникале, по Палласу): светлые волосы, голубые глаза и другие признаки служат доказательством, что Ахиллес был скиф, и даже тавроскиф, т. е. русский»².

А. Югова не смущили слова В. Г. Васильевского о «странных названиях», не заставило задуматься над степенью точности в употреблении этнонимов византийскими авторами именование мадьяр «сарматами», восточных славян «скифами»³, не останово-

¹ А. Югов, Думы о русском слове, М., 1972.

² В. Г. Васильевский, Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 29—30.

³ «Самое имя скифы... было известно уже лет за 300 до Геродота... После вытеснения скифов и замены их другой группой племен тоже иранского (по языку) происхождения — сарматами термин «скифы», потеряв определенное этническое значение, стал применяться для обозначения многих различных варварских племен, живших к востоку от Дуная (обычно исключая фракийцев)» (А. И. Попов, Названия народов СССР, Л., 1973, стр. 14). «...Перенесение имени с одного народа на другой было... делом совершенно заурядным. Достаточно напомнить об именах Скифия, Сарматия, скифы, сарматы...» (там же, стр. 137).

вило предположительное «может быть» В. Г. Васильевского, не озадачило то обстоятельство, что участник Троянской войны не мог родиться в Мирмикионе, ибо Мирмикион (Мирмекий) был основан на берегу Мэотийского озера (Азовского моря) греками-колонистами в VI в. до н. э., т. е. через 600 лет после осады Трои.

А. Югов, вероятно, даже и не предположил, что В. Г. Васильевский просто излагает написанное византийским автором X в. и что это нужно В. Г. Васильевскому для объяснения «странныго названия», а вовсе не для переворота в классической филологии и историографии.

Вот комментарий А. Югова: «Итак, по утверждению академика Васильевского, Ахиллес — таврский, то есть русский... Это смелое и безоговорочное суждение столь высокого авторитета исторической науки резко выделяется против обычного робкого, где избегают говорить о древности русского народа (не государства!), а предпочитают выражаться осторожнейко: «прапоручиц», «предки русского народа» и т. п. ...Академик В. Г. Васильевский первый не побоялся сказать, что не какие-то там «предки русского народа», а именно русский князь во главе своей русской дружины участвовал... (многоточие А. Югова.—Э. Х.) в осаде Трои...» (стр. 186—187).

Однако если бы А. Югов заглянул в другую работу В. Г. Васильевского, он нашел бы там данные, после знакомства с которыми понял бы, что академик ему не опора и не союзник.

В статье «Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян» В. Г. Васильевский отмечает, что родина гомеровских мирмидонян — остров Эгина и Фессалия, что византийский писатель Иоанн Малала (V в. н. э.), упоминая о мирмидонянах, говорит о болгарах (точнее, булгарах, тюркоязычном народе, обитавшем одно время на восточном берегу Азовского моря, а впоследствии переселившемся на Балканы и ассимилированном там южнославянской народностью, которой и оставил свой этоним): «Болгары названы мирмидонянами не потому, что они поселились на местах жительства греческих мирмидонян, воевавших под Троей с Ахиллесом; напротив того, имя мирмидонян перенесено на старинную родину болгар: обстоятельство, находящееся в связи с древним распространением культа Ахиллеса на севере Черного моря и около Мэотийского озера... Город Мирмикион, находившийся в соседстве с Ахиллионом на Мэотийском озере... река Мермодас, впадавшая в то же Мэотийское болото... для греков, производивших своих мирмидонян от муравьев, одинаково могли служить поводом к дальнейшему развитию темы о предполагаемом пребывании Ахиллеса в тех отдаленных странах... Образовалось мнение, что не только мирмидоняне жили или поселились в странах примэотийских, но что и сам Ахиллес происходил оттуда»⁴. Тут Васильевский вновь излагает уже знакомые нам утверждения Льва Диакона. Затем он пишет: «...нужно все-таки полагать, что в глазах Льва Диакона Мирмидония находилась в тех же областях, как и у Малалы, и что теперь древние мирмидоняне уже считались предками русских около Азовского моря — Мирмидоний» (стр. 287). Название Мирмидония византийцами X—XI вв. «прилагалось прямо к земле русской» (стр. 285).

Итак, Ахиллес и его мирмидоняне — греки из Эгина и Фессалии. На болгар, появившихся на берегах Азовского моря уже в нашу эру, перенесено название мирмидонян. Так их именуют византийцы. Спустя пять веков византийцы же называют мирмидонянами восточных славян. Все это связано с греческим культом Ахиллеса в Причерноморье, с существовавшими благодаря этому культу географическими названиями.

Значит, мирмидоняне древнегреческих мифов и «Илиады» — это совсем не мирмидоняне Малалы, Льва Диакона и Атталии. Их нельзя отождествлять.

Лишившись мнимого союзника, А. Югов остается один на один и лицом к лицу с непреложными фактами, уйти от которых некуда.

Согласно древнегреческой мифологии отец Ахилла — Пелей и отец Аякса — Теламон были родными братьями с о. Эгина (Саронический пролив Эгейского моря). Как же А. Югов, опираясь на эту мифологию и считая Ахилла русским, называет его двоюродного брата Аякса «хайским витязем» (стр. 195)?

Согласно мифологии, Ахилл воспитывался в Фессалии (напомню: гора Олимп в Фессалии), его воспитывали кентавр Хирон (который воспитывал и Диоскуров, Ясона, Тезея) и старец Феникс, у Ахилла на Скиросе (остров в Эгейском море) был сын Неоптолем, царь Приам — родной дядя двоюродного брата Ахилла — Тевкра. Как быть со всем этим? Где же находился Олимп? И чьи языческие боги на нем жили?

Согласно, мифам и поэме Гомера, греки пришли к Трою на кораблях, и путь этот был по тем временам не близкий. Однако А. Югов по поводу слов Гектора, обращенных к мирмидонянину Патроклу: «Всех повлечь на судах в отдаленную землю родную», восклицает: «В отдаленную землю! И — на кораблях! Этим уже и с преизбыточностью, еще раз доказана чуждость грекам, "пришлость" их грозного союзника — таврского, мирмидонянина, „архонта народа россов“, единоплеменника „архонта Святослава“ и „архонтицы Ольги“» (стр. 196).

В «Илиаде» рассказывается, что, когда доспехи Ахилла попали в руки троянцев, мать его богиня Фетида взлетела на Олимп к Гефесту. И Гефест выковал новые доспехи Ахилла. Но А. Югов уверяет читателя, что Фетида полетела не на Олимп, а в Скифию, что доспехи были «выкованы таврскими кузнецами для своего князя» (стр. 197), что «бог-кузнец Гефест совместно с другими „керчиями“

⁴ В. Г. Васильевский, Труды, т. II, СПб., 1909, стр. 286—287.

(т. е. по этимологии А. Югова, кузнецами.— Э. Х.) выковывает» (стр. 198) эти доспехи.

В «Илиаде» разгневанный Ахилл угрожает своим отплытием в «родную Фтию». Фтия — это город в Фессалии, а не в Крыму.

В Древней Греции Ахилл считался родоначальником царей Эпира (область в Греции), а потомками Аякса Телемонида признавались исторические лица Мильтиад, Кимон, Фукидид. Если бы утверждения А. Югова были истинными, то древним грекам следовало бы полагать этих лиц потомками «русских князей», чего, однако, на самом деле не произошло.

Факт также, что никакого культа Ахилла в Причерноморье до греческой колонизации не было. Это культ греческого происхождения (кстати, он существовал и в городах Пелопоннеса — Элиде, Спарте). Греческая колонизация берегов Черного моря начинается в VIII—VII в. до н. э., т. е. спустя 400—500 лет после Троянской войны. А. Югов же считает доказательством «керченского происхождения» Ахиллеса его кульп, в частности такие проявления, как, например, название города Ахиллий (Ахиллион). С тем же основанием и успехом можно считать, что Диоскуры родились в Колхиде: ведь во времена греческой колонизации на месте нынешнего Сухуми был город Диоскуриада.

Скифы, которые, по мнению одних ученых, появились в VIII в. до н. э. из Азии и вытеснили киммерийцев из Северного Причерноморья к VII в. до н. э., а по мнению В. И. Абаева, имели своей родиной Северное Причерноморье⁵, скифы, которых видел и о которых писал Геродот в V в. до н. э., — так вот эти скифы не то же самое, что «скифы» византийских авторов X—XII вв. н. э.

В. Г. Васильевский констатировал, что в XI в. «скифами» византийцы называли печенегов, в XII в.— половцев. «Скифами» именовали византийцы и восточных славян⁶. Очевидно, сильные и динамичные соседи ассоциировались у византийцев с некогда грозными античными скифами. Как мы уже видели на примере со словами «сарматы», «мирмидоняне», «болгары», в истории бывают случаи, когда в разное время одним и тем же этонимом называются разные народы.

А. Югов считает русскими подлинных скифов и говорит о «скифском железе» (в XII в. до н. э.) и скифском хлебе как о русском железе и хлебе (стр. 191, 198) и заключает: «Теперь нам становится ведомо, что не только пшеницею наши предки пахари кормили всю Древнюю Грецию, но также и то, что они же — народ Росс, тавро斯基, мирмидоняне во времена Троянской войны, то есть три тысячи лет тому назад, славились и ерной металлургии, говоря по-современному, были зачинателями добычи железа и выплавки стали» (стр. 199).

Византийских греков А. Югов называет порой древними греками, византийских авторов X—XI вв.— древнегреческими (стр. 186, 192, 193).

В монографии П. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков»⁷ читаем: «Разумеется, в первые века нашей эры (даже в первые века, не говоря уж о XII. в. до н. э.! — Э. Х.) не было еще ни южных, ни западных, ни восточных славян в современном смысле этого слова, ни тем более словенцев, сербохорватов, болгар и македонцев (и, следовательно, чехов, словаков, поляков, русских, украинцев, белорусов.— Э. Х.)» (стр. 27). «Во времена скифов и сарматов деления славянства на современные три группы не существовало...» (там же, стр. 15).

Среди ученых нет единства по вопросу, где же была прародина славян. Одни называют территорию между средним течением Днепра и Буга, другие — земли между Вислой и Одером, третьи — западное Полесье. И никто не говорит о берегах Черного моря и Крыма.

Так откуда же в XII в. до н. э. в Крыму не только что праславяне, а уже русские князья с дружинами?

Странно, что заявка на переворот в античной мифологии, в историографии и языкоznании, основанная на недопонятой цитате и подкрепленная длинным рядом фантастических догадок, получила благословение в столичном издательстве «Современник» и обнародована пятидесятисычным тиражом.

Думаю, что даже «читатель, не прикоснувшийся к исторической и лингвистической науке», по достоинству оценит «разведку об Ахиллесе», предпринятую А. Юговым, и венчающий ее вывод: «Мы, русские, а с нами вместе и славянство, были соучастниками, с сотворцами великой Средиземноморской античной культуры» (стр. 202). Элементарная научность немыслима без уважения к факту как таковому.

Э. И. Ханпира

⁵ В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 122—123.

⁶ А. Блок в «Скифах» отразил имевшую хождение в «околонаучных кругах» версию о скифском происхождении славян. Эта версия была уже в то время ахронизом: иранство скифов убедительно показал К. Мюлленхоф в 1866 г. См. В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 41.

⁷ П. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Алексеев (Москва). Антропология в Академии наук за 250 лет	3
Л. М. Дробижева (Москва). Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (Некоторые вопросы методологии)	15
Е. И. Клементьев (Петрозаводск). Развитие языковых процессов в Карелии (По материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения)	26
Н. А. Миненко (Новосибирск). Брак у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века	37
Э. В. Померанцева (Москва). Изучение устной прозы в Германской Демократической Республике (1955—1970 гг.)	55
Ш. А. Богина (Москва). Межэтнические отношения в США (XIX век)	63
 Из истории науки	
А. Б. Давидсон (Москва). И. И. Потехин и советская африканистика	73
 Сообщения	
Н. В. Мальцев (Ленинград). Типы народной художественной резьбы в бывшей Олонецкой губернии	88
А. Н. Мартынова (Ленинград). Опыт классификации русских колыбельных песен	101
Б. П. Полевой (Ленинград). Еще раз о Каменском-Длужике	116
З. П. Соколова (Москва). Финноугроведение в Венгерской Народной Республике	121
Ю. А. Колосова (Москва). Программирование развития индейских резерваций в США	129
 Поиски, факты, гипотезы	
К. Г. Уманский (Москва). «Бохорор» (Этнографический анализ проблемы вилюйского энцефаломиелита)	133
И. С. Гурвич (Москва). Комментарий этнографа (К статье К. Г. Уманского)	143
 Хроника	
В. Н. Басилов (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1973 году.	145
 Научная жизнь	
С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов (Москва). Конференция «Возникновение раннеклассового общества»	155
Л. С. Смусин (Ленинград). Выставка «Русский пряник и фигурное печенье»	158
М. И. Белов, Р. Г. Ляпунова (Ленинград). Советские ученые на юбилейной сессии Оргонского исторического общества	162
Коротко об экспедициях	164
 Критика и библиография	
 Общая этнография	
И. С. Гурвич (Москва). <i>B. A. Куманев</i> . Революция и просвещение масс	166
Ю. И. Семенов (Москва). <i>M. Sahlins</i> . Stone Age economics	168
С. А. Токарев (Москва). <i>Wendel H. Oswalt</i> . Other peoples, other customs. World ethnography and its history	172

Народы СССР

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков (Казань). <i>В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы</i>	176
Н. В. Кочешков (Владивосток). <i>Ю. А. Сем. Нанайцы. Материальная культура (Вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки</i>	178
Ф. М. Пармон (Москва). <i>Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). Определитель</i>	180
Е. М. Гин (Петрозаводск). <i>Дэцячи фальклор</i>	180

Народы зарубежной Азии

В. Н. Кисляков (Ленинград). <i>А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мундженский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк</i>	182
--	-----

Народы Африки

В. П. Лабзина (Ленинград). <i>Etudes Maliennes. Revue périodique de l'Institut des Sciences Humaines</i>	184
--	-----

Письма в редакцию

Э. И. Ханпира (Москва). «Разведка об Ахиллесе», или несостоявшееся открытие	187
---	-----

На первой странице обложки: Охотники на нерпу. Поселок Инчеун, Чукотский национальный округ (фото АПН)

SOMMAIRE

V. P. Aléxéiev (Moscou). L'anthropologie à l'Académie des Sciences au cours de 250 années	3
L. M. Drobijéva (Moscou). Sur l'étude des aspects socio-psychologiques des rapport interethniques (quelques questions de méthodologie)	15
Ye. I. Klémientiév (Pétrozavodsk). Evolution des processus linguistiques en Carélie (d'après les matériaux d'une étude sociologique des populations urbaines de Carélie)	26
N. A. Minienko (Novossibirsk). Le mariage chez la population russe — paysans et gens de service d'Etat, — de la Sibérie du Sud-Ouest aux XVIIIe — l'ère moitié du XIXe s.	37
E. V. Pomierantséva (Moscou). Étude de la prose orale en République Démocratique Allemande (1955—1970)	55
Ch. A. Boguina (Moscou). Rapports interethniques aux Etats-Unis. XIXe siècle	63

De L'histoire de la science

A. B. Davidson (Moscou). I. I. Potékhine et les études africaines soviétiques	73
---	----

Communications

N. V. Maltsev (Léningrad). Types de la sculpture artistique populaire de l'ancien gouvernement d'Olonets	88
A. N. Martynova (Léningrad). Essai de classification des berceuses russes	101
B. P. Polévoï (Léningrad). Encore une fois sur Kamenski-Dlužik	116
Z. P. Sokolova (Moscou). Etudes finno-ougriennes en Hongrie	121
Yu. A. Kolossova (Moscou). La programmation du développement des réserves indiennes aux Etats-Unis	129

Recherches, faits, hypothèses

K. G. Oumanski (Moscou). Le «Bokhoror» (une analyse ethnographique du problème de l'encéphalomérite de Vilui)	133
I. S. Gourvitch (Moscou). Commentaire d'un ethnographe (sur l'article de K. G. Oumanski)	143

Chroniques

V. N. Bassilov (Moscou). Activités de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'URSS, en 1973 . . . . .

145

Vie scientifique

S. A. Aroutiunov, A. M. Khasanov (Moscou). Une Conférence dite «Naissance de la société de classes» . . . . .

155

L. S. Smoussine (Léningrad). L'exposition dite «Pains d'épice et gâteaux ouvrés russes» . . . . .

158

M. I. Belov, R. G. Liapounova (Léningrad). Les savants soviétiques au centenaire de la Société Historique d'Orégon . . . . .

162

Missions en bref . . . . .

164

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

I. S. Gourvitch (Moscou). V. A. Koumaniov. La Révolution et l'instruction des masses . . . . .

166

Yu. I. Sémionov (Moscou). M. Sahins. Stone Age economics . . . . .

168

S. A. Tokariev (Moscou). Wendel H. Oswalt. Other peoples, other customs. World ethnography and its history . . . . .

172

Peuples de l'URSS

Ye. P. Boussygouine, A. Kh. Khalikov (Kazan). V. N. Bélitser. Vêtement populaire des Mordves . . . . .

176

N. V. Kotchekhov (Vladivostok). Yu. A. Siem. Les Nanaï. Culture matérielle (2-e moitié du XIXe — milieu du XXe s.). Essais ethnographiques . . . . .

178

F. M. Parmon (Moscou). Vêtements paysans des populations de la Russie Européenne (XIXe — début XXe s.). Un déterminant . . . . .

180

Ye. M. Guine (Pétrozavodsk). Dzitsiatchy falklor (Le folklore enfantin) . . . . .

180

Peuples de l'Asie hors l'URSS

V. N. Kisliakov (Léningrad). A. L. Griunberg. Langues du Hindu Kouch Oriental. La langue de Moundjan. Textes, vocabulaire, essai de grammaire . . . . .

182

Peuples de l'Afrique

V. P. Labzina (Léningrad). Etudes Maliennes. Revue périodique de l'Institut des Sciences Humaines . . . . .

184

Lettre aux éditeurs

E. I. Khanpira (Moscou). La «Recherche sur Achille», ou une découverte n'ayant eu lieu . . . . .

187

Sur la couverture: Chasseurs du veau marin. Village d'Intcheoun, District National des Tchouktchi (cliché APN)

Технический редактор Л. И. Глинкина

Сдано в набор 13/V-1974 г. Т-12233 Подписано к печати 17/VII-1974 г. Тираж 2555 экз.
Зак. 4143. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Уч.-изд. л. 19,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

**Предлагаем вашему вниманию
книги издательства „Наука“**

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.

КРАНИОМЕТРИЯ.

**МЕТОДИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
1964. 128 стр. 52 к.**

«Краниометрия» представляет собою методическое руководство по одному из разделов антропологии и содержит очерк развития краниометрических методов и подробное описание краниометрической методики. Описание сопровождается рисунками и чертежами, облегчающими восприятие текста и дающими представление об отдельных краниометрических приемах. Материалы по краинологии народов земного шара сведены в таблицы.

Издание рассчитано на антропологов, биологов, медиков, студентов этих специальностей.

Алексеев В. П.

ОСТЕОМЕТРИЯ.

**МЕТОДИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
1966. 251 стр. 1 р. 08 к.**

В книге сведен и критически освещен мировой опыт в области изучения вариаций скелета человека, имеющих большое значение в сравнительной анатомии, эволюционной морфологии, теории антропогенеза. Изложение сопровождается рисунками и схемами отдельных измерений и таблицами вариаций остеометрических показателей.

Книга рассчитана на антропологов, морфологов, археологов, работников судебной экспертизы, она может служить и в качестве учебного пособия для студентов исторических и юридических факультетов, медицинских институтов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Марской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. К. Маркса, 29; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.